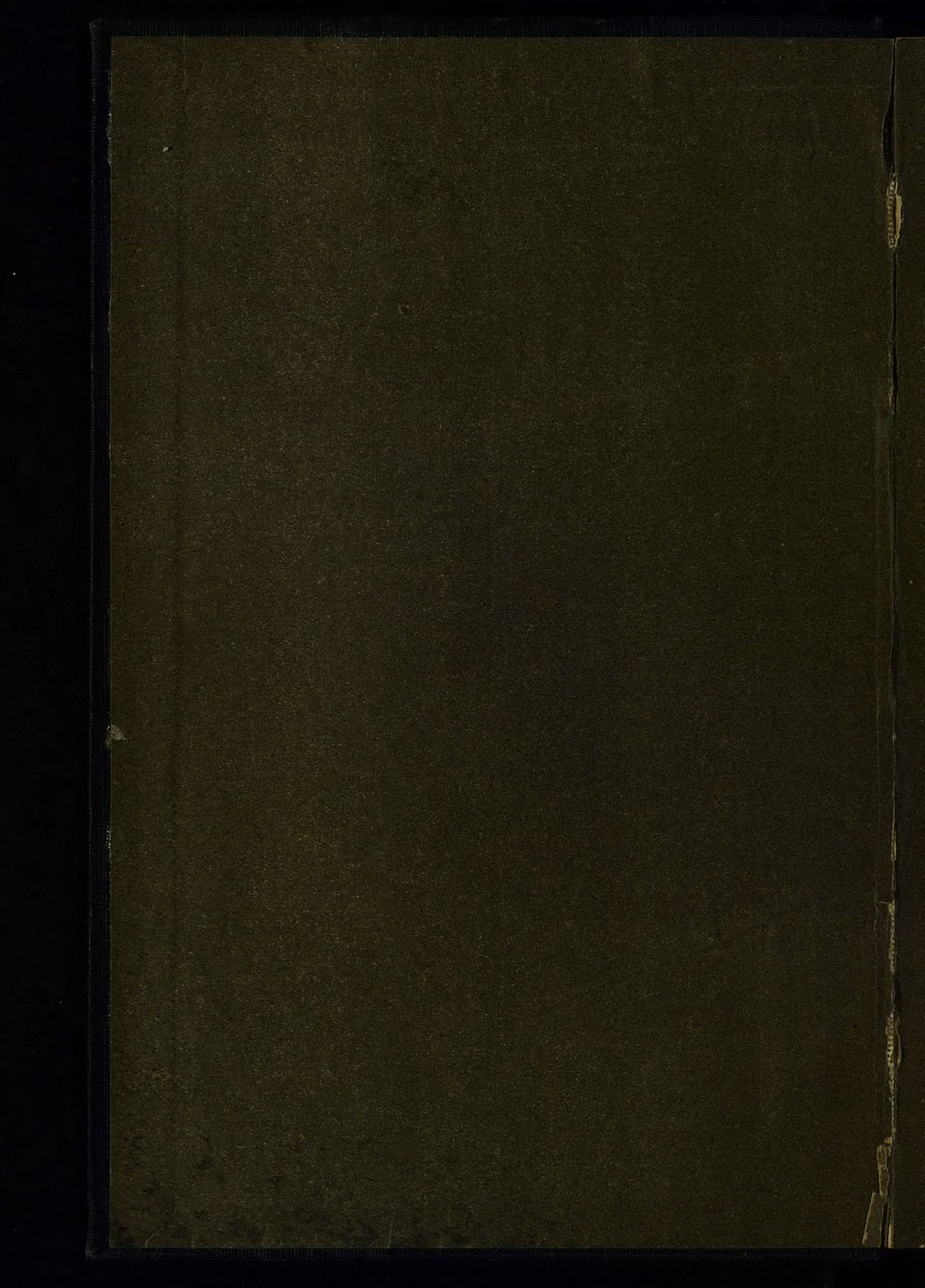
Н. БУХАРИН

ЭТЮДЫ

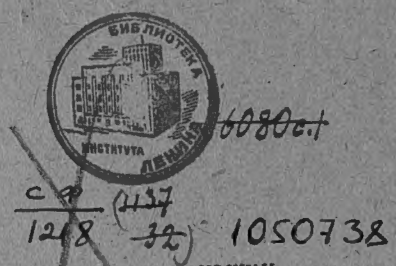

Н. БУХАРИН

ЭТЮДЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ТЕХНИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1932 ЛЕНИНГРАД

Издание оформлял З. А. ЛИВШИЦ
Корректуру держали А. АРТЮХОВ и Н. ВОГАУ
Наблюдал за выпуском Н. САХАРОВ

•

Рукопись сдана в производство 13/V—32. Листы подписаны в печать 2/VI—32. Книга вышла в свет VI в количестве 10 000 экз. Формат 62×94/16. Печатных знаков в листе 40 500. Книга отпечатана на фабрике книги «Красный пролетарий», Москва, Краснопролетарская, 16. Заказ № 5446. ГТТИ 432.

Уполномоч. главлита Б—21313.

Памяти
АРКАДИЯ УГАРОВА,
храброго солдата
пролетарской революции

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник составлен из докладов и статей, которые почти все были помещены в различных периодических изданиях или выходили отдельными брошюрами. Они — по своей тематике — касаются различных сторон культуры — от технической культуры до философии включительно: техника, наука, искусство, философия являются их предметом. Сборник отнюдь не претендует на систематическое изложение: его содержание, до известной степени, „случайно". Но он затрагивает проблемы, которые имеют животрепещущий интерес. Огромный культурный рост пролетарских масс и рост их кадрового состава выдвигают ряд новых вопросов и в области технической культуры и в „верхних этажах" идеологии. На некоторые из этих вопросов и отвечает предлагаемая вниманию читателей работа.

Н. БУХАРИН

Начало мая 1932 г.

БОРЬБА ДВУХ МИРОВ И ЗАДАЧИ НАУКИ

(Наука СССР на всемирно-историческом перевале [1]

Основным фактом всемирной истории теперешнего времени является глубокий *раскол мира*. Все прежние переломы и зигзаги исторических путей, все известные исторические перевалы, — будь то великие крестьянские революции древнего Китая или падение античного мира, разгром старинных восточных деспотий или буржуазные революции, начиная с английской, эпоха возрождения и так называемая реформация или распадение гигантского царства Чингис-хана,— все эти этапы всемирно-исторического маршрута человечества и количественно, и качественно, и по широте, и по глубине, и по своему ходу, и по своим историческим последствиям не могут итти в сравнение с теми историческими сдвигами, которые характерны для переживаемого времени.

Разложение античного способа производства и переход к средневековому феодализму, формирование „азиатского способа производства", рождение капитализма в войнах и революциях, в колониальных заморских экспедициях и внутренних потрясениях отступают на задний план перед огромнейшей социальной ломкой наших дней, когда на смену мировому капитализму идет новый, социалистический, уклад. Если раньше речь шла об известной части какого-либо континента, то теперь идет речь *о всем мире*; если в прежние времена движение развивалось на сравнительно узкой технической основе, то теперь переход к новой общественной формации вызывается богатой, развитой, крайне разнообразной и поразительно *могущественной* техникой, которая рвет рамки капитализма; если в прежние эпохи история лишь перетасовывала группы собственников и рабовладельцев, то теперь *миллионы угнетенных* становятся

---

[1] Доклад на чрезвычайной сессии Академии наук СССР 21—27 июня 1931г.

творцами истории, берут под уздцы свою собственную судьбу. *Уровень* развития придает перевороту замечательную многосторонность, разнообразие форм, исключительное богатство содержания: переворачиваются тяжелые глыбы экономических соотношений, опрокидывается „вечная" социально-классовая пирамида, рушатся старинные предрассудки, борьба вторгается во все поры социального бытия, она пронизывает науку, искусство, философию, она разъедает старый быт, она переплавляет все привычные и традиционные соотношения; борьба хозяйственных принципов, материальная борьба классов превращается в великую борьбу двух культур, двух мировоззрений, в небывало огромную борьбу идеологий.

В этом сложнейшем и величественном историческом процессе только одна теория выдерживает испытание: это — *теория марксизма*. Много раз велись на нее атаки, как на продукт революционно-утопической мысли. Неоднократно подвергалась нападению ее центральная идея о закономерности исторического процесса. Считались продерзостными ее положения о возможности прогнозов в общественных науках. Конкретные гениальные предсказания ее о крахе капитализма, о диктатуре пролетариата, о смене капитализма социализмом презрительно трактовались, как эсхатологические утопии, как хилиастические бредни, как мистические пророчества о тысячелетнем царстве, подобном магометову или христианскому раю, как сказка о грядущем золотом веке, сага о спасении человечества новым мессией — пролетариатом. Такова была уверенность буржуазии в вечности и нерушимости капиталистического строя, что самая бесстрашная, самая трезвая, самая историческая, самая жизненная материалистическая теория объявлялась *мистикой* именно потому, что срывала мистическое покрывало вечности с преходящего, исторического, способа производства, капиталистического способа производства, уже обреченного на смерть.

Теперь всемирная история подводит итоги целой огромной, необычайно интенсивной, бурной, напряженной полосы общественного развития. Марксистская теория *уже* проверена целой эпохой. Блестяще оправдались все основные „законы движения" капитализма, вскрытые теоретическим гением Маркса: концентрация и централизация капиталов, обострение классовых противоположностей, рост противоречий капитализма, неизбежность кризисов, воспроизводящихся на все более широкой основе,

рыночная экспансия, войны, социалистическая революция, диктатура пролетариата. „Экспроприация экспроприаторов“ *уже* началась. Теперь человечество перестурает пороги всего предшествовавшего развития и идет к совершенно новому историческому бытию. Это—подведение итогов „пред“-истории человечества. История подводит эти итоги в огне всесокрушающей ломки, *взрывая* гигантские противоречия капиталистической системы, раскалывая мир пополам, потрясая капитализм, из недр которого уже поднялся во весь рост молодой гигант нового общественного миропорядка. Ненавистный всем буржуа „крах“ („Zusammenbruch“) капиталистической системы становится самым непререкаемым фактом исторической действительности. Решающие марксистские предсказания облекаются в плоть и кровь.

1. КРИЗИС.

Исторически создавшееся и выросшее противоречие между движением производительных сил и производственными отношениями капиталистического общества, — противоречие, обнаруживавшее себя на различных стадиях развития, прежде всего в целой серии промышленных кризисов, достигло могущественного напряжения, проявившегося *в мировой войне*. Именно отсюда ведет свое летоисчисление эпоха кризиса всей капиталистической системы в целом, — эпоха, которая отображается в борьбе между капиталистическим миром и СССР и в совершенно исключительном по своим размерам и по своей глубине экономическом мировом кризисе, в котором падение кривой промышленного цикла сочетается с острым аграрным кризисом. Беспомощная буржуазная мысль, современное убожество которой есть рефлекс капиталистического упадка, дает образчики самых разнородных „объяснений“ этого кризиса и самых разнообразных средств его „лечения“: здесь и „недостатки статистики“ с предложением наладить учет „социальной экономики“, чтобы „помочь выйти из состояния маразма“ [1], здесь и „ошибки“, которые „мы“ наделали (Кейнс вещает: „Мы раньше не ошибались. Но теперь мы попали в колоссальную сумятицу, так как совершили грубые ошибки при управлении чувствительной машиной, законов которой мы не знаем“) [2], здесь и „недостаток золота“,

[1] *J. P. Haesaert,* Considerations méthodiques sur la crise, „Revue Economique internationale“, avril, 1931, p. 30.

[2] „Wirtschaftsdienst“ 1930, № 51.

и „нехватка капиталов“, и „высокая зарплата“, и даже „эксцессы техники“. Маэстро современной буржуазной науки г-н В. Зомбарт, как всегда, старается переоригинальничать всех и выставляет следующее диковинное положение: „Нынешний кризис... сам по себе не имеет ничего общего с капиталистическим хозяйством“[1].

Таким образом оказывается, что кризис разыгрывается в каком-то социально-экономическом „безвоздушном пространстве“, в пустоте. Оказывается, что наемные рабы капитала, пролетарии, которых кризис вышвыривает десятками миллионов на мостовые городов, заставляет голодать, выбрасывает из жилищ, превращает в нищих, напрасно ополчаются против капитализма и его классовых носителей. Раньше, когда шла „великая“ резня народов, организованная империалистическими правительствами, массам преподносили сказку о том, что в этом виноват не капитализм, а злые свойства той или иной расы, нации, или же что простая историческая „случайность“ привела к физическому истреблению более десяти миллионов наиболее здоровых людей. Теперь ученые мужи капитала снова стремятся разорвать реальную связь вещей и объявить несуществующим то, что является самой действительной реальностью, что ежечасно и ежедневно проверяется опытом широчайших масс. Эти нарочито придуманные утешительные мысли мало, однако, утешают ученых коллег г-на В. Зомбарта, ибо они никак уже не могут содрать со всего хозяйства его капиталистическую кожу, а некоторые из них начинают даже понимать, что речь идет о чем-то гораздо большем, чем об одном из периодических кризисов „нормального“ капитализма: „Мы, если говорить правду,—заявляет Julien Dalemont,—присутствуем не при кризисе, а при революции... Налицо революция, когда, после более или менее насильственного нарушения равновесия, элементы этого равновесия перевернуты в такой степени (assez bouleversés), что исключается всякая возможность возврата к прежнему состоянию“[2]. Английский „Economist“,[3] констатирует, что настоящий кризис есть самый глубокий из всех бывших кризисов, и т. д. и т. п.

---

[1] Доклад по радио, отпечатанный в „Neue Freie Presse“, март, 1931.
[2] *J. Dalemont,* La crise, „Revue Economique internationale“, avril 1931.
[3] „Economist“ от 14 февраля 1931.

В действительности, конечно, речь идет вовсе не об одном из „моментов“ *нормального* цикла, не об обычной „конъюнктуре“, которая приходит и уходит с известной правильностью чередования подъема и кризиса: речь идет *о глубоком кризисе системы как таковой*. С этой точки зрения протекающий мировой кризис есть *новая фаза* упадка капиталистической мировой системы,—упадка, наболее ярким выражением которого является раздвоение современного мирового хозяйства на его капиталистический и социалистический секторы. Это противоречие хозяйственного порядка есть, однако, принципиальное противоречие между такого рода способами производства, которые длительно, à la longue, исключают взаимно друг друга и которые сосуществуют лишь на определенном историческом этапе *перехода. Поэтому раздвоение хозяйства есть в то же время раздвоение политики, поляризации классов, раздвоение не только „способа производства“, но и „способа представления“, раздвоение мировой культуры, антагонизм мировоззрений, формирование разного типа людей, борьба двух миров.*

В *хозяйственной* области *капитализм* воплощает стихийную неорганизованность рынка; могучие капиталистические организации финансового капитала—банки и тресты—сами составляют часть слепой в целом системы, стихийным ходом которой никому не дано овладеть; все судорожные попытки ее рационализации, познания законов конъюнктуры и овладения этой конъюнктурой заранее обречены на полный провал, ибо овладеть—значит *организовать*, организовать—значит выйти *за* пределы частного капитала, картеля, треста рынка. Любая другая „рационализация“ в пределах частно-капиталистических групп становится сама моментом *роста* стихийности, ибо она включена в анархическую систему и лишь воспроизводит хаос на высшей ступени исторического развития. Эксплоататорский характер системы развивает такое противоречие между производством и потреблением, которое ведет к возмущающим, пертурбационным явлениям, а осложненное выпадением ряда колоний и СССР'овской части Евразии из мирового товарооборота, оно неизбежно приводит к неизлечимой и смертельной болезни. Этой структуре противостоит новая складывающаяся структура *социализма* с ее плановым принципом, с превращением стихийной закономерности в закономерность сознательную, с ростом действительной рационализации всего общественного механизма,

со все большим сужением стихийно-рыночных отношений, со все большим вовлечением массы,—которая как класс является собственником средств производства,—в дело реального управления производством, с совершенно новой ролью людского массива в самом процессе производства, с собранным кулаком хозяйственных сил на мировом рынке, с возможностью маневрировать всей совокупностью хозяйственных средств и ресурсов. Это противопоставление разных хозяйственных систем получает свое замечательно яркое выражение в *противопоставлении разгула стихийного кризиса разумному активному строительству пятилетки.*

В области *политики* принципиальное раздвоение мира вырисовывается с еще большей яркостью. Ведь политика, это—„концентрированная экономика", а не пассивная пристройка к экономическому фундаменту общества: господство разных классов, полярная противоположность их социальной природы и их интересов есть кричащий факт всемирной истории; именно здесь сказывается непосредственно-классовый „смысл" переворота. Но точно так же, как в области хозяйственных связей антагонизм способов производства не исключает взаимных хозяйственных влияний (экспортно-импортные операции, кредит и т. д.), полярная противоположность классовых структур не есть абсолютная политическая изоляция СССР. Эти связи между разными классами,—связи, которые означают известную форму борьбы, не играют, однако, такой роли, как глубокая внутренняя *солидарная* связь между *пролетариатом* разных стран. По существу дела это *мировой* пролетариат в лице рабочих Союза строит свое государство, *вызревает* в руководящий класс, копит организационные силы, создает плацдарм против мирового капитализма. Поэтому государство пролетариата есть эмбрион мирового государства, которое возникает для того, чтобы умереть, уступив место безгосударственному обществу коммунизма. Тем ярче подчеркивается раздвоение *мировой политики.* Из раздвоения хозяйства и политических надстроек вытекает *раздвоение всей культуры.*

Буржуазия необычайно гордится своей цивилизацией и своей культурой. Исторически она сделала, в свое время, огромное дело. Однако этот *тип* культуры должен неизбежно отойти в прошлое, должен быть ниспровергнут и будет ниспровергнут вместе со своим хозяйственным и политическим основанием.

Буржуазная культура так же исторически преходяща, так же мало вечна, как отношение между капиталистом и наемным рабочим, между рейсканцлером и почтальоном, между генералом Жоффром и пролетарием, надевшим форму империалистской армии. „Высочайшим“ типом духовной культуры буржуазии является форма *религиозного* и идеалистического сознания, которая рассматривает строй всего мироздания по типу деления на господ и рабов, закрепляет во всех человеческих головах проклятье земного мира, которое должно быть разбито революционной практикой, делает из отношения рабства модель для всего космоса, возводит это отношение в вечную истину общества и природы, в непреложный закон всякого бытия. Буржуазная культура неразрывно связана с *разделением между умственным и физическим трудом,* которое обрекает трудящихся, т. е. действительную производительную силу общества, на умственное варварство, давая им обрывки знаний лишь в той мере, в которой это необходимо для работы на современных сложных машинах и аппаратах: „кусочек“ арифметики плюс библия, переплетенная в свиную кожу, на предмет „мировоззрения“ и для послушания. Буржуазная культура неразрывно связана с калечением людей: *город* высасывает соки из *деревни* и обрекает ее на духовный идиотизм; убожество профессий превращает людей в однобоких и кастрированных узких специалистов, в придатки машины, канцелярии, бюро. Буржуазная культура формирует и лепит эгоистических, жадных животных, спекулянтов в области жизни, действия, философии, филистеров и мещан, для которых власть денег есть высший закон. Буржуазная культура создает двойную бухгалтерию в морали, религии и искусстве, подобно тому как она неизбежно должна опираться на тайную дипломатию в политике. И здесь *социализм* выступает со своими принципами. Он уничтожает противоположность между городом и деревней и, следовательно, их культурную противоположность. Он выставляет на своем знамени уничтожение полярности умственного и физического труда, объединяя их, связывая теорию и практику, мысль и дело, науку и труд. Он впервые в истории делает всю сумму знаний доступной всем и втягивает в активное культурное строительство миллионы. Он уничтожает формы идеалистического и религиозного сознания, ставя на его место активный, преобразующий мир *диалектический материализм.*

Таким образом общий кризис мирового капиталистического хозяйства есть кризис всемирной капиталистической культуры. Борьба классов есть борьба способов производства и в то же время борьба двух культур. Это есть настоящая борьба двух миров, одному из которых суждено погибнуть.

Протекающий мировой хозяйственный кризис *ставит новую веху на пути упадка капитализма,* того „заката Европы", который по сути дела есть *закат всей буржуазной цивилизации.* Его разрушительная сила настолько огромна, его катастрофический характер, особенно подчеркнутый предыдущими песнопениями в честь „процветания", настолько поразителен, что дельцы трестов должны предпринимать спешные меры *по искусственному разрушению производительных сил.* Они топят запасы товаров, они искусственно сокращают посевы пшеницы и хлопка, они тушат доменные печи, они сокращают и производство средств производства и производство средств потребления. Они прибегают к неслыханным ухищрениям и обнаруживают огромную изобретательность в деле *удушения производительных сил.* Процесс загнивания капитализма перешел, таким образом, в высшую фазу, принял широчайшие размеры „обобществления".

В начале XIX столетия, когда введение машин ломало кости рабочим, в Англии возникло движение „луддитов", объединенных мифом о таинственном короле Лудде, вожде рабочих, истребителе машин. В одной луддитской песне говорилось:

Эти машины злосчастные осуждены на смерть
Единодушно всеми рабочими,
И Лудд, презирая все преграды,
Будет великим исполнителем приговора,

Это движение, с которым буржуазия расправилась при помощи *виселиц,* было движением несознательных отчаявшихся пролетариев, видевших в технических силах, а не в их капиталистическом применении, источник своих мучений. Но кто бы подумал, что через сто с лишком лет в качестве машиноборцев выступят собственники машин!? А между тем, потрясающая сила кризиса такова, что уже создалась целая литература, протестующая против „чрезмерности техники", против „засилья техников", против „недоучета экономики", против нарушения „соотношений между техникой и экономикой" и т. д. Уже

ведётся пропаганда возврата „к кирке и мотыке“. Уже создается идеология *технического регресса.* Уже техники вынуждены занять оборонительную позицию и „оправдываться“ перед коммерсантами, „выгораживая“ технику и снимая с нее ответственность за разразившуюся катастрофу[1]. Один из крупных немецких промышленников, г-н Людвиг в своем докладе подвел достаточно солидный базис под эту идеологию, утверждая, что „мы“ (т. е. капиталисты) исходим еще из установок *молодого* капитализма, когда рынок поглощал все, тогда как теперешний капитализм стоит в упор перед проблемой сбыта[2]. Ретроспективно анализируя прошлое, Julien Dalemont проливает слезы по поводу того, что раньше царила одна воля: производить больше[3]. Орган солидного Берлинского конъюнктурного института „Vierteljahrsheft zur Konjunkturforschung“ [3] останавливается на аграрном кризисе и видит его причину в механизации сельского хозяйства и применении химических удобрений. „Производство жизненных припасов,— читаем мы здесь — расширяется в объеме, который прежде считался невозможным“. „Тенденция перепроизводства охватывает... и скотоводство. Кризис земледелия становится кризисом всего сельского хозяйства“. Анализируя экономический фон кризиса в САСШ, журнал боязливо замечает: „Спрос со стороны последнего потребителя отставал от производства. Это объясняется, в первую голову, вытеснением живого труда. Значительная часть *трудоспособного населения перестала фигурировать в качестве регулярных потребителей*“. Эта последняя фраза, переведенная с капиталистически-гелертерского языка, означает, что „значительная часть трудоспособного населения“ *безработна и голодает* как раз в то самое время, когда механизация и химизация сельского хозяйства поставили наголову и теорию Мальтуса, и так называемый „закон убывающего плодородия почвы“, и другие аналогичные идеи.

Этим вскрываются все корни действительного положения вещей.

---

[1] См. статью А. Гертцля „Ist die rasende Technikschuld an der Weltwirtschaftskrise“ в „Maschinenbau“ от 18 августа, 1930.

[2] „Weltwirtschaft“ № 11, 1930.

[3] *Julien Dalemont, l. c.,* 8.

[4] „Vierteljahrshefte zur Konjunkturforschung“, Heft 2, 1930.

А именно:

1. Капиталистические производительные силы пришли в громаднейшее столкновение с покупательной способностью масс, суженной тем же самым капиталистическим развитием.

2. Капитализм стал оковами дальнейшего технического прогресса. Он гниет.

3. Капиталисты сознательно начинают душить дальнейшее продвижение техники.

4. Появились уже уродливые ростки идеологии технического регресса.

Это и есть глубокий упадок, старчество, симптом смерти и тлена, хотя было бы наивно полагать, что капиталистический великан, еще могучий, умрет сам собой. Его „естественная" смерть есть его *насильственная* смерть.

Хозяйство *Советского союза* знает пока свои огромные трудности. Но здесь все наоборот: мы зовем не назад, от машины к кирке, а вперед, к самым совершенным машинам, не к сокращению производства, а к его могучему развертыванию, не к выключению рабочих рук из процесса производства, а к их включению. Это—молодость, энергия, сила творчества. Тяжести нашей жизни есть жертвы для будущего, жертвы огромные. Но они с лихвой окупятся дальнейшим развертыванием хозяйства. Именно это начинают чувствовать и на Западе, в стане противников. В своей книге об американском „процветании" проф. Бонн дает такую замечательную характеристику советского строительства с точки зрения американского инженера[1]:

„Сердце американского инженера, который слышит о возможностях строительства в России, бьется сильнее, потому что там он может создавать технические сооружения без оглядки на ограничивающую принудительную силу рентабельности, которой требует капиталистическая система,— сооружения, которые превосходят все бывшее до сего дня (158—159). „В России (речь идет теперь о сельском хозяйстве. *Н. Б.*) все делается шаг за шагом по продуманному плану на пространствах такой величины, перед которыми, американские пшеничные фабрики являются карликовыми фермами *Здесь действительно начался золотой век техники,* здесь нет ни традиций, ни сантиментальности, которые бы парализовали гигантское планирование и смелость проведения. Здесь „хотеть", „действовать" „мочь" сливаются в одно единство невероятно огромного раз-

---

[1] *M. Bonn* Prosperity. Wunderglaube und Wirklichkeit im amerikanischen Wirtschaftsleben. G. Fischer, 1931.

мера“ (154—160). „Страстный оптимизм молодой коммунистической России затрагивает родственную ноту в сердце настоящего американца“ (161).

Конечно, Бонн совершенно не прав, оперируя понятием „настоящего американца“, ибо и Гувер—„настоящий американец“. Но фактом является то, что инженер *по-своему* может притти к коммунизму, при определенных исторических условиях. Фактом является то, что и *кризис* в капиталистических странах и *строительство* в СССР „вдалбливают диалектику“ в некоторые головы, которые ранее были, в общем, почти безнадежны.

Идеологический кризис крадется по пятам за кризисом хозяйственным. Его уже не отрицают, настолько он очевиден. *В общественных науках* начинает приобретать право гражданства „социология смысла“ (verstehende Soziologie), про которую ее сторонник Зомбарт в своей последней книге „Три политические экономии“[1] утверждает, что она не имеет никакого практического значения, т. е. никакого смысла. В естественных науках наряду с витализмом в биологии процветает философский агностицизм, „обосновываемый“ кризисом понятий квантовой механики и „удачно“ дополняемый верой в бога. Идея „внутреннего созерцания“, „чувствования“ и т. д., т. е. кликушеского так называемого „ясновидения“ вместо разумного познания, реет сейчас над буржуазной мыслью, которая непрочь уже обращает свои взоры на *„идеал средних веков“*. Идеологии технического регресса соответствует идеология средневековой теологической метафизики или экстатического религиозного „созерцания целого“. Ученые физики вроде Эддингтона, католические философы вроде Макса Шелера, задающие тон экономисты вроде Отмара Шпанна,—все они берут одну идеологическую ноту: от действительного *знания* к *вере*. Это чрезвычайно наглядно выражает Шпанн, оплевывая героические времена своего собственного класса и обнажая все корни своего собственного мракобесия.

„Я говорю,—вещает новый Заратустра,—*прошлое время хотело знания без бога и знания без добродетели. Но такого знания нет в вещах духовных и общественных.*

„Я не хочу... употреблять патетических слов, я хочу лишь констатировать *чисто эмпирический* факт. Знание без бога! Хотели—и это было гордыней века—познать связи мира и духа

---

[1] *W Sombart,* Die drei Nationalökonomien.

аналитически (zergliederud) без последних основ бытия. Знание без добродетели! Ни в какую эпоху *до эпохи просвещения* не было знания, которое могло бы требовать от мудреца, от того, кто познает, познания и понимания без силы, действия, без добродетели. Это требование ставилось лишь эпохой просвещения, которое нас привело туда, где мы обретаемся сейчас,— что как раз сегодня выражают коммунистические перестрелки в берлинских предместьях“[1].

Итак: долой эпоху просвещения! Да здравствуют более ранние эпохи (т. е. средние века)! „Добродетель“ и „бог“ да станут вновь столпом и утверждением истины. Этот „выход из кризиса“ вполне аналогичен выходу, предлагаемому империалистскими машиноборцами. Это наилучшее „свидетельство о бедности“, которое выдает себе современная буржуазия.

2. ДИСТАНЦИЯ

Еще более резко, ярко и выпукло предстанет перед нами вся глубина дряхлости и расслабленности отмирающего капиталистического мира, если мы представим себе все те его неисчислимые ресурсы и богатства, в которых затвердел тысячелетний трудовой пот десятков человеческих поколений. Вооруженный броней могучей техники, опираясь на средства и запасы богатейших хозяйств, повелевая миллионами вышколенных, квалифицированных, производственно-дисциплинированных рабов, стоит старый седой Голиаф капитализма перед только что родившимся, молодым социалистическим обществом. По своему типу советское хозяйство стоит выше капитализма: западным странам в родовых спазмах жестоких кризисов и в творческих битвах пролетарских революций уже приходится и еще придется догонять авангард мировой истории—Советский союз.

Но по своему *уровню*, по своему вооружению, по своему богатству хозяйственная система более передового типа должна еще догонять своего собственного предшественника. Историческое своеобразие борьбы молодого мира социализма с капиталистическим миром как раз и состоит в том, что переплетение исторических сил „выдвинуло“ отсталую страну,—отсталую в сравнении с передовыми в техническом отношении капиталистическими странами,—на роль носительницы невиданно

---

[1] *O. Svann,* Die Krisis in Volkswirtschaftslehre, S. 18.

передового способа производства. Но так же, как полный жизненными соками рабочий-выдвиженец может в короткий срок превзойти опытного, искусного, но искушенного чиновника, так же, как только что изобретенная, плохо слаженная, примитивная паровая машина все же неизмеримо выше самого ловкого и квалифицированного ремесленника, — также и Советский союз уже благодаря самой своей исторической революционной и новаторской роли, имеет мощные движущие силы для „соревнования“ с кольцом капиталистических стран.

Но пока строительство материального фундамента нового общества не достигло еще той черты, на которой находятся передовые технические отряды мирового капитализма. Пока еще власть капитализма над силами природы распространяется *шире* и *глубже*, чем власть социализма.

В главной цитадели капиталистического хозяйства — в САСШ — общая мощность всех двигателей во всех отраслях народного хозяйства в 1923 г. равнялась 662,6 млн. *л. с.*, из которых 507,3 млн. падают на автомобили. Общая же мощность всех двигателей Советского союза в 1927/28 г. равнялась 33,5 млн. *л. с.* С 1927/28 г. мы совершили огромный прыжок вперед, но все же пока различие в энергетических устоях САСШ и СССР остается еще громадным. Тот же разрыв мы имеем и по линии энерговооруженности рабочих: если в промышленности СССР в 1926/27 г. на 1 рабочего приходилось 1,5 *л. с.* мощности механических двигателей, то в САСШ в 1925 г. приходилось 4,3, а в Германии—2,4. Этим свободным показателям нашей технической отсталости соответствуют и частичные показатели отдельных отраслей. Средняя выплавка чугуна на 1 $м^3$ объема домны, выплавка стали на 1 работающий мартен, производительность 1 ткацкого станка или тысячи веретен у нас гораздо ниже, чем в промышленности Америки или Германии. Средняя мощность 1 двигателя на наших электростанциях общего пользования равна 600 *л. с.*, а в САСШ — 2970. Уровень централизации производства электроэнергии у нас ниже, чем в САСШ. Если у нас станции общего пользования давали в 1928 г. 47,8% производимой энергии, то в САСШ—71,2, а в Германии — 56,7[1]. Но уже к 1930 г. мы довели долю наших станций общего пользования до 65%.

[1] Сборник „Энергетическое хозяйство СССР“, 1931. Данные статьи Вейца.

Если во всем мире средний процент использования наличных ресурсов водяной энергии равнялся в 1928 г. 6., в САСШ—33,4, в Азии, взятой в целом, — 2,1, то у нас были использованы всего 1,1% имеющихся ресурсов белого угля[1].

Электрифицированность железных дорог в процентах к длине железнодорожной линии в Канаде равна 4,3%, в Германии—2,4, в САСШ — 0,7, в Советском союзе — 0,1.

По пятам технической отсталости следует отсталость в области материального производства. Она со стороны нашей позиции в мировом хозяйстве выражается прежде всего в том, что наш удельный вес в мировом индустриальном производстве, в мировом имуществе, в мировом „национальном доходе“ пока еще ниже, чем наша доля в населении земли, не говоря уже о нашей доле в территории и естественных богатствах.

Мы имели в 1928 г. всего 2,2% мирового производства электроэнергии, 2,8% мировой добычи угля и около 4% мировой выплавки чугуна и стали. Через 2 года, на основе бурных темпов социалистического строительства, наша доля в добыче угля выросла до 4%, а выплавка чугуна и стали—до 6½. Но она еще не достигла нашей доли в мировом населении. В процентах производства чугуна к САСШ наша продукция в 1930 г. дала 16,3%, а в процентах к германскому производству — 53,6. Еще в 1925 г. соответствующие цифры были 3,5 и 12,8.

Производство угля в СССР в 1925 г. было равно 3% североамериканского и 12,1 германского, а в 1930 г. — 11,4 американского и 39,2 германского. За этот период наше производство электроэнергии с 2,8% американского выросло до 7,7 и с 11,3 германского до 26,8. Дистанция уменьшилась самым коренным образом, но она все еще велика.

Пресмыкающиеся всех пород и всех стран скажут по поводу этих цифр, что отсталая страна хочет учить передовые, что низкий уровень нашего национального дохода обрекает на неудачу все наши попытки. Мы же скажем: если пролетариат отсталой России сумел на основе нищенского наследства показать такие образцы строительства, такие образцы штурмовых темпов, такие примеры культурного роста масс, такие достижения техники и науки, такие новые формы сельскохозяйственного производства, то он победит *наверняка*. А когда получит в свои

---

[1] „Die wirtschaftlischen Kräfte der Welt“, 1930.

руки орудия социалистической организации общества, когда сможет по-своему использовать колоссальные сокровища, хищнически и варварски расточаемые сейчас капитализмом, пролетариат передовых стран добьется еще более невиданного расцвета производительных сил всей земли.

Наши трудности состоят не только в технической отсталости, но и в нашем низком уровне культуры труда. Если раньше буржуазные соглядатаи и мудрецы обосновывали неосуществимость социалистической индустриализации недостатком финансовых средств, низким исходным уровнем техники, то теперь, когда эти „непреодолимые преграды" преодолены пролетарским напором, пророки и соглядатаи цепляются за свою новую надежду, за нашу новую трудность: они усиленно подчеркивают неспособность якобы советских пролетариев работать у сложных станков, невозможность в короткий срок индустриализировать людей. Так, член германского рейхстага г-н Windschuh пишет в Deutsche Wirtschaftszeitung": „Удастся ли также в пять лет заново создать индустриальных рабочих и индустриальные кадры руководителей и их помощников, которые доросли до поставленных задач... Крестьянин не может быть в 5 лет перевоспитан в современного индустриального рабочего так же, как и привыкший к грубой работе рабочий не может в этот срок стать точно работающим специализированным рабочим машинной индустрии. Для этого нужно, по крайней мере, одно поколение... Людской резервуар имеется, но методы, при помощи которых можно создать и сформировать смену рабочих, еще не развиты... Той любви к машинам и тех навыков к этой работе, которые имеются у немецкого и американского рабочего, русский рабочий еще не имеет. Но он должен ее иметь для того, чтобы пятилетний план удался".

Патентованный орган биржевиков „Börsenkurier" идет еще дальше этого, пытаясь с напускной беззаботностью прикрыть свою трусливую злобу. Бывший министр инженер Готгейм, надергивая факты о низкой производительности труда при новом оборудовании, о поломках, об авариях, о неквалифицированности рабочих, пишет: „В общем и целом западноевропейская промышленность может не опасаться русской конкуренции, она может и дальше спокойно поставлять русской промышленности сложные машины. Русские достаточно быстро их разрушат".

Ну, что же, посмотрим, милостивые государи! Вы ничему

не научились на провале прежних ваших предсказаний. Это говорит только о слепоте умирающего класса, его неспособности увидеть титанический порыв рабочей массы, ее штурм технических позиций, неспособность видеть огромный процесс массовой переделки людей, выдвижение тысяч и тысяч новых инженеров, техников и квалифицированных рабочих. У нас нет еще достаточной квалификации. Мы ее создадим.

3. ДИСПОЗИЦИЯ

Таким образом в великую борьбу со своим капиталистическим противником СССР вступает в условиях, когда этот противник еще крайне силен, когда он намного выше по своей *технической мощи*, по своей производительной способности, по показателям *продукции*, по совокупной мощи своего *научного* аппарата, по квалификации своих сил. Нам нужно ясно видеть, в чем лежат наши преимущества, *чем* мы можем „догнать и перегнать“ своего капиталистического противника, *где* те исторические архимедовы рычаги, при помощи которых социализм как *хозяйственная* система опрокинет навзничь своего антагониста.

Здесь, прежде всего, следует остановиться на *естественных* предпосылках строительства социализма в нашей стране.

Если *экономически* социализм утвердился в стране, уровень развития которой находится на мировой средней, то с точки зрения *естественных* условий социализм отвоевал себе страну, которая является самым мощным *единым* участком мировой территории. *Великобритания* территориально больше, но она разбита и разъединена на куски и географически и еще более экономически. СССР занимает 16% территории мира, в то как САСШ — всего 6. Наша территория есть *единая* территория, значительная часть европейского материка. Таким образом *„строительная площадка“ социализма занимает лучший участок мира.* По разведанным запасам нефти, водяной энергии, леса, торфа СССР занимает *первое* место. Но остальные категории естественных богатств (уголь, металл, нерудные ископаемые и т. д.) *наверняка* должны дать гораздо более высокие показатели, чем обычно принимается, ибо коэфициент разведанности естественных богатств у нас *жалок*, мы ведь только *приступаем* к геологическому освоению нашей гигантской социалистической родины. А это есть первый шаг и необходимое условие для *технико-экономического* освоения страны.

Вряд ли вообще можно думать, что капитализм сладил бы с такой задачей, как освоение исключительно огромного евразийского континента: это требует такого размаха строительной энергии, таких вложений, такого *плана* (ср., например, гидроэлектростанции, электросеть и т. д.), что весьма и весьма позволительно сомневаться насчет сил капитализма применительно к *этой* задаче. Исторически вопрос о борьбе капиталистического и социалистического секторов мирового хозяйства стал *так* и в *такой* форме, *что* социализм получил в свое распоряжение первоклассную величину, будучи поставлен перед задачей освоения „Евразии". Если наиболее передовой *капитализм* вырос в Америке и обнаружил „американский" размах, социализм должен иметь еще больший, „большевистский" размах.

Но эти естественные предпосылки строительства могут оказаться никчемными, могут быть мертвым грузом, если они не сомкнутся в живое единство с предпосылками *общественного* порядка.

Социализм есть хозяйство, ставящее себе целью покрытие *массовых потребностей*. Он поэтому не может страдать тем пороком, который загоняет в тупик современный капитализм. Кризис сбыта для СССР никак не страшен. Нам тяжелы недопроизводство, нехватка „товаров", дефицитность их, малый размер производства, слабость техники. Поэтому у нас не может быть *тормозов для технического прогресса*. Их не может быть так же и потому, что у нас сейчас нет безработицы, а, наоборот, недостаток рабочих рук, особенно квалифицированных. Следовательно, *все* экономические причины (давление потребностей, рост эффективного спроса, временное недопроизводство, господствующая позиция рабочего класса, отсутствие безработицы) гонят *кривую техники вверх*.

Мы имеем хозяйство, которое все в возрастающей степени становится *плановым* хозяйством. Если не так давно буржуазные экономисты, опьяненные успехами капитализма, предрекали неизбежное банкротство „связанного" социалистического хозяйства, полагая, что убиение коммерческой инициативы торгующего эксплоататора означает смерть всякого хозяйства вообще, то теперь в Европе и Америке размножилась уличная квази-ученая буржуазная литература наперерыв предлагающая рецепты капиталистического „планирования", с рабскими заимствованиями некоторых „госплановских" моментов. Эти предложения имеют,

однако, тот маленький недостаток, что они усиленно занимаются выделкой деревянного железа и сухой воды, чего нельзя достигнуть, даже принимая во внимание учение о превращении элементов. Плановое хозяйство, которое получает у нас особо твердую почву вместе с *коллективизацией* сельского хозяйства (это, разумеется, не исключает ряда промежуточных этапов по пути развития внетоварных форм), оказывается, таким образом, в наших руках оружием исключительной силы как внутри страны, так и на мировом рынке: недаром вой о так называемом советском демпинге был направлен против монополии внешней торговли.

Дальнейшим исключительно огромным и еще мало оцененным у нас преимуществом является возможность нового сочетания *теории и практики и, прежде всего, естествознания, техники и материального труда*.

Современный капитализм в высокой степени применял науку и применяет ее и сейчас. Огромные лаборатории и исследовательские институты могущественных трестов, специальные научные организации государства, заводские лаборатории и т. д., сросшиеся с потребностями финансового капитала, питаемые финансовым капиталом, организационно от него зависимые, делают свое дело. И армия (война) и эксплоататорский процесс производства (мир) обслуживаются богатейшей сетью научно-исследовательских учреждений, от заводских и школьных лабораторий до Академии наук. Но в то же время этот процесс обслуживания, который был внутренне скован конкуренцией, получает новый *неслыханный удар*. Применение науки *расширяет* производственные возможности, а их теперь необходимо *суживать*. Тем самым надевается хомут на науку. Здесь мы должны отдать себе полный отчет в положении вещей. Мы можем получить в свои руки *исключительные мощности*, если поставим *дело научного исследования и его практического приложения на самую широкую ногу*. Бесконечно невежественными являются рассуждения на тему о том, что в результате пострадают интересы науки. Наоборот, если наука начнет выходить (а она уже начала выходить) на широкую дорогу обслуживания нашей *великой* практики, она неизбежно станет *великой* наукой. Целесообразная, т. е. плановая исследовательская работа, сознательное ее приспособление к потребностям строительства во много раз повысят и *эффективность науки и эффективность всего хозяйственного целого*.

Наконец, следует остановиться на наиважнейшем пункте, на вопросе о *рабочей силе*, этой *решающей производительной силе общества*. Мы видели, как загнивающий капитализм выключает прогрессивную роль *техники*, как он начинает душить движение *науки*. Но он сейчас выключает из производства *десятки миллионов работников*, деквалифицирует их. Ведь именно теперь настало время так называемой „технологической безработицы“! У нас, таким образом, на руках есть *решающая величина:* господствующее положение пролетариата, хозяина и организатора производственного процесса, растущего количественно, растущего качественно, овладевающего техникой, хозяйством, наукой, вызревающего по всей линии развития в *массовую и великую творческую силу*. Статистические курсы капиталистического мира, понимающие одну сухую абстрактную форму цифр и не видящие их жизненного значения, не могут осмыслить некоторых особо крупных наших успехов. А эти успехи, в конечном счете, зависят от принципиально нового положения *рабочей силы* в производственном процессе, — рабочей силы, которая стала *суб'ектом хозяйственной истории*. Именно отсюда растут ударничество, социалистическое соревнование, трудовой героизм.

Все эти преимущества социализма не суть механически, в один ряд поставленные явления: это разные стороны одного и того же исторического процесса, особенности этого процесса, которые и обусловливают его неизбежную победу.

Мы остановимся теперь на одной из этих сторон, — на вопросе о *науке*. Мы видели, какие огромные *технические* задачи стоят перед нашей страной, технические в самом широком смысле слова.

Нам нужны новые железные дороги, новые магистрали и сверхмагистрали; новые гигантские гидроэлектростанции, обуздывающие исполинские реки; металлургические гиганты; очаги тяжелого машиностроения, мосты и радиостанции, автомобили и тракторы, комбайны и блюминги; нам нужны химические заводы, постройка новых баз черной и цветной металлургии; нам нужны мощные промышленные агрегаты, революционизирующие *все* сельское хозяйство, превращающие сельское хозяйство *целиком* в одну из отраслей индустрии, имеющей дело с органическими процессами; нам нужны новые сплавы, легкие металлы, твердые стали; нам нужны целые новые отрасли промышленности, работающие на синтетическом сырье,

нам нужны новые и новые виды сырья, топлива, строительных материалов. Совершенно очевидно, что по всем линиям технического развития мы идем не только к новым *количествам*, но и к новым *качествам*. Нам нужно решение целого ряда технических задач, связанных с *обороной* страны, — задач, от действительного решения которых зависят дальнейшие судьбы всего человеческого развития. Поэтому нам *нужно в науке обязательно перегнать капиталистические страны, чтобы догнать и перегнать их в технических и экономических показателях.*

Перед наукой возникают, таким образом, задачи, на масштаб науки, еще более грандиозные, чем перед техникой. Если, по свидетельству проф. Бонна, сердце настоящего инженера бьется сильнее, когда он видит гигантский размер стройки в СССР, то еще сильнее должно биться сердце настоящего ученого при виде той перспективы, которая открывается перед развитием науки в нашей стране. Наиболее разительным примером является здесь, пожалуй, пример с дисциплинами, прямо или косвенно связанными с *сельским хозяйством*. Они росли всюду на основе обслуживания мелкого производства, и американская капиталистическая ферма была наиболее крупной единицей в этом отношении. Переход к крупному социалистическому земледелию у нас сразу обнаружил все убожество прежней экспериментальной базы, узость кругозора, мелкость задач, рамки возможностей. А теперь вопросы генетики, агрофизики и т. д. ставятся во всем объеме. То, что некоторое время тому назад показалось бы диким,—проблема организации агрофизических институтов в совхозах,— является злободневным вопросом. Но то же самое происходит и в ряде других отраслей науки, спрос на которую нарастает с каждым днем, нарастает лавинообразно. Элементарнейшая задача (элементарная с точки зрения дальнейшего движения вперед) *геологического обследования* территории, изучения водных ресурсов, обследования целых гигантских территорий означает исключительный толчок для соответствующих дисциплин. Наша геологическая служба оказалась опять-таки *мизерабельной* по сравнению с задачами, которые сейчас стоят перед нею. А наиболее экономная, разумная и целесообразная научная практика предполагает здесь не только наиболее совершенный метод разведки и соответствующие комплексы инструментов, но и руководство со стороны наиболее совершенной *теории*. Перед всеми

естественными науками, а также перед *математикой* раскрываются поэтому действительно безбрежные перспективы, которых не в состоянии будут залить никакие мутные волны вредительства. Но и перед *общественными* науками открываются новые перспективы. Буржуазия не в состоянии понять всей исторической ситуации, и ее анализ заменяется простой апологией или грубо эмпирическими попытками схватить за хвост меняющуюся конъюнктуру. Основные связи и закономерности экономического развития (и упадка)—вне ее поля зрения. Между тем, изучение современных форм движения капитализма, изучение нового рождающегося социалистического общества и его закономерностей, изучение нового исторического типа работающих людей и т. д., — все это ставит перед общественными науками задачи гораздо более широкие, чем когда-либо раньше. Великое разнообразие рас, народов, племен, поднятых революцией на новые культурные высоты, выдвигает на первый план ряд соответствующих проблем (этнография, история хозяйственных форм, лингвистика и т. д. и т. п.). Рост новой культуры ставит все проблемы науки, и искусства, и *философии*. Новая эпоха создает свой *культурный стиль*.

Мы еще недостаточно осознали, какой огромный *внутренний процесс* переделки переживает наше растущее общество. Мы еще недостаточно поняли, как переход к плановому хозяйству и его *реальный рост* сказываются на всех человеческих связях и отношениях. А он их переделывает *радикально*. Тысячелетиями существовала разорванность физического и умственного труда. А мы ее *постепенно* преодолеваем. Тысячелетиями знание было *монополией избранных*. А мы это уничтожаем. Специализация самих наук и их дробность создали ряд мостов между ними и разъединили их. А мы их объединяем. Ибо план есть основа величайшего объединения теории и практики, наук между собой, разных отраслей практики друг с другом, *всей* науки и *всей* практики. План будет все больше и больше становиться все более совершенным продуктом *научной обработки практики* и продуктом практической *проверки теории*. Он, с другой стороны, будет становиться все более и более могущественным *орудием практического действия*, которое переделывает мир, преобразует его, революционизируя его в самих основах, укрепляя и расширяя могущество организованного общества над силами природы, доламывая сопротивление

остатков капиталистического режима и обороняясь от капиталистических внешних врагов. План, обеспечивая этот грандиозный синтез, объединяя науку и практику, тем самым является основанием для торжества единого *метода*. Таким методом является *диалектический материализм. План, единство метода, коллективная организация труда, объединение теории и практики есть то новое, что обеспечивает в данной сфере вопросов крупнейшие успехи дальнейшего движения.*

Здесь можно коротко подвести некоторые крупные итоги. В борьбе с капиталистическим миром наш Союз стоит, как все более и более *организующаяся сила*. Капитализм корчится в последствиях своей анархической природы. Союз обнаруживает *единство воли*, решительной и не сгибаемой. Воля капиталистического мира распадается на антагонистические воли групп. Союз опирается на миллионы. Капиталистический мир вступает в решительное противоречие с их интересами.

Союз выдвигает и несет, как знамя, *великую идею*, более великую, более осязаемую, чем все идеи, которые водили массу по широким путям человеческой истории. Капиталистический мир *уже* перестал быть поставщиком великих идей. Он берет напрокат затасканные идеи режима, который он опрокидывал в дни своей молодости. Один из немецких профессоров, Курт Зингер, дает такого рода характеристику теперешнего состояния капитализма:

„Настоящий момент характеризуется увиливанием от выбора, от выбора между решительным хозяйственным универсализмом и определенным народнохозяйственным индивидуализмом. Если угодно продолжать говорить о кризисе мирового хозяйства, то его следует усматривать именно здесь. Это, конечно, не кризис какого-либо существующего хозяйственного организма (!), а кризис *идеи*, именно идеи мирового хозяйства, которая столькими же силами вызывается к жизни, сколько и задерживается в своем возникновении. С этой точки зрения именно кризис *самих идей* капитализма и мировой хозяйственной организации сообщает переживаемому застою его непроницаемый характер и мучительную остроту. И неожиданный затяжной рост обнищания в результате безработицы, равно как и неукротимое перепроизводство вследствие недостатка сбыта, являются в таком случае той ценой, которую наша эпоха платит за то, что она считает *жизнь в потемках высшей премудростью*, и робкое увиливание от твердых решений — данью смирения перед могуществом рока и ограниченностью человеческих сил" („Wirtschaftsdienst" № 11, 1930).

В этой характеристике, где соотношение идей и вещей ставится наголову, все же верно схвачено межеумочное положе-

ние современного капитализма, которого история *тащит в пропасть*.

Итак, на одной стороне мы имеем отсталый технический уровень — жалкое наследство царской России, необъятные малонаселенные степи, тундры и пустыни СССР, низкую культуру труда, крупное превосходство — по линии размеров промышленного производства — отсталого капитализма над передовым социалистическим строем. В этом состоят наши минусы, наши слабые стороны.

На другой стороне мы имеем преимущества советского строя,— этой гигантской *единой*, целеустремленной, научно руководимой организации широчайших пролетарских, колхозных, бедняцких и середняцких масс. В этой невиданной организации масс, опирающейся на неистощимые сокровища наших природных ресурсов,—наши плюсы, наши минусы, наши преимущества.

Каковы же первые итоги борьбы миров? Каков же первый баланс этих плюсов и минусов?

Этот баланс сейчас запечатлен и вдавлен в политическую и хозяйственную картину мира. Кризис и разложение, с одной стороны, подъем и строительство — с другой. Самоубийства десятков тысяч трудящихся Запада и творческий энтузиазм советских пролетариев. Десятки процентов упадка продукции в капиталистических странах и бурные темпы ее роста у нас. Поиски бога и тоска по средневековью среди гелертеров Запада и научный расцвет у советских ученых—вот какой баланс подвела история последних лет. Все наши минусы и наши слабые стороны доказывают свой преходящий характер. Все наши плюсы и преимущества составляют неотъемлемую суть советской системы. Все слабое мы *изживаем* и *изживем*, все сильное, все, дающее нам преимущество, мы развиваем и доведем до невиданной мощи.

Общеизвестно то, что мы дали рекордные во всей истории человеческого хозяйства *темпы роста промышленности и сельского хозяйства. Несмотря* на нашу техническую отсталость и *благодаря* нашим преимуществам, мы на фоне капиталистической деградации дали величественную картину промышленного расцвета. 196% довоенного производства угля в СССР при 106 в остальном мире; 207% довоенной продукции стали в СССР при, примерно, 100 в остальном мире; 190% выплавки чугуна в процентах к довоенной в СССР и около 90 в остальном мире.

Вот какую картину дает современное мировое хозяйство. Даже такой „объективный“ орган, как „Лига наций“, вынужден поместить Советский союз на первое недосягаемое для других стран место по росту электрической энергии в 1925—1928 гг.: СССР дал за эти годы 125% прироста, в то время как *ни одна* капиталистическая страна не смогла вскарабкаться выше чем на 50—60%, а большинство из них ползали на уровне 20—30% за четыре года. И это предкризисные годы хоть и гнилого, но все же какого-то подъема. Осмелится ли „Лига наций“ опубликовать аналогичные данные за теперешние годы *кризиса*, когда десятки процентов *падения* энергопроизводства в капиталистическом мире будут по своей быстроте „соревноваться“ с *ростом* советского хозяйства? Разноцветные филистеры пытаются ослабить впечатление от этих цифр ссылкой на низкий абсолютный уровень электропроизводства в СССР, будто бы и создающий высокие темпы. Но эти жалкие души „забывают“ сказать, что опять-таки в наиболее благоприятные для капитализма годы 1925/26 и 1929/30 абсолютный прирост производства энергии у нас уже, примерно, сравнялся с приростом в Англии и Франции (у нас приросты за все эти годы, вместе взятые, 4,5 миллиарда киловатт-часов, в Англии — 4,5 миллиарда, во Франции — 4,8 миллиарда). Начиная с последних лет этого четырехлетия, мы уже по абсолютным размерам прироста обгоняем Англию и Францию. А со времени кризиса наш рост идет параллельно с *падением* производства электроэнергии капиталистических стран.

Ни один писатель буржуазных листков не смеет и заикнуться *о качественном* превосходстве, о большей *эффективности* наших производственных сил. Между тем, непререкаемым фактом является то, что благодаря большому использованию наших электростанций один миллион киловатт новой мощности дает прирост годового энергопроизводства в Англии на 1,7 миллиарда киловатт-часов, а у нас, примерно,— на 6 миллиардов киловатт-часов. Один миллион киловатт новой мощности имеет у нас, таким образом, *в три раза больший эффект*, чем в Англии. В отношении удельного веса потерь энергии в сетях и на собственное потребление станций мы достигли нормы САСШ — 18%. В отношении быстроты повышения коэфициента полезного действия мы шагаем быстрее Америки, добившись за пять лет снижения удельного расхода топлива на 1 киловатт-час в 21%, в то время как за этот период САСШ дали только 14% снижения.

Преимущество планового хозяйства сказывается в том, что для размеров североамериканских железнодорожных перевозок в 2362 млн. тонн грузов нам было бы достаточно *вдвое меньшего* протяжения путей, чем в САСШ (424 737 миль пути). Параллелизм железнодорожных линий в Америке и их плановое использование в СССР выявляются здесь с необычайною яркостью. По грузовым автомашинам мы сможем перевозить такой же, как в САСШ, груз, имея *втрое меньше* машин. Миллион тракторов в Америке по своему производственному эффекту дает *вдвое-втрое меньше*, чем миллион тракторов у нас. Словом, *та же техника в новых* условиях дает больше продуктов, сил, средств, вооружает общество пролетарской диктатуры лучше и сильнее, чем она это делает по отношению к капиталистическому обществу. *Сама машина голосует за социалистический строй.*

Великая борьба классов, которая есть борьба двух миров на теперешнем перевале мировой истории, должна неизбежно выйти за пределы одного государства. Упомянутый г-н Виндшу пишет в „Deutsche Wirtschaftszeitung“:

> „Пятилетний план есть вторая программа большевизма, мировая революция будет его третьей программой, коль скоро удается вторая“.

Г-н Виндшу ошибается. Такой принудительной последовательности во времени *нет*. Но он правильно, что, впрочем, не ново, отмечает *международный* характер движения. Ибо речь идет действительно о крупнейшем и самом замечательном этапе в развитии *всего* человечества. Капитализм подготовил огромные производительные силы. В его лоне выросли мощная техника и чудеса науки. Он объединил мир под своей броней. Но он уже стал железными цепями для техники, науки, мысли. Он стал несовместимым с дальнейшим прогрессом. Он превратился уже в паразита, мучителя и палача, величайший исторический тормоз, который должен быть разрушен. Он породил миллионы своих могильщиков. Он их уже объединил в огромную материальную и идейную силу. Он уже вступил в полосу последних огромных и решающих битв. Мир раскололся. Есть два мира. Наука раскололась. Есть две науки. Культура раскололась. Есть две культуры.

Что же должна делать наука у нас? В труде, в борьбе, в познании — всюду быть в рядах пролетариата, — того класса, ко-

торый строит новый мир,—того класса, который под руководством железной партии, доламывая сопротивление капиталистических элементов внутри страны, защищает страну во-вне, — того класса, который в героическом труде и героической борьбе завоевал себе историческое право на всемирную победу, — того класса, который эту победу *одержит*, какие бы силы ни стояли на его пути. *Этот класс догонит и перегонит капиталистические страны. Этот класс осуществит мировой коммунизм.*

2

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА [1]

Кризис современного капиталистического хозяйства вызвал глубочайший кризис всей капиталистической культуры: кризис в отдельных дисциплинах, кризис в теории познания, кризис мировоззрения, кризис мироощущения. В такой исторической обстановке вопрос *о соотношении между теорией и практикой* точно так же стал одной из самых острых проблем, и притом как вопрос и теории и практики одновременно. Поэтому следует разобрать проблему с разных сторон: а) как проблему теории познания, б) как проблему социологии, в) как проблему истории, г) как проблему современной культуры, наконец, д) интересно проверить соответствующие теоретические концепции на гигантском опыте революции и е) дать известный прогноз.

1. ТЕОРЕТИКО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Кризис современной физики, а равно и всего естествознания плюс так называемые науки о духе (Geisteswissenschaften) поставили в упор, с новой силой, основные вопросы философии: вопрос об объективной *реальности внешнего*, независимого от познающего субъекта, *мира* и вопрос о его *познаваемости* (resp. непознаваемости). Почти все философские школы, от теологизирующей метафизики до авенариански-махистской философии „чистого описания“ и подновленного „прагматизма“, за исключением диалектического материализма (марксизма), исходят из положения, считающегося неопровержимым: „*мне*“ „*даны*“ только „*мои*“ „*ощущения*“ [2]. Это положение, наиболее ярким выра-

---

[1] Доклад на II Международном конгрессе по истории наук и техники в Лондоне.

[2] См. *Ernst Mach*, Analyse der Empfindungen; он же, Erkenntnis und Irrtum; *K. Pearson*, The Grammar of Science, London 1900; *H. Bergson*, L'évolution créatrice, Paris. F. Alcan. 1907; *W. James*, Pragmatism, New-York 1908; он же, The varieties of religious experience, London 1909; *H. Vaihinger*, Die Philosophie des Als- Ob., Berlin 1911; H. *Poincaré*, La Science

зителем которого был еще епископ Berkeley [1], совершенно напрасно возводится *в новое* теоретико-познавательное евангелие. Когда, например, M. Schlick на этом базисе строит „совершенно окончательный“ (durchaus endgultige) поворот в философии [2], это звучит наивно. Даже R. Avenarius[3] считал нужным подчеркнуть всю шаткость этой исходной „аксиомы“. Между тем, берклеанское положение разгуливает сейчас по всем большим дорогам современной философии и укоренилось в communis doctorum opinio с прочностью народного предрассудка. Однако оно не только уязвимо: оно не выдерживает серьезной критики. Оно дефектно с разных сторон: поскольку в нем содержатся „мне“ и „мои“, поскольку в нем содержится понятие „даны“ и, наконец, поскольку речь идет „только об ощущениях“. В самом деле, лишь в случае первозданного Адама, только что сфабрикованного из глины и *впервые* увидавшего, опять-таки *впервые* раскрытыми глазами, райский пейзаж со всеми его атрибутами, можно было бы выдвигать данное положение. Любой эмпирический субъект *всегда* выходит за пределы „чистого“ чувственного „сырья“: его опыт, являющийся результатом воздействия внешнего мира на познающего субъекта в процессе его практики, стоит на плечах опыта других людей. В его „я“ *всегда* содержится „мы“. В порах его ощущений уже сидят продукты *опосредствованного* знания (внешним выражением этого является *речь*, язык и адэкватные словам понятия). В его *индивидуальном* опыте заранее включены и *общество*, и внешняя природа, и *история*, т. е. общественная история. Таким образом теоретико-познавательные *робинзонады* так же мало уместны, как робинзонады в „атомистическом“ обществоведении XVIII столетия. Но крити-

---

et l'Hypothèse, Paris, E. Flammarion, 1908. В этом же кругу идей вращается „логистика“ B. Russel'я. Из новейшей литературы сюда относятся работы Ph. Frank'a, M. Schlick'a, R. Carnap'a и др. Даже почти-материалист Study исходит из приведенного в тексте положения; ср. его „Die Realistische Weltansicht und die Lehre vom Raume“, 2. umgearbeitete Aufl. I. Teil, Das Problem der Aussenwelt, Verl. Vieweg u. Sohn, 1923.

1 *George Berkeley*, Treatise concerning the Principles of human Knowledge, vol. I, of Works, ed. by Fraser, Oxford 1871.

2 *Moritz Schlick*, Die Wende der Philosophie, „Erkenntnis“, B. I, Heft 1: „Ich bin nämlich überzeugt, dass wir sächlich berechtigt sind, den unfruchtbaren Streit der Systeme als beendigt (! *N. B.*) anzusehen“ S. 5.

3 *R. Avenarius*, Kritik der reinen Erfahrung, B. I, Leipzig 1888, S. VII, u. VIII.

куемое положение дефектно не только со стороны „мне“, „мои“, „только ощущения“. Оно дефектно и со стороны „даны“. Разбирая книгу А. Вагнера, Маркс писал:

„...у профессора-доктринера отношения человека к природе с самого начала выступают не как *практические отношения*, т. е. основанные на действии, а как *теоретические*... Но люди никоим образом не начинают с того, что „стоят в теоретическом отношении *к предметам внешнего* мира“. Как и другие животные, они „начинают с того, что *едят, пьют* и т. д., т. е. не „стоят“ в каком-нибудь отношении, а *активно действуют,* при помощи действия овладевают известными предметами внешнего мира и таким образом удовлетворяют свои потребности (они, следовательно, начинают с производства)“ 1.

Следовательно, критикуемое положение неправильно и *потому,* что оно выражает спокойно — пассивно — созерцательную точку зрения, а не активную, не действенную, не точку зрения человеческой практики, что единственно соответствует объективной действительности. Итак, пресловутая „неопровержимая“ теоретико-познавательная „аксиома“ должна пасть. Ибо она категорически противоречит объективной действительности. Ибо она так же категорически противоречит всей человеческой практике. 1) Она индивидуалистична и ведет непосредственно к солипсизму; 2) она антиисторична; 3) она квиэтистична. Поэтому она должна быть отвергнута со всей решительностью.

Чтобы не было недоразумений: мы целиком стоим на той точке зрения, что чувственность, чувственный опыт и т. д., имеющие своим источником материальный мир, существующий вне нашего сознания, есть исходный пункт, начало познания. Именно отсюда началось философское восстание Фейербаха против гнета идеалистических абстракций и панлогизма Гегеля. Разумеется, индивидуальные ощущения суть факт. Но исторически *нет* абсолютно беспримесного индивидуального ощущения вне воздействия внешней природы, вне воздействия других людей, вне элементов опосредствованного знания, вне исторического развития, вне индивидуума как *продукта* общества, и притом общества, активно борющегося с природой, производящего общество. А в разбираемой „аксиоме“ важна ее логическая

1 *К. Маркс,* О книге Адольфа Вагнера. Впервые опубликовано в „Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса“, кн. V, стр. 387—388, Москва 1930. Курсив Маркса.

„чистота“. Если исчезает последняя, исчезает вся „аксиома“. Выставленные нами аргументы суть поэтому *действительные* аргументы.

Уже из приведенного видно, какую *огромную роль* играет проблема теории и практики с точки зрения *гносеологии.*

К разбору этой темы мы и переходим.

Прежде всего следует отметить, что и теория и практика суть *деятельность* общественного человека. Если рассматривать теорию не как застывшие „системы“, а практику — не как готовые продукты, т. е. не как „мертвый“, застывший в вещах труд, а in actu, то перед нами будут два вида трудовой активности, *раздвоение* труда на труд умственный и физический, „духовный“ и „материальный“, теоретическое познание и практическое действие. *Теория* есть аккумулированная и конденсированная практика, поскольку она обобщает практику материального труда, является качественно особым и специфическим продолжением материального труда; она сама есть качественно особая теоретическая практика, поскольку она деятельна (ср., например, эксперимент), практика, обработанная мышлением. С другой стороны, практическая активность, использует теорию, и поскольку сама практика—теоретична. Реально мы имеем во всяком классовом обществе *разделенный* труд и, следовательно, противоречие между умственным и физическим трудом, т. е. противоречие между теорией и практикой. Но, как всякое разделение труда, и здесь оно является живым *единством* противоположностей. Действие переходит в познание. Познание переходит в действие. Практика толкает вперед познание. Познание оплодотворяет практику[1]. И теория и практика являются *моментами* в совокупном процессе „*воспроизводства общественен-*

[1] „Теоретическая способность начинает с налично сущего, данного, внешнего и превращает его в свое представление. Практическая же способность начинает, напротив, с внутреннего определения. Последнее называется *решением,* намерением, задачей. Затем внутренне она превращает в действительное и внешнее, т. е. дает ему наличное бытие. Этот переход от внутреннего определения к внешности называется *деятельностью*“. „Деятельность вообще есть соединение внутреннего и внешнего. Внутреннее определение, с которого она начинается, как чисто внутреннее должно быть снято в своей форме и стать чисто внешним... Наоборот, деятельность есть также и *снятие внешнего,* как оно дано непосредственно... Вид внешнего делается иным...“ [*Г. В. Ф. Гегель*, Введение в философию (Философская пропедевтика). Пер. С. Васильева, изд. Тимиряз. инст., Москва 1927, § 8 и 9, стр. 30].

ной жизни". Чрезвычайно характерно, что издревле задается вопрос: „как возможно *познание*?" Но не задается вопрос: „как возможно *действие*?" Есть „гносеология". Но никаким ученым мужам еще не приходило в голову сочинять какую-либо особую „праксеологию". Между тем, одно переходит в другое, и еще Ф. Бэкон совершенно резонно говорил о совпадении знания и могущества и взаимозависимости между законами природы и практическими нормами [1]. Таким образом *практика* вторгается в теорию познания, теория включает практику, *действительная* гносеология, т. е. гносеология, которая исходит из единства (не тождества!) теории и практики, включает практический критерий, который становится критерием *истинности познания*.

Относительная социальная разорванность теории и практики есть база для отрыва теории познания от практического действия или для конструирования сверхопытной теории как квалифицированного бесплатного приложения к обычным и земным формам человеческого знания [2]. У Гегеля в сугубо идеалистической форме дано единство теории и практики, единство теоретической и практической *идеи* как познания [3], единство,

---

[1] *Francis Bacon*, The philosophical Works, ed. by John M. Robertson, London 1905; „Human knowledge and human power meet in one; for where the cause is not known the effect cannot be produced. Nature to be commanded must be obeyed; and that which in contemplation is as the cause is in operation as the rule" (p. 259). По-латыни: „Scientia et Potentia humana in idem coincidunt, quia ignoratio causae destituit effectum. Natura enim non nisi parendo vincitur: Et quod in Contemplatione instar causae est, id in Operatione instar Regulae est" (*Franc. Baconis de Verulamio*, Novum Organum Scientiarum. Apud Adrianum Wiingaerde et Franciscum Moiardum, 1645, p. 31).

[2] Ср. *Маркс* и *Энгельс*, Фейербах (идеалистическая и материалистическая точка зрения). „Архив Маркса и Энгельса", кн. I, стр. 221: „Разделение труда становится действительно разделением труда лишь тогда, когда наступает разделение материального и духовного труда. С этого момента сознание *может* действительно вообразить себе, что оно нечто иное, чем сознание существующей практики. С того момента, как сознание начинает действительно представлять что-нибудь, не представляя чего-нибудь действительного, с этого момента оно оказывается в состоянии освободиться от мира и перейти к образованию „чистой теории", теологии, философии, морали и т. д.".

[3] „Die Idee als *Erkennen*, welches in der gedoppelten Gestalt der theoretischen und der praktischen Idee erscheint" (*Hegel*, Wissenschaft der Logik, 391, VI, § 215).

которое преодолевает однородность (Einseitigkeit) теории и практики, взятых раздельно, единство именно *в теории и познании*[1]. У Маркса мы находим *материалистическое (и диалектическое одновременно)* учение о *единстве* теории и практики, о *примате* практики и о *практическом критерии истины* в теории познания. Таким образом Маркс дал замечательный философский синтез, перед которым потуги современного прагматизма с его теологическими и идеалистическими вывертами, сверхискусственные и вымученные конструкции фикционализма и т. д. кажутся детским лепетом.

Взаимодействие между теорией и практикой, их единство, развивается на основе *примата практики:*

1) *исторически:* науки „вырастают" из практики, „производство идей" отдиференцировывается от „производства вещей";

2) *социологически*: „общественное бытие определяет собой общественное сознание"; практика материального труда есть постоянная „force motrice" всего общественного развития;

3) *гносеологически*: практика воздействия на внешний мир есть первичная „данность". Из этого следуют крайне важные выводы.

В исключительных гениальных „тезисах" Маркса о Фейербахе мы читаем:

> „Die Frage, ob dem menschlichen Denken gegenständliche Wahrheit zukomme — ist keine Frage der Theorie, sondern eine *praktische* Frage. In der Praxis muss der Mensch die Wahrheit, d. h. Wirklichkeit und Macht, Diesseitigkeit seines Denkens beweisen. Der Streit über die Wirklichkeit oder Nichtwirklichkeit des Denkens, — das von der Praxis isoliert ist, — ist eine rein *scholastische* Frage" (II тезис).
>
> „Die Philosophen haben die Welt nur verschieden *interpretiert*, es kommt darauf an, sie zu verändern" (XI тезис).

Проблема внешнего мира ставится здесь как проблема его преобразования. Проблема познания внешнего мира — как интегральная часть проблемы преобразования. Проблема теории — как практическая проблема.

Практически — а следовательно, и гносеологически — внешний мир „дан" как объект активного воздействия общественного, исторически развивающегося человека. Внешний мир имеет свою историю. Историчны отношения, складывающиеся между субъектом и объектом. Историчны формы этих отношений. Исто-

[1] *В. И. Ленин*, Конспект „Науки логики", Ленинский сборник, IX, стр. 270.

рична сама практика и теория, формы активного воздействия и формы познания, „способы производства“ и „способы представления“. Вопрос о *бытии* внешнего мира категорически излишен, ибо ответ уже налицо, ибо внешний мир „дан“ так же, как „дана“ сама практика. Именно поэтому в практической жизни нет охотников до солипсизма, нет агностиков, нет субъективных идеалистов, следовательно, гносеология, *включающая* праксеологию, гносеология, которая *есть* праксеология, исходным пунктом должна иметь реальность внешнего мира не как фикцию, не как иллюзию, не как *гипотезу,* а как основной *факт.* Именно поэтому Boltzmann[1] заявлял с полным основанием, что предпосылка о нереальности внешнего мира есть „die grösste Narrheit, die ein Menschengehirn je ausgebrütet hat“: она противоречит *всей практике человечества.* Э. Мах же в „Анализе ощущений“ считает с научной (а не практической) точки зрения недопустимым вопрос о реальности мира (есть ли он на самом деле или это иллюзия, сон), ибо „и самый несообразный сон есть факт, не хуже всякого другого“[2]. Демонстративный характер эта „теория познания“ приобрела у Vaihinger'а, возведшего *фикцию* в познавательный принцип и „систему“[3]. Эту своеобразную сомнамбулистическую гносеологию провидел еще Кальдерон[4].

? Qué es la vida? Un frenesi.	Что жизнь? Безумие, ошибка.
? Qué es la vida? Una illusion,	Что жизнь? Обманность пелены.
Una sombra, una ficcion,	И лучший миг есть заблужденье,
Y el mayor bien es pequeño,	Раз жизнь есть только сновиденье,
Que toda la vida es sueño,	А сновиденья — только сны.
Y los sueños sueño son,	

Практика есть действительный прорыв в действительность, выход за пределы субъекта, проникновение в объект, „очеловечение“ природы, ее изменение. Практика есть опровержение

---

[1] *Boltzmann,* Populäre Schriften, 1905.

[2] *E. Mach,* Analyse der Empfindungen.

[3] *H. Vaihinger,* Die Philosophie des Als-Ob. System der theoretischen, prakti chen und religiösen Fiktionen der Menschheit auf Grund eines idealistischen Positivismus, Berlin 1911, S. 91: „Dass die Materie eine solche *Fiktion* sei, ist heutzutage eine allgemeine Ueberzeugung der denkenden Köpfe“.

[4] Las Comedias del célebre poeta espanol *Don Pedro Calderon de la Barca,* Zuickavia. Libreria de los hermanos Schumann, 1918.

агностицизма, процесс превращения „вещей в себе“ в „вещи для нас“, лучшее доказательство адэкватности мышления, его — исторически, как процесс понимаемой — *истинности.* Ибо если объективный мир изменяется через практику и согласно практике, которая включает теорию, то это значит, что практика проверяет истинность теории; это значит, что мы *знаем* в известной степени (и все больше узнаем) объективную реальность, ее качества, ее свойства, ее закономерности. Поэтому *факт технологии,* как уже отмечал Энгельс в „Анти-Дюринге“ [1], опровергает кантианский агностицизм, это, по выражению Гегеля, „ничтожное учение“ [2]. Если К. Пирсон в „Грамматике науки“ модернизирует известную платоновскую пещеру, заменяя ее телефонной станцией, а бледные тени платоновских идей—телефонными сигналами, то он демонстрирует свое собственное представление о пассивно-созерцательном характере познания. Действительный субъект, т. е. общественный и исторический человек, ни в малой степени не похож ни на телефониста Карла Пирсона, ни на наблюдателя платоновских теней. Он также ни в малой степени не походит на того стенографа, выдумывающего „удобные“ значки скорописи, в какового его хотят превратить философствующие математики и физики (B. Russel, Wittgenstein, Frank, Schlick и др.). Ибо он преобразует активно мир. Он изменил лицо всей земли. Живя и работая в биосфере [3], общественный человек в корне переделал поверхность планеты: физический ландшафт все более превращается в штандорт какой-либо отрасли промышленности или сельского хозяйства, искусственная материальная среда заполнила пространство, гигантские успехи техники и естествознания налицо, радиус познания, с прогрессом точных измерительных приборов и новых методов исследования, крайне удлинился: мы уже взвешиваем планеты, изучаем химические их составы, фотографируем невидимые лучи и т. д. Мы *предсказываем* объективные изменения мира и мы *изменяем* мир. Но это немыслимо без действительного знания.

---

[1] *F. Engels,* Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft.

[2] „...Что мы не знаем истины и что нам дано знать одни случайные и преходящие, т. е. *ничтожные,* явления, — вот это *ничтожное* учение, которое делало и делает наиболее шума и которое господствует теперь в философии“ (*Гегель,* Энциклопедия философских наук, ч. I, речь 22/X 1818 г., Москва 1929, стр. 15).

[3] См. акад. *В. Вернадский,* Биосфера, Ленинград 1926.

Простая символика, стенограмма, система значков, фикций не может служить орудием *объективных изменений*, производимых субъектом[1]. Познание, рассматриваемое исторически, есть все более и более адэкватное отражение объективной действительности. Основным критерием истинности познания является поэтому критерий его адэкватности, его *соответствия* объективной действительности. *Инструментальный* критерий истины не противоречит этому критерию, а *совпадает* с ним, *если* только речь идет об инструменте для практики общественного человека, преобразующего объективный мир („revolutionäre Praxis" у Маркса, „umwälzende Praxis" у Энгельса), а не о любой индивидуальной „практике" любого пивного филистера. Поэтому „инструментальный критерий" *прагматизма* (Бергсон, близкий к прагматизму, В. Джемс и др.) должен быть со всей решительностью отвергнут: Джемс подводит под практику молитву, „опыт" религиозного экстаза и т. д.; сомневаясь в существовании материального мира, он совсем не сомневается в существовании бога, как, впрочем, и многие сторонники так называемого „научного мышления" (A. S. Eddington, R. A. Millican и др.)[2]. Критерий *экономии мышления* никак не может служить критерием, ибо самая экономия может быть установлена лишь post factum; взятая же в своей изолированности как голый принцип познания в себе, она означает априорную ликвидацию

---

[1] Характерно для современных физиков и математиков следующее суждение Ph. Frank: „Wir sehen, bei keiner Art von solchen Problemen handelt es sich darum, eine „Uebereinstimmung zwischen Gedanken und Objekt", wie die Schulphilosophie sagt, hervorzubringen, sondern immer nur um die *Erfindung eines Verfahrens*, das geignet ist, mit Hilfe eines geschickt gewählten Zeichensystems Ordnung in unsere Erlebnisse zu bringen und dadurch uns ihre Beherrschung zu erleichtern" (*Ph. Frank*, Was bedeuten die gegenwärtigen physikalischen Theorien für die allgemeine Erkenntnislehre? „Erkenntnis", B. I, Heft 2—4, S. 134—135).

[2] „God is real since, he produces real effects" (517). „I believe the pragmatic way of taking religion to be the deeper way... What the more characteristically divine facts are, apart from the actual inflow of energy in the faith-state and the prayer-state, I know not, but the over-belief on which I am ready to make my personal venture is that they exist" (519). *William James*, The varieties of religious experience, London 1909. Ср. также „Pragmatism", p. 76. Study (l. c., 65, Fussnote) правильно замечает: „Er (Vaihinger. *Н. Б.*) verurteilt den Pragmatismus *meretrix theologorum*. Ich hatte den Pragmatismus „die Leib- und Magenphilosophie des banalen Nützlichkeitsmenschen „genannt".

сложности мышления, т. е. его заведомую неправильность. Таким образом „экономия“ превращается в собственную противоположность. „Мышление человека тогда „экономно“, когда оно *правильно* отражает объективную истину, и критерием этой правильности служат практика, эксперимент, индустрия“ [1].

Мы видим, следовательно, что современные капиталистические теории познания либо вообще не ставят вопроса о практике (кантианство; ср. H. Cohen, Logik der reinen Erkenntnis, 1902, S. 12: „Wir fangen mit dem Denken an. Das Denken darf keinen Ursprung haben ausserhalb seiner selbst“), либо трактуют эту практику в пикквикском смысле, отрывая ее от материального мира или от „высших“ видов познания (прагматизм, конвенционализм, фикционализм и т. д.). Единственно верную позицию занимает здесь *диалектический материализм*, отвергающий все виды идеализма и агностицизма и преодолевающий ограниченность механического материализма (его антиисторизм, его антидиалектичность, его непонимание проблемы качества, его созерцательный „объективизм“ и т. д.).

2. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА С СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ОБЩЕСТВА И СВЯЗЬ ТЕОРИИ С ПРАКТИКОЙ

Диалектический материализм как метод познания, примененный к общественному развитию, создал теорию *исторического материализма*. Обычное представление о марксизме — это представление о нем как о разновидности механического, естественнонаучного материализма типа учений французских просветителей XVIII в. или Бюхнера-Молешотта. Это в корне неверно, ибо он весь построен на идее *исторического развития*, чуждой гипертрофированному рационализму просветителей [2]. Вопрос о *теории вообще* должен быть поставлен — как это вытекает из

[1] *В. И. Ленин*, Материализм и эмпириокритицизм.

[2] Характерно, что несмотря на это, многочисленные „опровержения“ марксизма систематически исходят из предпосылки о механическом характере диалектического материализма и его социологической стороны (теории исторического материализма). См. *Н. Н. Алексеев*, Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении их методов, ч. I. Механическая теория общества. Исторический материализм, Москва 1912. Другие попытки углубленной критики основаны на малом знакомстве с предметом, хоть имя им — легион.

предыдущего — с точки зрения *общественной теории*, т. е. с точки зрения *социологии и истории*.

В настоящее время все мало-мальски знакомые с фактами ученые, все исследователи признают, что *генетически* теория выросла из практики, что любая дисциплина имеет, в конечном счете, свои практические корни[1]. С точки зрения общественного развития наука, теория, есть продолжение практики, но — переделывая известное изречение Клаузевица — „другими средствами". Функция науки, в совокупном процессе воспроизводства общественной жизни, есть функция ориентации во внешнем мире и в обществе, функция расширения и углубления практики, повышение ее эффективности, функция *своеобразной* борьбы с природой, со стихией общественного развития, с враждебными данному общественно-историческому порядку классами. *Наивным* представляется положение о самодовлеющем характере науки („наука для науки"); оно смешивает *субъективные страсти* профессионального ученого, работающего в системе глубокого разделения труда, в условиях разодранного общества, где отдельные общественные функции кристаллизуются в многоразличии типов, психологий, страстей (по Шиллеру: наука — богиня, а не дойная корова), с объективным *общественным значением* этого рода деятельности, как деятельности, имеющей огромное *практическое* значение. Фетишизация науки, как и фетишизация других явлений общественной жизни, и обожествление со-

[1] Ср. о математике у вавилонян, египтян, греков, римлян, китайцев, индийцев и т. д. *M. Cantor*, Vorlesungen über die Geschichte der Mathematik, Lpz., Verl. Teubner, 1907, B. I, 3 Aufl., ср. также *Ф. Дж. Мур* (Moore), История химии, Гиз; *Отто Винер*, Физика и развитие культуры Гиз: *R. Eisler*, Geschichte der Wissenschaften; *A. Bordeaux*, Histoire des sciences physiques, chimiques et géologiques au XIX siècle, Paris et Liège 1920. „Необходимо изучить *последовательное развитие* отдельных отраслей естествознания. Сперва *астрономия* — уже из года в год абсолютно необходима для пастушеских и земледельческих народов. Астрономия может развиваться только при помощи *математики*. Следовательно, пришлось заняться и последней. Далее на известной ступени развития и в известных странах (поднимание воды для орошения в Египте), а в особенности вместе с возникновением городов, крупных построек и развитием ремесл, развилась и *механика*. Вскоре она становится необходимой также и для *судоходства и военного дела*... Таким образом уже с самого начала возникновение и развитие наук обусловлено производством" (*Ф. Энгельс*, Диалектика природы. Диалектика и естествознание, „Архив Маркса и Энгельса", т. II, стр. 69).

ответствующих категорий есть извращенный идеологический рефлекс общества, где разделение труда разрушило *видимую* связь общественных функций, отъединив их в сознании своих агентов как абсолютные и суверенные ценности. Между тем, любая — даже самая абстрактная — дисциплина имеет совершенно определенное жизненное значение в ходе исторического развития. Разумеется, речь идет не о *непосредственном* практическом значении *любого* отдельного положения, например, из области теории чисел, или учения о множествах, или теории условных рефлексов: речь идет о системах в целом, о соответствующей деятельности, о *цепи* научных истин, являющихся, в *конечном* счете, теоретическим выражением „борьбы с природой" и борьбы общественной. Активное отношение к внешнему миру, которое на чисто животной стадии человеческого развития предполагает естественные органы людей, как вида hominis sapientis, сменяется отношением через и при помощи „удлинения органов", т. е. при помощи „производительных органов общественного человека" (Маркс), орудий труда, системы общественной техники. Первоначально эта система есть действительно „продолжение" органов человеческого тела[1]. Затем она усложняется и получает свои собственные принципы движения (например, вращательные движения современных машин). Но одновременно развивается исторически и *ориентация* во внешнем мире, опять-таки при помощи искусственных познавательных орудий, орудий „духовного" труда, в гигантское количество раз расширяющих сферу действия естественных телесных органов и орудий ориентации. Микровесы, ватерпасманометр, сейсмографы, телефон, телескоп, микроскоп, ультрамикроскоп, хроноскоп, „ступенчатые решетки" Майкельсона, электрические термометры, болометры, фото-электрический элемент Эльстера и Гейтеля, гальваноскопы и гальванометры, электрометры, приборы Эренгафта и Милликэна и т. д. и т. п.,— все это неизмеримо расширяет наши природные чувственные

[1] Ср. *К. Маркс,* Капитал, т. I, стр. 155, попул. изд.: „Итак, предмет, данный самой природой, становится органом его (рабочего. *Н. Б.*) деятельности, — органом, который он присоединяет к органам своего тела, удлиняя таким образом, вопреки библии, естественные размеры последнего".

Ср. также *Ernst Kapp,* Grundlinien einer Philosophie der Technik, Braunschweig 1877, S. 42 u. ff.

способности, открывает новые миры, делает возможным поступательное победное шествие *техники*. Исторической иронией по адресу размножившихся агностиков, совершенно не понимающих ценности опосредствованного знания и сводящих весь познавательный процесс к производству *тавтологий* [1], является тот факт, что именно *электрическая* природа материи есть „последнее слово" науки, ибо как раз „электрического чувства" у нас нет. „А весь мир электричества открылся нам тем не менее путем применения искусственных органов чувств" [2]. Таким образом *исторически подвижными* оказались и „органы чувства" и так называемая „картина мира", *проверяемая гигантской практикой современного человечества в целом*, „картина мира", гораздо более адэкватная действительности, чем все предыдущие, и *потому* именно столь плодотворная для практики.

Итак, человек исторически дан как *общественный* человек (в противоположность просвещенным Робинзонам Руссо, „основывающим" общество и историю на манер шахматного клуба и при помощи „договора"); этот общественный человек, т. е. человеческое общество, чтобы жить, должно *производить*. Am Anfang war *die Tat* (в противоположность христианскому Λόγος'у: „в начале бе Слово"). Производство есть реальный исходный пункт общественного развития [3]. В процессе производства происходит „обмен веществ" (Маркс) между обществом и природой. В этом *активном* со стороны исторического и общественного человека процессе, *материальном* процессе, люди

---

[1] „...Vielmehr glauben wir, dass nur die Beobachtung uns Kenntnis vermittelt von den Tatsachen, die Welt bilden, während *alles Denken nichts ist als tautologisches Umformen* (*Hans Hahn*, Die Bedeutung der wissenschaftlichen Weltauffassung, ins besondere für Mathematik und Physik. „Erkenntnis", B. I, Heft 2—4, 1930, S. 97).

Группа эмпириокритиков не понимает, что продукт познавательной деятельности *качественно* отличается от чувственного „сырья", подобно тому, как сделанный паровоз качественно отличается от своих металлических частей, хотя он из них и „сделан".

[2] *О. Винер*, l. c., стр. 41.

[3] Это не является секретом и для некоторых современных физиков „The physical conditions of existence are more fundamental than the aesthetic, moral or intellectual. A child must be fed before it can be taught A certain standart of living above that of animals is a preliminary condition for the development of any of the special qualities of human beings" (*Frederic Soddy*, Science and life, London, John Murray, 1920, p. 3).

находятся в определенных отношениях друг к другу и средствам труда. Эти отношения историчны, их совокупность образует *экономическую структуру общества.* Она есть тоже историческая переменная (в противоположность теориям „общества вообще", „вечному обществу", „идеальному обществу" и т. д.). Экономическая структура общества („способ производства") включает, прежде всего, отношения между *классами.* На этом базисе вырастают „надстройки": политические организации и государственная власть, моральные нормы, научные теории, искусство, религия, философия и т. д. „Способ производства" определяет собой и „способ представления": теоретическая деятельность есть „момент" в производстве общественной жизни; ее материал дается опытом, широта которого зависит от степени могущества над силами природы, что определяется, в конечном счете, развитием производительных сил, производительностью общественного труда, высотой технического развития; толчки идут от задач, даваемых практикой; формирующие принципы, „способ представления" в собственном смысле, отображают „способ производства", социально-классовую структуру общества и его сложные запросы (идея ранга, авторитета, иерархии, персонального бога в феодальном обществе; идея безличной силы судьбы, стихии, безличного бога — в товарно-капиталистическом обществе и т. д.). Господствующие представления суть представления господствующего класса, являющегося носителем данного способа производства[1].

---

[1] Модный германский философ, автор „христианско-пророческого социализма", Max Scheler, который ведет отчаянную борьбу с марксизмом заимствует у этого последнего ряд основных положений, причем получается совершенно невыносимая какофония мотивов. Для иллюстрации влияния марксизма на этого католического философа приводим следующее место из его большой работы; „Die Wissensformen und die Gesellschaft" Lpz. MCMXXVI, S. 204—205: „So ist es nicht unrichtig, dass selbst sehr formale Arten des Denkens und der Wahrnehmung klassenmässig verschieden geartet sind, — freilich nur in Gesetzen der grossen Zahl der Fälle, da ja jeder die Bildung seiner Klassenlage prinzipiell überwinden kann. Zu solchen klassenmässig bestimmten formalen Denkarten rechne ich beispielweise folgende:

1. Wertprospektivismus des Zeitbewusstseins — Unterklasse; Wertprespektivismus — Oberklasse.

2. Werdensbetrachtung — Unterklasse; Seinsbetrachtung — Oberklasse.

3. Mechanische Weltbetrachtung—Unterklasse; teleologische Weltbetrachtung — Oberklasse.

Но подобно тому как естественно-историческое развитие меняет формы биологических видов, историческое развитие общества, в основе своей имеющее движение производительных сил, меняет общественно-историческую форму труда, „общественные структуры“, „способы производства“, вместе с которыми меняется и вся идеологическая надстройка, вплоть до „высших“ форм теоретического познания и мыслительных иллюзий. Движение производительных сил, противоречие между ними и историческими формами общественного труда являются, следовательно, причиной *смены* этих форм, реализуемой через классовую борьбу (поскольку речь идет о классовых обществах) и взрыв устаревшей общественной структуры, превратившейся из „формы развития“ в „оковы развития“. Таким образом практика *материального труда* есть основная движущая сила всего процесса в целом, практика *классовой борьбы* есть критически-революционная практика общественного преобразования („критика оружием“, которая сменяет „оружие критики“), практика *научного познания* есть продолженная в особых формах практика материального труда (естествознание), управления и классовой борьбы (общественные науки). „Классовый субъективизм“ *форм познания* совершенно не исключает объективного „смысла“ познания: в известной мере познание внешнего мира и общественных закономерностей имеется у каждого класса, но специфические способы представления в их историческом движении *поразному* обусловливают процесс развития адэкватности познания,

---

4. Realismus (Welt vorwiegend als „Widerstand“) — Unterklasse; Idealismus — Oberklasse (Welt vorwiegend als „Ideenreich“).

5. Materialismus — Unterklasse; Spiritualismus — Oberklasse.

6. Induktion, Empirismus — Unterklasse; Aprioriwissen, Rationalismus — Oberklasse.

7. Pragmatismus — Unterklasse; Intellektualismus — Oberklasse.

8. Optimistische Zukunftsansicht und pessimistische Retrospektion — Unerklasse; pessimistische Zukunftsaussicht und optimistische Retrospektion, „die gute alte Zeit“, — Oberklasse.

9. Widersprüche suchende Denkart oder „dialektische“ Denkart — Unterklasse; identitätssuchende Denkart — Oberklasse.

10. Milieutheoretisches Denken — Unterklasse; nativistisches Denken — Oberklasse“.

Эта своеобразная таблица сугубо схематична, неисторична, но в ней есть отдельные элементы верного. Впрочем, это верное не мешает Scheler'у стоять целиком на стороне „Oberklasse“ и пускаться в дебри адэкватной религиозной метафизики.

й движение истории может привести к такому „способу представления“, который станет оковами и для познания. Это бывает накануне гибели данного способа производства и его классовых носителей.

С этой *историко-материалистической* точки зрения следует подходить и к чрезвычайно запутанному вопросу о *соотношении между теоретическими („чистыми“) и прикладными дисциплинами.*

Здесь есть значительное количество различных решений: а) критерием берется разница между каузальным теоретическим рядом („Naturgesetz“, закон) и телеологическим нормативным рядом (правило, система правил, рецептура)[1]; б) критерием берется разграничение по объекту: „чистые“ науки изучают естественную среду, данную человеку; прикладные науки—искусственную среду (машины, транспортная техника, аппаратура, сырье и т. д.)[2]; в) критерием берется время („чистые“ науки работают на долгие сроки, забегая вперед, прокладные—обслуживают „текущий момент“)[3]; г) критерием берется, наконец степень общности („абстрактности“) той или другой дисциплины.

По этому поводу следует заметить: а) по первому критерию: телеологически излагаемые „науки“ в сущности не являются науками, они—искусства (Künste, „художества“ по М. Ломоносову); однако любая система норм (мы здесь не говорим об этике и т. д.) опирается на систему объективных законов, которые либо скрыто подразумеваются, либо прямо излагаются как таковые; с другой стороны, науки в собственном смысле слова („чистые науки“) не являются „чистыми“, ибо *выбор объекта* определяется практическими, в конечном счете, целями, что, в свою очередь, можно и должно рассматривать с точки зрения причинной закономерности общественного развития[4]; б) по второму критерию: машиноведение, например, может быть

[1] *Э. Гуссерль,* Логические исследования. Ср. *М. Ломоносов,* Слово о пользе химии, Собр. соч., ч. III, СПБ 1840, стр. 1.

[2] *Paul Niggli,* Reine und angewandte Naturwissenschaft, „Die Naturwissenschaften“, 19 Jahrgang, Heft 1.

[3] См. *W. Ostwald,* Der energetische Imperativ. Monistische Sonntagspredigten. I. Reihe, Lpz. 1912, S. 46, 53.

[4] Недавно еще бывшие модными попытки школы H. Rickert'a вырыть непроходимую пропасть между общественными и естественными науками логически опираются на наивное представление, будто в естественных науках, в противоположность общественным, нет „отнесения

изложено, как „чистое“, т. е. теоретически, без норм, без конструктивных правил; однако обычно в изложении мы имеем и телеологически-нормативный элемент; то же необходимо сказать, например, о сопротивлении материалов, товароведении и т. д.; это не случайно, ибо здесь самый *объект* („искусственная среда“) есть материальная *практика;* в) по третьему критерию: „длительной“ может быть и ярко-практическая задача (например, проблема воздухоплавания, как она стояла в течение ряда *столетий,* или — в настоящее время — передача энергии на расстояние), задача, которая имеет *всегда* и свой „чисто практический“ эквивалент; г) по четвертому критерию: „чисто теоретической“ может быть и весьма конкретная дисциплина, ибо знание разбилось на ряд ручейков и крайне специализировалось; вряд ли, например, кому-либо придет в голову отнести к прикладным наукам яфетическую теорию языка, хотя и она, разумеется, связана с целым рядом важнейших практических задач. (Здесь же следует также отметить и относительность понятий конкретного и абстрактного.) Итак, повидимому, все определения дефектны. Наиболее верным определением является сечение по признаку каузального и телеологического ряда.

к ценности“. Это „отнесение к ценности“ есть и в естественных науках поскольку речь идет о *выборе объекта.* Однако *телеология* должна быт *изгнана* из науки как системы теоретических положений, вскрывающих объективные закономерности, и это в равной степени относится и к общественным и к естественным наукам. Raison d'être риккертианского взгляда для буржуазии состоит, впрочем, в том, что ее общественная наука быстро катится к научному небытию, превращаясь все более в простую *апологию* капиталистического строя, имеющую для гг. Риккертов поистине выдающуюся „ценность“. Что касается другого „принципиального“ различия, проводимого Rickert'ом (исторический характер общественных наук и а- исторический естественных), то оно опирается на крайнюю узость горизонта, которая подмечает историческую подвижность некоторых общественных явлений, но не видит *истори‹ природы* В настоящее время на смену Rickert'у идет новое течение — Dilt hey. M. Webek, O. Spann, W. Sombart, — которое провозглашает невозможность познания внешней природы („сути вещей“) и полную возможность познания „смысла“ („Sinn“) общественных явлений, причем, по Зомбарту, естественные науки годны практически, тогда как общественные нау и не могут иметь практического приложения. Поистине современ ая буржуазная на‹ка начинает ходить на голове! (Ср. *W. Somb‹rt,* Die drei Nationalökonomien. Geschichte und System der Lehre von der Wirtschaft. Verl. von Duncker und Humblot, 1930).

Однако и здесь мы видим явные изъяны с точки зрения действительных соотношений. Но все эти дефекты логических определений вскрывают объективную диалектику действительности: противоречия здесь получаются потому, что есть объективное противоречие между теорией и практикой и в то же время их единство; есть различие их, как противоположных полюсов человеческой деятельности, и в то же время их взаимопроникновение; есть их раздельное существование, как функций, как ветвей разделенного общественного труда, и в то же время их единое бытие, как моментов совокупного „производства общественной жизни". Под покровом трудности точного размежевания прикладных и теоретических наук бьется диалектика соотношений между теорией и практикой, *переход* одного в другое, что не укладывается — и не может уложиться — в рамки школьно-логических, академически-гелертерских определений. В действительности мы имеем целую цепь различных теоретических дисциплин, связанных внутренней связью („*классификация наук*, из которых каждая анализирует отдельную форму движения или ряд связанных между собой и переходящих друг в друга форм движения, является также классификацией, иерархией согласно присущему им порядку самих этих форм движения, и в этом именно и заключается ее значение")[1]; эти дисциплины рождаются из практики, которая ставит себе сперва „технические" задачи, эти последние требуют, в свою очередь, решения „теоретических" задач, задач первого, второго и т. д. порядка, причем создается и своя (относительная) логика движения; практика, таким образом, перерастает в теорию, искомое правило действия превращается в поиски закона объективных соотношений; завязываются бесчисленные узлы и сплетения проблем и их решений; эти, в свою очередь, оплодотворяют иногда целый ряд иерархически нижестоящих дисциплин и через технологию внедряются в технику и, следовательно, в непосредственную практику материального труда, преобразующую мир. Здесь закон превращается в правило действия, познавательное решение про-

[1] *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, стр. 31 — 33. Ср. также *Гегель*, Феноменология духа, СПБ 1913, стр. 112: „Признаки не только должны иметь существенное отношение к познанию, но и быть существенными определениями вещей, так что искусственная система должна согласоваться с системой самой природы и выражать только ее".

веряется этим действием, ориентация в среде трансформируется в изменение среды, интеллект погружается в волю, теория снова обратно превращается в практику. Но эта метаморфоза имеет своим конечным результатом отнюдь не простое повторение прежнего практического цикла, ибо практика становится практикой *на более могущественной и качественно иной основе*.

Проблема „чистых“ и „прикладных“ наук, отражающая и выражающая проблему теории и практики, не есть, однако, чисто логическая проблема. Она сама есть проблема *истории* и проблема преобразующей *исторической практики*. Острота проблемы в недрах капиталистического строя, и даже сама постановка проблемы, есть теоретическое выражение реально-раздельного, профессионально и классово фиксированного *разрыва* между теорией и практикой, разрыва, разумеется, не абсолютного, а относительного. Этот разрыв, следовательно, есть исторический разрыв; он связан с определенной исторически-экономической формацией, с определенным исторически-преходящим „способом производства“, с раздвоением труда на умственный и физический труд, с поляризацией классов. Можно поэтому с полным правом сказать, что общественно-экономические формации („способы производства“, „экономические структуры“) отличаются друг от друга и определенным характером соотношения между *теорией и практикой*. В самом деле, в теократическом государстве древнего Египта были элементы натурального централизованного планового хозяйства; знание (теория) ближайше было связано с практикой, ибо целесообразно направлялось на практику. Но эта связь была особого типа: знание было недоступно массе работников; *их* практика для *них* была слепа, знание — окружено ореолом страшной тайны. В этом смысле наблюдался огромный *разрыв* между теорией и практикой. Если мы возьмем для сравнения эпоху промышленного капитализма, эпоху расцвета „экономического человека“, безбрежного индивидуализма, „laissez faire“, то здесь мы видим другую картину: в общественном масштабе никто не ставит организованно ни задач познания, ни задач приложения полученных знаний; разделение труда образует группу ученых и идеологов, связанных с господствующим классом, в свою очередь, разбитым конкуренцией на куски. Связь теории с практикой создается в значительной мере „в частном порядке“. Но раздвоение умственного и физического труда не уничто-

жается; оно получает иное выражение: известная степень „демократизации знания“, необходимая с точки зрения техники, образование большого слоя технической и другой интеллигенции, специализация науки, создание высоких теоретических обобщений, совершенно удаленных от *сознания* массы практических работников (наемных рабочих). Это другой тип связи[1]. Его неизбежным следствием является абстрактный и безличный фетишизм науки (наука для науки), исчезновение социального самосознания науки и т. д. Современный капитализм воспроизводит эту анархию на новой, более могущественной основе трестированных производственных комплексов и соответствующих научных организаций. Но он не может ни найти научного синтеза, ни дойти до самопознания науки, ни дойти до ее организации, ни дойти до ее *слияния с практикой*. Эти задачи, мучительно ощущаемые, выводят уже *за пределы капитализма.*

3. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СССР И ЭМПИРИЧЕСКАЯ ПРОВЕРКА ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Из всего предыдущего следует, что вопрос о теории и практике есть одновременно и теоретический, и практический вопрос, что и теория, и практика, и формы сочетания теории и практики—историчны, связаны с определенным историческим укладом общества, его развитием, его „движением“. Поэтому не подлежит никакому сомнению, что особо бурный ход общественной жизни (революция) и новый общественный уклад (социализм im Werden) представляют исключительно выдающийся интерес с точки зрения разбираемой нами проблемы.

---

[1] Можно было бы привести и ряд других примеров. Цитированный нами Мур пишет в своей „Истории химии“ о греческих философах: „Им нехватало непосредственного знакомства с химическими превращениями. Благодаря своему общественному положению они лишены были непосредственного общения с теми, кто мог бы сообщить им практические сведения, а общий дух эпохи заставляет пренебрегать экспериментом, равно как и физической работой. Только чистая мысль считалась достойной философа“ (2). „Медленный процесс науки в древности объясняется разобщенностью теории с практикой. Не существовало никакого общения между теми, которые работали, и теми, которые мыслили“ (9—10). См. также *Hermann Diels,* Wissenschaft und Technik bei den Hellenen в „Antike Technik“, Verl. Teubner, Leipzig u. Berlin 1920, S. 31 u. ff. Ср. с этим замечание Маркса об Аристотеле в „Капитале“ т. I.

Всякое знание проверяется на практике, проверяется опытом. Это же нужно сказать о систематизированном знании, о теории, теоретическом направлении, „доктрине“. Здесь уместно, прежде всего, констатировать, что *марксизм* оказался взвешенным на весах истории и проверенным ею по самым различным направлениям: марксизм предсказал войну; марксизм предсказал полосу революций, весь характер переживаемой эпохи; марксизм предсказалл диктатуру пролетариата и возникновение социалистического строя; еще раньше оправдалась блестяще теория концентрации и централизации капитала и т. д. Революция оказалась *великим дефетишизатором*, обнаружившим основные общественные связи и взаимозависимости в их реальном значении. *Государство* представлялось буржуазной науке то особым организмом (вплоть до определения его пола), то фантазмой, то проявлением „Абсолютного духа“, то всеобщей организацией народной воли и т. д. Революция разбила одно государство, построила другое, *практически* вторглась в эту область действительности, выяснила и составные части государства, и его функции, и его людской аппарат, и его „материальные привески“, и его классовое значение, и его значение с точки зрения экономики. Она *целиком* подтвердила теоретическое учение Маркса о государстве. То же самое произошло с правовыми нормами, с „законом“; юридический фетишизм разлетелся вправ. *Мораль*, которая нашла свое „теоретическое обоснование“ в категорическом императиве Канта и которая достигла высшей ступени обожествления, обнаружила себя как система относительных исторических норм, имеющих вполне земное, вполне общественное, вполне историческое происхождение. *Религия*, которая почитается наиболее высоким продуктом человеческой мысли, оказалась слепком с общества господ и рабов, построением, сделанным по модели дуалистического общества, по модели иерархической лестницы господства и эксплоатации. Именно поэтому она стала быстро отмирать.

Но переворот в *мыслительных категориях*, который явился неизбежным результатом *материального* переворота, еще не закончился. Мы явно присутствуем в его первой фазе. Здесь необходимо остановиться на некоторых, связанных с этим проблемах, имеющих отношение к вопросу о теории и практике.

Капиталистический хозяйственный строй есть строй неор-

ганизованной, стихийно проходящей, иррациональной *в целом* хозяйственной жизни („анархия производства", конкуренция, кризисы и т. д.). Социалистический хозяйственный строй есть строй организованного, планового и антиэксплоататорского хозяйства, где мало-помалу исчезает разделение между городом и деревней, умственным и физическим трудом. Отсюда вытекают огромные последствия. Прежде всего необходимо отметить изменения в *характере общественной закономерности*. Закономерность капитализма есть *стихийная закономерность*, складывающаяся помимо (а иногда и против) воли людей (типична закономерность промышленного цикла, *кризиса* и т. д.); эта закономерность проявляется в виде принудительного закона, „подобного закону тяжести, когда над вашей головой обрушивается дом"[1].

По отношению к действиям отдельных людей эта закономерность иррациональна, хотя бы каждый из них поступал по всем правилам рациональной калькуляции. Это иррациональное течение жизни есть следствие анархичности капиталистической структуры. Другой тип носит закономерность в организованном социалистическом обществе. Она теряет (если речь идет о процессе: *начинает* терять) свой стихийный характер: будущее предстоит как план, как цель; *каузальная связь* реализуется через общественную *телеологию;* закономерность обнаруживается не post factum—непредусмотренная, непонятная, слепая; она обнаруживается, как „познанная необходимость" („свобода есть познанная необходимость"), реализуемая через *организованное в общественном масштабе действие.* Следовательно, здесь налицо другой тип закономерности, другое соотношение между индивидуумом и обществом, другое соотношение между каузальным и телеологическим рядом. В капиталистическом обществе теоретическое предвидение общего хода событий не дает в руки оружия непосредственного овладения этим ходом (да и нет субъекта, который ставил бы себе такую задачу: общество само бессубъектно, слепо, неорганизованно). В социалистическом обществе теоретическое предвидение может *сразу* стать нормой действия в масштабе *всего общества,* т. е. в масштабе „целого". Тем самым дана *возмож-*

---

[1] *K. Marx*, Das Kapital, B. I. Ср. также *F. Engels*, Ludwig Feuerbach etc.

ность слияния теории и практики, их огромного общественного синтеза, исторически все более реализуемого по мере уничтожения разрыва *между умственным и физическим трудом.*

В *хозяйственной* жизни капитализма элементарная общественная необходимость определенных пропорций между отраслями производства устанавливается путем стихийных колебаний цен, в которых проявляется закон ценности как стихийный регулятор общественно-производственной жизни. В хозяйственной жизни социализма распределение ресурсов (средств производства и рабочих сил) совершается как конструктивная задача плана. Но план не падает с неба: он является сам выражением „познанной необходимости". Следовательно, здесь, а) задачи *познания* вырастают колоссально; б) это познание должно охватить огромное количество проблем и выразиться в работе всех дисциплин; в) это познание должно становиться синтетичным, ибо план есть *синтез,* и научно разработанный план может опираться *только* на синтез; г) это познание непосредственно связано с практикой: оно опирается на нее, оно служит ей, оно переходит в нее, ибо план *активен;* он одновременно есть продукт научной мысли, вскрывающей причинные закономерности, и система установок, орудие действия, непосредственный регулятор практики, ее составная часть. Но план социалистического строительства не есть только план *хозяйства:* процесс *рационализации жизни,* начинаясь с уничтожения иррациональности в области хозяйства, отбивает у нее одну позицию за другой — плановое начало вторгается в область „духовного производства", в область науки, в область *теории.* Таким образом здесь возникает новая, гораздо более сложная проблема: проблема рационализации не только материально-хозяйственного базиса общества, но и соотношения между сферой материального труда и труда „духовного", а также соотношений *внутри* последнего, — наиболее ярким выражением этого является вопрос о *планировании науки*[1].

В *идеологической* жизни капитализма известная общественная необходимость определенных (гораздо менее определенных, чем в хозяйстве!) пропорций между различными отраслями идеологического труда в чрезвычайно малой дозе регулируется госу-

---

[1] Конкретно об этом см. „Труды I Всесоюзной конференции по планированию научно-исследовательской работы", Москва 1931.

дарственной властью (целиком регулируются лишь производство и распространение религиозных идей через государственную церковную организацию). Закономерности развития и здесь стихийны. Те основные положения, которые выдвигает теория исторического материализма, не могут для господствующего класса служить нормой действия в общественном масштабе этого действия по тем же причинам, по которым не реализуем капиталистический „план“: план противоречит самой структуре капитализма, основным доминантам его строения и его развития. Строительство социализма и здесь ставит всю проблему поновому. Стихийная закономерность взаимозависимостей между хозяйством и идеологиями, между совокупной хозяйственной практикой и многоразличными ветвями теоретического труда в значительной мере уступает место плановому началу. При этом подтверждаются все основные положения теории исторического материализма: можно осязать руками, как потребности быстрого и интенсивного роста СССР властно диктуют решение ряда технических задач, как решение этих задач, в свою очередь, диктует постановку крупнейших теоретических проблем, вплоть до общих проблем физики и химии; можно осязать руками, как развитие социалистического сельского хозяйства толкает вперед развитие генетики, биологии вообще и т. д.; можно наблюдать, как исключительно настоятельная потребность в изучении естественных богатств Союза расширяет поле геологических разведок, движет вперед геологию, геохимию и т. д. При этом становится кристаллььно ясным и наглядным все убожество мысли, будто „полезность“ науки означает ее принижение, сужение ее размаха и т. д. Великая практика требует и великой теории. Строительство науки в СССР происходит как сознательное строительство научных „надстроек“: план научных работ, в первую очередь, определяется технико-экономическим планом, перспективами технического и хозяйственного развития. Но это значит, что тем самым дается *не только синтез науки, но и общественный синтез науки и практики*. Уничтожается относительная разобщенность между теорией и практикой, характерная для капитализма. Уничтожается фетишизм науки. Наука достигает вершин своего общественного самопознания.

Но *социалистическое* объединение теории и практики есть их наиболее *радикальное* объединение. Ибо, постепенно уничтожая разделение между умственным и физическим трудом, рас-

пространяя так называемое „высшее образование“ на *всю* массу работников, социализм сливает теорию и практику *в головах миллионов*. Поэтому синтез теории и практики означает здесь совершенно исключительный рост эффективности научного труда и эффективности всего социалистического хозяйства в целом: объединение теории и практики, науки и труда есть *выход массы* на арену культурного творчества, есть превращение пролетариата из объекта культуры в ее субъекта, организатора, творца. Эта революция в самих основах культурного бытия сопровождается необходимым образом революцией в *методах* науки: синтез предполагает *единство научного метода;* таким методом становится *диалектический материализм,* являющийся объективно высшим достижением человеческой мысли. Соответствующим образом строится и *организация* научного труда: вместе с концентрированным плановым хозяйством растет и *организация научных учреждений,* превращающаяся в огромный коллектив работников [1].

Таким образом возникает новое общество, быстро растущее, быстро догоняющее своих капиталистических антагонистов, все более и более развертывающее скрытые возможности своей внутренней структуры. С точки зрения *всемирной истории* все человечество, весь orbis terrarum распался на два мира, две хозяйственные и культурно-исторические системы. Налицо великая всемирно-историческая антитеза: происходит на наших глазах поляризация *хозяйственных систем,* поляризация классов, поляризация способов сочетания, теории и практики, поля-

---

[1] *Otto Neurath,* Wege der wissenschaftlichen Auffassung („Erkenntnis“, B. I, Heft 2—4, S. 124): „In grösstem Stil planmässig gedankliche Gemeinschaftsarbeit ist als Allgemeinerscheinung wohl nur möglich in einer planmässig durchorganisierten Gesellschaft, die mit Hilfe irdisch begründeter Mittel, straff und bewusst die Lebensordnung in Hinblick auf irdisches Glück gestaltet. Soziale Wandlungen sind Träger geistiger Wandlungen“. Тот же автор отдает должное материалистическому пониманию истории (121), признавая факт верных прогнозов, поставленных марксистами. Совершенно по-другому выглядит философская эволюция В. Зомбарта, который в своей последней книге пишет, что своей чудовищной мощью марксизм обязан „ausschliesslich den in Mystik auslaufenden geschichtsphilosophischen Konstruktionen dieser Heilslehre“ (*Werner Sombart,* Die drei Nationalökonomien, S. 332). Это обвинение марксизма в мистицизме так же нелепо, как и вышеупоминавшаяся „суть“, „смысл“ новейшей „социологии смысла“. И в обвинениях против теории революционного пролетариата буржуазная наука явно начинает бредить!

ризация „способов представления“, поляризация *культур*. Кризис буржуазного сознания идет глубоко и проводит отчетливые борозды; по всему фронту науки и философии мы имеем гигантские сдвиги, которые превосходно (с точки зрения основной ориентировки) формулирует O. Spann: главное—это истребительная война против *материализма;* именно в этом — великая культурная задача[1], по мнению воинственного профессора, протестующего против знания без бога и знания без добродетели (Wissen ohne Gott und Wissen ohne Tugend). В *хозяйственной* идеологии, под влиянием кризиса капиталистической системы, началась прямая проповедь возврата „к кирке и мотыке“, к домашним методам производства. В области „духовный культуры“ — возврат к религии, к замене рационального познания — интуицией, „вчувствованием“, „созерцанием целого“ и т. д. Поворот от индивидуалистических форм сознания налицо. Он повсеместен: идея „целого“, „целокупности“ („das Ganze“, „Ganzheit —в философии, биологии (Дриш и виталисты), в физике, в психологии (Gestaltpsychologie), в экономической географии (комплексные штандорты), в зоологии и ботанике (учение о гетерогенных „обществах“ растений и животных), в политической экономии (крах школы „предельной полезности“, „социальные“ теории, „универсализм“ Шпанна) и т. д. и т. п. Но этот поворот к „целому“ совершается на основе *абсолютного* отрыва целого от его частей, на основе *идеалистического* понимания субстанции „целого“, на основе крутого поворота к *религии,* на основе методики сверхчувственного „познания“. Немудрено поэтому, что из любой научной гипотезы делаются квази-философские (по сути дела религиозные) выводы, а на крайнем и наиболее последовательном крыле открыто выдвигается лозунг *нового средневековья*[2]. В полной противоположности с этим понятным развитием поднимается молодой социализм: его хозяйственный принцип — максимум технико-

---

[1] D-r *Othmar Spann,* Die Krisis in der Volkswirtschaftslehre, S. 10: „...so finden wir...„ dass ein ...auf Vernichtung hinzielender Kampf gegen.: sagen wir zuletzt Materialismus jeden Schlages, geführt wurde. Seit der Aufklärung gibt es keine lebenswichtigere Angelegenheit der Kultur...“.

[2] *E. Morselli:* Πραττεῖν, ποιεῖν, θηωρεῖν. „Rivista di filosofia“, XXII, № 2. „è un ritorno a un nuovo Medio evo che in forme varie agita oggi il pensiero della „élite“ europea“ (p. 134). См. также *Berdiaeff,* Un nouveau Moyen Age, Paris 1927.

экономической мощи, плановости, развития всех человеческих способностей и потребностей; его культурно-исторический стиль определяется марксистским мировоззрением: против религиозной метафизики он выдвигает диалектический материализм; против расслабленного интуитивного созерцания — познавательный и практический активизм; против полета в несуществующие метэмпирические небеса—социалистическое самопознание всех идеологий; против идеологии пессимизма, отчаяния, „судьбы", fatuma—революционный оптимизм, переворачивающий мир; против полного разрыва теории и практики—их величайший синтез; против выделения „élite"—объединение миллионов. Родилась не только новая хозяйственная система. Родилась новая культура. Родилась новая наука. Родился новый стиль жизни. Это есть величайшая в человеческой истории антитеза, которая и теоретически и практически будет преодолена силами пролетариата, последнего класса, претендующего на власть, чтобы в конце концов положить конец всякой власти.

ТЕХНИКА И ЭКОНОМИКА СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА[1]

Кризис, который переживает в настоящее время вся капиталистическая система, не может не представлять глубочайшего теоретического и практического интереса. Теперь уже вряд ли кто станет отрицать, что человечество переступает решающие границы своего исторического развития. Перед научным познанием, которое является орудием активной практики, встает задача теоретического анализа основных закономерностей развертывающегося на наших глазах исторического процесса. Коренным вопросом, касающимся данной области, является вопрос о конфликте между производительными силами и производственными отношениями современного капитализма. Следовательно, и вопрос о соотношении между его *техникой* (которая есть часть производительных сил) и его *экономикой* является крупнейшим вопросом.

1. ТЕХНИКА И ЭКОНОМИКА

В основе всего движения общества лежит *процесс труда*. Процесс труда является необходимым условием, всеобщим и обязательным для всех исторических формаций. Он есть „обмен веществ“ между обществом и природой, где человек выступает, как активная величина[2]. Процесс труда предполагает *произ-*

---

[1] Речь на торжественном годовом собрании Академии наук СССР 29/II 1932 г.

[2] „Die Arbeit ist zunächst ein Prozess zwischen Mensch und Natur, ein Prozess, worin der Mensch seinen Stoffwechsel mit der Natur durch seine eigene Tat vermittelt, regelt und kontrolliert. Er tritt dem Naturstoff selbst als eine Naturmacht gegenüber“. И раньше: „Der Arbeitsprozess ist... zunächst unabhängig von jeder bestimmten gesellschaftlichen Form zu betrachten“ (*K. Marx,* Das Kapital, B. I. Volksausgabe, Stuttgart, Dietz, 1914, S. 133). Эта роль труда в значительной мере выяснена еще физиократами. См. *Dupont de Nemours,* De l'origine et des progrès d'une science nouvelle, 1768, p. 12; *Nicolas Baudeau,* Première introduction à la philosophie économique ou ana-

водительные силы общества (его материальные производительные силы), движение которых и есть самый процесс труда. Производительные силы представляют собою органическое единство средств производства („мертвого труда" в специфической форме) и живой рабочей силы, этой важнейшей производительной силы общества[1]. Движение производительных сил (процесс труда) всегда проходит в определенных историко-экономических формах. Отношения между людьми, которые складываются в процессе производства на базе различного отношения к средствам производства (в классовых обществах это и есть основа классового деления), определяют общественно-экономическую структуру, специфически-историческую общественную формацию, тип „производственных отношений", „способ производства" в экономическом значении. По отношению к процессу труда как таковому общественная структура является формой; по отноше-

---

lyse des états policés, 1767, p. IV—V, 2 и др.; *Le Mercier de la Rivière*, L'Ordre Naturel et Essentiel des Sociétés Politiques, 1767, p. 5, 6. Все сочинения цитируем по изданию „Collection des Economistes et des Réformateurs sociaux de la France", publié par Dubois, Paris 1910.

[1] Ср. *Д. С. Милль*, Основания политической экономии. Пер. и прим. Н. Г. Чернышевского, СПБ 1909, стр. 107—108 („Неприятель опустошает страну огнем и мечом, разрушает или увозит почти все существующее в ней движимое имущество; все жители разорены; но через несколько лет все почти в таком же виде, как было до войны. Эта vis medicatrix naturae... часто бывала предметом бесплодного изумления... Возможность быстрого возвращения погубленных бедствием богатств зависит, главным образом, от того, сохранилось ли население страны". Ср. также *K. Marx*, Das Elend der Philosophie, S. 163: „Von allen Produktionsinstrumenten ist die grösste Produktivkraft die revolutionäre Klasse selbst". Милль, как типичный эклектик, „бездарный синкретизм" которого был в свое время отмечен Марксом, трактует этот вопрос под углом зрения „сбережения". О производительных силах см. *Marx*, Das Kapital; *он же*, Misère de la philosophie; *он же*. Einleitung zu einer Kritik der polit. Ökonomie и др.; *Rodbertus-Jagetzow*, Zur Beleuchtung der sozialen Frage, Teil I, 2. Aufl., hg. von M. Wirth, Berlin 1875 u. 1885, S. 60; *Fr. List*, Das nationale System der polit. Ökonomie. Статья *Kleinwächter* (Schönbergs Handbuch der polit. Ökonomie), Die volksw. Produktion im Allgemeinen сваливает в одно все „факторы", от климата до религии включительно. F. Oppenheimer (Theorie der reinen und polit. Ökonomie) считает труд единственной производительной силой (138), как и Rodbertus [см. упоминаемое сочинение, стр. 65: „Arbeit ist das ursprüngliche Opfer, die primairen Kosten *die erste und letzte Produktivkraft*" (курсив наш. *Н. Б.*)]. Здесь дано смешение ценности и „богатства".

нию к общественной структуре процесс труда, rsp. процесс производства, является содержанием. Рассматриваемый с точки зрения своего круговорота процесс производства является процессом *воспроизводства*.

Процесс труда во всех общественно-исторических формациях обнаруживает при ближайшем рассмотрении свой *двоякий характер*, вскрывая при этом внутренние противоречия разных типов, в нем заложенные. С одной стороны, он есть процесс производства полезных предметов, „потребительных ценностей"; с другой—его продукты являются воплощением труда и на этой основе приравниваются друг к другу; в первом случае он конкретен, во втором — перед нами общественный безразличный труд. Двойственность труда имеет особую, совершенно специфическую форму в товарно-капиталистическом обществе, где общественный характер труда принимает форму абстрактного труда. В то время как, например, в социалистическом хозяйстве конкретный труд сразу выступает как непосредственно общественный труд, противопоставляемый безразличному общественному труду, в условиях товарного (rsp. капиталистического) хозяйства конкретный труд противостоит абстрактному, как труд частный труду специфически общественному. Здесь, с одной стороны, труд производит конкретные и исторически определенные потребительные ценности, с другой — он производит ценности (товарные ценности), причем категория ценности отражает характерную особенность товарного, rsp. капиталистического хозяйства: основой является здесь единство общественного производства при его раздробленности и связи его через обмен; продукты общественного труда приравниваются как таковые друг к другу *без того*, чтобы агентами хозяйства сознавался общественный характер труда. Безразличный общественный труд становится абстрактным трудом. Продукт становится товаром, абстрактный труд образует „ценность", в „вещи" проявляется производственная связь между людьми; процесс труда создает прибавочную ценность при превращении рабочей силы в товар; он становится, следовательно, процессом создания капитала, который есть не вещь, а общественное отношение, проявляющееся в вещи. Таким образом труд раздвоен: он является в условиях капитализма конкретным (исторически-конкретным) трудом, создающим исторически-конкретные потребительные ценности, удовлетворяющие специфи-

ческие потребности этого общества как такового[1]; в то же время он является абстрактным трудом, трудом со специфически-историческими чертами (как труд, общественный характер которого устанавливается „за спиной“ агентов товарного хозяйства, в стихийном и иррациональном его развитии),—трудом, создающим ценность, прибавочную ценность, капитал; он воссоздает, следовательно, капиталистические общественные отношения производства[2].

Следовательно, можно различать раздвоение единого процесса труда и вскрывать его внутренние противоречия: a) как они развиваются в историческом движении экономических формаций и их переходе одной в другую (что будет соответствовать теории политической экономии в широком смысле слова, если употреблять выражение Ф. Энгельса) и b) с точки зрения *капиталистического* общества и его категорий (что будет соответствовать теории капитализма, т. е. политической экономии в узком смысле слова).

Из вышеприведенного вытекает, что объектом теории капитализма является не одна „форма“, отделенная от „содержания“, не отношения капиталистического производства в их *оторванно-*

---

[1] В литературе чрезвычайно мало обращалось внимания на исторический характер потребительных ценностей (это касается и средств производства и предметов потребления). Между тем у Маркса мы находим такое в высшей степени характерное суждение: „Damit besitzt der Gebrauchswert — als Gebrauchswert der „Ware“ — selbst einen historisch-spezifischen Charakter... (Herr Rodbertus dahingegen verwandelt den „gesellschaftlichen Gebrauchswert“ der Ware in den „gesellschaftlichen Gebrauchswert“ schlechthin, faselt daher)“... „bei mir der Gebrauchswert eine ganz andere Rolle spielt als in der bisherigen Ökonomie, dass er aber notabene immer nur in Betracht kommt, wo solche Betrachtungen aus der Analyse gegebener ökonomischer Gestaltungen entspringen, nicht aus Hin- und Herraisonnieren über die Begriffe und das Wort „Gebrauchswert“ und „Wert“ (*К. Маркс*, Конспект и критические замечания по поводу книги А. Вагнера, Allgemeine oder theoretische Volkswirtschaftslehre, T. I, Grundlegung, 2. Aufl, 1, 1879; цитировано по рукописи Маркса.

[2] Мы различаем, таким образом, безразличный труд и абстрактный труд капиталистического общества. Ср. Marx: „...der Wert der Ware nur in einer historisch entwickelten Form ausdrückt was in allen anderen historischen Gesellschaftsformen ebenfalls existiert, wenn auch in anderer Form, nämlich gesellschaftlicher Charakter der Arbeit, sofern sie als Verausgabung gesellschaftlicher Arbeitskraft existiert“, „...und der abstrakten Arbeit, der Arbeit als Verausgabung der Arbeitskraft, gleichgültig in welcher „nützlicher“ Weise sie verausgabt werde“... (ibidem).

сти от производства, а *процесс производства* (rsp. *воспроизводства*) *в его исторической форме*[1].

„Как творец (Bildnerin) потребительных ценностей, как полезный труд, труд... является независимым от каких бы то ни было общественных форм условием человеческого существования, вечной естественной необходимостью (ewige Naturnotwendigkeit), опосредствующей обмен веществ между человеком и природой, следовательно, человеческую жизнь“ („Das Kapital“, I, 10). Особые виды материи он подчиняет особым потребностям. Эта полезная деятельность „определяется своей целью, способом операций, предметом, средствами, результатом“ (ibidem, 9). Раз дана эта цель, человек выступает здесь сам как сила природы, использующая ее законы, изменяющая форму материи с помощью ее сил. В своей работе человек подчинен законам природы; его трудовые операции (раз поставлена определенная хозяйственная цель) опираются на естественные, независимые от его воли, связи и соотношения; человек овладевает ими, подчиняясь им, как отмечал еще Бэкон[2]. Таким образом конкрет-

---

[1] В своей работе „Хозяйство и цена“ г-н П. Струве положил начало широко распространенной в этом вопросе путанице якобы вскрыв жестокую непоследовательность Маркса. Последнего он признает как гениального творца учения о товарном фетишизме („социологические мотивы“), но категорически отрицает как материалиста („натуралистические мотивы“). Струве создает, следовательно, *плоское* противоречие между общественным отношением и затратой материального труда. Между тем, гениальность Маркса в том и состоит, между прочим, что у него общество *противостоит* природе и в то же время образует с ней *единство* (оно—не супра-натуральная величина); труд есть „обмен веществ“ с природой и в то же время процесс воспроизводства отношений между людьми и т. д. С другой стороны, и само общество является в основе своей совокупностью материальных отношений и отнюдь не сводится к психическим взаимодействиям. Нужно видеть и особое *качество* и развитие этого качества из других качеств. Кто отрывается от „содержания“ процесса воспроизводства, тот неизбежно должен тяготеть к так называемому „социальному“ направлению, дематериализовавшему экономику; генезис „социального“ направления: Кант, Риккерт, Штаммлер, Макс Адлер, Петри (см. особенно работу последнего). Кто отрывает „форму“ (которая „существенна“) от „содержания“, тот неизбежно впадает в поток вульгарной буржуазной теории, не будучи в состоянии понять ни одной категории капитализма. Здесь неизбежно царят тощие и бессодержательные абстракции.

[2] В. И. Ленин, приведя соответствующее место из „Науки логики“ Гегеля („Die mechanische oder chemische Technik bietet sich also durch

ный труд как обмен веществ с природой имеет свою специфическую закономерность, опирающуюся на объективные законы природы: характер, последовательность, связь операций; материалы, орудия труда и т. д. — все это (при данной цели) связано необходимыми нормами. Это и есть *техническая* сторона производства, производство как *технический процесс.* Так как он составляет момент общественного процесса производства, то его закономерности подчинены основным закономерностям общественного развития.

Под *техникой* можно разуметь:

1) техническую сторону производства, т. е. совокупность всех технических операций в их специфической связи;

2) систему орудий труда и соответствующую расстановку людей в производственном процессе (прежде всего, разделение труда);

3) только систему орудий труда („костную, мускульную и сосудистую системы производства“);

4) систему норм (теоретическая сторона технического процесса, т. е. *технология),* опирающихся на естественные науки: объектом здесь будут технологические процессы и, прежде всего, функции орудий труда[1].

Технология лежит за пределами нашего анализа. Первое и второе определения говорят об одном и том же (один раз в статике, другой раз—в динамике); третье определение есть неполное,

---

ihren Charakter, äusserlich bestimmt zu sein, von selbst der Zweckbeziehung dar, die nun näher zu betrachten ist“), комментирует его таким образом: „Техника механическая и химическая потому и служит целям человека, что ее характер (состав) состоит в определении ее внешними условиями (законами природы) (см. Ленинский сборник IX, стр. 214).

[1] Здесь уместно привести замечательное место из „Капитала“. „Darwin hat das Interesse auf die Geschichte der natürlichen Technologie gelenkt, das heisst auf die Bildung der Pflanzen- und Tierorgan als Produktionsinstrumente für das Leben der Pflanzen und Tiere. Verdient die Bildungsgeschichte der produktiven Organe des Gesellschaftsmenschen, der materiellen Basis jeder besonderen Gesell schaftsorganisation, nicht gleiche Aufmerksamkeit? Und wäre sie nicht leichter zu liefern, da, wie Vico sagt, die Menschengeschichte sich dadurch von der Naturgeschichte unterscheidet, dass wir die eine gemacht und die andere nicht gemacht haben? Die Technologie enthüllt das aktive Verhalten des Menschen zur Natur, den unmittelbaren Produktionsprozess seines Lebens damit auch seiner gesellschaftlichen Lebensverhältnisse und der ihnen entquellenden geistigen Vorstellungen“ (*K. Marx,* Das Kapital, B. I, 317, Fussnote).

одностороннее и узкое. Условно его можно принять, если только помнить о его односторонности.

Итак, существенным для определения *технического* момента, взятого условно в его изолированности, является то, что мы имеем дело с *натуральными* величинами; показатели технического типа суть натуральные показатели: таковы коэфициенты полезного действия машин и агрегатов, показатели скоростей химических реакций, показатели мощностей турбин, показатели степени использования топлива и т. д. и т. п. Система *измерительных приборов*, дающая соответствующие индексы, является базой математически точной проверки технологического процесса.

Другую сторону процесса производства представляют *безразличный общественный труд* и труд абстрактный в их противоположности труду *исторически-конкретному*. В плановом социалистическом хозяйстве известная сумма безразличного общественного труда должна быть правильно распределена между отраслями производства согласно потребностям. Безразличный общественный труд potentia, превращается в конкретные виды труда actu; но он все время выступает как *общественный* труд, причем каждая часть его рассматривается именно как часть совокупного *общественного* труда [1]. В меновом обществе и его высшей форме, обществе капиталистическом, абстрактный труд выражает специфические общественные отношения в *вещах*, причем агенты производства не сознают его общественного характера; *ценность* и развитая ее форма—*капитал* (т. е. ценность, приносящая прибавочную ценность), кажутся „естественными" свойствами *вещей* или *вещами*. Следовательно, абстрактный труд выражает общественные отношения товарного производства. Ошибка всей буржуазной экономии, включая даже ее лучших представителей поры классического расцвета (Смит и особенно Рикардо) и не говоря об эпигонах и вульгарных школах, заключалась в том, что она не понимала именно этой стороны дела [2]. Отношения между классами, воспроизводство этих

---

[1] См. *K. Marx*, «Das Kapital», B. I 42.

[2] Можно было бы цитировать без конца все нелепые определения капитала, которые смешивают *капитал* со *средствами производства*, т. е. экономическую категорию исторического общества с технической категорией, свойственной всем обществам. Все почти буржуазные школы разделяют эту путаницу. До гомерических размеров ее в свое время

отношений, процесс труда как процесс эксплоатации и самовозрастания капитала и т. д. — это есть предмет экономической теории капитализма. Соотношения между основными отраслями производства с точки зрения *общественного труда*, соотношения между потреблением и накоплением и т. д. составляют проблематику планового социалистического хозяйства. Но аналогичные вопросы уже в их специфически-капиталистической форме входят точно так же в область теории политической экономии капитализма, причем все движение проходит в ценностных формах. Следовательно, *показатели экономические — это показатели специфически общественного характера*: они относятся к безразличному общественному труду в натуральных хозяйствах, в товарном обществе — к труду абстрактному; они выражают общественные отношения производства; в капиталистическом обществе они все, без исключения, являются ценностными показателями,— vulgo, счет ведется в *деньгах;* они выражают процесс капиталистической эксплоатации,—vulgo, движущим моментом является *прибыль.*

Двоякий характер труда, раздвоение трудового процесса на противоречивые моменты, отнюдь не отменяет его *реального единства.* Реально есть единый процесс труда, внутренне противоречивый, но единый. Это единство выступает, в частности, в том, что сам *технический* процесс „экономичен"; технические показатели (показатели естественного ряда) имеют за своей спиной экономические— показатели (т. е. соотнесены в натуральных хозяйствах прямо и непосредственно с общественным трудом, в капиталистическом обществе — взвешены на весах *денег* как счетной экономической величины, и направляются расчетами *прибыли* как регулятивным принципом).

Переход одного в другое находит свое выражение в пограничных явлениях и в соответствующих пограничных категориях. Такая основная категория, как *производительные силы,* включает и технический момент (например, система машин) и экономический („совокупный рабочий" Маркса, понятие, непосредственно содержащее и понятие совокупности некоторых отношений производства). Такая категория, как *техническое разде-*

раздул Бем-Баверк. Любопытно, что даже так называемые „критики капитализма" вроде Fried'а („Das Ende des Kapitalismus") в теоретических основах стоят на той же вульгарной точке зрения.

ление труда в капиталистическом обществе, с одной стороны, текуче и часто становится на место общественного разделения труда, с другой — оно само отнюдь не только технично. Иерархию трудовых сил на капиталистической фабрике можно рассматривать как техническую иерархию. Но она в то же время связана с иерархией социально-классовой, специфически общественной („Kommando des Kapitals"), которая обусловливается отношением к средствам производства и соответствующим участием в разделе прибавочной ценности. Технические показатели в капиталистическом предприятии имеют за своей спиной решающий *регулятор прибыли;* техническое разделение труда — *команду капитала,* руководство капитала, декретируемое основным соотношением классовых сил, структурой капиталистического общества. Таким образом процесс производства *есть единство* конкретного и безразличного общественного труда в натуральных хозяйствах, есть единство их техники и экономики; в капиталистическом обществе он есть единство конкретного и абстрактного труда, единство производства потребительных ценностей и ценностей, единство процесса труда и процесса возрастания капитала со всеми его общественными свойствами [1].

---

[1] Старик *Ch. Babbage* („On the economy of machinery and manufactures". 3 ed. enlarged, London 1832) понимал лучше дело, чем многие современные исследователи. См., например, технический его анализ (*Section* I) и экономический (Section II, On the domestic and Political Economy of Manufacturers, особенно § 163, p. 119—120). У *Sombarta* („Technik und Wirtschaft", Dresden 1901) мы находим претенциозные парадоксы вроде: „Das Entwicklungsprinzip der Technik ist die Freiheit, und das Entwicklungsprinzip der Wirtschaft ist die Unfreiheit, die Bindung" (S. 9—10). Специальное исследование *A. Voigt'a,* Technik und Wirtschaft (Handwörterbuch der Staatswissenschaften, B. VIII. 4 Auflage) пытается вскрыть различные связи между техникой и экономикой, но стоит на фетишистической точке зрения в своей основе. Его определение („Die *Technik* beschäftigt sich mit den Möglichkeiten zur Erreichung eines Zweckes... die *Wirtschaft* mit Verwirklichung selbst") зачеркивает реальный технический процесс. *Robert Liefmann* („Wirtschaft und Technik" в Jahrb. f. Nat.-Oek. u. St., B. 102. III. Folge, B., 47. VI Heft, juni 1914) ведет борьбу с материализмом и строит различие между техникой и экономикой на различии внешнего и внутреннего, психического. Это — логический вывод из теоретических посылок школы предельной полезности, которая, впрочем, успела за это время основательно себя дискредитировать даже в кругах буржуазных идеологов. Наиболее интересную попытку делает *Ft. von Gottl-Ottlilienfeld* („Wirtschaft und Technik" in „Grundriss der Sozialökonomik", II Abt.).

Но это есть *противоречивое* единство. Противоречие между конкретным и абстрактным трудом в капиталистическом обществе связано с противоречием между производительными силами и производственными отношениями, между движением техники и развитием экономики, между содержанием трудового процесса и его общественной формой. Следовательно, здесь заложена *возможность* конфликта, которая переходит в *необходимость* при особых исторических условиях, создающих такую напряженность противоречий, которая приводит к „скачку", к разрушению старой и образованию новой общественной формы труда.

2. ТЕХНИКА И ЭКОНОМИКА ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

„Употребление и создание средств труда (von Arbeitsmitteln), хотя и свойственное некоторым видам животных, характеризует специфически человеческий процесс труда, и Франклин определяет поэтому человека как „a toolmaking animal" животное, *делающее орудия*... Экономические эпохи различаются не по тому, что производится, а по тому, как, *какими средствами труда*, производится. Средства труда являются не только мерилом (Gradmesser) развития человеческой рабочей силы, *но и показателем (Anzeiger) тех общественных отношений*, в которых происходит трудовой процесс (worin gearbeitet wird)" [1]. Здесь Маркс выставляет положение, что способ производства в его экономическом смысле (общественная структура) соответствует способу производства в его *техническом* смысле, причем конститутивным признаком этого последнего является тип *орудий труда* [2]. Следовательно, мы можем говорить о капиталистической технике не только с точки зрения ее социальной функции *безотносительно* к ее техническому существу, но и

---

[1] *Marx*, Das Kapital, I, S. 135—136. Курсив наш.

[2] Далеко не все согласны с вышеприведенным положением. Так, например, у Каутского в его двухтомнике „Materialistische Geschichtsauffassung" мы читаем: „Mit der gleichen Technik sind oft die verschiedensten Arten gesellschaftlicher Arbeit vereinbar" (*K. Kautsky*, „M. G.", B. II, S. 724; ср. также стр. 725). Ошибка ясна: если ставить вопрос об отдельных случаях или же о малых сравнительно периодах времени, тогда нет принудительной связи между конкретной техникой и экономической формацией. Но в тексте речь идет об *эпохах*. Тогда, очевидно, машинная техника *несовместима*, например, с феодализмом; всеобщая электрификация *несовместима* с капитализмом. Речь идет, следовательно, о технических *системах* и об *эпохах*.

с точки зрения ее *технического существа*, неизбежно связанного закономерной связью с определенной структурой общества. Капиталистический способ производства в его более или менее развитом виде ведет свое историческое начало с так называемого „промышленного переворота“, своей предпосылкой имевшего, в свою очередь, период „первоначального накопления“ [1]. *Технически* это означало рождение и быстрое победоносное шествие *машины. Экономически* это означало развертывание капиталистических производственных отношений, возрастающее распадение общества на пролетариат и буржуазию. Монополия класса капиталистов на средства производства, товарный характер производства, продажа рабочей силы — таковы основные черты капиталистической экономики. Движущий мотив — прибыль. Форма движения — свободная конкуренция. Экономический опосредствующий момент, связанный непосредственно с техникой,—механизм диференциальной прибыли.

Основное противоречие капитализма — противоречие между ростом производительных сил и классовой структурой общества, между общественным характером производства и частным характером присвоения, между тенденцией к безграничному производству и тенденцией к ограничению массового потребления, между материальным „содержанием“ производственного процесса и его исторической „формой“.

Рост производительных сил капиталистического общества выражается в росте *технического и органического строения капи-*

---

[1] Блестящее и до сих пор непревзойденное изображение этих процессов дано Марксом. Такой претенциозный писатель, как В. Зомбарт, типичный эклектик, заставляет капитализм рождаться то от войны („Krieg und Kapitalismus“), то от роскоши и любви („Luxus und Kapitalismus“), то от евреев („Die Juden“ etc.), то от горстки людей, возжаждавших денег (последнее издание „Der moderne Kapitalismus“). Кокетство Зомбарта доходит до того, что его не смущают даже самые кричащие его нелепости, облеченные, правда, в яркие цвета экзотических птиц. Так, в последнем издании „Современного капитализма“ (т. III, 2-й полутом, русский перевод в изд. Гиз, 1929 г.) он пишет, что Маркс: а) „своей гениальной постановкой вопросов... на целое столетие указал экономической науке пути плодотворного исследования“ (XXV); б) что сам Зомбарт „расколдовывает“ Маркса: „расколдовывание же... обозначает не что иное, как приведение в научный вид“ (XXVIII); в) что капитализм есть „один из тех странных эпизодов в истории человечества, которые, может быть, лишь пригрезились людям во сне“ (XX). Это значит „расколдовал“ и „привел в научный вид“!!

тала. Растет *органическое* строение капитала, т. е. *ценностное* отношение между постоянным и переменным капиталом $\left(\frac{c}{v}\right)$: это значит, что все большая доля общественного труда затрачивается на средства производства, причем именно поэтому возрастает в огромных размерах масса потребительных ценностей. Растет масса *натуральных величин,* потребительных ценностей, физических тел, приводимых в движение одним рабочим,— растет *техническое* строение капитала. Это есть закон капиталистического способа производства, выражение роста его производительных сил,— закон капиталистического накопления. Внутри постоянной части капитала особенно быстро растет его основная часть, *основной капитал* (fixes Kapital), материально заключенный в циклопических сооружениях капиталистической эпохи.

Итак, вместе с ростом производительности труда растет масса средств производства, которые приводятся в движение тем же количеством живого труда. Но при этом одни средства производства являются *следствием* повысившейся производительности труда, другие — *условием* ее роста (сюда относится, в первую очередь, система *орудий труда)* [1]. *Техническое* строение капитала связано с его *органическим* строением: последнее является ценностной оболочкой первого.

Процесс накопления имеет *двойственный, глубоко противоречивый характер:* с одной стороны, рост $\frac{c}{v}$ выражает собой движение производительных сил. С другой—он означает необходимое периодическое расхождение между массой производимых и подлежащих реализации товарных ценностей, имеющее тенденцию непрерывно возрастать, и эффективным спросом со стороны рабочего класса, определяемым величиною v, доля которого в совокупном общественном продукте $(c+v+m)$ неизбежно падает. *В рамках этого основного противоречия, выражающего еще*

---

[1] „Das Wachstum der einen ist *Folge*, das der anderen *Bedingung* der wachsenden Produktivität der Arbeit. Zum Beispiel mit der manufakturmässigen Teilung der Arbeit und der Anwendung der Maschinerie wird in derselben Zeit mehr Rohmaterial verarbeitet, tritt also grössere Masse von Rohmaterial und Hilfsstoffen in den Arbeitsprozess ein. Das ist eine Folge der wachsenden Produktivität der Arbeit. Andererseits ist die Masse der angewandten Maschinerie, des Arbeitsviehes, mineralischen Düngers, der Drainierungsröhren u. s. w. Bedingung der wachsenden Produktivität der Arbeit. Ebenso die Masse der in Baulichkeiten, Riesenöfen, Transportmitteln u. s. w. konzentrierten Produktionsmittel" („*K. Marx*, Das Kapital", I, S. 558).

более глубокое противоречие между ростом производительных сил и структурой эксплоататорского капиталистического общества, движутся все частичные противоречия.

Регулятивной внутренней силой, *направляющей* весь процесс роста производительных сил через постоянный рост общественной техники, является *прибыль*. По сравнению с докапиталистическими общественными формациями, в основном базировавшимися на отношениях и закономерностях примитивного натурального хозяйства, капитализм является, разумеется, прогрессивной формой. Погоня за прибылью выводила постоянно за рамки уже достигнутых технических уровней, непрерывно революционизируя техническую базу общества. Прибыль есть превращенная форма прибавочной ценности. Ценность товарной единицы или товарной массы определяется количеством общественно-необходимого труда, идущего на производство этой единицы, т. е. труда, соответствующего среднему, типичному уровню техники в данной отрасли производства. Предприятие с более высокой техникой, а следовательно, и с более высокой производительностью труда, чем средняя производительность труда в данной отрасли, производит товар, индивидуальная ценность которого ниже его общественной ценности, определяющей реальные рыночные цены. Следовательно, это предприятие получает в процессе реализации прибавочной ценности добавочную прибыль,— *„диференциальную прибыль“*. Условия конкуренции заставляют других капиталистов данной отрасли вводить аналогичные улучшения; исключение становится через определенное время правилом; индивидуальная ценность превращается в общественную, высший индивидуальный технический уровень становится типическим, количественная определенность величины ценности получает иное выражение (понижается), все ценностные масштабы меняются, диференциальная прибыль данного предприятия уничтожается. Но одновременно, в том же самом процессе выравнивания, выделяются уже на основании нового технического уровня и новых ценностных масштабов предприятия с еще более высоким техническим уровнем, с новой диференциальной прибылью и т. д. Таким образом конкуренция, через механизм диференциальной прибыли, через ее постоянное уничтожение и постоянное возникновение обусловливает непрерывный технический прогресс, который в условиях анархического эксплоататорского строя сопровождается огромной рас-

тратой сил, повышением нормы эксплоатации рабочего класса и развертыванием всех присущих капитализму противоречий.

Рост *технического строения* капитала, движение которого опосредствуется механизмом диференциальной прибыли, должен быть рассмотрен и как имманентное движение, как „самодвижение“ техники, с точки зрения внутренних противоречий процесса (при этом необходимо помнить, что сама техника „экономична“, как о том говорилось выше); следует, далее, рассмотреть движение таких форм, где техника переходит в экономику; и наконец, движение противоречий между техникой и экономикой в их общественном масштабе.

Противоречия *первой группы*, примерно, суть: а) противоречие между орудием труда и предметом труда; б) противоречие между машиной и материалом для ее производства; с) противоречие между частями машин; д) противоречие между сконструированной машиной и данными техническими возможностями ее производства; е) противоречие между техническими основами разных отраслей производства и т. д.

Эти противоречия являются движущим моментом развития: они возникают, „снимаются“ для того, чтобы на новой основе, усложненной и обогащенной, возникнуть вновь; это движение противоречий и дает в своем суммировании (не арифметическом, разумеется) реальное поступательное движение техники. Имманентное развитие ее ни в коем случае, однако, нельзя представлять как изолированный процесс, внешне противостоящий другим моментам процесса труда. И в своей основе и во всех своих составных частях он подчинен закономерностям общественно-экономического развития. Приведем здесь ряд примеров, иллюстрирующих эту диалектику движения техники.

1. Противоречие между орудием труда и предметом труда. До изобретения машины Уитни американский зеленосемянный хлопок (предмет труда) не мог конкурировать с черносемянным хлопком, который очищался при помощи сравнительно примитивных орудий. Эти орудия применялись также в очистке зеленосемянного хлопка, но трудность очистки вызывала громадную потерю рабочего времени. Противоречие было „снято“ изобретением и введением в производство машины Уитни (1792 г.). В результате экспорт хлопка из Америки поднялся с 63 000 до 8 200 000 *кг* в 1800 г.

2. Противоречие между машиной и материалом для ее производства. Первые простые „машины" сделаны почти сплошь из дерева, и не случайно Витрувий определяет „машины" как деревянное приспособление. Но и в настоящих машинах первоначально дерево играло огромную роль. Так, например, в первых паровых машинах почти все части, за исключением котла и цилиндра, являются деревянными частями. Функция (техническая) машины вступает в противоречие с тем материалом, из которого данная машина сделана. Противоречие „снимается" переходом с дерева на железо. С развитием быстроходных машин и машин высокого давления выявляется новое противоречие между железом как материалом котла и паром высокого давления: железо не удовлетворяет по своим *химическим* свойствам. Противоречие „снимается" с разрешением проблемы качественного железа и т. д. Сложные системы передач в быстроходных машинах (ср., например, автомобили) предъявляют не только требования механической прочности, но и целого комплекса определенных показателей: отсюда переход от металла к пластическим массам для изготовления ряда деталей машин. Переход от дерева к железу и стали, от них — к качественному металлу и, далее, к пластическим массам, снимая противоречия между машиной и материалом для ее производства, приводит, таким образом, к крупнейшим переменам в технических процессах.

3. Противоречие между частями машин. Маркс различал в машине, как известно, три части: а) двигатель, б) передаточный механизм, с) рабочую машину [1]. В текстильной промышленности создание рабочей машины пришло в конфликт с двигательной силой человека. Противоречие было „снято" изобретением па-

---

[1] Ср. с этим также *Ch. Babbage,* On the economy of machinery and manufacturers, Third edition enlarged, London 1832: „*Division of the objects of machinery*". There exists amongst, although in point of number, a very unequal division amongst machines: they may be classed as 1-st those which are employed to produce power; and as 2-dly those which are intended merely to transmit force and excute work" (p. 16). В связи с ростом промышленности возросло и значение „аппарата" О последнем см. *F. Mataré,* Die Arbeitsmittel. Maschine, Apparat, Werkzeug. Eine Abhandlung über ihren Einfluss auf den Industriebetrieb unter eingehender Berücksichtigung des Apparatweseas. München u. Leipzig, Verl. Duncker u. Humblot, 1913. В. Зомбарт („Современный капитализм") стоит на точке зрения марксова деления (см. l. с., стр. 108 русского перевода).

ровой машины. В XVII в. была попытка приводить в движение два бегуна и два постава посредством одного колеса. Увеличение размеров передаточного механизма пришло в противоречие с двигательной силой воды (уровень, недостаток, локальный характер двигательной силы); отсюда так называемая „вторая машина Уатта“ (двойного действия) и создание универсальной базы для техники промышленного капитализма. В паровой машине с самого начала существует противоречие между „конечной целью“ (создание вращательного движения) и сложной системой передачи (поступательное движение поршня здесь превращается посредством движения рычагов—шатуны, кривошип—во вращательное движение маховика). Количественное изменение быстроходности машин приводит к преодолению этого противоречия и к качественному изменению машины: паровая машина развивается в паровую турбину. Паровая турбина, будучи принципиально той же паровой машиной и подчиняясь тем же термодинамическим законам, отличается от паровой машины тем, что в ней устранен промежуточный передаточный механизм, и энергия вытекающей из сопла струи пара непосредственно превращается во вращательное движение маховика. В тепловозе двигателем является тепловая машина с высшим, по сравнению с паровой, коэфициентом полезного действия; однако вследствие больших начальных пусковых скоростей обычные системы механических передач (шестерни, фрикционная передача) невозможны. Противоречие снимается тем, что механическая энергия дизеля посредством динамомашины превращается в энергию электрического тока, ток подается на мотор, вращающий колеса, тепловоз превращается в электровоз, который сам таит в себе дальнейшие противоречия, двигающие вперед и не дающие успокоиться на раз достигнутом уровне.

4. *Противоречие между сконструированной машиной и данными техническими возможностями ее производства.* Типичным примером здесь является история паровой машины Уатта. В 1765 г. он делает первую модель своей машины с двумя (в отличие от машины Пьюкомена) цилиндрами: одним для расширения, другим для конденсации пара. Однако оказалось, что выкованные из листового железа цилиндры выпускают пар: высверленные без необходимых (отсутствующих) орудий не удовлетворяют требованиям точности, и пар прорывается из-под поршня. В 1770 г. по контакту между Уаттом и М. Больтоном приступают

к работе на лучших заводах Англии,—и снова противоречия между машиной и уровнем техники делает невозможной промышленную реализацию машины. Лишь в 1776 г. Дж. Вильконсону удалось изобрести специальную машину для сверления, при помощи которой он высверлил им же отлитый 18-дюймовый цилиндр. Таким образом указанное противоречие было „снято“ появлением новой технической основы производства; создалось новое и решающее техническое звено, а именно, производство машин путем приложения машин, которое, в свою очередь, таило в себе новые противоречия.

5. *Противоречие между техническими основами различных производственных отраслей.* Прядильная машина была вызвана введением челнока (Кэя) в ткацких станках. Техническое (и экономическое) соотношение между этими родственными отраслями было нарушено. Противоречие было „снято“ с появлением прядильной машины (ряд изобретателей, кончая Аркрайтом). Однако появление „Дженни“ (исковерканное „engine“; изобретена Гаргрейвсом) нарушило это соотношение в другую сторону: это противоречие, в свою очередь, привело к рождению парового ткацкого станка Картрайта, введение которого снова дало гегемонию ткачеству. Это опять привело к новым прядильным машинам (машины Роберта 1830 г., сельфакторы). С другой стороны, изменение в прядильной и ткацкой индустрии пришло в противоречие с техническими основами белильной, ситцепечатной и красильной индустрии, — противоречие было „снято“ технической революцией в этих отраслях. Бумагопрядильная индустрия, вступив в конфликт со своей сырьевой базой, вызвала изменение в технике очистки хлопка. Появление новых машин и огромного количества металла вступило в противоречие с техникой производства и вызвало появление машиностроительной промышленности. Технические перевороты в промышленности (и отчасти земледелии), столкнувшись с узкой транспортной базой, привели к настоящей революции в средствах транспорта. Создание железнодорожной сети, в свою очередь, оказало могущественное влияние на техническое развитие машинной индустрии и т. д. В дальнейшем мы наблюдаем аналогичные процессы: рост электротехнической промышленности, например, пришел в противоречие с металлургической базой: отсюда—новые сплавы (ср. трансформаторное железо); авиация вызвала рост техники

в производстве дюралюминия и других легких нержавеющих металлов. И т. д. и т. п.[1].

Таковы противоречия и движущие силы в развитии техники, поскольку идет речь об имманентных противоречиях.

Вторым типом противоречий являются противоречия между развитием вещественных элементов производительных сил и технологическими процессами в их материально-вещественном выражении, с одной стороны, и рабочими силами и их технической организацией (которая в то же время является и социально-исторической категорией)—с другой. Сюда относятся, примерно, следующие моменты: a) противоречие между техникой, системой орудий труда и рабочей силой (ее квалификацией); b) противоречие между техникой и строем технического разделения труда внутри данной производственной единицы (Betrieb); c) противоречие между техникой и размером предприятия; d) противоречие между техникой и общественным разделением труда.

1. Противоречие между техникой и квалификацией рабочей силы. Если рассматривать всю техническую систему общества в целом и в ее диалектическом движении (в том числе, следова-

---

[1] Диалектика технического развития эпохи промышленного капитализма развита, прежде всего, в гениальном труде Маркса (13-я глава I тома). См. затем: *Бессонов*, Развитие машин, „Моск. раб.", 1926; *Reuleaux* Lehrbuch der Kinematik, B. I. Grundzüge einer Theorie des Maschinenwesens, Braunschweig 1875; *В. Зомбарт*, Современный капитализм. *Der Siegeslauf der Technik*, 3 Bände. Union Deutsche Verlagsgesellschaft. Stuttgart-Berlin-Leipzig, 3 Auflage; *Gottl-Ottlilienfeld*, l. c. Буржуазные исследователи (ср. например, работы Matschoss'а по истории паровой машины), давая огромный материал, не дают диалектической закономерности процесса. С другой стороны, сделанные ими попытки выяснения закономерностей не представляются убедительными. Наибольшее влияние оказал и здесь В. Зомбарт (которому, например, совершенно напрасно следует H. v. Beckerat в своей интересной работе „Der moderne Industrialismus", Jena, G. Fischer, 1930). Ошибки Зомбарта вытекают из его схоластического и одновременно импрессионистического „метода", если можно говорить о таковом. Чудовищно нелепым является его основное положение, по которому „человечество" в XIX в., благодаря эксплоатации неорганических веществ и „проедая" эти последние (в первую очередь уголь), уготовало себе мрачное будущее. „Блестящее" развитие промышленного капитализма (Зомбарта мало интересует накопление нищеты и т. д.) Зомбарт объясняет, в конечном счете, проеданием наследства, полученного от природы. Здесь налицо полное непонимание тех возможностей и перспектив, которые открывают социализм и наука на службе социализма.

тельно, и с точки зрения возникновения новых производств, а равно с точки зрения перегруппировок среди старых производств и их технического роста, то станет ясным, что изменения в вещественно-материальной технике неизбежно должны вызывать и появление новых видов рабочих, с новыми квалификациями (а также новых видов техников, инженеров и т. д.). Развитие техники приходит, следовательно, в противоречие (на базисе общих *экономических* основ капитализма как эксплоататорской системы, обеспечивающей производство прибавочной ценности) с данными квалификациями рабочих сил. Это противоречие „снимается" соответствующими изменениями в структуре рабочей силы, которые развиваются отнюдь не в одном направлении (упрощение функций и детальный рабочий; специализация и квалифицированный труд; тенденция к автоматизму и труд по надзору и контролю; конвейер и рабочая сила, развивающая сверхинтенсивный труд; с другой стороны — появление новых профессий, перегруппировки среди старых и т. д.).

2. Противоречие между техникой и техническим разделением труда внутри данной производственной единицы. Техническое разделение труда связано в то же время и с социально-классовой иерархией („команда капитала"), воплощением капиталистического деспотизма на фабрике, который опирается на капиталистическую собственность. „Wie eine Armee militärischer, bedarf eine unter dem Kommando desselben Kapitals zusammenwirkende Arbeitermasse industrieller Oberoffiziere (Dirigenten, managers) und Unteroffiziere (Arbeitsaufseher, foremen, overlookers, contremaîtres), die während des Arbeitsprozesses im Namen des Kapitals kommandieren"[1]. Изменение в технике вступает в противоречие с техническим разделением труда по разным направлениям: a) новая техника требует изменения в квалификации рабочих и тем самым требует другого их технического комбинирования; b) новая техника меняет строй фабричной иерархии (новые функции надзора и управления).

3. Противоречие между техникой и размером предприятия. Технический прогресс, будучи выражением роста производительных сил, в то же время является технической предпосылкой процесса капиталистического накопления. Он предполагает увеличение масс орудий труда и их мощностей; увеличение масс сырого ма-

[1] *K. Marx,* Das Kapital, B. I, S. 279.

териала; относительное уменьшение, но абсолютное увеличение (не обязательное) массы эксплоатируемых рабочих. *Технически* это означает процесс расширения предприятия, концентрацию средств производства и рабочих сил. *Экономически* это означает концентрацию капитала. Таким образом техническое развитие постоянно взрывает данный размер предприятия, расширяет „систему машин“ и сосредоточивает в гигантских зданиях огромные массы агрегатов, топлива, сырья и живого труда, воспроизводя процесс концентрации на все новой и новой основе.

4. *Противоречие между техникой и общественным разделением труда.* Перевороты в технике a) порождают новые потребности и средства их удовлетворения (новые производства как в области производства средств производства, так и в области производства средств потребления); b) сталкиваясь с данным комплексом разделенного труда, вызывают необходимость перегруппировки отраслей общественного производства; c) выражают техническую потребность в техническом комбинировании (последнее противоречие „снимается“ процессом вертикальной концентрации и централизации капитала); d) противоречие между движением совокупной техники и всей общественной системой разделения труда при капитализме (это противоречие отражает основные противоречия капитализма и окончательно „снимается“ лишь с гибелью капиталистического общества).

Почти все эти противоречия реально, в объективном процессе развития производительных сил капиталистического общества, переплетаются друг с другом и в своем итоге дают подъем кривой капиталистического развития. Одно противоречие исчезает для того, чтобы на его место сейчас же появилось другое. „Современная промышленность,—писал Маркс,—никогда не рассматривает и не трактует (nie betrachtet und behandelt) данную форму производственного процесса как окончательную. Ее технический базис поэтому революционен, в то время как все прежние способы производства были существенно консервативны“ [1].

Эпоха *промышленного, домонополистического, капитализма,* с господством свободной конкуренции, с ее принципом laissez faire, laissez passer, была в то же время эпохой вытеснения

[1] *K. Marx,* Das Kapital, B. I, S. 428.

докапиталистических форм (так называемых „третьих лиц“), колониального раздела мира, непрерывной гибели средних прослоек, эпохой концентрации и централизации капитала, обострения классовых противоположностей, постепенного превращения пролетариата из класса „в себе“ в класс „для себя“. Несмотря на все блестящие технические достижения, она уже обнаружила процесс превращения капиталистической общественной формы труда из формы развития в оковы этого развития. Периодические промышленные кризисы были буревестниками грядущих грандиозных катастроф; противоречие между ростом производительных сил и производственными отношениями, между тенденциями производства и тенденциями массового потребления стало периодически прорываться в циклически возвращающихся потрясениях, со всеми их опустошительными последствиями[1]. *Технически* эпоха промышленного капитализма,— это *„век пара“ par excellence.* Поступательное движение техники, в разные периоды выставляя с особой остротой разные группы противоречий, выдвинуло одну главную линию технического развития, выражавшую господство машины: это есть линия *машинного производства машин*; и оно же, в общем, для эпохи промышленного капитализма дало конкретное выражение этому господству в виде *господства силы пара.* Следующая стадия капитализма, эпоха монополистического капитализма, капитализма умирающего, уже выносила в своем лоне новую техническую силу, полное развитие которой принципиально несовместимо с капитализмом. Век *электричества* уже по сути дела есть век *социализма.*

3. ТЕХНИКА И ЭКОНОМИКА МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА

Переход к монополистическому капитализму не был только переходом к некоторым новым организационным формам капитализма. Продолжая развитие техники промышленного капитализма, капитал создал и некоторые новые качества в *технической* области. Продолжая процесс концентрации и централизации, он вызвал к жизни формы могущественных капи-

---

[1] Это было в своеобразном кривом зеркале схвачено уже теоретиками мелкой буржуазии вроде S. de Sismondi.

талистических объединений. Становясь господствующей формой, как монополистический капитал, и значительно ограничивая свободную конкуренцию, он, однако, оставил ее наряду с монополией, тем самым обострив свои внутренние противоречия. Монополистическая форма капитала, поскольку она ограничивает свободную конкуренцию, калечит в известной мере и механизм, связанный с диференциальной прибылью. Обостряя все противоречия капитализма (и, в первую очередь, противоречия между развитием производительных сил и производственными отношениями), монополистический капитализм обнажает действие всех основных „законов движения“ капитала, выясненных Марксом, и приводит через кризисы, войны и революции пролетариата к социалистическим формам общественного труда.

А. ТЕХНИКА МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА

Переход к эпохе империализма, этой высшей стадии капиталистического развития, предполагал в действительности известные качественные сдвиги в области *материально-технической базы* общества.

Здесь следует, прежде всего, остановиться на *материально-вещественной непосредственной связи между хозяйствами.* Сюда относятся: a) процесс электрификации, b) теплофикация, c) газификация, d) нефтепроводы и т. д. Ранее важнейшей связью материально-технического порядка были, в первую очередь, средства *транспорта.* Вместе с электрическим проводом в *самом процессе производства* появляется „начало“, связывающее ряд хозяйств непосредственной материально-технической связью. Речь идет здесь не о связи через передвижение товаров транспортом, а об объединении в сердце самого производства, в его энергетических источниках, в центрах его двигательной силы. Речь идет здесь не о связи через обмен между формально независимыми предприятиями, а о материально-технической связи. Речь идет, следовательно, об известном *качественном сдвиге в области техники.* Аналогичное значение (но, конечно, не такого удельного веса) имеют газопровод, нефтепровод и т. д. Следовательно, между отдельными предприятиями и их группами, иногда весьма разнородными (в случае электрификации — *любыми*), положены связующие *материальные балки.* Основной тенденцией здесь, не могущей, однако, быть реализованной в пределах капиталистической формации,

является тенденция к созданию единой электроэнергетической системы, которая охватывает производство, передачу и потребление энергии: в области производства — комбинирование с тепловым хозяйством; в области передачи — единая высоковольтная сеть; в области потребления — электрический привод вместо механического, одиночный вместо группового и слияние привода с рабочей машиной. Нетрудно видеть, что эта тенденция технического развития потенциально означает универсальное техническое комбинирование на основе электрификации. Нетрудно видеть также, что эта тенденция в ее развитии вступает в жесточайший конфликт с имущественными отношениями капитализма [1].

Прямо и непосредственно к вопросу об электроэнергетическом хозяйстве примыкает вопрос о *теплофикации* и о комбинировании обоих видов энергетики, ее электрического и ее теплового крыла („теплоэлектроцентрали"), где экономно используются отработанный пар, тепловая энергия и энергия электротока. Это объединение чрезвычайно повышает техническую эффективность всего комплекса и имеет огромные экономические выгоды и преимущества [2].

Тенденция к многостороннему *техническому комбинированию* есть существеннейшая тенденция технического развития в эпоху монополистического капитализма. Чрезвычайно важную

---

[1] Литература об электрификации огромна. Мы упоминаем здесь сборник: „*Giant Power.* Large scale electrical development as a social faktor". Русский перевод:„ Экономическая и социальная роль электрификации". Сборник статей, опубликованных Америк. академией политических и социальных наук. Пер. Н. Вашкова. Пред. Г. Кржижановского. М. 1929; *В. Вейц*, Производительные силы мирового хозяйства, М. 1927; *Klingenberg*, Bau grosser Elektrizitätswerke, Berlin 1924. См. также: Ausschuss zur Untersuchung... der deutschen Wirtschaft, Verhandlungen und Berichte des Unterausschusses für allgemeine Wirtschaftsstruktur, 3. Arb.-Gr., 1 Teil [*Сименс*: „Во-первых", как раз электротехника является такой индустрией, которая дает возможность другим индустриям улучшать свою технику". „Почему? Потому что электротехника в состоянии наиболее простым образом измерять энергию" (414). „Действительно, дело обстоит так, как в свое время сказал Стиннес. Если смотреть на отдельные индустрии, то представляется длинная линия, разделенная великими китайскими стенами. Объединение происходит только в конце, и там видят, соответствует ли одно другому, в то время как это нужно было делать в начале" (415)].

[2] *Gerbel-Reutlinger,* Kraft- und Wärmewirtschaft in der Industrie, 2. selbständiger Band, S. 271 ff.; *Beckerat,* l. c., 25.

роль играет здесь возрастающий процесс *химизации* производства. С точки зрения орудий труда это означает повышение роли тех орудий труда, совокупность которых Маркс называл „сосудистой системой“ (Gefässystem der Produktion) в отличие от механических орудий труда, составляющих „костную и мускульную систему“ (Knochen- und Muskelsystem der Produktion) [1]. Маркс, предчувствуя грядущую роль химической промышленности, говорит и о важнейшей роли этой сосудистой системы производства („аппараты“, в которых проходят химические процессы), роли, ведущей свое начало именно от химической промышленности [2]. Чрезвычайно возросшее значение химической промышленности (синтетическое получение ряда важнейших продуктов, проникновение современной химии в металлургию, электрохимия, химия угля и нефти, туковая промышленность; производство кислот, солей, щелочей; производство красок, взрывчатых веществ, лекарств, духов; производство азота из воздуха и т. д.; газификация, искусственное волокно и т. д. и т. п.), при крайнем разветвлении химических процессов, гигантском их разнообразии и многосторонности делает из химизации точно так же основу технического комбинирования с огромным радиусом захвата [3]. К техническому комбинированию вышеуказанных типов примыкает комбинирование *родственных производств*, где продукт одного производства является сырьем для следующего вида индустрии (первое—Vorstufe второго), например руда, металлургия, металлообработка; уголь, железо и т. д.; далее, сюда относятся: a) производство, основанное на использовании *отходов* (пар, газ, продукты химического расщепления сырья и т. д.), b) производство *суррогатов*, причем эти отрасли из побочных быстро становятся новыми отраслями, технически комбинирующимися с „главными“ и более старыми разветвлениями производственного процесса. Использование „отходов“ представляет крайне важную (технически и экономи-

---

1 *K. Marx,* Das Kapital S. 136.

2 *F. Mataré,* l. c.; Mataré в значительной степени опирается на Маркса. Ср., например, стр. 27 указанного сочинения.

3 См. „Siegeslauf der Technik“, B. II; *H. v. Beckerat,* l. c., S. 25: „...Ausserdem ist die chemische Industrie als Kuppelproduktion par excellence auf den engsten betrieblichen Zusammenhang angewiesen, wenn sie ihr Ausgangsmaterial bis in die letzten Verästelungen der chemischen Stammbäume voll auswerten will...“.

чески) величину. Примерами может служить использование „отходящей“ при термических процессах теплоты как в целях отопления домов и т. д., так и в производственных целях (см. выше о теплофикации); использование газов в доменных печах (отопление, силовые установки); облагорожение угля путем его промывки, сушки, брикетирования; размельчение угля в целях пылевидного сжигания; добыча газа, обжиг и гидрирование, причем получается бесконечное разнообразие „побочных продуктов“: кокс, газ, смолы являются истоками ряда дробных производств[1].

Механизация и автоматизация производства, сделав гигантский скачок вверх, точно так же в высокой степени усилили *тенденцию к техническому комбинированию*[2]. Если говорить об орудиях труда, то следует, прежде всего, отметить огромный рост *двигателей внутреннего сгорания* (революция, которую они произвели в сельском хозяйстве, транспорте, авиастроении: автомобиль, мотоцикл, аэроплан, трактор, танк); в сельском хозяйстве — *трактор и комбайн* (тяжелый combine-harvester др.); в ряде отраслей промышленности — специализированные станки, отдельные электромоторы без трансмиссий, внутризаводский механизированный транспорт и конвейер, непрерывный поток. Анализируя „систему машин“, Маркс в свое время ясно предугадал тенденцию к „автоматической фабрике“. „Система машин,— писал он,— покоится ли она только на кооперации однородных рабочих машин, как в ткачестве, или на комбинации разнородных, как в прядении, сама по себе образует большой автомат, поскольку она приводится в движение самодвижущимся первоначальным мотором... Поскольку и когда (sobald) рабочая

---

[1] См. *Fr. Brock,* Energie und Energiewirtschaft. Verl. des österreichischen Ingenieur-und Arcitehkten-Vereines, Wien 1929.

[2] См. *Enquette-Ausschuss,* I Unterausschuss, 3. Arbeitsgruppe, I Teil. *Сименс:* „Установило ли ваше предприятие поперечные связи (Querverbindungen) большего размера с другими производствами, с предшествующими стадиями и т. д.?“ „В наше время развития так называемого непрерывного производства — это один из важнейших вопросов... При непрерывном производстве, естественно, важно обладать фабрикацией предшествующего продукта; ибо, если где-либо оказывается количественный или качественный дефицит, останавливается все непрерывное производство“ (417). *Клоцбах:* „Железоделательный завод большого размаха, с производительностью, начиная с $1/2$ млн. тонн стали и выше, немыслим без угольного базиса“ (371). Такие же ответы давал и Тиссен.

машина исполняет все нужные для обработки сырья движения без человеческой помощи (Beihilfe) и нуждается лишь в последующем вмешательстве (Nachhilfe, контроле), мы имеем автоматическую систему машин, способную на дальнейшее постоянное развитие своих частей (das indes beständiger Ausarbeitung im Detail fähig ist)"... „Как расчлененная система рабочих машин, которые получают свое движение—посредством трансмиссионных приспособлений (Transmissionsmaschinerie)— от одного центрального аппарата, машинная производственная единица (der Maschinenbetsrieb) обладает своей наиболее развитой формой"[1]. И, наконец, Маркс со всей резкостью выдвигает принцип *непрерывности* (Kontinuität): „Комбинированная рабочая машина, теперь расчлененная система разнородных отдельных рабочих машин и их групп, тем совершеннее, чем непрерывнее ее совокупный процесс, т. е. чем с меньшими перерывами сырье переходит из своей первой фазы в последнюю, чем больше, следовательно, его двигает из одной производственной фазы в другую вместо человеческой руки сам механизм"[2]. Развитие внутризаводского транспорта „снимает" одно из внутренних противоречий технической эволюции в рамках капиталистической фабрики. Автоматизация системы машин пришла в столкновение с недостаточной урегулированностью в сочетаниях между исполнением определенных работ: при „прилаженных" друг к другу скоростях в движении специализированных машин не было точной „прилаженности" соответствующих людских трудовых операций. Отсюда проблема производственного ритма, производственного „такта". Противоречие снимается поточной системой труда, в первую очередь, на базе *механического конвейера.* Но этот переворот внутри предприятия выходит по своему значению за его пределы: он подкрепляет тенденцию к техническому комбинированию, обеспечивая непрерывное прохождение фаз производственного процесса вплоть до конечного продукта (ср. Форд и непрерывный поток, объединяющий металлургию, металлообработку, сборку). По той же линии идет воздействие возрастающей сети новых мощных *средств транспорта* (электрифицированный транспорт, исключительно быстро растущий автомобильный транспорт, воздушный транспорт) и *средств связи* (телефон, радио, телевизия).

---

[1] *K. Marx,* Das Kapital, S 325, 326.

[2] Ibidem, S. 325.

Эти основные тенденции технического развития вырастают, в свою очередь, на базе изменения сырья, источников энергии, конструкций машин и т. д.: вводятся новые металлы, металлические сплавы (сверхтвердые стали, сверхлегкие металлы, нержавеющие виды металлов); растет мощность машин и их агрегатов; чрезвычайно ускоряются все процессы движения (например, скорости вращения); повышаются коэфициенты полезного действия. Развивается *Schnellbetrieb*, с головокружительными скоростями процессов, их точностью и непрерывностью, и *Massenproduktion*, выбрасывающее огромное количество стандартной продукции.

Технические изменения, о которых шла речь выше, изменяют характер и формы *технического разделения труда.* Прежде всего, вместе с электрическим проводом, заменяющим тяжелые трансмиссии, и отдельными электромоторами меняется *расположение машин:* раньше одинаковые машины сгруживались вместе в одной мастерской; теперь рядом устанавливаются машины по линии производственных фаз: критерием является не однородность машин, а однородность конкретной производимой потребительной ценности. Это меняет „общественные группировки процесса труда“ (Маркс), с другой стороны, с введением непрерывного потока и конвейера невероятно повышается интенсивность труда и, следовательно, возрастает *норма эксплоатации.* Этим капитал предъявляет особые требования к рабочей силе: она должна развивать большее количество живого труда в единицу времени. Конвейерная система при разделении труда требует от рабочего однотипных операций,—это обедняет „духовное содержание“ трудового процесса и еще более калечит рабочего. С другой стороны электрификация производства и управление сложными автоматами требуют технически культурной рабочей силы,—это выдвигает группы рабочих соответствующей квалификации. Наконец, перемены в техническом строе предприятия повышает удельный вес „офицеров промышленности“—инженерно-технического персонала. Таким образом возникает гораздо более рафинированная система эксплоатации, к которой в высочайшей степени применимы слова Маркса: „Здесь выступает прежний (прошлый? *Н. Б.*) труд — в автомате, в приводимых им в движение машинах—выступает, как может казаться, самостоятельно и независимо от труда, вместо того чтобы подчиняться ему,

железный человек—против человека из плоти и крови. Подчинение труда капиталу, всасывание его труда капиталом... выступает тут как технологический факт“ [1].

Вышеописанное развитие технического базиса монополистического капитализма предполагает a) *возрастающее применение науки* и, в связи с этим, b) *изменения в организации производства, труда, управления и руководства.*

Внутренняя жизнь предприятия все более рационализируется и „объективируется“. Роль науки повышается в огромной степени, и она все более и более становится — под углом зрения капиталистической прибыли — составной частью производственного процесса. Вещественно-материальная сторона производства обслуживается всей совокупностью естественных наук: роль физики, химии и математики чрезвычайно возрастает. Субъективный фактор производственного процесса—рабочий класс — стал объектом ряда специальных дисциплин, до „биотехники“ и „психотехники“ включительно. Организация производства в целом выдвинула „Betriebslehre“, scientific management. Возникли новые частные и общие дисциплины. Создались огромные научно-исследовательские учреждения в недрах самих предприятий. Измерительные приборы на заводе, аппаратура институтов и лабораторий; счетные машины и счетные таблицы (номограммы), аппараты для вскрывания и запечатывания писем и т. д. в „конторе“ составляют совокупную материально-техническую базу соответствующих отделов предприятия. Все в целом опосредствует процесс капиталистической эксплоатации [2].

---

[1] *К. Маркс*, Тетради по технике (рукопись). Цит. по статье тов. Рубинштейна, „Большевик“ № 1—2 за 1932 г.

[2] О соотношении между наукой и промышленностью, кроме уже цитированных работ Зомбарта, Готтля, Беккерата и др., см. *А. ле-Шателье*, Наука и промышленность, М. 1928; *Sir Alfred Mond*, Industry and politics, Macmillan and C⁰, London 1927; *W. G. Waffenschmidt*, Technik und Wirtschaft, Jena, Gustav Fischer, 1928; *Maurice Golland*, Research, science and invention в сборнике. „A century of industrial progress“, N.-Y. 1928; *M. J. Bonn*, Technische und wirtschaftliche Rationalisierung в сборнике „Die Bedeutung der Rationalisierung für das deutsche Wirtschaftsleben“, hg. von der Industrie- und Handelskammer zu Berlin, 1928; *G. Briefs*, Rationalisierung der Arbeit (там же); двухтомник: *Forschungsinstitute, ihre Geschichte, Organisation und Ziele*, Paul Hartung Verl,. Hamburg 1930 *I Всесоюзная конференция по планированию научно-исследовательской работы.* Стенографический отчет, Гос, соц.-эк, изд, М.—Л. 1931; сборник *Но-*

Развитие этого процесса, взятого с его технической стороны, обнаруживает некоторые *основные тенденции,* которые, вступая в конфликт с производственными отношениями монополистического капитализма и капитализма вообще, приводят через революционную борьбу пролетариата к крушению всего капиталистического режима. Прежде всего, очевидно, что во всем техническом комплексе и взаимно переплетающихся его частях все более и более выделяется *ведущая роль электроэнергии.* Электроэнергии, рассматриваемая, как техническая сила, представляет одновременно и самый „общий", и самый „дробимый", и действующий в огромных масштабах, и подлежащий точному измерению в самых малых частях энергии. С начала XX столетия темпы развития различных отраслей в их соотношениях довольно резко изменились: на первый план выступили *„новые отрасли"* (новые металлы, химическая промышленность, электротехническая промышленность)[1]. Среди новых — электроэнергия и строительство электроцентралей заняли наиболее почетное место. Совершенно очевидно, таким образом, что технически *тенденция к электрификации* является основной тенденцией развития, если речь идет о специфической форме энергии и о специфической отрасли (rsp. отраслях) производства. Но выше мы видели, что почти решающие тенденции технического развития в настоящее время толкают к одному, а именно — *к техническому комбинированию* в возможно более широком общественном масштабе. Рост химии, механизация, автоматизация и т. д. в своем движении сталкиваются с раздельностью дополняющих друг друга производственных комплексов и усиливают тенденцию к техническому комбинированию. *Таким образом создается всеобщая техническая тенденция монополистического капитализма. Эта всеобщая тенденция технического развития есть тенденция к универсальному техническому комбинированию.*

Она в своем развитии, будучи принципиально несовместима с капитализмом и взрывая капиталистическую форму общества, означает:

вейшие изменения в экономике Соединенных Штатов (русский перевод., Гиз, 1930, т. I); *Otto Bauer*, Kapitalismus und Sozialismus nach dem Weltkriege, Wien 1931. У последнего, даже в этих областях, громко звучат откровенные ноты апологета. Ср., например, стр. 93, 94.

[1] *Ernst Wagemann*, Struktur und Rhytmus der Weltwirtschaft, Verl. von Reimar Hobbing, Berlin 1931, S. 232.

1. Превращение всего общества, с его технической стороны, в единый технический комбинат.

2. Превращение его силовых установок, централизованных и могущественных, в моторную силу всего общественного комплекса, по отношению к которой все производственные единицы играют роль исполнительных органов.

3. Организацию внутри технического комплекса общества, на искусственной и рациональной основе, энергетического круговорота, до известной степени аналогичного круговороту в природе и подчиненного человеческим целям.

Развитие этой тенденции несовместимо с капиталистическими имущественными отношениями; монополистический капитализм тормозит это развитие, консервируя отсталые формы техники; поэтому дальнейшее развертывание основной тенденции означает уже выход за пределы капитализма; оно может быть реализовано только после *взрыва* капитализма; оно означает техническую базу социалистического общества.

Таким образом *диалектика технического развития* воспроизводит на новой основе, гораздо более могущественной, богатой и разнообразной, черты прежних фаз технического развития: машина повторила ремесленные орудия труда, превратив их в специализированные рабочие свои части; фабрика, с ее системой машин, повторила машину, где мотором стала двигательная установка фабрики, а разнородные машины — ее исполнительными органами; центральная электростанция со всем комплексом предприятий, ею объединенных, сама становится мотором, по отношению к которому уже целые предприятия и их группы превращаются в исполнительные рабочие органы; наконец, единый технический комбинат, который уже выходит за рамки капитализма, есть система, где гигантские комплексы центральных станций имеют своими рабочими органами целые производственные комплексы районов, с их комбинатами, местными станциями и т. д.[1]. При этом необходимо подчеркнуть,

---

[1] „In dem Mass, wie die Naturwissenschaften ihrem idealen Ziele näherkommen, den gesetzmässigen Allzusammenhang von Kräften und Stoffen aufzuspüren, in dem Masse, wie es gelingt, aus der Umwandlung der Stoffe Energien auszulösen und diese planmässig und bewusst in verschiedene Formen (Wärme Elektrizität, mechanische Kraft) zu giessen, die komplexen Stoffe in ihre Bestandteile zu spalten und dann zu neuen Verbindungen zu vereinigen, muss notwendigerweise die industrielle Technik, die der

что эта основная тенденция технического развития реально сосуществует с остальными техническими формами. Подобно тому, как монополия существует рядом со свободной конкуренцией, никогда ее не уничтожая, так и эта тенденция никогда, в пределах капитализма, не может привести к единому технически организованному капитализму.

В недрах капиталистического общества уже вызрел материальный костяк нового общественного строя: концентрированные средства производства, со своими могущественными энергетическими центрами; родственность производств, дошедшая до их максимального сближения; транспорт и конвейер, превращающие все совокупное производство в единый непрерывный производственный поток; общественный характер труда, объединенного с наукой, и рационализация всех основных процессов. Но дальнейшее развитие этих *тенденций, находящих свое обобщенное* техническое выражение в тенденции *к уни-*

Naturwissenschaft in ihrer Fragestellung nach den Allzusammenhängen mit der Fragestellung nach allseitigen technischen Auswertungsmöglichkeiten folgt... ebenfalls eine Tendenz zur Arbeit in allseitigen Zusammenhängen bekommen. Es muss mit vielseitiger Kraft und Stoffverwertung im Betrieb (Kuppelproduktion), mit der Zusammenfassung der Kraft- und Wärmewirtschaft mehrerer Industriestufen, vor allem doch das Medium der Elektrizität, mit der unmittelbaren Verbindung von Kraft- und Stoffproduktion (aus Kohle werden im technisch verbundenen Betriebe Koks, Oele, Teer, Ammoniak, Gas, Wärme und Kraft gewonnen, der Hochofenbetrieb erzeugt Eisen, Thomasschlacke, Wärme, Gas und Kraft u. s. w.), mit der technischen Kunst, den einen Stoff im Laufe des Produktionsganges in den anderen zu wandeln, eine technische Verbindung und Verschmelzung der Betriebe ursprünglich ganz verschiedener Industrien entstehen. Besonders die Kohlen- und Eisenindustrie Elektrizitätswirtschaft und die chemische Industrie wachsen so zu grossen technisch unlöslich verbundenen Gebilden zusammen... Und dieser naturwissenschaftlich technisch verbundene Betrieb... bietet oft durchschlagende ökonomische Vorteile. Das gibt einem grossen Teil der modernen Industrie eine ganz neue Gestalt. Der alten Form der Industrie... entwachsen die Konzern-Ungetüme der modernen Industrie, die in ihren Betrieben der Stoff- und Kraftverwandlung den ewigen allzusammenhängenden Schaftensprozess der Natur im Kleinen nachzusahmen sich bestreben. Diese industrieverbindende, verschmelzende Kraft der modernen Technik namentlich der chemischen und der chemisch-physikalischen Arbeitsprozesse, ist ein Hauptphänomen des modernen Industrialismus, eine Ursache bedeutendster wirtschaftlicher und sozialer Problem der Industrie" (*H. v. Beckerat*, l. c., S. 42—43). Ср. также *И. Иванов*, Очерки по технике, „Вестник Комакадемии“ № 14, 1926. г.

версальному техническому комбинированию на основе электрификации, становится несовместимым с *экономическим строем капитализма.*

b. ЭКОНОМИКА МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА

Этот строй приобрел форму *монополистического капитализма.* На базе конкурентной борьбы закон централизации и концентрации капитала привел к образованию разных форм *капиталистических монополий.* Сюда относятся корнеры, ринги, пулы; картели и синдикаты; тресты, мерджеры, концерны; банковские консорциумы. Банковский капитал сращивается с промышленным и превращается в финансовый капитал. Капиталистические монополии выражают в известной мере те сдвиги, которые происходят в технической области: таковы в особенности монополии, объединяющие *разнородные* (обычно смежные по производству) отрасли. Но уже сразу следует заметить: здесь нет параллелизма: техническая целесообразность не совпадает с коммерческой рентабельностью, технически рациональное вовсе не обязательно соответствует интересам конкурирующих капиталистических собственников или их объединений. Организационные формы капитализма *не могут не отражать* тенденций технического развития. Но a) они отражают их *непоследовательно,* b) они вступают в противоречие с этими тенденциями, причем в последнем счете этот конфликт взрывает капиталистическую оболочку общества. Монополистическая тенденция крайне сильна и могущественна. Она выражает один из основных законов „движения капитала", закон *концентрации и централизации.* Закон концентрации и централизации капитала, действуя на основе „свободной конкуренции", приводит к формам капиталистической монополии, все более ограничивающей свободную конкуренцию. Масса самостоятельных индивидуальных предприятий разного типа, величины, экономической мощности, с различными строениями капиталов; масса предприимчивых „предпринимателей" сменяется громадными предприятиями монопольного типа, где вся власть концентрируется в руках владельцев „контрольных пакетов акций", верхушки финансово-капиталистической олигархии. Это есть основной экономический признак капитализма новейшей формации. Ленин, как известно, дает такую совокупную харак-

теристику признаков, отличающих эту формацию: 1) решающее значение монополий в хозяйственной жизни; 2) создание финансового капитала; 3) вывоз капитала, как особо характерная форма экономических отношений между странами; 4) интернациональные монополии, делящие мир; 5) законченность территориального раздела земли между крупнейшими державами[1]. Многоразличные формы предпринимательских монополий, от более или менее преходящих соглашений (ринги, корнеры) до фузий и мерджеров, сопровождаются рационализацией всего строя предприятия в целом: сложный бюрократический аппарат производственных управлений, „онаучивание" всего процесса производства, точное разделение труда, нормы, инструкции, отчеты; падение роли „личности предпринимателя" (пресловутый „дух" капитализма) и возросшая роль учреждений — таковы характерные черты внутренней реорганизации. Эти могучие тела находятся в конкурентной борьбе, причем главные бои разыгрываются между монополиями: и внутри отдельных стран, и на мировом рынке. По отношению к ним некартелированные отрасли, это „outsiders", „die Aussenseiter", „дикие". Средства борьбы становятся средствами, где экономическая концентрированная мощь перерастает в непосредственное силовое давление: „Boykott und Sperre" являются важнейшими средствами этой экономической войны[2]: лишение конкурента рабочих рук (по договору с реформистскими профсоюзами!), лишение сырья, лишение сбыта, договора с покупателями о бойкоте конкурирующего „дикого", искусственное стратегическое сбивание цен, лишение кредита, бойкот и т. д., — все это „новые" средства борьбы, практикуемые капиталистическими монополиями. Одной своей стороной монополии обращены к „диким", которых они душат в процессе централизации капитала, ибо имеют на своей стороне преимущества техники, науки и крупного хозяйства вообще; другой стороной они обращены к покупателю, на которого они накладывают дань путем высоких монопольных цен; третьей стороной они обращены к

---

[1] *В. И. Ленин,* Сочинения, т. XIX, Империализм, как высшая стадия капитализма, стр. 142—143.

[2] См. Dr. *F. Kester*, Der Organisationszwang. Eine Untersuchung über die Kämpfe zwischen Kartellen und Aussenseitern, Berlin 1912.

пролетариату, организации которого противостоят, таким образом, организациям капитала[1].

Одним из важнейших теоретических вопросов, непосредственно связанных со структурой монополистического капитализма в его целом, является вопрос о *соотношении монополии и конкуренции*. Здесь нужно отметить: a) что монополия являются господствующим началом; b) что они не уничтожают конкуренции, „а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов“ (Ленин);, c) что и внутри монополий идет своеобразная борьба. Таким образом мы имеем очень пеструю картину: 1) внутри монополий идет борьба за квоты, распределение заказов, влияние на ряд других условий раздела прибыли; 2) на так называемом „отечественном“ рынке монополии ведут открытую борьбу с другими монополиями (однородными или гетерогенными) и 3) с outsiders'ами; на мировом рынке они ведут борьбу: 4) с монополиями „своей“ страны, 5) с монополиями других стран, 6) с интернациональными картелями (если

---

[1] Из огромной литературы об империализме мы отмечаем здесь следующие работы: *Н. Ленин*, Империализм, как новейший этап капитализма; *Hobson*, Imperialism, London 1902; *R. Hilferding*, Das Finanzkapital; *R. Luxemburg*, Die Akkumulation d. Kapitals; *Н. Бухарин*, Мировое хозяйство и империализм; *он же*, Империализм и накопление капитала. *R. Liefmann*, Kartelle und Trusts, 2. Aufl., Stuttgart 1910; *он же*, Beteiligungs- und Finanzierungsgesellschaften, 2. Aufl., Jena, G. Fischer, 1913; *Dr. Tschierschky*, Kartell und Trust, Leipzig Göschen - Verl., 1911; *Hermann Levy*, Monopole, Kartelle und Trusts, Jena 1909; *он же*, Monopoly and Competition, London' 1911; *Jeideils*, Das Verhältnis der deutschen Grossbanken zur Industrie, Leipzig 1905; *Dr. Riesser*, Die deutschen Grossbanken und ihre Konzentration, 1912; *Sartorius von Waltershausen*, Das volkswirtschaftliche System der Kapitalanlage im Auslande... *Schilder*, Entwicklungstendenzen des Weltwirtschaft. Из более поздней литературы: *W. Sombart*, Der moderne Kapitalismus; *Henry Seagar* and *Charles Gulick*, Trust and corporations problems, N.-Y. and London 1929; *H. v. Beckerat*, Der moderne Industrialismus, Jena, G. Fischer, 1930; *Roger Dernis*, La concentration industrielle en Allemagne, Paris, Librairie Dalloz, 1929. Большой материал дают *Verhandlungen und Berichte des Unterausschusses für allgemeine Wirtschaftsstruktur*, 3. Arbeitsgruppe. Wandlungen in den wirtschaftlichen Organisationsformen. Vierter Teil, Kartellpolitik, 1930. См. также *M. Weber*, Wirtschaft und gemeinschaft. Сводки литературы, относящейся к организационным проблемам монополий, см. у *H. Bente*, Organisierte Unwirtschaftlichkeit, Jena, G. Fischer, 1929. Нашумевшая публицистическая работа: *F. Fried*, Das Ende des Kapitalismus, Jena.

они в них не входят) и за квоты в интернациональных картелях (если они в них входят); они ведут, далее, 7) борьбу с outsiders'ами „своей“ страны и 8) с outsiders'ами „чужих“ стран. Таким образом ни в коем случае нельзя сказать, что уничтожается рынок, рыночные отношения и адэкватные им экономические категории; внешний рынок находится в тесной связи с внутренним; закон ценности в масштабе мирового хозяйства (заведомо анархического во всех своих частях) не может не действовать; но и внутри страны модификация цен и распределение прибавочной ценности между картелированными и некартелированными сферами производства не могут быть поняты иначе, как на основе признания объективного закона ценности. Однако данное положение отнюдь не значит, что в этой области все остается попрежнему: картельная прибыль и систематическое перераспределение прибавочной ценности в пользу монопольных сфер; возможность для монополистов рынка сжимать производство, накидывая амортизируемую ценность стоящих предприятий на цену товаров; так называемые „валоризации“[1] и т. д. существенно модифицируют реальное проявление закона ценности: в результате распределение производительных сил идет таким образом, что анархия производства не уменьшается, а увеличивается. Другими словами: образование громадных комбинированных капиталистических монополий, внутри которых — поскольку речь идет о фузиях, мерджерах, трестах — создается технико-экономический распорядок, не только не приводит к стадии организованного капитализма, бескризисно развивающегося, но обостряет экономический хаос и на мировом рынке и на рынке внутреннем; ущербленное действие закона ценности, которому вполне адэкватен лишь экономический режим свободной конкуренции, мстит за себя. Эта „смесь“ (Ленин) монополии и конкуренции является замечательным показателем того, что рассматриваемый с всемирно-исторической точки зрения монополистический капитализм есть переходная ступень к социализму (Ленин): обобществленный характер труда уже перерос по всей линии имущественные отношения капитализма.

Монополии *мирового рынка* суть или совокупная *„монопольная позиция“* какой-либо империалистической страны, го-

[1] „О валоризации“ см. *Julius Hirsch,* Die Wirtschaftskrise, S. Fischer Verlag, Berlin 1931.

сударственная власть которой политически выражает своей армией и флотом мощь ее соответствующего положения (ср. прежнюю Великобританию или теперешние САСШ), или *монопольное объединение* какой-либо империалистической страны, или же, наконец, монополия *интернациональной ассоциации* капиталистов (в последнем случае, особенно при неравномерных силах участников и разных их групп, ведется иногда очень жестокая, скрытая, конкуренция). Нетруно, видеть, что закон *неравномерности капиталистического развития* неизбежно обостряет все конкурентные противоречия и развязывает борьбу. Постоянные передвижки технического базиса, перегруппировки силовых соотношений опрокидываются на всю совокупность экономических связей как на мировом рынке, так и на внутренних рынках. Монопольный характер капитала, отсутствие „свободных“ территорий, т. е. свободного, не занятого империализмом поля эксплоатации, экспорт капитала, как характерная черта монополистического капитализма, не только обостряют борьбу по существу, но и определяют ее форму, которая в конце концов принимает форму вооруженных столкновений (поэтому либеральный принцип „открытых дверей“ или „равноправности держав“ есть лишь роскошь и лицемерная маска со стороны державы, стоящей hors concours в этой всемирно-исторической борьбе). Высокий протекционизм и милитаризм есть „мирное“ выражение подготовки к вооруженным схваткам.

Монополистический капитализм, обостряя все противоречия, имманентные капитализму, противопоставляет свои организации организациям рабочего класса. Основное отношение эксплоатации, которое на рынке проявляется как купля-продажа рабочей силы, проходит в рамках борьбы (открытой или скрытой) между классовыми организациями. Капитал при этом использует все возможности, чтобы раздробить силы рабочего класса: сюда относится, прежде всего, использование различий между колониальными рабочими и рабочими метрополий, между неквалифицированным и квалифицированным трудом, между пролетарским плебсом и рабочей аристократией.

Таким образом и здесь формы монополистического капитализма „политизируют“ экономические отношения. Именно то обстоятельство, что вместо отдельных предприятий возникли их объединения, вместо отдельных предпринимателей — могущественные их организации, вместо раздробленных рабочих — их ассоциа-

ции, по всему фронту политизирует экономику: *политика непосредственно выступает как концентрированная экономика.* Это вовсе не означает, что „Machtgesetz" *отменяет* „ökonomisches Gesetz"; это отнюдь не означает ликвидации экономической детерминированности политических отношений; это далеко не равнозначно отсутствию противоречий в их единстве. Но это означает, что экономические соотношения выступают в эпоху монополистического капитализма с *новым качеством.* Это означает, что все вопросы общественно-экономического развития *поставлены ребром.*

c. ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ ТЕХНИКОЙ И ЭКОНОМИКОЙ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА

Итак, основной тенденцией технического развития в эпоху монополистического капитализма является техническое комбинирование на базе электрификации; основной формой существования капитала является его монополистическая форма. *Сила пара,* характерная для периода промышленного капитализма, сменяется силой *электрического тока; индивидуальное* техническое бытие „самостоятельной" фабрики перерастает в технический *комбинат,* развивающий эту тенденцию дальше. *Отдельный* предприниматель сменяется *ассоциацией* предпринимателей, свободная *конкуренция* уступает господствующее место *монополии.* Весь процесс идет неполно, непоследовательно, тормозясь контртенденциями и развивая внутренние противоречия. Эти противоречия, вытекающие из основных противоречий между движением производительных сил и рамками капиталистических отношений производства, ведут к двум важнейшим, хотя и совершенно не равновеликим, последствиям: 1) они вызывают явления *загнивания* монополистического капитализма; 2) они расширяются до таких пределов, когда напряжение противоречий вызывает катастрофу. Оба эти явления и подлежат нашему анализу.

Развитие производительных сил, как мы видели, находит свое выражение в росте технического и органического строения капитала. „Schnellbetrieb", выбрасывая громадные количества нормированного, типизированного и стандартизированного товара, приводя в движение гигантские количества сырья и топлива, представляет собой крупнейшее сооружение; в капиталистическое монопольное объединение входит нередко огромное число таких

производственных единиц. Та часть постоянного капитала, которая передает свою ценность товару по маленьким сравнительно порциям (маленьким по отношению к своей совокупной ценности), называется *основным капиталом* (fixes Kapital). Эта часть, рассматриваемая с точки зрения ее натурально-технической формы, заключена в исполинских сооружениях современных капиталистических фабрик, заводов, рудников, гидроэлектроцентралей и в их машинном и аппаратном оборудовании. Ценностное выражение этой части капитала исключительно велико. Техническая эффективность входящих в монополистическое объединение производственных единиц иногда разнородна. Весь их комплекс входит в состав монопольного объединения. Все участники его должны получать определенные дивиденды. Все предприятие в целом (т. е. вся сумма производственных единиц) должно быть рентабельно, как целое.

Отсюда вытекает *боязнь новых технических сооружений*, в особенности обновления капитала во времена кризисов. Как мы уже видели, при свободной конкуренции движущим моментом было получение добавочной, диференциальной, прибыли: то предприятие, которое вводило новое оборудование, имело большую производительность труда; индивидуальная ценность товара на единицу его здесь ниже, чем в других предприятиях; общественная же ценность определяется не тем количеством труда, которое затрачивается на единицу продукта в предприятии с лучшей техникой, а „общественно-необходимым рабочим временем". Отсюда — диференциальная прибыль. Но в конкурентной борьбе решают движение нормы прибыли, поэтому другие капиталисты идут на затраты, подтягиваясь к пионеру новой техники. Общественным результатом является, как известно, *падение* нормы прибыли $\left(\frac{m}{c+v}\right)$, так как более высокий индивидуальный уровень производительности труда перерастает в общественный. Тогда начинается новое движение, вверх от этого уровня. Так, через механизм диференциальной прибыли и конкуренции, которая ею движется, совершается процесс роста производительности общественного труда, роста технической основы общества и в то же время падения нормы прибыли. При *монополистическом* капитализме 1) уменьшается стимул получения новой диференциальной прибыли, так как монополия уже обеспечивает определенную величину сверхприбыли, а сильных конкурентов нет; 2) нововведения большого масштаба предполагают

обесценение уже существующих капитальных масс, связанных своей натуральной формой („основной капитал“); эти капитальные ценности так или иначе подлежат амортизации; 3) технически отсталые производственные единица не подтягиваются к передовым, ибо с коммерческой точки зрения все эти единицы обезличены: их „владельцы“ получают дивиденды независимо от того, как *они* (т. е. именно эти предприятия) „работают“; таким образом тот механизм диференциальной прибыли, который чрезвычайно форсировал развитие в эпоху свободной конкуренции, ослабляется, поскольку речь идет о производственных единицах внутри данного монопольного объединения; 4) наличие отсталых (или даже неработающих) производственных единиц в данном монопольном объединении капиталистов приводит к тому, что их амортизация появляется в форме составного элемента издержек, в цене товаров, реально выработанных в других производственных единицах; таким образом здесь налицо искусственная поддержка нежизнеспособных предприятий, с одной стороны, и *новый элемент* цены товаров — с другой, элемент, как мы увидим ниже, имеющий большое значение для понимания процессов современного экономического развития. Все перечисленные моменты безусловно являются моментами *загнивания*. Однако движение противоречиво; огромные преимущества централизованного крупного хозяйства все же так велики, что монополистический капитализм (ср. его довоенный период) означал шаг вперед с точки зрения развития производительных сил[1].

Необходимо, далее, отметить *крайнюю трудность организации новых предприятий*. Поскольку капиталистическое монопольное объединение уже играет решающую роль на рынке, постольку для организации новых предприятий, стоящих вне синдиката (rsp картеля или треста), требуются такие огромные инвестиции капитала, которые трудно иметь в распоряжении помимо картеля.

Капиталистическое применение машин при монополисти-

---

[1] „Было бы ошибкой думать, что эта тенденция к загниванию (здесь речь идет об оценке загнивания монополистического капитализма *вообще*. *Н. Б.*) исключает быстрый рост капитализма... В целом, капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, растет“ (*В. И. Ленин,* Собрание сочинений, 1929, XIX, стр. 172). См. Verhandlungen und Berichte etc. Vierter Teil. Kartellpolitik.

ческом капитализме является проблемой того же порядка. Вообще говоря, *c* растет гораздо более быстро, чем *v* („неизмеримо быстрее", как говорил Ленин), и именно потому происходит выталкивание рабочих из производственного процесса. Но, с другой стороны, удешевление рабочей силы и огромное разрастание резервной промышленной армии, совершенно не известное прежним периодам в развитии капитализма, вызывает контртенденцию. Как известно, машины при капиталистическом режиме вводятся не потому, что они сберегают *труд*, а потому, что они сберегают *издержки на труд*. Техническая целесообразность и целесообразность общественно-экономическая целиком расходятся здесь *с коммерческой рентабельностью*. Чем ниже ценность, rsp. цена, рабочей силы или, капиталистически выражаясь, чем „дешевле труд", тем больше тормозов для технического прогресса. Рост $\frac{c}{v}$ сам порождает, таким образом тенденцию к своему отрицанию. Здесь, следовательно, мы наблюдаем другой очаг загнивания.

Наконец, необходимо сугубо подчеркнуть такой огромнейший мировой фактор, как паразитическое загнивание капитализма, поскольку речь идет о *монополиях над колониями*; необходимо указать на получение оттуда масс прибавочной ценности; на торможение индустриального развития в колониях (превращение их в аграрные „дополнения" и огромная доля экспроприируемого народного дохода); на паразитическую неподвижность и окостенелость соответствующих государств, поскольку они превращаются в государства-рантье, и на сопутствующие этому явления.

Несмотря на все эти тенденции, капитализм в его империалистской фазе *развивался*, обнаруживая в своем развитии все более кричащие противоречия. *В мировой войне* 1914—1918 гг., предупредившей надвигавшийся грандиозный промышленный кризис, со всей яркостью проявилось противоречие между *ростом производительных сил мирового хозяйства и его государственным дроблением*. Производительные силы настолько выросли (и следовательно, настолько поднялась *техническая основа* общества), что они противоречат этим перегородкам. Империализм хочет решить это противоречие таким путем, который не только не решает задачи, а плодит новые противоречия, еще более могущественные.

Таким образом дальнейшее развитие идет на основе огромного кризиса всей капиталистической системы, причем циклический кризис, переживаемый сейчас мировым хозяйством, есть *выражение* этого общего кризиса капитализма.

Могущественные *производительные силы современного капитализма* (и *его* исключительная техника и *его* живые рабочие силы) уже не могут быть использованы капиталом. С необычайной яркостью демонстрируется развивающееся противоречие между тенденцией к росту производительных сил (и следовательно, техники) и капиталистической общественной структурой, сокращающей эффективный спрос. Исключительный рост $\frac{c}{v}$ при суженном (в результате первой империалистской мировой войны) эффективном спросе вызвал и гигантскую недогрузку производственного аппарата и многомиллионную безработицу. „Всеобщий закон капиталистического накопления" Маркса получил исключительной силы подтверждение. Правда, технический прогресс сделал как будто неожиданные успехи в земледелии. Но самые эти успехи носят на себе зловещую печать. Явления загнивания в промышленности придали, как мы видели, совершенно исключительное значение *издержкам основного капитала* („fixe Kosten")[1]. Эти издержки основного капитала входят в цену товара даже тогда, когда огромные массы этого капитала лежат без движения: таков „закон" монопольного образования цены. Здесь, следовательно, возникает нечто, что можно (крайне условно) сравнить с абсолютной земельной рентой: 1) монополия собственников, 2) элемент цены, 3) тормоз технического прогресса. Таким образом „fixe Kosten" в известной мере сбалансировали абсолютную ренту, тяжелой гирей висящую на сельском хозяйстве. Органический состав капитала в сельском хозяйстве стал быстро повышаться, и техника в земледелии, в САСШ в первую очередь, сделала поразительные успехи[2]. Но эти успехи, сопровождавшиеся освоением новых огромных

---

[1] Термин, введенный проф. Schmalenbach'ом. Впрочем, здесь Schmalenbach не оригинален по существу, так как рост основного капитала вытекает непосредственно из всей марксовой концепции. С другой стороны, у него ограниченный, более или менее бухгалтерский подход, скрывающий всеобщие действительные связи капиталистического хозяйства. См. *Prof. Dr. Schmalenbach,* Wirtschaft am Scheidewege. Beilage zur „Voss. Ztg." 2928, № 255.

[2] См. *Julius Hirsch,* l. c.; *Wagemann,* l. c.

территорий, привели к необычайному усилению аграрного кризиса; он еще более обострил весь ход *общего кризиса капитализма, который, развиваясь из войны, готовится перерасти в новую мировую войну.*

Монополистический капитализм, будучи капитализмом умирающим, обнаруживает ряд непреодолимых тенденций к распаду и, в конечном счете, к своему крушению (через революцию пролетариата). Мировая война своеобразно „лже-ориентировала" всю технику капитализма, разрушила огромные производительные силы, подорвала социально-классовые устои капитализма (ряд революций) и породила гигантскую революцию в России, создавшую диктатуру пролетариата. Монополистический капитализм вступил в полосу кризисов с короткими промежутками подъемом. Новыми и характерными чертами этой полосы явились чрезвычайно низкие темпы капиталистической продукции; кричащее несоответствие между огромной мощностью производственного аппарата и его загрузкой; наличность большой „технологической безработицы" даже в моменты конъюнктурного подъема; высокий коэфициент энерговооруженности рабочего при низком росте объема производства; исключительное несоответствие между возможностями производства и возможностями реализации. Всеобщий кризис капитализма демонстрирует с поразительной силой противоречие между своей технической базой и общественной экономикой. Обостряется неравномерность развития, чрезвычайно затруднено приспособление отдельных частей хозяйства друг к другу; накапливается целая „система" больших и малых диспропорций; высокая техника становится для монополистических объединений нерентабельной; регулирующий капиталистическое хозяйство стихийный механизм расстраивается (ср. жалобы на утрату хозяйственного регулятора, на хаос цен и развал механизма цен); экономика тормозит технику, сковывает ее, связывает ее рост (ср. антитехническую идеологию, жалобы на иррациональность капиталистической рационализации—бауэровская Fehlrationalisierung,—на подавление техникой коммерческой рентабельности); аппараты наиболее могущественных монополий тяжелеют, бюрократизируются (ср. ламентации по поводу тисков „связанного хозяйства", угасание „капиталистического духа", отсутствие „инициативы" и хозяйственных вождей); налицо, таким образом, глубокий кризис и техники и экономики, дезорганизующей эту технику,

омертвляющей ее и выбрасывающей за борт производства десятки миллионов рабочих *сил*. Капиталистическая антитеза между производством и потреблением достигает небывалого напряжения. Но эта антитеза, по существу, есть иная формулировка противоречия между техникой и экономикой, выражение того решающего факта, что *современная капиталистическая техника заходит в свой экономический тупик*[1].

Техническое развитие, тяготеющее к универсальному техническому комбинату на базе электрификации, натыкается на границы частной собственности капитала. Электричество обнаруживает себя как производительная сила, развитие которой „становится несовместимым с руководством буржуазии“ (Энгельс). Все составные части технического прогресса уже перерастают рамки капитала: высоковольтная единая сеть лежит за его пределами; техническое комбинирование лежит за его пределами; иное размещение производства (более технически и экономически целесообразные штандорты) лежит за его пределами. Точно так же за пределами капитализма лежит и решение этих вопросов, воспроизведенных на их мировой основе: барьеры границ, таможенных застав и т. д. суть барьеры для дальнейшего развития мировых производительных сил. Эти противоречия капитализм пытается решить в войнах. Противоречия между развитием производства и ограничением потребления он „решает“ в кризисах. И то и другое означает неслыханное в истории человечества расхищение производительных сил. И то и другое имеет одну основную причину: конфликт между гигантскими производительными силами и капиталистической формой производства. Под оболочкой монополистического капитализма

---

[1] Явления распада капитализма породили уже соответствующую огромную литературу. Кроме известных выступлений Зомбарта упомянем: *S.* and *B. Webb*, The decay of capitalism (русский перевод, 1925 г.); *M. J. Bonn*, Das Schicksal des deutschen Kapitalismus, Berlin 1930; *Jostock*, Der Ausgang des Kapitalismus; *Scott Nearing*, Twilight of Empire, N. 4, 1930; *O. Spengler*, Der Mensch und die Technik, München 1931; *Ferd. Fried*, Das Ende des Kapitalismus, Jena 1931. См. также *Fritz Sternberg*, Der Imperialismus. Malik-Verl., 1926; *Henryk Grossmann*, Das Akkumulations- und Zusammenbruchs-Gesetz des Kapitalistischen Systems. Leipzig, Verl. Hirschfeld, 1929; с.-д. сборник так называемых „левых“: Die Krise des Kapitalismus und die Aufgabe der Arbeiterklasse, 1931. На русском языке см. сборники: „Буржуазные ученые о закате капитализма“ (1929) и „Буржуазные экономисты о мировом кризисе“ (Соцэкгиз, 1931).

выросла система концентрированных средств производства, движущихся к универсальному своему комбинированию, выросла организация общественного труда огромной мощности и охвата, подготовившая основы научной рационализации всего производственного процесса. Но эта оболочка уже стала путами дальнейшего развития. Она должна быть взорвана, и она будет взорвана по всей линии революцией международного пролетариата.

Гибель капитализма не есть его автоматическое самоуничтожение. Ход всеобщего кризиса капитализма детерминирует расстановку классовых сил и направление концентрированной воли пролетарских масс в сторону решающей борьбы с капитализмом. В этой борьбе международный пролетариат имеет свой опорный пункт в СССР. Именно поэтому капитал стремится войной против СССР найти выход из современного кризиса и одновременно разбить главные организованные силы своего могильщика. „Программа“ буржуазии означает, однако, не что иное, как дальнейшее воспроизводство тех же самых гигантских противоречий, но на их расширенной основе. „Программа“ пролетариата, наоборот, снимает противоречия капиталистического режима, выводит производительные силы из тупика, освобождает технику от ее капиталистических пут. Если на отсталой основе российского хозяйства, в исключительно неблагоприятной международной обстановке, СССР удалось показать рекордные цифры строительной работы, то на базе освобожденной европейско-американской техники рабочий класс может добиться совершенно исключительных результатов. Техника современного капитализма, по существу, уже не есть *„его“* техника. Она властно требует новой, социалистической экономики. Эта социалистическая экономика будет создана победоносной революцией международного пролетариата.

ДАРВИНИЗМ И МАРКСИЗМ [1]

На протяжении XIX столетия нельзя отметить двух других имен, кроме имен Дарвина и Маркса, которые бы выражали целые громаднейшие перевороты во всей мыслительной ориентации многих миллионов людей. Обе теоретические концепции — и дарвинизм и марксизм — выросли из практической потребности эпохи, и это их происхождение можно почти прощупать руками, настолько ярко и осязательно оно выражено. Обе они являются громадными синтезами, хотя и далеко не равновеликого порядка. Обе они служат мощными рычагами практического действия, совершенными орудиями изменения мира. И, наконец, несмотря на их различный социальный генезис, марксизм включает в свое мировоззрение сформировавшуюся, как величайший из исторически данных синтезов, теорию Дарвина, взятую в ее существенных моментах. Обе теории стоят, таким образом, в исключительно специфических соотношениях.

1. СОЦИАЛЬНЫЙ ГЕНЕЗИС ДАРВИНИЗМА

„Происхождение видов“ Дарвина вышло в 1859 г., в том же году, когда появилась на свет работа Маркса: „К критике политической экономии“. Эпоха, которую переживал в то время английский капитализм, была эпохой его победоносного утверждения и триумфального мирового шествия. В 1848 г. английская буржуазия раздавила последнее выступление чартистов, выставив, под командой герцога Веллингтона, полтораста тысяч белогвардейских „констэблей“, сынков перепуганной лондонской буржуазии, против славного движения пролетариев. Почти одновременно она сокрушила повстанцев Ирландии, переживавшей полосу страшного голода. Она прочно уселась у руля государственной власти и в порах общинного самоуправления, обеспечив себе при помощи рабочего класса еще с 1832 г. основные

[1] К 50-летию со дня смерти Дарвина.

рычаги политического господства. Английский капитал, жестокий, коварный, хитрый и крайне дрессированный и маневроспособный, тяжелой поступью шел по мировой арене. Великобритания превратилась в гигантскую „мастерскую мира“, индустриальный центр, hors concours, мирового рынка. Здесь она уже была монополистом, и ее фритрэдерская идеология как нельзя более соответствовала исключительному перевесу ее технических, коммерческих и военных сил. Под пацифистско-либеральную трескотню о „мире, экономии и реформе“ („peace, retrenchment and reform“) пираты капитала отхватывали себе один колониальный кусок за другим, выполняя заповеди бога прибыли и прогресса. Индустриальная мощь страны быстро возрастала, опираясь на развитие машинной базы и на лихорадочное железнодорожное строительство[1]. Сельское хозяйство после периода депрессии и низких цен обнаружило вдруг неожиданный поворот в сторону огромного подъема как раз вслед за отменой так называемых „хлебных законов“. Технически прогрессивное капиталистическое хозяйство сделало громадный скачок вперед: комбинация зернового хозяйства и скотоводства[2]; введение плодосменного хозяйства, дренажа, импортного искусственного удобрения и сельскохозяйственных машин создало рациональное сельскохозяйственное производство[3]. Открытия в области агрохимии, животноводства, растениеводства, сельскохозяйственного машиностроения и т. д. сразу получили крупнейшую базу. Механики, архитекторы, геологи, химики, физиологи, ботаники, зоо- и фитотехники мобилизуются и приводятся в движение. Крупнейшую роль играет Королевская сельскохозяйственная академия (Royal Agricultural Society), работы Либиха становятся настольной книгой капиталистического фермера. James Caird оценивает в 1852 г. положение так: „Ни один предыдущий пе-

---

[1] См. *J. H. Clapham*, An Economic History of Modern Britain. The early railway age 1820—1850, Cambridge, At University Press, 1926.

[2] *Hermann Levy*, Entstehung und Rückgang des landwirtschaftlichen Grossbetriebes in England, Berlin, Julius Springer, 1904, S. 68 und ff., особенно 70.

[3] См. прежде всего: *Marx*, „Das Kapital“, B. 1, где весь процесс обрисован с исключительной выпуклостью. См. также: „*Agriculture*“ in Encyclopaedia Britannica, изд. 1929 г., т. I; *James Caird*, English Agriculture in 1850—1851. London. Longman, Brown, Green and Longmans, 1852; *проф. И. Кулишер*, История экономического быта Западной Европы, т. II, изд. 2. Гиз, 1926.

риод не имел большего генерального прогресса в области агрикультурных усовершенствований, чем настоящий период“ [1]. А журнал „Quarterly Review“ в 1858 г. с восторгом пишет: „Фермеры процветают (are prosperous), лэндлорды намереваются улучшать свои имения, рабочие перестали ненавидеть сеялку и молотилку; во время последней жатвы в употребление вошла жнейка; компетентные судьи держатся того мнения, что почти готов и экономичный паровой культиватор“ [2]. Английский капитал чувствует свое собственное полнокровие и лондонской всемирной выставкой 1851 г. хочет показать urbi et orbi свое мировое могущество, мощь своей техники, непобедимую силу своей цивилизации. Он становится дирижером и законодателем всемирной моды; англомания делается религией каждого „образованного“ буржуа, который преклоняется перед английской машиной и английскими баками, английским парламентом и по-английски подстриженной кобылой, перед английским искусством и английским ростбифом. Даже русские помещики испытывали на себе это обаяние английских чар.

Сочетание классовых сил за этот период было чрезвычайно оригинальным. Исходным пунктом развития был, как мы упоминали, разгром чартизма. В течение долгого ряда лет мужественное движение английского пролетариата создавало не раз критическую революционную ситуацию. Руками рабочих была проведена реформа 1832 г., социально-политически давшая власть промышленной и средней торговой буржуазии, но на базе компромисса с поземельной аристократией, этими „джентльменами без профессий“. В 1834 г. либералы провели преобразование „закона о бедных“, введя каторжный режим работных домов и вызвав возмущение тружеников. В 1846 г. были отменены „хлебные законы“, и удовлетворенная мелкая буржуазия отошла от рабочих. Невероятная эксплоатация пролетариата, женщин и детей была фоном, который использовался „тори“ против „вигов“: из рядов дворянства вышли своеобразные печальники о судьбе рабочих, заострявшие жало своей критики против безжалостной буржуазной эксплоатации, агитаторы за фабричное законодательство: таковы, например, письма Ричарда Остлера в „Лидском Меркурии“ „О невольничестве в Иоркшире“.

---

1 *J. Caird*, op. cit., p. 527.

2 „*Quarterly Review*“, № 206, 1858, Art. IV: „The Progress of English Agriculture“, p. 391.

Грозный гром рабочего движения и его использование со стороны дворянства привели к фабричному законодательству. Наиболее прозорливые из тори (ср. лорда Эшли) видели в этом законодательстве самое действительное средство отвлечения рабочих от чартизма, который выдвинул уже „партию физической силы“, готовил восстание и рядом с государственным парламентом собирал свой „Конвент“, по сути дела Совет рабочих депутатов. Поражение чартизма означало крутой перелом во всем движении; это было начало гибели, на целую историческую эпоху, героических традиций революционного движения английского пролетариата: идеи „физической силы“, интернационального братства, завоевания власти, социального равенства уступали свое место идеям реформистского трэд-юнионизма и кооперации. На мировом рынке складывалась исключительная монополия расцветающей „владычицы морей“, великой колониальной империи британского капитала. Господство буржуазии, но на базе умеренных подачек рабочим; борьба буржуазии с дворянством, но компромисс с ним, респектабельность, уважение к священным традициям, корона короля, шлейф королевы, парики в парламенте, господь бог в голове. Эта система сохраняла долгие годы свою устойчивость, пока развитие мирового хозяйства не опрокинуло английской суперматии и не вызвало могущественнейших тенденций совсем другого порядка[1].

Вот в такую эпоху выступил со своими работами величайший из биологов, Чарльз Дарвин. Он прямо вырос из почвенных сил прогрессивного сельского хозяйства Англии, с его садоводами, скотоводами, рациональными хозяевами, опытными полями, прикладной химией, многолетней практикой, прочным эмпиризмом, осторожностью, расчетливой добротностью эксперимента, трезвой проверкой фактов. Колониальные научные экспедиции — ориентирующие щупальцы английского капиталистического мiродержавия, его познавательные сосуны, расширяющие горизонт — доставляли добавочный разносторонний материал, а через ввоз искусственных удобрений и новые виды животных

---

[1] *Elie Halévy*, Histoire du peuple Anglais au XIX siècle. III. De la crise du reform bill a l'avènement de Sir Robert Peel (1830—1841). Librairie Hachette, Paris 1923; *Carl Brinkmann*, Englische Geschichte, 1815—1914, Berlin 1924; *„Великобритания“* в Большой советской энциклопедии; *Ф. А. Ротштейн*, Очерки по истории рабочего движения в Англии, Гиз, 1926 г.; *Герман Шлютер*, Чартистское движение, Гиз, Москва.

и растительных пород прямо обслуживали процесс материального производства. Таким образом развитие английской промышленности, колониальная экспансия и, прежде всего, прочный подъем английского рационального сельского хозяйства были базой, на которой возникла теоретическая концепция Дарвина. Недаром у него фигурирует так часто „искусный заводчик", столь ненавистный Дюрингу. Дарвин рос из многообразной живой практики, и в этом была его сила. „Заводчики,— пишет он,— обыкновенно говорят об организации животного, как о пластическом материале, которому они могут придать какую угодно форму" [1]. Обоснование и объяснение великой идеи *изменяемости видов* выросли, следовательно, из теоретического обобщения реальной практики „заводчиков" (другой практики здесь, как известно, не было). „В начале моих исследований,— сообщает Дарвин, — мне казалось, что тщательное изучение домашних животных и растений, разводимых человеком, всего скорее может повести к разрешению этого темного вопроса. И я не ошибся... Я осмеливаюсь выразить мое убеждение в высокой важности исследований по этому предмету, хотя ими, по большей части, пренебрегают естествоиспытатели" [2]. Дарвин не устает ссылаться на этот исходный пункт, цитируя на сотнях страниц „искусных заводчиков": Иоуэтт, „едва ли не лучший знаток сельскохозяйственной литературы и хороший знаток животных", свидетельствует у Дарвина: „Оно (начало искусственного подбора. *Н. Б.*) сельскому хозяину дает возможность не только видоизменять характер своего стада, но и вовсе изменить его. Это — магический жезл, посредством которого он может вызвать к жизни всякую форму, какую захочет" [3]. Далее идут лорд Сомервиль, „искусный заводчик сэр Джон Себрайт" и т. д. При этом Дарвин тут же отмечает, ссылаясь на Маршалла, что подобного рода практика требует массовых операций, когда, например, растения разводятся „в огромных количествах", что возможно лишь на базе крупного производства [4]. Практика садовода, скотовода, сельского хозяина дает материал для обоб-

---

[1] *Ч. Дарвин,* О происхождении видов путем естественного подбора. Пер. с англ. С. А. Рачинский. Изд. 3-е, Москва 1873, стр. 24.

[2] Там же, стр. 3.

[3] Там же, стр. 24.

[4] Там же, стр. 32.

щений Дарвина: она доказывает эмпирически изменяемость видов, она дает идею „искусственного подбора“, от которой Дарвин отправляется для обоснования идеи „естественного подбора“: садовник, выпалывающий слабые растения, скотовод, подбирающий „породу“ — вот его экспериментальная массовая основа. Но Дарвин, как известно, формулировал свою теорию как теорию „*борьбы за существование*“, формула, которой не было у его предшественников Ламарка, Жоффруа Сент-Илера и др. Здесь на него оказал могущественное влияние Мальтус[1]. Однако и вопрос о влиянии Мальтуса и об оценке этого влияния не так прост, как это обычно полагают.

„Поп Мальтус“, как величает его Маркс, кроме своей функции „священнослужителя“, был профессором политической экономии в цитадели колониального грабежа, в коллегии знаменитой Ост-Индской компании. Он идеологически выражал в самой резкой форме английскую контрреволюцию, активизировавшуюся под влиянием событий на континенте; французская революция, мятежи в Англии, неслыханный рост пауперизма, бурная история классовой борьбы, пароксизм животного испуга поземельных собственников и владельцев машин породили „Опыт закона о народонаселении“. Социально-классовая установка „Опыта“ формулирована у Мальтуса так: „Чернь (a mob), которая есть следствие излишнего населения, возбужденная обидой за свои реальные страдания, но совершенно не знакомая с источниками их происхождения, является из всех чудовищ наиболее роковым для свободы“[2]. Эта боязнь за свообду эксплоатации и выдвинула апостола реакции на передовые позиции пропаганды против бедноты, пролетариата, „черни“. Один из английских филантропов предлагал даже — в своей брошюре, изданной под псевдонимом Маркуса,— подвергать всех новорожденных детей рабочих безболезненной смерти, лишь бы только предупредить угрозу восстаний и „мятежей“. Не подлежит ни малейшему сомнению, что ожесточенная классовая борьба и гибель десятков тысяч

---

[1] См. „The Life and letters of Darvin“, ed. by F. Darvin, vol. I, p. 83. *Ч. Дарвин*, Происхождение видов, стр. 3; *там же*, стр. 50.

[2] *T. R. Malthus*, On the principle of population, vol. II, p. 187. Everyman's Library ed. by Ernest Rhys, London: „A mob, which is generally the growth of a redudant population goaded by resentment for real sufferings, but totally ignorant of the quarter from which they originate, is of all monsters the most fatal to freedom“.

людей в предыдущий период английской истории не могли не оказать на Дарвина огромного влияния. Не подлежит также никакому сомнению, что факт bellum omnium contra omnes и контрреволюционное теоретическое выражение этого факта оказали на Дарвина свое давление и подсказали ему формулу „борьба за существование". Но если внимательно присмотреться к работам Дарвина, то мы увидим и нечто другое. Коротко сформулировав основные положения своего учения, Дарвин прибавляет: „Это — учение Мальтуса, приложенное к растительному и животному царству, и приложенное в строжайшем его смысле; потому что тут невозможно *ни искусственное умножение пищи, ни осторожное воздержание от брака*"[1]. Дарвин не замечает, что этим он целиком *уничтожает* теорию Мальтуса, ибо злостная „ошибка" Мальтуса и состоит в том, что он выбрасывает возможности производства, возведя капиталистическую нищету масс в вечный закон общественного бытия. Жало всей концепции Мальтуса направлено против „черни". Жало всей концепции Дарвина направлено: мировоззренчески — против теологии, техническо-экономически — против остатков средневекового хозяйства. Для Мальтуса характерен антиисторизм, для Дарвина, наоборот, — сугубый историзм. Поэтому так различна судьба этих учений. Теория Мальтуса, воспетая многими обскурантами, просто смешна, в особенности теперь, в свете мрачных лучей развернутого кризиса перепроизводства. Теория Дарвина жива в своих основных моментах. Но социальный генезис дарвинизма не смог не наложить своей печати на все его великое построение. Вообще, уже самая идея „историзма" и „эволюции" у буржуазных идеологов имела — на разных флангах идеологии — разный оттенок консерватизма. Будучи в основе глубоко прогрессивной, она нередко включала идею абсолютной постепенности, голой непрерывности процессов: особенно ярко это проявилось в „исторической школе" права, в „исторической школе" политической экономии, в „органической школе" социологии и т. д. Если некоторые историки времен французской реставрации (в особенности Гизо, Минье и Огюстэн Тьерри) представляют собой в высокой степени передовое явление и в известном отношении могут быть даже рассматриваемы как предшественники социально-исторической теории Маркса (учение

---

1 *Ч. Дарвин,* Происхождение видов, стр. 50.

о классовой борьбе)[1], то нельзя, с другой стороны, не отметить, что в борьбе с механически-математическим рационализмом ряда философов XVIII в. идея исторической постепенности противопоставлялась антиисторизму как аргумент против социальных катастроф; что идея „органической" связи (против механической связи социальных атомов, рассматриваемых как геометрические точки) и идея „органической" *иерархии* выдвигались как аргумент против абстрактного равенства просветителей, как заслон против радикальных перемен, как теоретическое выражение поговорки: „всяк сверчок знай свой шесток"; что самое погружение в глубины истории и идея медленной эволюции должны были „доказать" прочность исконных традиций и начал, медленность образования новых форм общества, их неизбежно эклектический характер. Дарвин отдал дань этому, хотя его же собственный материал нередко бунтует против обручей такой концепции. Дарвин отдал дань и компромиссному буржуазному „духу времени", снабжая свои работы искусственными теологическими привесками, которые, как жалкое тряпье, болтаются на великолепном здании его теории. Но это последнее он переживал уже как внутреннюю трагедию, о чем свидетельствует его знаменитое письмо к титану пролетарского мировоззрения, Марксу, положившему начало совершенно новому этапу в развитии науки и философии.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДАРВИНИЗМА

К дарвинизму, чтобы его понять и оценить, необходимо подходить, как и к другим объектам исследования, исторически. До Дарвина типичными были теологические и телеологические представления о животных видах; идея их постоянства, вопреки практике садоводов и скотоводов, была communis doctorum opinio. На протяжении многих столетий и даже тысячелетий в разнообразных формах господствовали, по сути дела, донаучные взгляды на происхождение и развитие органического мира. Фантастические космогонии религиозно-поэтического характера, вроде грандиозных концепций вавилонян и евреев, Индии и Китая, скандинавов и финнов; натурфилософские си-

[1] См. о них *Г. В. Плеханов*, Огюстэн Тьерри и материалистическое понимание истории (Сочинения, т. VIII); *он же*, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, гл. II: Французские историки времен реставрации; *он же*, Предисловие к русскому переводу „Манифеста коммунистической партии".

стемы старинных мыслителей; средневековая католическая схоластика; натурфилософия позднего времени, не говоря уже о широкой идеологии, распространяемой для всеобщего употребления, почти целиком стояли на точке зрения „творческого акта“, однократного или многократного, грубо-антропоморфического или тонко-одухотворенного. В старой Индии бог выступает то как гончар или архитектор, то как Vāc, голос, разум, нечто вроде греческого Λόγος'а; то он — почти философская тень, то он „устает“ от акта творения, почти „бездыханен“, „измучен до смерти“. То бог творит мир из хаоса, из первичной материи, из глины, из чего-то. То он, как у блаженного Августина, творит из ничего. Но во всех этих случаях мир обязан существованием своему Демиургу, творцу и созидателю. Так называемые „конечные причины“, мистические causae finales, a priori данные и определяющие собою реальные изменения, поскольку они признаются, есть другая форма того же теологически-телеологического начала, от „энтелехии“ Аристотеля до „élan vital“ Анри Бергсона. Еще Лейбниц (1646—1716) представлял себе Космос как царство ступенчатых монад, непрерывно связанных друг с другом, но отнюдь не переходящих друг в друга, во главе с высшей монадой, которая есть бог. Женевский натуралист Charles Bonnet (1720—1793) в своем „Traité d'Insectologie“ построил целую „лестницу естественных существ“ (échelle des être naturelles), включающую и ангелов, серафимов и херувимов, созданных божеством. Знаменитый шведский натуралист Линней считал, что видов существует столько, сколько их сотворило „бесконечное существо“. „Tot numeramus species, quot ab initio creavit infinitum ens“. „Species tot sunt, quot formae ab initio creatae sunt“. В своей речи „De telluris habitabilis incremento“ он серьезно заявляет, что „рай“ был островом под экватором, ибо „если бы от сотворения мира твердь была так же велика и суша нашего земного шара так же распространена, как теперь, то Адаму было бы трудно, даже невозможно, найти всех животных“[1]. Знаменитый Кювье стоял на

---

[1] См. *Heinrich Schmidt*, Geschichte der Entwicklungslehre, Alfred Kröner Verl., Leipzig 1918, S. 271. (Однако у него есть и другие высказывания. См. назвванное сочинение, стр. 464.) См. также *H. F. Osborn*, From the Greeks to Darvin, London 1929. С другой стороны — *E. T. Brewster*, Greation. A History of Non-Evolutionary Theories, Indianopolis, The Bobbs-Merrill Company, 1927.

точке зрения одного творческого акта, но уже его ученик д'Орбиньи ввел повторные творческие операции господа в связи с повторными геологическими катастрофами [1]. Разумеется, и Дарвин имел своих отдаленных и близких предшественников. Великие построения никогда не возникают, как deus ex machina; они имеют, как и все на свете, историю своего возникновения. Сам Дарвин в предисловии к американскому изданию „Происхождение видов", называет целый ряд авторов, трудами которых складывалась новая теория, в том числе Жоффруа Сент-Илера и Ламарка. Исключительное влияние на Дарвина оказал геолог Ляйэлл, этот антипод Кювье. Однако, как совершенно справедливо говорит в „Анти-Дюринге" Ф. Энгельс, „не следует забывать того, что во времена Ламарка науке далеко еще нехватало материала, чтобы высказаться по вопросу о происхождении видов иначе, чем в виде пророческих, так сказать, предвосхищений". Интересно, между прочим, отметить, что основатель „критической философии" и автор „Всеобщей естественной истории и теории неба", И. Кант, подойдя совсем близко к идеям изменения видов, отшатнулся от них, ибо они „так чудовищны, что разум с дрожью отступает перед ними (vor ihnen zurückbebt)" [2].

Происхождение видов, в частности происхождение человека, законы органической эволюции как естественно-исторические законы,— вот проблема, которую поставил и решил Чарльз Дарвин. Его работа, в основе своей обусловленная техническим прогрессом капитализма и борьбой его с феодальными традициями, была окружена атмосферой напряженного умственного творчества. В 1842 и 1845 гг. Роберт Майер обосновал „закон сохранения силы"; в 1844 г. вышли знаменитые „Химические письма" Юстуса Либиха; за год до появления „Происхождения видов" Рудольф Вирхов обосновал целлюлярную патологию („Лекции врачам по целлюлярной патологии"); в 1860 г. Марселен Бертло издал свою „Органическую химию, основанную на синтезе" („Chimie organique fondée sur la synthèse"); а в 1861 г. Пастер выступил со своими открытиями по микробиологии. На другом полюсе общества это время дало: в 1845 г.— „Святое семейство", в 1848 г.—„Манифест коммунистической

---

[1] *Ю. Филипченко,* Эволюционная идея в биологии, Москва, изд. Сабашниковых 1923 г., стр. 29.

[2] *H. Schmidt,* l. c, S. 64.

партии", в год издания „Происхождения видов"—„Zur Kritik", а в 1867 г. вышел первый том самого великого творения Маркса.

Итак, Дарвин начинает от практики. Из наблюдений над материалом „искусных заводчиков" он заключает: 1) об изменчивости организмов, 2) о наследственной передаче части изменений, 3) о произвольном направлении органических изменений путем скрещивания и искусственного отбора. Затем Дарвин ставит аналогичный вопрос уже по отношению к стихийным процессам органической природы. Что *здесь* заменяет регулирующее искусственное влияние человека? Каков стихийный регулятор процесса органических изменений, дающих ему то или иное направление? На это Дарвин отвечает: „борьба за существование", „struggle for life", „естественный отбор". Его основа — противоречие между огромной воспроизводительной силой и ресурсами питания, а также другими необходимыми для организмов ресурсами окружающей природной среды.

„Борьба за существование,—пишет Дарвин,— необходимо вытекает из быстрой прогрессии, в которой стремятся размножиться все органические существа. Всякий организм, производящий в течение своей жизни много яиц или семян, должен подвергаться истреблению в известные возрасты или в известные времена года; не то, в силу геометрической прогрессии, число его потомков быстро возрастало бы так безмерно, что никакая страна в мире не была бы в силах их пропитать. Следовательно, так как родится больше особей, чем сколько может их выжить, во всяком случае должна происходить борьба за существование либо с особями того же вида, либо с особями другого вида, либо с физическими условиями жизни"[1].

Какие же особи выживают? Те, которые приспособлены к среде. Любое отклонение, хотя бы самое небольшое, обеспечивающее бóльшую приспособленность, есть лишний шанс на выживание. При массовости процесса мы получаем закон: выживают наиболее приспособленные. „Борьба" губит слабых, поддерживает сильных. „Борьба" выпалывает неприспособленных, как садовник выпалывает из грядки неполноценные экземпляры растений. Борьба, следовательно, отбирает по признакам объективно полезных организму отклонений; „естественный подбор" подхватывает эти отклонения, передаваемые по наследству, закрепляет и усиливает их. Так, на основе индивидуальных отклонений, причины которых разнообразны и многозначны, т. е. случайны в объективном смысле слова, получается *закономер-*

---

[1] *Ч. Дарвин,* Происхождение видов, стр. 50.

ность направленности изменений, *закономерность естественного отбора.* Это и есть основной закон развития органического мира, открытый Дарвином. Таким образом процесс в целом складывается по Дарвину: 1) из изменчивости, 2) из наследственности, 3) из естественного отбора. Эти три фактора Дарвин монически синтезирует, причем примат принадлежит у него естественному отбору, как формирующему принципу, определяющему процесс эволюции вида, взятый в его целом. Из этого, однако, вовсе не следует, что Дарвин не делал никаких попыток анализировать причины отклонений, являющихся, так сказать, сырым материалом для процесса отбора, и не ставил перед собой вопроса о законах наследственности, которые, метафорически говоря, используются его механизмом. На вопрос о *наследственной* изменчивости Дарвин, не дав здесь строго выдержанной научной концепции, отвечал очень просто: по его мнению, приобретенные признаки по правилу все наследуются. Здесь он, как показало дальнейшее развитие науки, явно ошибался. На вопрос о *причинах изменений* он отвечает следующим образом: „Изменчивость подлежит множеству неизвестных нам законов, из которых особенно важен закон соотношений развития. Некоторую долю изменений следует приписать прямому действию жизненных условий, некоторую — употреблению и неупотреблению органов. Окончательный результат, таким образом, становится бесконечно сложным“[1]. Здесь Дарвин в значительной мере использует работы своих предшественников: Кювье (соотносительная —„correlated“— изменчивость Дарвина соответствует „corrélation organique“ Кювье и Ламарка (прямое влияние среды, упражнение или неупражнение органов, как причины изменений). Особняком, но в связи с теорией наследственности, стоит у Дарвина его так называемая „временная гипотеза“, учение о „пангенезисе“, которое сам Дарвин считал впоследствии „вздорным“ и которое несущественно с точки зрения его концепции в целом[2]. Итак, для дарвинизма, как определенной

---

[1] *Ч. Дарвин*, l. c., стр. 33. См. также *Ч. Дарвин*, Прирученные животные и возделанные растения, т. II, главы о законах изменчивости.

[2] См. *E. Study*, Eine lamarckistische Kritik des Darwinismus. Sonderabdruck aus der Ztschr. für induktive Abstammungs- und Vererbungslehre, 1920, Bd. XXIV, Heft 1: „Dahin gehört... Darwins „provisorische“ Pangenesishypothese, zu der Darvin nicht wegen der Selektion, sondern wegen des lamarkistischen Faktors in seiner Theorie sich genötigt glaubte“ (S. 57).

биологической теории, специфическим, существенным, резко выделяющим эту теорию от всех других теорий эволюции моментом является учение *об естественном отборе:* именно в этом, а не в чем-либо ином, и заключается научная „суть" дарвинизма. Но Дарвин проделал и дальнейшую работу: он включил в цепь органической эволюции и человека как биологический вид. Он рассмотрел и этот „венец творения" естественно-исторически, как необходимый и закономерный исторический результат органической эволюции. В своей работе „Происхождение человека и подбор по отношению к полу" Дарвин чрезвычайно смело по тогдашним временам заявляет:

> „Тот, кто не смотрит, подобно дикарю, на явления природы, как на нечто бессвязное, не может думать, чтобы человек был плодом отдельного акта творения. Он должен будет признаться, что великое сходство между человеческим зародышем и зародышем, например, собаки; тождество плана в строении черепа, конечностей и всего тела, независимо от употребления, которое могут иметь эти части у человека и других млекопитающих; случайные возвраты различных образований, например особенных мышц, которых человек обыкновенно не имеет, но которые свойственны четыреруким, и множество других аналогичных фактов,—что все это ведет весьма положительным образом к заключению, что человек и млекопитающие произошли от одного общего прародителя" [1].

Необходимо помнить, что именно на этот вопрос было наложено священное табу всеми богословами, учеными, философами и так называемым „общественным мнением": как раз здесь обретался тот punctum saliens, перед которым в величайшем смятении остановился даже кантовский „Чистый Разум". Необходимо помнить, что как раз боязнь этого тезиса была тем тяжелым прессом, который давил на развитие биологии, как науки и превращал ее в своеобразный привесок догматического богословия и теологизирующей фантастической натурфилософии. Дарвин проломил здесь огромную брешь и сразу продвинул науку на неизмеримо более высокую ступень ее развития: именно Дарвин доказал *факт* и объяснил *механизм* органической эволюции, объяснил исторически факт разнообразия видов, их трансформацию, явления так называемой целесообразности в органическом мире — проблема, которая являлась камнем преткновения для научного мышления и золотоносной жилой для „старателей" из лагеря теологии и метафизики,— включив

[1] *Ч. Дарвин,* Происхождение человека, СПБ, 2-е изд., 1873 г., т. II, стр. 293.

в эволюционный исторический ряд и носителя „божественной искры“ — человека.

Разумеется, нельзя требовать от Дарвина того, чтобы все без исключения его теоремы оправдались в ходе дальнейшего развития науки: многое из теперь известных фактов и обобщений он просто не мог знать, как не мог, например, знать теории империализма или искусства управления автомобилем системы Форда. Его научное величие отнюдь не пострадало от того, что частные элементы его теории (пангенезис, наследование приобретенных признаков и т. д.) оказались превзойденными и отброшенными дальнейшим прогрессом биологии: существенно как раз то обстоятельство, что сердцевина его теории — учение о селекции — целиком выдержало, в боях с антидарвинизмом, суровую историческую проверку. Эта проверка касается, прежде всего, двух основных пунктов: 1) вопроса об изменчивости, ее характере и ее отношении к селекционному принципу; 2) вопроса о значении отбора в общем процессе эволюции. Современная *генетика*, наука, порожденная в значительной мере самим развитием дарвинизма[1], ставит своей специальной и специфической задачей раскрытие законов наследственности и изменчивости. За весь последарвиновский период накопилось огромное количество новых фактов, новых экспериментов, новых проблем. Дарвин констатировал многочисленность и многозначность факторов, обусловливающих изменчивость и пестроту самой этой изменчивости как в приспособительном характере этой изменчивости (полезные, вредные, нейтральные вариации), так и в ее степени (незаметные отклонения и крупные „скачки“, вроде указанных Дарвином „sporting plants“, окрещенных де-Фризом „мутациями“).

Современная генетика подтверждает этот взгляд Дарвина. Опыт показал, что: 1) на организмы действуют самые разнообразные факторы, вызывающие те или иные мутации (воздействие рентгеном, радием, ультрафиолетовыми лучами, температурой и т. д.); 2) одинаковые факторы могут вызывать в принадлежащих к одному виду организмах различные мутации (например, разных мутации у Drosophila под влиянием одинаковых доз рентгеновых лучей); 3) разные факторы могут вызывать

---

[1] См. *W. E. Castle*, Genetics and Eugenics, Cambridge 1930: „This things (данные современной генетики. *Н. Б.*) came as fruits of the evolution theory“ (44).

одинаковые мутации; 4) мутации не только качественно, но и количественно носят самый разнообразный характер; 5) пестрота мутаций, однако, имеет известные границы, в пределах которых и колеблются соответствующие наследственные изменения: об этом, повидимому, и говорит, между прочим, так называемый „закон гомологических рядов" Н. Вавилова, являющийся пока „эмпирическим законом" (родственные систематические единицы дают сходные ряды мутаций). Разумеется, дело не в одних только мутациях в смысле де-Фриза, ибо они не являются монопольным поставщиком материала для механизма отбора. Нельзя, повидимому, наголо отрицать и случаев прямого действия среды, и постольку некоторые элементы ламаркизма не просто должны быть отвергнуты, а лишь, выражаясь гегелевским языком, „сняты". Но уже одной теорией мутаций опрокидывается ламаркистская концепция *прямого приспособления*, которая пытается объяснить эволюционный процесс *без отбора*, полагая, что воздействия внешней среды обязательно вызывают необходимую целесообразную реакцию, передающуюся — точно так же в обязательном порядке — по наследству.

С другой стороны, и другие попытки построить эволюционную теорию, выключая механизм отбора, оказались не в состоянии материалистически объяснить процесс трансформации органического мира: все они неизбежно скатываются к телеологической концепции, роковым образом вводящей в той или иной форме старинную мистику аристотелевой „энтелехии". Крупные открытия генетики (учение о комбинативной изменчивости на основе законов Менделя, учение „о чистых линиях" Иогансена, обобщения американской школы во главе с Морганом) ни в коей мере не затрагивают основ дарвинизма и могут быть рассматриваемы как дальнейшее развитие дарвинизма.

Таким образом позднейшее развитие науки подтвердило основные положения дарвинизма. По Дарвину изменчивость не имеет строго направленного (так называемого „ортогенетического") характера, и соответствующие изменения могут быть, как мы упоминали, либо полезны, либо нейтральны, либо вредны. Другими словами, „совершенствование", возрастающая приспособленности, *эволюция*, объясняются не изменчивостью, взятой „в себе", а отбором *на основе* изменчивости. Бесконечное количество опытов показало, что изменения действительно не имеют однотипной направленности, и их законы являются неизмеримо

более сложными, хотя диапозон возможных вариаций и имеет известные границы. Развитие генетики показало также громадное значение *наследственных комбинаций* (менделевские соотношения). У Дарвина этот фактор как материал для механизма отбора почти отсутствовал. Но совершенно очевидно, что он может быть включен в концепцию Дарвина без всякого для нее вреда, ибо здесь ни в малой степени не затрагиваются роль и решающее значение механизма отбора. *Ламаркисты* и *автогенетики* нападают именно на этот пункт и терпят здесь наиболее жестокое поражение. Отбор есть реальный фактор, объективный закон развития органической жизни, а отнюдь не „чисто логическая" конструкция. Отбор, с другой стороны, отнюдь не есть „чисто негативный" фактор, ибо как раз он и оказывается решающим для *направления* эволюции. Именно здесь лежит *основная закономерность* развития. Но из этого не следует, что не нужно искать и специфических закономерностей изменчивости и наследственности, на базе которых действует механизм отбора со своей *решающей* закономерностью. Здесь еще — огромнейшее поле работы. Значительные успехи достигнуты в области изучения законов *наследственности* (например, законы образования новых комбинаций на основе работ Менделя-Моргана); что касается закономерностей *изменчивости*, то здесь выяснен ряд лишь очень приблизительных „эмпирических" закономерностей. Однако, каковы бы ни оказались законы изменчивости, это не разрушило бы концепции Дарвина, как *синтетической теории эволюции*, где закономерности изменчивости и наследственности соподчинены основной закономерности естественного отбора [1].

Яркую общую характеристику дарвинизма дал Фридрих Энгельс еще в 1859 г. в своем письме к Марксу. „До сих пор,— писал Энгельс,— еще не было такой грандиозной попытки доказать историческое развитие в природе да еще с таким успехом". Эта характеристика была целиком оправдана всем развитием общей биологии, ее частных дисциплин, прогрессом смежных отраслей знания и исключительной ролью дарвинизма, как несокрушимого оплота науки в ее борьбе с виталистической мистикой [2].

---

1 Поэтому неправильны и возражения, например, Kronacher'a: Züchtungslehre. Eine Einführung für Züchter und Studierde, Berlin. Verl. Paul Parey 1929, S. 6.

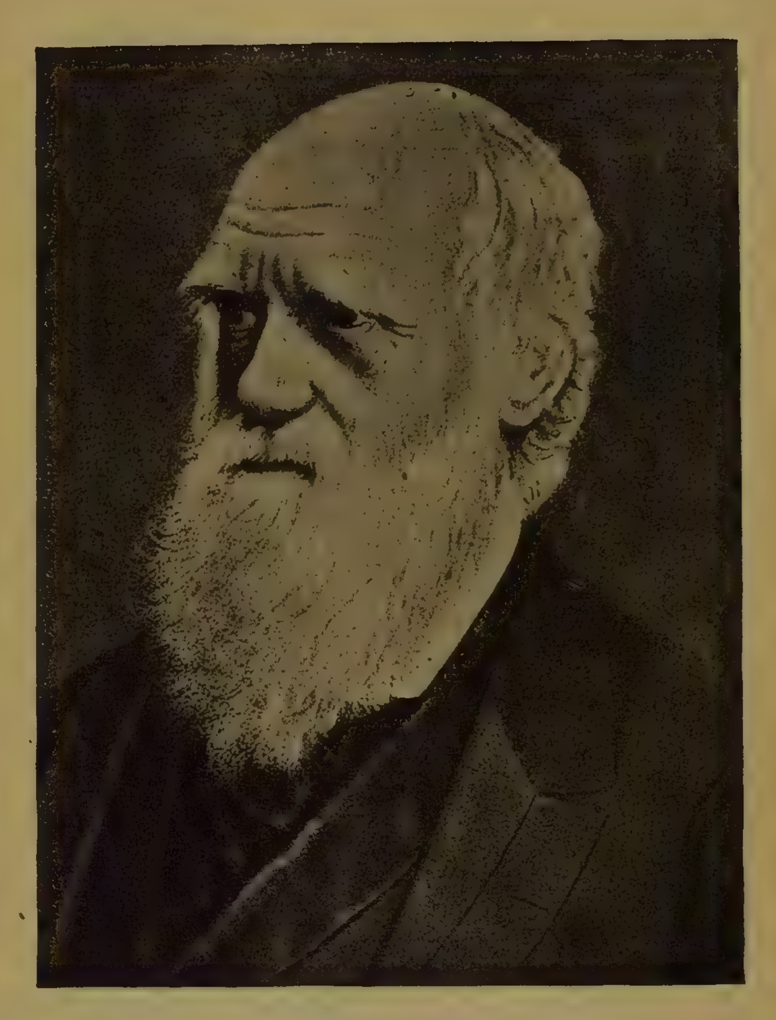
2 Здесь необходимо отметить, что у Маркса и Энгельса были крупней-

3. ДАРВИНИЗМ И МАРКСИЗМ

В речи над гробом Маркса (17 марта 1883 г.) Энгельс говорил:

„*Как Дарвин открыл закон развития органической природы, так Маркс открыл закон развития человеческой истории:* тот простой, до сего дня скрытый под идеологическими нагромождениями факт, что люди должны в первую очередь есть, пить, где-нибудь жить и одеваться, прежде чем они смогут заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств к жизни и вместе с тем каждая (jedesmalige) экономическая ступень развития народа или какого-либо отрезка времени образует основу, на которой развились государственные учреждения, правовые воззрения, представления в области искусства и даже религии соответствующих

шие разногласия по поводу оценки различных факторов дарвиновской теории и что Маркс долгое время стоял на точке зрения, довольно резко расходящейся с дарвинизмом. В письме Ф. Энгельсу от 7/VIII 1866 г. Маркс, сообщая своему другу о книге P. Tremaux „Origine et transformations de l'Homme et des autres Êtres, Paris, 1865" пишет: „При всех замеченных мною недостатках — это очень *значительный прогресс* по сравнению с Дарвином. Его два главных положения: croisements порождают не различия, как обыкновенно полагают, но, наоборот, — типическое единство вида. Напротив, геологические наслоения *создают различия* (не сами по себе, но в качестве главнейшей основы). Прогресс — у Дарвина чисто случайный, — здесь вытекает с необходимостью, на основе периодов развития земного шара... Такою же необходимостью является постоянство... однажды сложившегося espèce..." и т. д. Энгельс взял Тремо под энергичнейший обстрел и разгромил его в ответных письмах к Марксу. Его общее заключение: „Книга ничего не стоит, это — чистая конструкция, которая вопиюще противоречит всем фактам" (письмо от 2/X 1866 г.). В письме от 5 октября Энгельс дает подробный разбор Тремо. Во всей этой переписке сугубого внимания заслуживает то обстоятельство, что Маркс отнюдь не предлагает успокаиваться на случайных (хотя бы и в гегелевском смысле) изменениях, а считает нужным и здесь искать *необходимые* закономерности. Это ad notam восторженным почитателям комбинации случайного и необходимого в дарвиновой теории. См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Сочинения, т. XXIII, Гиз, 1930. Что касается телеологической мистики, то Дарвин со скрытой иронией цитировал в свое время Нодэна с его finalité: „puissance mysterieuse, indeterminée; fatalité pour les uns; pour les autres, volonté providentielle, dont l'action incessante sur les êtres vivants détermine, à toutes les époques de l'existence du monde, la forme, le volume et la durée de chacun d'eux, en raison de sa destinée dans l'ordre de choses dont il fait partie. C'est cette puissance qui harmonise chaque membre à l'ensemble en l'appropriant à la fonction qui est pour lui sa raison d'être" (*Ч. Дарвин,* О происхождении видов, предисловие к американскому изданию).

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН

людей и из которой они поэтому должны быть объяснены, а не наоборот, как это случалось до сего времени“ [1].

Эту мысль Энгельса о соотношении между дарвиновскими законами исторической эволюции органического мира и марксовыми законами исторической эволюции человеческого общества, между исторической трансформацией видов и исторической сменой общественно-экономических структур, можно было бы хорошо иллюстрировать на сопоставлении заключительной страницы „Происхождения видов“ и вводной страницы „Zur Kritik der Politischen Oekonomie“. Подобно тому как Дарвин сжато формулирует материалистическую основу изменяемости видов, формулируя *селекционную теорию*, Маркс дает классическое чеканное выражение теории *исторического материализма* [2]. Вну-

---

[1] *Friedrich Engels*, Rede am Grabe von Karl Marx. Karl Marx als Denker, Mensch und Revolutionär. Verl. für Lit. und Politik, Wien-Berlin.

[2] См. *Charles Darvin*, On the Origin of species, London 1901: „These laws, taken in the largest sense, being Growth with Reproduction; Inheritance which is almost implied by reproduction; Variability from the indirekt and direkt action of the external conditions of life, and from use and disuse; a Ratio of Increase so high as to lead to a Struggle for Life, and as a consequence to Natural Selection, entailing Divergence of Character and the Extinction of less-impoved forms. Thus, from the war of nature, from famine and death, the most exalted object which we are capable of conceiving, namely, the production of the higher animals, directly follows“ (p. 376). („Эти законы, в обширнейшем их смысле, суть развитие и воспроизведение; наследственность, почти необходимо связанная с воспроизведением; изменчивость, обусловленная прямым или косвенным действием внешних условий жизни и употреблением или неупотреблением органов: прогрессия размножения, столь быстрая, что ведет к борьбе за жизнь, а следовательно, к естественному подбору, включающему расхождение признаков и вымирание менее совершенных форм. Так, из войны в природе, из голода и смерти, непосредственно следует самое высокое явление, какое мы можем себе представить, а именно — производство наивысших животных“.) Ср. с этим *K. Marx*, Zur Kritik der Politischen Oekonomie, Vorwort: „In der gesellschaftlichen Production ihres Lebens gehen die Menschen bestimmte, notwendige, von ihrem Willen unabhängige Verhältnisse ein, Produktionsverhältnisse, die einer bestimmten Entwicklungsstufe ihrer materiellen Produktivkräfte entsprechen. Die Gesamtheit dieser Produktionsverhältnisse bildet die ökonomische Struktur der Gesellschaft, die reale Basis, worauf sich ein juristischer und politischer Ueberbau erhebt, und welcher bestimmte gesellschaftliche Bewusstseinsformen entsprechen. Die Produktionsweise des materiellen Lebens edingt den sozialen, politischen und geistigen Lebensprozess überhaupt. Es ist nicht das Bewusstsein der Menschen, das ihr Sein, sondern umgekehrt ihr gesellschaftliches Sein,

треннее родство теоретических построений вытекает здесь из внутреннего родства объектов исследования: ибо само человеческое общество есть звено в цепи исторического развития. Оно есть продолжение органической эволюции, но продолжение *качественно особое*, специфическое, имеющее поэтому, несмотря на общую основу, свои исторические закономерности, свой особый, свойственный только обществу, тип развития. Материальное единство мира (или единство материального мира) не состоит из голой тождественности его элементов: оно в то же время состоит из их различия, их объективной качественной особенности. Поэтому и единство неорганического, органического и социального моментов предполагает их *различие*. Главный недостаток механического материализма,— недостаток, питающий однобокость и фальшь всех идеалистических построений, заключался именно в том, что он не видел качественных особенностей, вводил универсальную количественную обезличку, крайне обеднял действительность, был абстрактен, антиисторичен, „сер" и не мог поэтому втиснуть богатое многообразие природы и общества в прокрустово ложе своих исключительно количественных теорем [1]. Родство органической эволюции и социальной истории

---

das ihr Bewusstsein bestimmt. Auf einer gewissen Stufe ihrer Entwicklung geraten die materiellen Produktivkräfte der Gesellschaft in Widerspruch mit den vorhandenen Produktionsverhältnissen, oder, was nur ein juristischer Ausdruck dafür ist, mit den Eigentumsverhältnissen, innerhalb deren sie sich bisher bewegt hatten. Aus Entwicklungsformen der Produktivkräfte schlagen diese Verhältnisse in Fesseln derselben um. Es tritt dann die Epoche sozialer Revolution ein. Mit der Veränderung der ökonomischen Grundlage wälzt sich der ganze ungeheure Ueberlau langsamer oder rascher um".

[1] „В Бэконе, как первом творце материализма, в наивной еще форме скрыты зародыши всестороннего развития этого учения. Материя улыбается своим поэтическим чувственным блеском всему человеку. Но изложенное в афористической форме учение Бэкона еще полно теологической непоследовательности. В своем дальнейшем развитии материализм становится *односторонним*. Гоббс является *систематиком бэконовского* материализма. Чувственность теряет свои яркие краски и превращается в абстрактную чувственность *геометра*. *Физическое* движение приносится в жертву *механическому*, или *математическому*, движению, *геометрия* провозглашается главной наукой. Материализм становится *враждебным человеку*. Чтобы преодолеть *человеконенавистнический, бесплотный* дух в его собственной области, материализм должен сам умертвить свою плоть и сделаться *аскетом*. Он выступает как *рассудочное существо*, но зато он с беспощадной последовательностью развивает все „выводы рассудка" (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Сочинения, т. III, „Святое семейство", стр. 157).

отнюдь не есть их тождество. Поэтому нелепо переносить законы биологии на явления общественной жизни, точно так же, как, например, нелепо было бы переносить, скажем, „закон кратных отношений“ из химии на развитие видов или таблицей Менделеева объяснять происхождение человека. Но если нелепо переносить законы физики и химии непосредственно на биологию, то так же неостроумно переносить законы биологии на историю общества. С другой стороны, эта нелепость ни в малой степени не опровергает исторического происхождения органического мира из неорганического, исторического развития общества из развития и трансформации биологических видов.

Если бы мы стали искать аналогий в *теории подбора* и в теории *исторического материализма,* мы могли бы говорить об известной аналогии между „органами“ животных и техническими „орудиями“ человека, между „видом“ и „обществом“, между „образом жизни“ („Lebensweise“) и „способом производства материальной жизни“, между трансформацией видов и исторической сменой общественно-экономических структур, между эволюцией организмов, сопряженной с эволюцией естественных органов-орудий и сменой общественных формаций, сопряженной с изменением в системах искусственных орудий труда. Но из этих аналогий никоим образом нельзя „выводить“ общих законов какого-либо „биосоциологического“ порядка: это значило бы зачеркивать весь реальный исторический процесс, создавший новые качества, принципиально новые, специфические, закономерности; это значило бы не видеть тех огромных, исторически возникших различий, которые появляются вместе с возникновением „производящего общества“. В подобную ошибку, которая имеет и свои социально-классовые основания, впадают все направления и оттенки так называемой органической школы и социологии (Конт, Спенсер и его школа, Вагнер, Шеффле и их новейшие эпигоны, а также вся школа так называемых „социальных дарвинистов“). Не имея никакого познавательного значения, упражнения такого рода ученых вырождаются в игру понятиями, классификациями, бесконечными вымученными и часто курьезными схемами. Еще у Гоббса в „Левиафане“ верховная власть государства — его искусственная душа, судейские чиновники — сочленения, награды и наказания — нервы и т. д. У Спенсера (ученика Конта и современника Дарвина) земледелие и промышлонность — это органы питания, торговля — социальное кровооб-

ращение, полиция и армия — социальная защита; внешняя ткань (экзодерма — класс военных и судей; внутренняя ткань (эндодерма) — класс земледельцев и промышленников; средняя ткань (мезодерма) — класс тоговцев. Шеффле с величайшим тщанием перечисляет различные „органы" общества, его „центры", „ткани", „нервные узлы" и т. д. Из государствоведов нового времени Bluntschli писал о мужском поле государства и женской сущности церкви, а если брать новейшие примеры, достаточно назвать нашумевшую работу шведского социолога Rudolf'a Kjellen'a: „Der Staat als Lebensform", где мы, между прочим, читаем следующие рассуждения насчет сексуальных характеристик государства:

> „Все мы знаем „moder Svea", женщину, точно так же, как „la belle France", и не нужно долго перелистывать „Review of Reviews", чтобы встретиться с „John Bull'ем" или „Uncle Sam'ом"... Правительства меняются, поколения сменяют друг друга, а государства, повидимому, остаются теми же или изменяются, во всяком случае, со столетия на столетие... Они суть объективные реальности вне и над индивидуумами, и одновременно в них, и подчиняются по-своему власти основных законов жизни"[1].

Все это в высокой степени напоминает акробатические фокус-покусы социологизирующих фрейдианцев (вроде Кольнаи), видящих в системе ломбардских оросительных каналов сублима-

---

[1] *R. Kjellen*, Der Staat als Lebensform, 4. Aufl., 1924, S. 36. Даже некоторые буржуазные ученые издеваются над органической школой. Так, например, у Лорна („Социология", СПБ, изд. „Общественная польза", 1903 г., стр. 45) мы читаем: „Немецкий ученый Шоффле дошел прямо до смешного, перечисляя социальные полости, органы, сегменты, двигательные центры, нервы и нервные узлы. Но остальные социологи этой школы не более умеренны: они описывают социальное бедро, социальный главный симпатический нерв, социальные легкие; сосудистая система общества олицетворяется, по их мнению, сберегательными кассами; один сорбоннский профессор назвал духовенство ожиревшей... тканью..., другой социолог сравнивает нервные волокна с телеграфными проводами... Третий пошел так далеко, что различает государства мужские и женские: мужскими... являются государства, подчиняющие себе другие по праву завоевания, тогда как завоеванные государства... суть женские". Хорошую сводку новых упражнений на эту тему можно найти в работе *Hans'a Kelsen'a:* „Allgemeine Staatlehre", Berlin 1925, Verl. Julius Springer, S. 375 ff. Однако сам автор — кантианец, и его собственные построения, несмотря на остроумную критику органической школы, как крайней формы гипостазирования, поднятого до мифа, должны быть решительно отвергнуты по всему фронту.

нию уретрально-эротического характера, а в лозунге „Пролетарии всех стран соединяйтесь!“ гомосексуальные влечения рабочего класса. Этот пошлый вздор есть неизбежное следствие механического перенесения биологических закономерностей на общество, приема, который с силой древнегреческой Ἀνάγκη влечет к бессмысленной и пустопорожней словесной игре. Маркс, которого Л. Вольтман, чуть ли не причисляет к лику святых органической школы[1], едко высмеял подобную „методологию“ в одном из своих писем к Кугельману:

„Господин Ланге, — пишет он, — сделал большое открытие. Вся история должна быть подведена под один великий закон природы. Этот закон заключается в фразе „struggle for life“, „борьба за существование“ (выражение Дарвина применительно к этому случаю есть простая фраза), а содержание этой фразы — закон Мальтуса о народонаселении или, скорее, о перенаселении. Таким образом вместо того, чтобы анализировать struggle for life, как она проявляется исторически в различных определенных формах общества, дело сводится лишь к тому, чтобы подгонять всякую конкретную борьбу под фразу „struggle for life“, а эту фразу — под мальтусовскую фантазию о народонаселении. Нельзя не признаться, что это очень глубокий метод для надутого, прикидывающегося научным, высокопарного невежества и лености мысл“[2].

Чтобы понять закономерности общественно-исторической жизни, необходимо выйти *за пределы* категорий биологии, ибо „вид“ через „стадо“ уже превратился в нечто совершенно особое, в производящее общество, с его особенностями и, следовательно, со специфическими определениями; со своими особыми „законами движения“ и, следовательно, со своим особым теоретическим выражением этих законов. Исторически завязался новый „узел“ — человеческое общество, имеющее свое собственное движение.

Вид есть совокупность сходных организмов, дающих при скрещивании плодущее потомство и ведущих сходный образ жизни. *Общество* есть, прежде всего, совокупность производственных отношений, есть сотрудничество — противоречивое или „организованное“, классовое или бесклассовое, опирающееся на систему орудий труда. *Органы животного* играют „орудийную“

---

[1] См. его статью в сборнике „Дарвинизм и марксизм“, Гиз Украины, Харьков 1923.

[2] *К. Маркс*, Письма к Л. Кугельману. Пер. с нем. М. Ильиной, под ред. и с предислов. Н. Ленина, Гиз, Петроград 1920 г., стр. 101.

роль. Работы акад. Северцова[1] особенно ярко подчеркнули тот факт, что приспособленность данного организма к среде есть не что иное, как приспособленность строения и функций орудий-органов, которые, в свою очередь, связаны со строением всего организма в целом. Маркс, который называет „Происхождение видов“ трудом, „создающим эпоху“ („epochenmachendes Werk“)[2], считает теорию животных органов „естественной технологией“. Но органы животного совсем не то, что *орудия общественного труда.*

„Дарвин,—пишет Маркс,—обратил внимание на историю естественной технологии, т. е. на образование растительных и животных органов как инструментов производства жизни растений и животных. Разве история образования производительных органов общественного человека, история материального базиса каждой особенной общественной организации не заслуживает равного внимания? И не легче ли было бы её создать (liefern), ибо, как говорит Вико, человеческая история отличается от естественной истории тем, что одну мы проделали, а другую нет? Технология раскрывает (enthüllt) активное поведение (Verhalten) человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, вместе с тем и его общественных жизненных отношений и вытекающих отсюда духовных представлений“[3].

Здесь Маркс блестяще вскрывает все принципиальное различие между системой натуральных органов и системой технических орудий труда, хотя и в том и в другом случае говорит о „техноголии“. Органы — естественны. Орудия — *искусственны.* Органы — образовались стихийно. Орудия — *сделаны* человеком (человек в *отличие* от животного, „a tool making animal). Органы — средства пассивного приспособления. Орудия — инструменты *активного* приспособления. Поэтому история вида *делается,* а историю общества *делают* сами люди.

Вид, как мы упоминали, — нечто совершенно отличное от общества. Искать во внутривидовых категориях общественные классы или наоборот — бессмысленно, хотя и там и здесь есть „борьба“. Маркс прекрасно выясняет и эту сторону дела с глубиной, которая подымает его на недосягаемую высоту по сравнению с пигмеями буржуазной социологии и кликушествующими

---

[1] *А. Н. Северцов,* Эволюция и психика. См. также *К. Тимирязев,* „Ч. Дарвин и К. Маркс“ в сборнике „Дарвинизм и марксизм“.

[2] *K. Marx,* Das Kapital, Volksausgabe, S. 288, Fussnote 31.

[3] *K. Marx,* l. c., S. 317, Fussnote 89.

ныне „социальными дарвинистами“. В том же I томе „Капитала“ мы читаем:

> „Природа не создает, с одной стороны, владельцев денег или товаров, а с другой — владельцев только собственной рабочей силы. Отношение это — совсем не естественно-историческое; столь же мало оно — общественное отношение, которое было бы общим для всех исторических периодов. Очевидно, оно само — результат предшествующего исторического развития, продукт многих экономических переворотов, гибели целого ряда прежних формаций общественного производства“.

Общественные классы предполагают средства производства, общественный труд, отношения собственности и т. д. Искать эти категории в недрах животного мира — значит стать на грубо антропо-социоморфическую точку зрения, поистине достойную дикаря. Легко понять поэтому, что „образ жизни“ животных не то (и *не может* быть тем), что „способ производства“ у общественного человека. Легко понять, что не может быть поэтому и *одинаковой конкретной закономерности* в „органическом“ и в „социальном“ круге явлений. *Теория естественного подбора потому и неприложима к обществу, что она верна по отношению к животным видам. Теория исторического материализма потому и неприложима к животным видам, что она верна по отношению к человеческой истории.* В сущности, сам Дарвин понимал, хотя и недостаточно отчетливо, огромную принципиальную разницу между развитием биологических видов и развитием общества. Мы уже видели, как он, в связи с теорией Мальтуса, делает замечание, что в обществе возможно искусственное расширение питательной (в широком смысле слова) базы через *производство* и, далее, регулирование процесса *размножения.* Эти замечания *опрокидывают* теорию Мальтуса, который оперирует с более или менее стационарной техникой (как и позднейшие мальтузиански окрашенные концепции вроде пресловутого „закона убывающего плодородия почвы“ или „diminishing returns“). Непонимание (или злостное игнорирование) этого факта как раз и лежит в основе „биологических“, „органических“ и т. д. „социологий“, имеющих поэтому более или менее легко обнаруживаемое антиреволюционное острие[1].

---

[1] См., например, *Oscar Hertwig*, Der Staat als Organismus, Jena 1922, где мы читаем такие строки: „В своих крайних направлениях, как например, в коммунизме, рабочий социализм со своими учениями противо-

„Людей можно отличать от животных по сознанию, вообще по чему угодно. Сами они начинают отличаться от животных, лишь только начинают производить *необходимые* для своей жизни средств — шаг, обусловленный их телесной организацией. Люди, производя необходимые для своей жизни средства, производят косвенным образом и свою материальную жизнь“[1]. Но законы движения материального производства, проходящего в конкретно-исторических формах общественного труда, есть нечто особое и специфическое, для чего биологические законы составляют лишь известную „естественно-историческую основу“, как неоднократно выражался Маркс. Проблематика социологии *не есть* поэтому проблематика биологии и *не может быть ею*. История природы и история общества есть части единой истории. Величайшей заслугой Маркса было то, что он само историческое развитие общества включил в общую цепь развития. „Маркс,— писал Ленин,— рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс, подчиняющийся законам, не только не зависящим от воли, сознания и намерений людей, а, напротив, определяющим их волю, сознание и намерения (к сведению для гг. субъективистов, выделяющих социальную эволюцию из естественно-исторической именно потому, что человек ставит себе сознательные „цели“, руководствуется определенными идеалами)“[2]. Другими словами, законы истории общества суть тоже объективные законы, включенные, как звено, в совокупность законов движущейся материи. В этом смысле они — естественно-исторические законы. Однако из этого отнюдь не вытекает голое тождество законов, которым „подчинены“ качественно различные группы явлений объективного мира. Общество есть часть природы: оно не супра-натуральная, не „сверхестественная“ категория. Но в то же время оно в известном смысле не только *отлично* от природы, но и *противостоит* ей: это такой „составной элемент“ природы, который активно приспособляется к ней, приспособляя *ее* к себе, подчиняя ее, овладевая ее законами, *изменяя* ее через и посредством *процесса производства*,

речит (verstösst gegen) не только закону разделения труда и диференциации, но и фактам размножения народонаселения; он противоречит, следовательно, двум естественным законам, которым подчиняется вся органическая жизнь“ (S. 172).

1 *Маркс* и *Энгельс*, О Фейербахе, „Архив Маркса и Энгельса“, кн. I.

2 *Н. Ленин*, Что такое друзья народа, Сочинения, т. I, 2-е изд., стр. 94.

производственной *практики*, порождающей процесс теоретического познания природы, в свою очередь, опосредствующий материальный процесс труда. Поэтому разные фазы развития материи и разные, качественно отличные, формы ее движения имеют и свои отличные законы, свою специфическую научную проблематику. Здесь есть налицо *специфичность объективных законов, относительная* их особность, а не *абсолютный* разрыв, предлагаемый идеалистами, для которых человек выпрыгивает из системы объективных закономерностей, подлежит исключительному ведению телеологии и даже сам диктует внешнему миру его законы. Качественные особенности закономерностей, но в пределах объективных закономерностей материального мира; смена одних закономерностей другими, более сложными по мере того, как мы идем по пути исторического развития материальных форм, от простых к более сложным, со все более богатым содержанием и нарастанием все новых „моментов" — такова точка зрения, адэкватная действительности[1].

Но из того обстоятельства, что животный мир отличается от человеческого общества, хотя последнее есть продукт исторического развития этого животного мира; из того обстоятельства, что органический мир отличается от неорганического, хотя он есть тоже его историческое порождение, не вытекает, однако, что не существует *всеобщих* связей всех явлений, всеобщих законов движущейся материи. Мир есть единство в многообразии и многообразие в единстве. *Многообразие* его раскрывается в специфических законах его различных качественных форм. Его *единство* вскрывается *законами материалистической диалектики,* которые являются самыми общими законами бытия и становления, законами, которые неразрывно связаны со всем многообразием *специфических* связей и закономерностей.

Дарвинизм есть *биологическая* теория, имеющая огромное значение для всего мировоззрения. Впервые ею были вскрыты *объективные законы* развития органического мира. Впервые процесс развития этого мира был понят как *естественно-исторический* процесс. Впервые были вскрыты причинные основы *целесообразности* в природе, загадка, которая до тех пор иллюзорно „разрешалась" апелляцией к мудрости и планам

---

[1] См. *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, passim. О соотношении законов биологии к истории см. также письма Энгельса к Лаврову.

творца-вседержителя. Впервые *человек,* как биологический вид, сам был понят как продукт исторического развития. Но биологический *вид* — „человек“, „homo sapiens“, сам исторически трансформируется в *производящее человеческое общество.* Закономерности развития вида трансформируются в закономерности историко-общественного развития. Качественно особым продолжением истории вида является история общества в чередовании его конкретных экономических формаций. Таким образом между дарвинизмом и марксизмом неизбежно возникает особая связь, диктуемая связью объектов познания, их исторической преемственностью и материалистической основой метода. Теория Дарвина более или менее непосредственно увязывается, таким образом, с теоретическими построениями Маркса. „Значительнее всего,— писал Энгельс в своей работе о Людвиге Фейербахе,— три следующие великие открытия, благодаря которым наше знание общей связи явлений природы сделало гигантские шаги. *Первое* — открытие клеточки... *Второе* — открытие закона о превращении энергии... Наконец, *третье* открытие сделано Дарвином“. Оставалось еще общество и исторический процесс *его* развития. „В этой области,— продолжает Энгельс,— предстояло сделать то же, что и в области понимания внешней природы,— устранить искусственно созданную связь явлений и найти действительную. Эта задача в конце концов должна была привести к открытию *всеобщих законов движения, господствующих в истории человеческого общества*“ [1]. Эти „всеобщие законы“ движения общества были открыты Марксом в его теории исторического материализма. Но Маркс этим не ограничился: он создал, с одной стороны, на базе развития классической немецкой философии, *новую форму материализма,* диалектический материализм, этот гениальнейший синтез синтезов; с другой — он вскрыл частные законы движения определенной общественной формации, „капиталистического способа производства“, где с невиданной в истории идей прозорливостью предсказал неизбежное превращение капитализма в социализм через социалистическую революцию и диктатуру пролетариата. То обстоятельство, что марксизм есть грандиознейшее и самое величественное построение, какое только знала мировая история; то обстоятельство, что дарвиновская теория лежит *на линии* общей концепции марксистского мате-

[1] *Ф. Энгельс,* Людвиг Фейербах. Курсив наш. *Н. Б.*

риализма — делает необходимым включение этой теории в общее мировоззрение пролетариата. Но это включение отнюдь не означает „приятия“ дарвинизма в его „химически чистом виде“. Выше мы видели, что дарвинизм носит на себе родимые пятна своего социального генезиса. Его теологические привески есть механически прилепленные побрякушки, страха ради иудейска помещенные на страницах дарвиновых работ: весь дух теории и даже все ее буквы вопиют против этого насильственного бесплатного приложения. Иначе обстоит дело с толкованием эволюции, как *только* непрерывного процесса. „Natura non facit saltus“ есть не случайная формула у Дарвина. На это Дарвину указывал еще Huxley, который, прочтя впервые „Происхождение видов“, писал автору: „Что касается Вашей доктрины, то я готов взойти на костер для поддержания главы IX и большей части глав X, XI и XII“... И далее, перечисляя свои критические замечания, он прибавляет: „Во-первых, Вы создали себе ненужную трудность, принимая так, без оговорок, Natura non facit saltus...“ [1]. Здесь у Дарвина налицо либерально-буржуазная трактовка эволюции, которая является истоком самых вульгарных последующих „эволюционистских“ построений. Эту сторону дарвинизма необходимо подвергнуть остракизму. Таким образом в своем очищенном и освобожденном от скверны виде дарвинизм включается в *наше* мировоззрение, что налагает на нас обязанность дальнейшей разработки проблем биологии при сознательном (а не стихийном) применении метода диалектического материализма.

4. ДАРВИНИЗМ, МАРКСИЗМ, СОВРЕМЕННОСТЬ

Дарвинизм вырос из практики. Но, выросши из практики в мощное *теоретическое* построение, он сделался рычагом дальнейшего *практического действия*. Его значение во всем потоке общественно-исторической жизни развивалось по двум главным руслам: *мировоззренческому*, идеологическому, непосредственно связанному с практикой теоретической классовой борьбы, и *производственно-техническому*, непосредственно связанному с борьбой экономических общественных укладов, имевших, разумеется, своих классовых носителей. Через полстолетие после смерти великого биолога в корне изменилась вся историческая

---

[1] См. *А. Некрасов*, Борьба за дарвинизм, стр. 49—50.

картина: другие сочетания экономических формаций, другое соотношение классовых сил, иные всемирно-исторические проблемы, иные масштабы, иные идеологии. Буржуазия в значительной мере перестала быть носителем *технического прогресса* и адэкватного ему *рационального познания*. Она уже ни в какой мере не ведет борьбы с идеологическим средневековьем: наоборот, она, кликушествуя против атеизма пролетариата, сама развивает — по всему фронту идеологии — телеологические и теологические тенденции. С другой стороны, впервые в истории пролетариат как господствующий класс, класс-диктатор, имеет свой собственный экономический уклад, строящийся социализм. Поэтому, если ранее дарвинизм, включенный в общую цепь марксистского мировоззрения, играл роль тарана против теологии, то теперь, главным образом через генетику, он имеет для рабочего класса практическое значение и по линии *производства*. „В отличие от XIX в. исследователь подходит ныне к проблеме происхождения организмов, прежде всего, как *экспериментатор, как инженер*... Мы ставим перед собой совершенно конкретную, больше того, утилитарную задачу овладеть этапами формообразования, строительным материалом для того, чтобы на основе его развертывать творческую работу биолога по созданию видов и форм по произволу“ [1]. Огромные задачи социалистического строительства при соответствующих материальных предпосылках дают всей научной работе невиданную базу и невиданные возможности.

В области *теоретической* буржуазия переживает кризис исключительной остроты. Идет атака на самые основы рационального познания: громится принцип причинности, объявляется упраздненным детерминизм, устарелой — идея объективной закономерности вообще. Всерьез развивается — через многоразличные формы идеализма — тяга к мистике, магии, „парафизике“, „астральным телам“, таинственным „эманациям духа“. Блестящие успехи физики (радиоактивность, квантовая теория и т. д.) натыкаются на ограниченные методы познания и стремятся как бы замереть, передвигая мысль в область метафизики худшего сорта. Эддингтон прокламирует конец детерминизма, Эйнштейн

---

[1] „Достижения и перспективы в области прикладной ботаники, генетики и селекции“, Ленинград 1929, статья *Н. И. Вавилова*, „Проблема происхождения культурных растений в современном понимании“, стр. 1—2.

объявляет пространство единственной реальностью, Дирак впадает в прямую мистику. В области *биологии* свирепствует *витализм* всех видов и оттенков, быстро перерастая в откровенную теологическую апологетику. Известный дарвинист Ludwig Plate не гнушается „прилагать“ биологические законы к обществу в целях грубо-империалистической политики и во-вне и внутри страны, объявляя религию „высшим добром“ и обосновывая милитаризм тем, что „die ganze Natur ist militaristisch“ („вся природа милитаристична“). Венский биолог Шнейдер объявляет галлюцинации „высшей реальностью“, говорит о „духовном продолжении существования“ („spirituelle Fortexistenz“) человека за гробом. „*Социальные дарвинисты*“, исходя из неравенства биологических расовых типов, стремятся придать ему характер вечного закона и обречь не-арийцев на перманентное пребывание в рабах, одновременно обрекая пролетариат на бесконечную эксплоатацию ad majorem gloriam „органической теории“. „Арийская“, „тевтонская“, „белорасовая“ разнузданность доходит до крайних границ и до своеобразной циничной откровенности. Фашизм, так называемые „фундаменталисты“ в САСШ и другие аналогичные течения идут в одну ногу с откровениями Davenport'a, East'a, Lundborg'a, Lenz'a и других теоретиков современного обскурантизма. Таким образом по отношению к дарвинизму, с одной стороны, мы имеем его полное отрицание: Driesch, столп и утверждение виталистической истины, объявляет его сплошным и смешным заблуждением; с другой — „*социальные дарвинисты*“ „прилагают“ закон естественного подбора к обществу, биологизируя социальные явления и объявляя биологически устойчивыми преходящие категории капиталистического общества. И в том и в другом случае перед нами — идеологическая реакция. Только *марксистский синтез* обеспечивает прогрессивную функциональную роль великому творению Дарвина.

Не иначе обстоит дело с другим руслом практического воздействия дарвинизма. Колоссальные технические успехи конца прошлого столетия и начала нынешнего не подлежат сомнению. Сам Дарвин писал еще:

„*Не во власти человека изменить существенные условия жизни*; он не может изменить климат страны; он не прибавляет никаких новых элементов к почве; но он может перенести животных или растения из одного климата в другой, с одной почвы на другую;

он может дать им пищу, которою они не питались в своем естественном состоянии...“ [1].

Это — явная ограниченность, продиктованная ограниченностью современной Дарвину техники, ограниченностью производительных сил. С тех пор появился легион новых пород, изменился весь лик земли, естественный ландшафт превратился в производственный, в штандорты качественно различной продукции, в систему специализированных хозяйственных районов и зон. Но и здесь общий кризис капитализма делает свое дело. Он подрывает корни дальнейшего технического прогресса, он создает антитехническую идеологию, реакционную до мозга костей. В то же время в стране строящегося социализма создаются основы громадного расцвета технической культуры. Здесь впервые практически можно ставить вопросы о рациональном размещении производительных сил, о планомерной специализации районов, о распределении животных и растительных пород, о гигантских мелиорациях, о селекционной практике в масштабах громадных пространственных зон, о научном использовании ряда факторов и их комбинаций с точки зрения оптимальных результатов. Генетика, селекция, зоо- и фитотехника, опытные поля, гигантские экспериментальные базы и новые, невиданные возможности практической реализации теоретических достижений — все это *пролетариат* подымает на щит. Дарвинизм становится, таким образом, *зоо- и фитоинженерией в общественном масштабе.* Будучи включен в марксистское мировоззрение, он функционирует одновременно и как пожиратель теологии и телеологии, как таран против виталистического мракобесия современной буржуазии, как самострел против „социального дарвинизма“, так и в качестве *научной производительной силы*, непосредственно связанной с материальным производственным процессом, превращающим сельское хозяйство в научно-поставленную отрасль социалистической промышленности.

Вокруг проблем дарвинизма идет ожесточенная борьба течений, которая есть выражение и великих социальных конфликтов нашей эпохи. „Сумерки богов“ капиталистического режима все сгущаются, и из мрачных облаков уже начинает сочиться зловещая кровавая роса. В полумраке этой эпохи, озаренной мол-

---

[1] *Ч. Дарвин,* Прирученные животные и возделанные растения, т. I. Петербург 1868, стр. 2. Курсив наш. *Н. Б.*

ниями революции, капиталистический мир выдвигает на сцену своих новых героев, которым уже не по плечу доспехи и латы рационального познания, технического прогресса, социального оптимизма. Унылые воители настоящего, неудачные душегубы будущего, они атакуют сейчас и дарвинизм, заменяя его мистическими концепциями от витализма до оккультизма включительно. Они же, не смущаясь, проституируют теорию отбора Дарвина, „применяя" ее к социально-историческим проблемам дня и строя самые бестиальные, самые постыдные концепции зоологического хищничества, циничного угнетения народов, оправдания и возвеличения наиболее грязных и кровавых сторон современного империализма. В боях — материальных и идейных — с капиталом, грозящим гибелью всей культуры, варварством и одичанием на долгие годы, пролетариат берет то оружие, которое осталось ему в наследство от буржуазии. Он очищает его от ржавчины и мобилизует его как составную часть своих вооруженных сил. Против теологов, мистиков, кликуш — за рациональное познание; против идеалистов — за материалистическую диалектику; против виталистов — за очищенный дарвинизм; против проповедников кирки и лопаты — за технический прогресс; против капитализма — за революцию, за строительство социализма, за коммунизм. Так ставит сейчас вопрос история. Знамя прогресса выпало сейчас из рук дарвиновских искусных скотоводов и заводчиков. Оно в руках *миллионных армий пролетариата.*

3

ГЕТЕ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ[1]

Фигура Гете стоит в веках, как монументальный памятник исполинских размеров, aere perennius puramidum altius. В истории человечества, мучительной и кровавой, в истории вечного напряжения, творческих усилий и классовой борьбы, немного таких колоссальных гениев, которые, отражая какую-либо крутую историческую эпоху, нетленны, живы, современны, „вечны". Они стоят на великих исторических магистралях, как действенные символы сложных общественных комплексов, как живые вехи, как знаменосцы, как ослепительные прожекторы, освещающие дальнейший путь. *Германия*, которая на историческом перевале конца XVIII в. и начала XIX в., едва выкарабкиваясь под пинками истории из захолустного и провинциального европейского болота, стала плацдармом международных переворотов и глубоких внутренних потрясений, дала почти одновременно трех замечательнейших идеологических вождей, настоящих титанов человеческого творчества. Это — Бетховен, Гете, Гегель. По универсальности своего гения, по напряженности и интенсивности своего творчества, по сходству внутренней логики этого творчества, по громадности своего исторического влияния они — дети одной матери. Этой матерью была *Великая французская революция.* Ее торжественные и могущественные ритмы, победные марши, ее динамическая мощь звучат в творениях величайшего композитора, величайшего поэта и величайшего философа буржуазии. Музыка „Феноменологии Духа", философии „Фауста" и логика героических симфоний Бетховена совпадают по своему общественно-культурному, социально-классовому существу. Это кульминационные точки, грани, пределы, до которых поднималась буржуазия в периоды наибольшего творческого кипения. Это — самые блистательные

---

[1] Речь, читанная на торжественном заседании Академии наук СССР, посвященном столетию со дня смерти Гете.

ее представители. И именно поэтому они имеют тенденцию какими-то своими элементами выйти за пределы буржуазного кругозора. Именно поэтому их можно „поставить на ноги“. Именно поэтому их творения и образы суть „вековые“ образы, которые еще долго будут жить, несмотря на физическую смерть их творцов и историческую гибель тех материальных общественных условий и тех эпох, идеальным отображением которых они являлись.

1. ЭПОХА

На грани XVIII—XIX вв. Германия представляла собой медвежий угол Европы, расположенный в стороне от основного тракта, от большой дороги исторического развития: Англия, а затем Франция держали в своих руках ключи истории. В Германии царило настоящее средневековье. Страна, экономически ослабевшая с изменением морских торговых путей, еще не оправилась от *Тридцатилетней войны*, когда ее земли попирались полчищами солдат Тилли и Валленштейна, Густава-Адольфа и Конде, князей светских и духовных, которые с одинаковым усердием грабили и выжигали города, опустошали деревни и превратили огромные территории в чумные очаги запустения и нищеты. Страна потеряла $^3/_4$ своего населения. В Пфальце было выбито и вымерло более 90%. Цветущие вольные торговые города пошли ко дну. Великая Ганза почти добита. Крупнейшие капиталистические фирмы вроде Фуггеров были подорваны. Вестфальский мир (1648) был заключен на дымящихся развалинах. Этот „мир“ создал порядок, в основе своей продержавшийся до французской революции: он был сметен лишь ураганом наполеоновских войн. *Семилетняя война* (1756—1763) повторно опустошила Германию, покрытую вдоль и поперек кровавыми рубцами тридцатилетнего лихолетья: рана на рану, рубец на рубец. Жалкая экономика, с заглушенными и примятыми, полураздавленными центрами капиталистического развития и подорванным бюргерством. Внизу, в основании социальной пирамиды — разоренное, ограбленное крепостное крестьянство, подчиненное телом и душой „отцу-помещику“ и административной саранче. Еще Общеземское прусское уложение 1794 г. (Allgemeines Landrecht für die Preussischen Staaten) цинически-наивно фиксировало по параграфам проклятие, нависшее над тружениками:

„§ 125. Особенно помещик должен заботиться о том, чтобы дети его подданных получали доброе и христианское воспитание“.

„§ 133. Подданные обязаны по отношению к своему помещику верностью, уважением и послушанием“.

„§ 134. Они несут в его пользу барщины и платежи, как подробно о сем следует ниже“.

„§ 152. Если где до сих пор помещикам разрешалось передавать подданных вместе с их дворами друг другу, там и впредь оставаться по старому“.

„§ 227. Ленивую, не подчиняющуюся порядку и строптивую дворню помещик может понуждать к выполнению долга умеренными наказаниями. Это право он может передавать своим арендаторам и служащим по хозяйству“.

„*Прибавление.* § 105. Наказание палками по закону не полагается. Разрешается применение ременной плети, именно умеренное число ударов по спине через платье“.

Крепостной труд, „ременная плеть“, христианско-германская патриархальность быта находили свое адэкватное выражение *в политической надстройке* страны. Со времени Вестфальского мира Германия была разбита на 300 с лишком суверенных „государств“ и значительно более 1000 полусуверенных рыцарских имений. Эти иногда крошечные политические единицы („бургграфство Рейнек состояло из двух дворов и мельницы, и под скипертом бургграфа находилось 12 подданных и один еврей“) чувствовали себя настоящими „дворами“: каждый князек хотел быть маленьким Людовиком XIV, иметь свой роскошный Версаль, свою прелестную маркизу де-Помпадур, своих придворных шутов, своих лейб-поэтов, своих министров и, прежде всего, свою полицию и армию. *Полиция* была крайне разнообразна: горная и земледельческая, охотничья и рыболовная, фабричная и торговая, „культурная“ и церковная— смотря по типу данного княжества, „пользы и нужды“ которого она должна была охранять. *Армия* служила прямым и непосредственным объектом купли-продажи: князьки-помещики „по-рыцарски“ продавали пуды живого солдатского мяса за гульдены и на сроки другим государствам — и германским и не-германским: Франции, Голландии, Англии. Помимо систематической эксплоатации крепостных, продажа армий, выколачивание налогов и таможенных сборов, учреждение монополий и практика мошеннических лотерей составляли основные статьи доходного бюджета этих маленьких, грубых, невежественных и претенциозных „государей-помещиков“. XVII и XVIII вв.

были периодами чрезвычайно медленного экономического прогресса, которому войны наносили сокрушающие удары, а политическая раздробленность служила железными оковами. Карабкаясь на четвереньках, капитализм медленно прополз вперед. Но вся обстановка была такова, что *прогрессивное бюргерство* было связано путами феодального режима и феодальной мелкопоместной государственной чересполосицей. Его интересы и вся его ориентация были направлены против крепостничества, дворянского засилья, княжеских привилегий, всех рогаток, стоявших на путях и перепутьях капиталистического развития. Однако оно было бессильно; его спинной хребет — захиревшие городские торговые общины — был перебит; его мощь подорвана. Оно не могло быть тем „третьим сословием", которое во Франции стало из „ничего" „всем". Оно на каждом шагу зависело от дворянских зубров в шитых золотом камзолах, от князьков, которые — после великого разорения Тридцатилетней войны—создали наиболее могущественные центры своего владычества на окраинах „Священной римской империи", в Австрии и, прежде всего, в *Пруссии*. Попытки „просвещенного абсолютизма" отдавать дань модному кокетству с науками и искусствами были внешней полировкой когтей феодального хищничества, пытавшегося стянуть и централизовать свои силы на феодальной основе. Они сопровождались совершенно исключительным сервилизмом, „собачьим пресмыкательством" значительной части образованной бюргерской интеллигенции и грубым солдафонским издевательством князей. Позднейшие буржуазные историки поют дифирамбы „Великому" „Фрицу" и его славным предшественникам; но разве, в самом деле, неизвестно, что Фридрих-Вильгельм Первый конфисковал деньги берлинской Академии наук, чтобы выплатить жалованье своим придворным шутам? Разве не известно, что он заставил франкфуртских профессоров разыграть комедию словесного турнира под угрозой наказания палками? Разве не известно, что философ Вольф в двадцать четыре часа, под угрозой повешения, был выслан из пределов Пруссии за философские положения, показавшиеся еретическими сиятельному правителю? Разве не известно, далее, что „сам" „Великий" „старый Фриц", так долго и упорно кокетничавший с Вольтером, за его спиной жаловался, что поддержка такого шута обходится ему слишком дорого? Разве не известно, наконец, что Клопшток должен был

бежать в Данию, Гердер — в Россию, Вилькельман — в Саксонию и затем в Италию? Винкельман, этот блестящий историк искусства, заявил, что предпочел бы родиться в *Турции,* — таков был режим „просвещенного абсолютизма" *пруссаков.*

При таком сложении классовых сил внутри Германии загремел и зарокотал великолепный вулкан *французской революции.* Мощные, ослепительные, разящие ее лучи зажгли пылкие бюргерские сердца. Влияние на умы огромное. Точно в запущенной, грязной и прокуренной комнате, с затхлым и спертым воздухом вдруг раскрылось настежь окно, за которым — лес и пенье птиц, откуда бурной струей ворвался свежий целительный воздух. Но бессилие буржуазии лишило ее *политической действенности:* зазвенели мечи, заблестели латы, засверкали щиты; восстали титаны, вихрем пронеслись с воинственными песнями валькирии, прозвучали удары грома и засияли молнии. Но — увы! — это все было в облаках идеологии, в тумане понятий и образов, в царстве мыслей и чувств, которые так и остались *сокращенными* рефлексами действия, его эмбрионами, навеки сморщенными в силу внутренней классовой немощи своих носителей. Между тем, во *Франции* гремели *настоящие* громы и лилась настоящая, красная и горячая кровь. Классовая борьба развертывалась с поразительной ожесточенностью, и монтаньярам приходилось в героических усилиях обороняться на тысячах фронтов. Ножи „святой матери— гильотины", напряженность борьбы, плебейство у власти стали уже *пугать* немецкое бюргерство, воплощавшее „Bildung" и кое-какое „Besitz". К его *бессилию* присоединился его классовый испуг: Клопшток, начавший с оды Генеральным штатам и получивший звание гражданина Франции, в 93-м году уже проклинает „кровавую" свободу; Виланд, воспевавший Национальное собрание, не может спокойно думать „об этих миллионах законодателей — плотников, мясников, портных"; и даже Шиллер спешит отречься от звания французского гражданина, которое ему дала победоносная революция за его „Разбойников".

Эта двойственность отношения к французской революции со стороны немецкого бюргерства еще более осложнилась дальнейшим развитием европейских событий. Термидорианский переворот, первый консул, император Наполеон вместо якобинца Робеспьера. Эра великих войн. Снова Германия стала плацдармом кровавых военных сеч. Массовые армии всех европей-

ских стран, разноцветные мундиры и знамена всех государств, смертоносное боевое оружие бесконечных полков лавой хлынули на территорию Германии. Огромные исторические „битвы народов“ разыгрывались на ее вытоптанных полях. Одна за другой менялись группировки сил, одна коалиция сменяла другую. Наполеон, как демон, в руках которого лежали ключи исторической судьбы (так он представлялся многим, в том числе и Гете) опрокидывал царства и мечом войны разрубал жилистые феодальные узлы, дерзко перекраивал политическую карту Европы, сажал королями своих маршалов „без роду, без племени“, женил их на принцессах крови, плевал на старинные и священные традиции, к ужасу богобоязненных католиков заставил самого святейшего папу подчиниться своей воле. Легионы Франции сдирали коросту дворянско-поповских привилегий, рубили устои крепостного права, вводили „кодекс Наполеона“, насильственно выжигали сыпь мелких княжеств, экспроприируя мелкопоместных государей в пользу крупных вассалов императора из бывших якобинцев. Но диктатура Наполеона в Германии, расчищая дорогу капиталу, означала, с другой стороны, ее национальное порабощение. Военные поборы, бесцеремонные и жестокие контрибуции, перекладываемые и на массы, были экономической подосновой антифранцузских течений. Немецкая буржуазия вырастала в исторической суматохе и в грохоте сражений в известную национальную силу с лозунгом объединения Германии и избавления „нации“ от „поработителя“: родился страстный германский *патриотизм*, который нашел свое наиболее пламенное выражение в „Речах к германскому народу“ Фихте. Однако и здесь сочетание классовых сил привело к своеобразным результатам: слабость буржуазии и ее низменная трусость, которая при данных исторических условиях была ее необходимым социальным свойством, привели к блоку с помещиками и князьями, возглавившими борьбу с Наполеоном. Буржуазный патриотизм оказался объективно на службе юнкерства, от которого на десятки верст несло кнутом и контрреволюционной конюшней. „Освобождение Европы“ от „тирании Бонапарта“ означало, таким образом, общеевропейскую реакцию, „Священный союз“ миропомазанных монархических жандармов, „Deutscher Bund“ с 38 государствами в Германии, универсальное господство юнкерства и *гегемонию Пруссии*, этой высокомерной, заносчивой и тупой помещичьей

родовитой военщины. Понадобились последующие революции (1848, 1918), в которых уже пролетариат вырывал гнилые и ядовитые зубы крепостнических остатков в стране „христианско-германских ослов“. А пока что — полузамерзшие ветераны французской армии были выбиты из златоглавой „матушки-Москвы“. Зато казачьи полки всероссийского императора вошли в славный город революции, в Париж, где каждая мостовая обагрена героической кровью борцов революции, где каждый камень таит предсмертный вздох ее солдат, где всегда в угнетенных массах цветет надежда на лучшую долю.

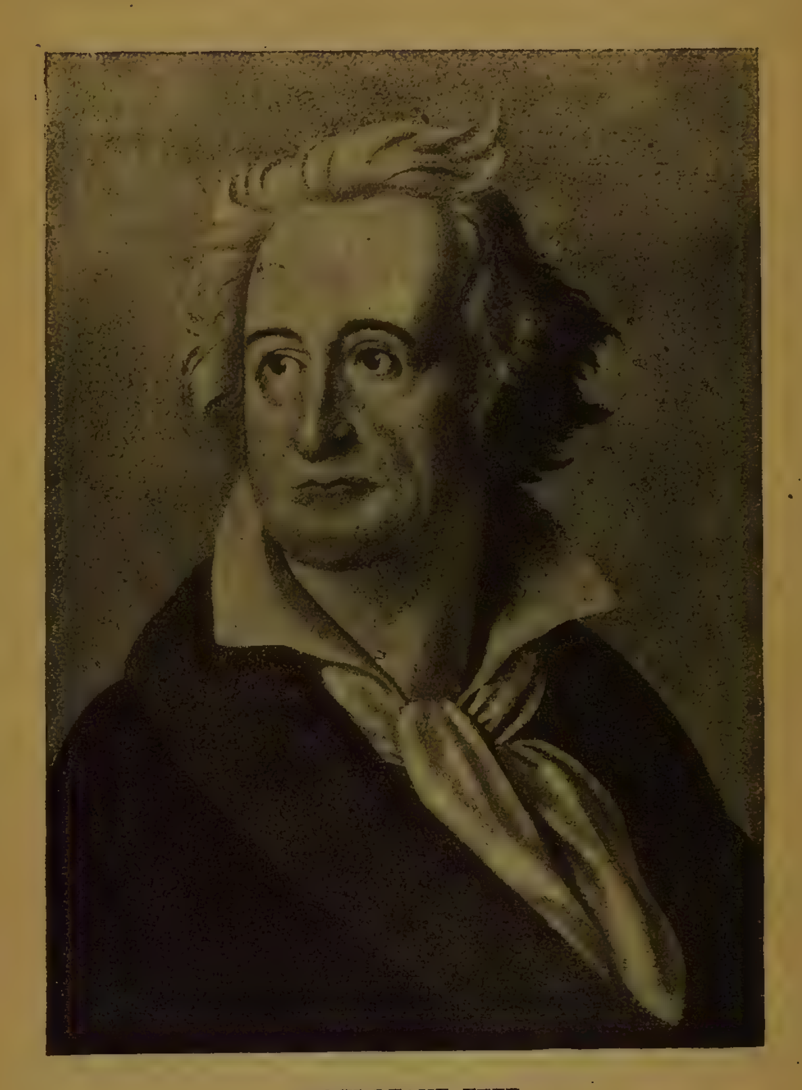
Из этого конкретного *сочетания классовых сил* на громадном историческом перевале с железной неизбежностью вытекало формирование *идеологии* германской буржуазии. Она не могла быть ориентирована на прямую революционную борьбу ни на одной стадии развития. Она была бесплодна и бесплотна. „*Sturm und Drang*“ при всей своей абстрактной тираномахии истекал в слезах и умилениях, чтобы разрядиться выстрелом плаксивого самоубийцы Вертера. Действительная и реальная казнь Людовика вызвала припадок испуга у смирных немецких монархоборцев: их кинжалы оказались картонными и промокшими от слез бессилия и испуга. Реальные интересы вызревающего в недрах феодализма капиталистического общества были сублимированы в абстрактных категориях самых верхних идеологических этажей, при громадном разрыве между „теорией“ и „практикой“, — разрыве, который сам объяснялся материальными общественными условиями той эпохи. Наполеон реально овладевал во имя капитала реальным миром, Фихте — „овладевал“ им, объявляя весь мир продуктом своего творчества, а Кант выражал реальное бессилие немецкой буржуазии в учении о принципиальной непознаваемости идеальных „вещей в себе“. Но это расхождение между теорией и практикой вовсе не абсолютно. Рассматриваемый период был периодом создания новой, буржуазной „семейной литературы“, соответствующей новому быту: против ложноклассических придворных трагедий, дворцовых од, салонного тона, этикета „порядочного общества“ выстроились добродетели филистера, „дела и дни“ нового буржуазного человека, быт „Германа и Доротеи“. С другой стороны, эпоха выдвинула людей, которые схватили ее и в самых высоких, всемирно-исторических, определениях. Таким человеком был Гете. Таким был Бетховен. Таким был Гегель.

Гете не раз и не два разражался выходками против французской революции: в „Венецианских эпиграммах“, в „die Aufgeregten“ в „Гражданине-генерале“, в „Германе и Доротее“ и ряде других. Но все эти мелкие змеиные яйца, которые Гете откладывал в большом количестве на потребу своего окружения, не помешали ему все же понять всемирно-исторический характер событий. В день поражения немцев при *Вальми* Гете заявил: „С нынешнего дня возникает новая эпоха всемирной истории, и вы можете сказать, что присутствовали при ее зарождении“. А в своем самом глубоком творении, которое является концентратом всей его мысли, в „Фаусте“, Гете дал поэтическую энциклопедию своего времени, художественно-философскую поэму, где в несравненной форме, с проникновением гения во все стороны бытия, он—„volens-nolens‘—воспевает великую эпоху, и где его орлиный взгляд уже прозревает контуры всемирного освобождения человечества.

2. ГЕНИЙ

В своей статье: „Немецкий социализм в стихах и прозе“ Ф. Энгельс писал о Гете:

„Гете в своих произведениях двояко относится к немецкому обществу своего времени. Он враждебен ему; оно противно ему, и он пытается бежать от него, как в „Ифигении“ и вообще во время итальянского путешествия; он восстает против него, как Гец, Прометей и Фауст, осыпает его горькой насмешкой Мефистофеля. Или он, напротив, дружит с ним, примиряется с ним, как в большинстве его „Кротких ксений“ и во многих прозаических произведениях, прославляет его, как в „Маскараде“, защищает его от напирающего на него исторического движения, особенно во всех произведениях, где он говорит о французской революции Дело не в том, что Гете признает будто бы лишь отдельные стороны немецкой жизни в противоположность другим сторонам, которые ему враждебны. Часто это только проявление его различных настроений; в нем происходит борьба между гениальным поэтом, которому убожество окружающей его среды внушало отвращение и опасливым сыном франкфуртского патриция, либо веймарским тайным советником, который видит себя вынужденным заключить с ним перемирие и привыкнуть к нему. Так, Гете то колоссально велик, то мелочен; то это непокорный, насмешливый, презирающий мир гений, то осторожный, всем довольный, узкий филистер. И Гете не в силах победить немецкое убожество; напротив, оно побеждает его; и эта победа убожества (misère) над величайшим немцем является лучшим доказательством того, что „изнутри“ его вообще нельзя победить. Гете был слишком универсален, слишком активная натура, слишком плоть, чтобы искать спасения от

ВОЛЬФГАНГ ГЕТЕ

убожества в шиллеровском бегстве к кантовскому идеалу; он был слишком проницателен, чтобы не видеть, что это бегство, в конце концов, сводилось к замене плоского убожества высокопарным. Его темперамент, его силы, все его духовное направление толкали его к практической жизни, а практическая жизнь, которая его окружала, была жалка. Перед этой дилеммой — существовать в жизненной среде, которую он должен был презирать, и все же быть прикованным к ней, как к единственной, в которой он мог действовать, — перед этой дилеммой Гете находился постоянно, и чем старше он становился, тем все больше отступал могучий поэт, de guerre lasse, перед незначительным веймарским министром. Мы не упрекаем Гете, как это делают Берне, Менцель, за то, что он не был либерален, а за то, что временами он мог быть филистером; мы не упрекаем его и за то, что он не был способен на энтузиазм во имя немецкой свободы, а за то, что свое эстетическое чувство он приносил в жертву филистерскому страху перед всяким современным великим историческим движением; не за то, что он был придворным, а за то, что в то время, когда Наполеон очищал огромные Авгиевы конюшни Германии, он мог с торжественной серьезностью заниматься ничтожнейшими делами и menus plaisirs ничтожнейшего немецкого двора".

Эта замечательная характеристика, с такой исчерпывающей энергией подчеркивающая внутреннюю расколотость „целостного" Гете, совпадает с характеристикой двойственного положения немецкого бюргерства той эпохи. Другой, более поздний, гениальный поэт, Г. Гейне, зажженный энтузиазмом, как свеча перед великолепным образом „короля поэтов", олимпийского Зевса-громовержца, в восторге писал о нем: „Этот гордый стан никогда не сгибался в христианском смирении червя; эти глаза не взирали грешно-боязливо, набожно или с елейным умилением; они были спокойны, как у какого-то божества... Взгляд Гете оставался таким же божественным в глубокой старости, каким он был в юности. Время покрыло снегом его голову, но не могло согнуть ее. Он носил ее все так же гордо и высоко и, когда он говорил, он словно рос, а когда он простирал руку, то казалось, будто он может указывать звездам их пути на небе". Увы! „Последний романтик" ошибался и грешил против исторической правды. „Гордый стан" Гете сгибался не раз, и божественный рот строил тоже не раз лицемерные почтительные улыбки перед князьями мира сего. Здесь Гете был полной противоположностью республиканцу Бетховену. Известна историческая сцена, когда в Теплице, при встрече с Францем, Гете кланялся до земли, между тем как Бетховен действительно

гордо нес свою львиную голову с суверенным презрением к монархам. Современные буржуазные софисты, в своих монотонных панегириках желающие присвоить себе всего Гете целиком, „примирив“ все непримиримые противоречия, объявляют такой προσκύνησις высшей мудростью. Так, например, Фридрих Гундольф обвиняет именно Бетховена в том, что музыкальный „титан“ „стрелял из пушек гения по воробьям повседневного быта“ (nach Spatzen des Alltags), а Гете „был в этом случае не только свободнее [! *Н. Б.*] и значительнее, но и глубже...“[1]. Если свободу от убеждений о свободе считать истинной свободой и если глубину раболепных поклонов возводить в сан глубины характера и даже мировоззрения, то это так. Но эти preпосылки суть предпосылки растленной и беспринципной буржуазии капиталистического fin de siècle'я. У Гете действительно было глубокое и трагическое внутреннее противоречие. Оно гнездилось в конфликте между его колоссальным мировым гением и гундольфовскими „воробьями повседневного быта“, этими напыщенными германскими провинциальными воробьями, которые выклевывали ему его орлиные очи, заставляли низкопоклонничать, приводили к компромиссам, тупой ограниченности, к восхвалению в стройных строфах жалкой мудрости Spiessbürger'а, к преклонению перед „уютом“, „домовитостью“, спокойствием мещан, к животному испугу собственника перед плебеями, перед „большинством“, якобы состоящим „из немногих сильных вожаков, из плутов, которые приспособляются, из слабых, которые ассимилируются, и из массы, которая ковыляет за ними, не зная и в отдаленной степени, чего она хочет“. Гете отлично сознавал всю ничтожную ценность золоченого мелкопоместного уклада и его бюргерского бессильного союзника. Но он в *жизни* еще больше боялся потрясений, трагических социальных коллизий, неизвестного будущего. Noli tangere circulos meos! Не трогай моих кругов! О французской революции он писал:

„Franztum drängt in diesen verworrenen Tagen, wie ehmals
Luthertum es getan, ruhige Bildung zurück“.
(„В эти смутные дни, как некогда лютерианцы,
Спокойную мудрость наук вытесняет безумный француз“.)

Он не стеснялся в „Zahme Xenien“ объявить себя даже роялистом:

---

[1] *Friedrich Gundolf*, Goethe Georg Bondi, Berlin 1920, S. 548.

„Warum ich Royaliste bin,
Das ist sehr simpel:
Als Poet fand ich Ruhms Gewinn,
Freie Segel, freie Wimpel".

Он, наконец, пытался не раз подвести здесь и философский фундамент. Так, он говорил Эккерману: „Вы знаете, как радуюсь я каждому совершенствованию, которое сулит нам будущее. Но мне противно все насильственное, всякие скачки, потому что это не сообразно с природой". Он демонстративно записывает в своих дневниках в горячие дни осени 1806 г.: „Astronomica zur Ableitung der Politicorum", чтобы показать свою предельную удаленность от „злобы дня": смотреть на звезды, когда бушуют политические страсти, хранить „внутренний мир", который дороже всего,—вот его пароль. Здесь Гете обнаруживает *трусливо-консервативную* сторону германского бюргерства, гениальным выразителем которого он был. Совершенно пустым и вульгарно-апологетическим является поэтому утверждение Гундольфа, будто Гете был „свободным индивидуумом", а *не* „представителем сословия или партии против учреждений, связанных с другой партией или правительством"[1]. Но одновременно нельзя не протестовать против попытки Houston'a Stewart'a Chamberlain'a, который во что бы то ни стало хочет причесать Гете под дворянина и возвести его в сан „индо-арийца" и „первобытного германца" по всем правилам реакционной и человеконенавистнической „расовой теории", которая подводит квази-научный базис под тевтонского сверхчеловека, т. е. прусского юнкера pur sang, выступающего в творениях своих идеологов под этим своеобразным псевдонимом [2].

Однако наряду с этой мелкотравчатой стороной есть другие, великие, черты, которые делают Гете — Гете Прометея и Фауста, действительным колоссом мировой литературы. У Гете было точно два мира: маленький мир дрянного быта, с его филистерскими радостями и заботами, с его жирным довольством, с его идеалом „давить" на народ, но не „угнетать" его (drücken, nicht unterdrürcken), как выражается одна просвещенная гетевская графиня (в „die Aufgeregten"), с его тупостью и ко-

[1] *Gundolf*, l. c.

[2] *Houston Stewart Chamberlain*, Goethe, Verl. von F. Bruckmann, München 1912, S. 310.

ротким горизонтом, этот *микрокосм*, которому соответствует поэтическая *микрология* даровитого веймарского министра и испуганного революцией буржуа. И другой мир, большой, огромный: мировая арена, всемирная история, восходящая звезда молодого капитализма, борения освобождающегося от феодальных кандалов нового человека, бюргера, его техника, его наука, его разум, его движение вперед, его блестящие перспективы, радуга его надежд, небывалый творческий порыв, которого не знали ни средние века, ни глубокая и седая древность, ни Эллада, ни Индия, ни Вавилон. Это *макрокосм*, здесь слышна железная поступь мирового процесса, здесь раскинуты необъятные горизонты, здесь историческое общество „вонзает зубы в святую мишень" великой матери-природы, здесь развертывается борьба со стихиями. Минуты сменяются эпохами, жалкие „индивидуумы" — персонифицированными общественными укладами, проблемы домашнего уюта — величайшими проблемами культуры. Здесь новому миру и новому времени раскрывается неизмеримое богатство Космоса, горизонты внезапно расширяются, у познания расправляются могучие крылья. Все масштабы вырастают, встают, как проснувшиеся великаны; пафос огромной исторической перемены, нового рождающегося строя, новой эпохи, новых ритмов жизни слышится в гениальных поэмах художника, в могучем творчестве ученого, в страстных муках нового человека. Это — *макрология* капитализма, его опоэтизированное выражение, его идеология как величайшей прогрессивной силы своего времени, героическая песня его юности и зреющего мужества, которая теперь, в наши дни, уже не может служить ему, старому, изжившему себя, умирающему разбойнику. Здесь действуют титаны: богоборцы, тираномахи, протестанты, мученики борьбы и творчества, великие отрицатели и великие созидатели. Здесь, сверкая всеми красками, зажигается основная лейт-линия исторического движения восходящего капитализма: не тактика и стратегия трусливого германского бюргера, а могучие общественные передвижки, „демон" капитализма, персонифицированные законы его движения, его могучий рост, втягивающий всю поверхность земли в водовороты новейшей истории. Здесь ограниченно-исторический конфликт между молодым капитализмом и феодальными препонами представляется, как „вековечный" конфликт между индивидуумом и обществом, и разрастается в еще более гран-

диозный конфликт между „человеком“ и „Космосом“: Гец — „Железная рука“ перерастает в Прометея и Фауста. Слабая диференцированность классовых отношений еще скрывала пружины кровавых противоречий капитализма, и не звучал еще на весь мир голос его грядущих могильщиков. Борьба была в основном повернута против старых оков, и проблема „капитал-пролетариат“ на германской почве не стояла еще, как проблема проблем. Скептический яд, отрава сомнений еще не вползли в головы идеологов, ибо материальные недра общества не раскрыли еще своих ужасающих ран. Оптимизм, жизнь, познание, творчество, рост — это черты восходящего класса, носителя восходящего способа производства, именинника новой истории.

Величайшие литературные произведения многосторонне выражают „дух эпохи“. При всем своем внутреннем единстве они воплощают огромное многообразие, все богатство времени, всю переливчатую чешую событий, вереницу жизненных коллизий, череду противоречий, типов, проблем. Это — не ходульные абстракции формальной логики, иссохшие мумии тоскливо-скучного школьного мышления. Это — великие энциклопедии эпохи, где предельно-широкие типы насыщены и конкретны, несмотря на свою „абстрактность“, где бьют горячие родники жизни, где сверкает всеми оттенками, нюансами и переходами перламутровая ткань общественного бытия и становления, где движение общественной материи и ее „духовного“ выражения сгущено в замечательных идеологических конденсаторах несравненного искусства.

Гете как нельзя более подходил к такого типа творцам. Георг Зиммель очень удачно говорит, что „это бытие более всего соответствовало лейбницевской монаде: совершенное зеркало мира, которое, однако, творит (hervorbringt) свои образы, как развитие своих собственных сил“[1]. Удивительна *универсальность* этого гения: окультные „науки“ и тайные занятия каббалистической магией, ведовством, алхимией; связь с экстатическими христианскими мистиками; философия — Бэкон и Спиноза, Гольбах и Кант, Шеллинг и Гегель; физика и химия, геология и минералогия, биология и физиология; метеороло-

---

[1] *Georg Simmel,* Goethe, 5 Aufl., 1923, Verl. von Klinkhardt und Biermann, S. 3.

гия, ботаника; глубокие ключи народной мудрости, история (Гердер); литература всех времен и народов, Запада и Востока, от фантастических мифов Индии, ярких и цветистых ковров Персии, стройных форм Эллады, германских саг до Шекспира и Байрона; изобразительные искусства, архитектура, театр, музыка, государственно-административная работа, педагогика, хозяйства, техника, — все входило в круг творческих интересов, неустанной работы, пытливой мысли, напряженных исканий.

„...Чтоб силу понять,
Коей движется мир и живет все живое,
Как обниму я тебя, необъятная?
Тайный родник бытия
Где я найду? Он могучей струею
Небо и землю поит...“

И при всей этой интеллектуальной многоцветности, при всем сиянии благородного ума — необычайно богатая и бурная эмоциональная жизнь с мощными стихийными порывами страстной и чувственной натуры, которая способна переживать весь мир как одну величественную и трагическую симфонию любви. Недаром у Наполеона при встрече с Гете невольно вырвалось восклицание: „Voilà un homme!“ Это был действительно „человек“ в том смысле, что здесь, в этой удивительной голове, сошлись, сочетались, встретились и завязались в один узел бесконечные нити разнообразнейших проблем и достижений, интересов и стремлений, мыслей и чувств, образов и понятий громадной исторической эпохи, преемственность мировых культур, порывы в грядущее. Этот исключительный универсализм, в сущности, выдвигал Гете далеко за рамки его „родной“ немецкой почвы. В своем „макрокосме“ Гете был настоящим „гражданином мира“, и именно поэтому он мог схватывать эпоху в ее целостных и мощных определениях.

Как *философ* Гете подходил к таким проблемным постановкам, которые выдвигают его в первые ряды самых крупных мыслителей. При крайней разносторонности его пенящегося и играющего ума, который восторженно созерцал и хороводы звезд, и римские руины, откликался на „Молот ведьм“ и пантеизм Спинозы, засматривал во все щели бытия, во все поры общества и природы, нетрудно найти гетерогенные философские мотивы и разражаться упреками по поводу непричесанности всех посылок и выводов. И здесь у Гете можно различать боль-

шие и малые круги, гениальные прозрения и теологические филистерские привески. У него были, несомненно, элементы мировоззрения, которые некоторыми своими гранями соприкасаются с мировоззрением молодого класса нашей эпохи, пролетариата, и нового уклада, социализма: это говорит молодость, энергия, жажда творчества, уверенность в победе. Если гниющий капитализм сегодняшнего дня объявляет внешний миг иллюзией, сном, фикцией, то Гете реагирует на подобные взгляды блестящей, резкой и гневной отповедью.

„Этот Гете, — сообщает Шопенгауэр, — был до такой степени реалистом что прямо неспособен был понять, что объекты как таковые, существуют лишь постольку, поскольку они представляются познающим субъектом. Что? — сказал он мне раз, взглянув на меня своими глазами Юпитера, — свет существует, по-вашему, лишь поскольку вы видите его? Нет! Вас не было бы, если бы свет вас не видел".

Так решал он проблему *реальности внешнего мира*. Но он так же смело решал и смежный теоретико-познавательный вопрос, вопрос *о познаваемости* внешнего мира, о границах познания, о „вещах в себе" Канта. В настоящее время стало модным делать из Гете кантианца на том „достаточном" основании, что Гете считал Канта великим философом. Но нет ничего более легкомысленного, чем это утверждение. „Я обязан критической и идеалистической философии тем, писал Гете Шульцу, что она побудила меня обратить внимание на меня самого...; однако она никогда не доходит до объекта". Это — разящий удар и признание *пропасти* между Гете и Кантом. „Ignorabimus" по отношению к миру Гете отвергал со всей мужественной решительностью интеллекта. Он, например, писал Мерку:

„Sieh, so ist Natur ein Buch lebendig,
Unverstanden, doch nicht unverständlich".

В других местах: „в природе нет такой тайны, которую она где-нибудь не раскрыла бы перед глазами внимательного наблюдателя"; „письмена природы все можно прочесть"; „как далеко и как глубоко в состоянии человеческий дух проникнуть в свою и его (мира) тайны, этого никогда нельзя ни определять, ни ограничивать"; „если хочешь уйти в бесконечное, иди только во все стороны в конечном". Это глубоко, верно, великолепно. Замечательно отвечает Гете и на дальнейший вопрос, *о кри-*

теории истинности знания. „В искусстве и науке,— пишет он,— так же, как и в практической деятельности, все сводится к тому, чтобы объекты отчетливо воспринимались и трактовались сообразно своей природе“. Здесь, следовательно, критерием истины берется соответствие с объектом. Но Гете знает и проверку практикой. Более того, он необычайно ярко, последовательно и горячо защищает этот тезис: „истинно — только плодотворное“; „моим пробным камнем для всякой теории является практика“; „мышление и деятельность, деятельность и мышление — вот итог всей мудрости“; „вначале Дело было“ (а не „Слово“, не „Λόγος“, не „Разум“, а именно „Дело“, вернее „Деяние“, „die Tat“, „πράγμα“); „наука должна бы действовать на внешний мир только путем повышенной практики“. Все это, как небо от земли, далеко от кантианства и от идей „Критики чистого разума“. Что же касается „Критики практического разума“, то он писал о ней Гердеру: „...Кант, затратив долгую человеческую жизнь на то, чтобы очистить свой философский плащ от разного рода грязных предрассудков, измарал его позорным пятном „первородного греха“ — приманка и для христиан целовать его подол“. Язык терпкий, жесткий, колючий, злой, почти революционный. Пожалуй, еще более примечательными являются суждения Гете относительно общественного характера процесса познания, где у него налицо прямой стык между теорией познания и некоторыми изумительными общественно-историческими взглядами. „Природа потому неисследима, пишет он Шиллеру, что один человек не в состоянии понять ее, все человечество могло бы понять ее. Но так как это милое человечество никогда не бывает в своей совокупности (beysammen), то природе так хорошо и удается играть с нами в прятки“. „Лишь все люди вместе познают природу“. „Людей надо рассматривать, как органы их века, двигающиеся большей частью бессознательно“. „Что носится в воздухе и чего требует время, то может возникнуть одновременно в ста головах, без всякого заимствования“. „Некоторые идеи созревают в определенные эпохи; так плоды одновременно падают в разных садах“. „Многие мысли вырастают из общей культуры, как цветы из зеленых веток. В период цветения повсюду распускаются розы“. Конечно, Гете не видит и не понимает проблемы классов. Конечно, он здесь не расчленяет ни общества, ни эпохи. Но при всем том нельзя не признать с исторической

точки зрения всю полновесность его гениальных философских афоризмов.

К числу замечательных философских идей Гете следует отнести и *зародыши диалектики*. Идеи закономерности, всеобщей связи, движения, противоречивости, взаимопроникновения противоречивых моментов, перехода их друг в друга и т. д. мы находим и здесь. „Разум имеет дело со становящимся, рассудок—со ставшим". „Динамический способ представления: становящееся, действенное, возбуждающее, поступательно-движущееся, производящее". „Противоположность крайностей, возникая в некотором единстве, тем самым создает возможность синтеза". „Диалектика — развитие духа противоречия, который дан человеку, чтобы он учился познавать различие вещей". „Все одинаково, все неодинаково, все полезно и все вредно, все говорит и все немо, все разумно и все неразумно. И то, что утверждают об отдельном предмете, часто бывает противоречивым". „Все замечаемые нами в опыте действия... связаны между собой полной непрерывностью, переходя одно в другое; они идут волнами от первого до последнего. Что их разделяют, противопоставляют, смешивают — это неизбежно; но благодаря этому в науках должно было возникнуть безграничное противоречие. Косный, все разграничивающий педантизм и все сливающий мистицизм приносят оба одинаковый вред". „Люди обладают вообще только понятием рядоположности и совместности, не чувством внедрения и взаимопроникновения..."[1]. Эти и аналогичные суждения драгоценными, изумрудными блестками рассеяны повсюду. Идея *целого*, с качественными особенностями, соотношение между общим и частным, абстрактным и конкретным, „внешним" и „внутренним", количеством и качеством и ряд других проблем; вскрытие некоторых основных ошибок механического материализма — все это сложено в кованой философской сокровищнице мыслителя.

Однако и в этой области, на горных вершинах философии, Гете двоился так же, как во всей своей жизненной ориентации. И здесь он отдавал низкие поклоны фетишам и небесным кумирам, как в области более низменной — ничтожным земным князьям. Он, этот жадный до жизни эпикуреец, этот просла-

---

[1] Большинство цитат мы берем по переводу тов. *В. О. Лихтенштадта*, Гете, Ленинград 1930.

вленный великолепный „язычник“, этот magister in eroticis, которого Мечников в своих „Этюдах оптимизма“ приводит, как физиологический образец здоровой и полнокровной чувственности, набожно превращает своего любимца Спинозу, с его „математическо-раввинской“ культурой, в христианского теиста („theissimus und christianissimus“), всячески открещивается от материализма и атеизма, проламывает брешь в своих же собственных положениях. В целом Гете — пантеистический гилозоист, у которого художественная интуиция и рациональное познание, чувственный опыт и опосредствованное знание сливаются в одно органическое целое необычайной энергии и целеустремленности. Но своеобразное эстетическое переживание у него доминирует. Отсюда целый ряд следствий. На самом деле никогда не бывает беспримесного „чистого ощущения“: в его порах всегда гнездится аккумулированный опыт, „опосредствованное знание“, „культура“. И точно так же нет чистого погружения в природу, „чистого созерцания“, чистого переживания связи с природой и обществом, с Космосом, с коллективом. Всегда здесь налицо исторически оформленные моменты идеологии, религиозной, философской или какой-либо иной, в зависимости от общественной формации и фазы ее развития, от класса и его конкретно-исторического положения. Поэтому переживание природы, окрашенное пантеистически, имеет тенденцию перевестись на логический язык в виде действительного признания всебожества; художественный образ, олицетворяющий силу природы или ее творящую энергию, может перерасти в религиозный образ, а при определенных условиях он приводит и к признанию того или другого господствующего церковного культа. Гете довольно тонко кокетничал своим „адогматизмом“. В одном из писем к Якоби он развивает ту мысль, что как естествоиспытатель он — пантеист, как поэт — политеист и как нравственная личность — монотеист. Но отсюда еще один шаг — и „язычник“, „солнцепоклонник“ Гете стоит — увы! — на обоих коленях перед насквозь фальшивой церковной традицией христианства: „Я считаю, — говорит он Эккерману, — все четыре Евангелия совершенно подлинными, потому что в них действует отблеск возвышенного, которое исходит из личности Христа и которое так божественно, как только когда-либо божественное являлось на земле. Если меня спросят, соответствует ли моей природе воздавать Ему молитвенное почитание, то я скажу: конечно!.. Если

же меня спросят, соответствует ли моей природе почитать солнце, то я опять-таки скажу: конечно!" Это „конечно" гигантский шаг назад по сравнению с материалистами и другими просветителями из великой французской энциклопедии, этого грандиозного и, по-своему, великолепно-дерзкого научно-философского памятника французской революции, монумента, насквозь пронизанного золотыми лучами утренней капиталистической зари. Было бы интересно проследить, как играет и танцует у Гете диалектическая звезда основных мотивов его философского мышления. Вот он борется против телеологии; он энергично бичует и преследует ее, он стремится изгнать из пределов своего мышления даже понятие причинности, ибо боится, что оно антропоморфично. Но, неистово раздувая костер этой боязни, он предается интуитивному созерцанию, через него „ощущает Космос" и на путях иррационального благополучно приходит к теологии, т. е. к наиболее грубой и вульгарной форме телеологии. Вот он выставляет практический критерий истины, как бич против заоблачных туманов, идеалистических бредней, позорных иллюзий. Но расширительно трактуя „практику", „плодотворность" и т. д., он, как много-много лет спустя школа В. Джемса, так называемый прагматизм, приходит к „плодотворности" религиозных soit-disant „истин". Вот он поднимает остро отточенный меч против бескачественных атомов механического материализма во имя объективных качеств, свойственных объективному миру; но бескачественность переходит у него в „бездушие", серую скуку, безразличную монотонность мертвого; отсюда перескок к гилозоизму, всеобщему органицизму и снова, в конечном счете, к религии. Вот он мечет громы и молнии против Вагнеров науки, книжных червей и педантов, рассекающих живую природу на плахе и воображающих, что механическое сложение ее омертвевших и угасших кусков даст „целое", органическое единство, новое качество. Но, не сумев решить проблему целого и части диалектически, он — volens-nolens — противопоставляет рациональному познанию „созерцание" и „погружение", которое развило из себя рядом повторных потуг иррациональное, по существу, непосредственное чувствование „истины", причем последняя сразу же взвилась на небеса. Вот он, в яростной схватке с вымученными призраками идеализма, выставляет грубо сенсуалистическое положение: „Кто не доверяет своим чувствам, тот дурак, и неизбежно превратится в умозрителя". Но, расширяя

чувство в переживание („наше изначальное ощущение, по которому мы составляем одно с природой“), как впоследствии Джемс расширил понятие опыта, он, в конце концов, начинает доверять так называемому чувству божественного, замыкая круг полярною противоположностью. Вот он, под влиянием Бэкона, объявляет войну „идолам“. Но, развязав свой „адогматизм“, т. е. признав равноправие разных позиций, он тем самым вновь реабилитирует теологию, следовательно, возводит на трон „наивысший“ принцип идолопоклонства и догматики. Так качается философский маятник Гете: от признания божественности четырех евангелий до гениальных прозрений в духе диалектики и материализма. В величавых торжественных строфах, подобных звукам мирового органа, выразил Гете всеобщую закономерность сущего:

„Nach ewigen, ehernen	„По вечным, железным
Grossen Gesetzen	Великим законам
Müssen wir Alle	Все мы должны
Unseres Daseins	Бытия своего
Kreise vollenden“.	Круги завершить“.

И его „Дух Земли“, дух пламенный и беспокойный, символизирует неустанное движение материи, ее вечную диалектику:

„В буре деяний, в волнах бытия,
Я подымаюсь,
Я опускаюсь...
Смерть и рожденье —
Вечное море;
Жизнь и движенье —
В вечном просторе...
Так на станке проходящих веков
Тку я живую одежду богов“.

Философские взгляды Гете находились в ближайшей связи с деятельностью Гете как *ученого-естествоиспытателя.* Его работы в этой области, которые делают из него своеобразного, но несомненного предшественника эволюционной теории, отражают и его философское величие и его философское филистерство одновременно. Чрезвычайно интересны его суждения об отношении философии к естествознанию и к науке вообще. „В каждом адепте опыта, — а такой адепт ведь всегда, раз из него получается что-нибудь дельное, есть philosophe sans le savoir, — я допускаю своего рода опасливость по отношению к филосо-

фии, в особенности, когда она проявляется так, как в настоящее время (намек на метафизическую так называемую „натурфилософию“. *Н. Б.*); но эта опасливость не должна вырождаться в отвращение, а должна разрешаться в спокойную и осторожную склонность. Если этого нет, открывается, не успеешь и оглянуться, путь к филистерству, на котором хорошему уму приходится тем хуже оттого, что он так неловко избегает хорошего общества, тогда как оно и могло бы помочь ему в его стремлении“. Здесь звучит почти тот же мотив, что у Энгельса в „Диалектике природы“, где Энгельс вытаскивает на свет божий естествоиспытателей, „особенно усердно бранящих философию“ и именно поэтому становящихся „рабами самых скверных вульгаризированных остатков самых скверных философских систем[1]. Исходя из спинозовской идеи единства и всеобщей связи природы, Гете с особенной вдумчивой пристальностью останавливался на переходных звеньях в цепи развития, на промежуточных типах, на гранях и пределах, чтобы, вскрыв их связь между собой, включить их в общую закономерность. Необходимо „созерцание различного как тождественного“; „...когда дано какое-либо явление природы, в особенности — значительное и бросающееся в глаза, не нужно останавливаться на нем, прикрепляться, прилепляться к нему, не нужно рассматривать его изолированно, а нужно осмотреться во всей природе и поискать, где проявляется нечто сходное, родственное. Ибо только из сопоставления родственного возникает мало-помалу некоторая цельность, которая сама себя толкует и не нуждается в дальнейшем объяснении“. У Гете весь упор на качество, образ, форму, „Gestalt“, μορφή (самый термин „морфология“ принадлежит Гете) при явной недооценке количества, которое у него как бы отрывается от качества и познавательно зачеркивается. Отсюда у него пренебрежение к математике и почти средневековое отвращение к точным измерительным приборам, к сложным испытательным инструментам, ко всей той изумительной искусственной научной машинерии и аппаратуре, которая во все стороны удлиняет наши естественные, „натуральные“ органы чувств. Этот наивный естественно-научный „руссоизм“ приводит его к целому ряду грубейших ошибок, которые он сам, однако, считает как раз за перлы своего научного творчества.

---

[1] См. „Архив Маркса и Энгельса“, кн. II, стр. 37.

Исходя из рассмотрения пограничных форм, Гете в „Опыте из сравнительной остеологии“ (1784) почти одновременно с Ф. Вик д'Азиром открыл межчелюстную кость у человека, связав его, таким образом, с человекообразными обезьянами и включив вид homo sapiens в эволюционный биологический ряд. Или, как говорит Фалес во II части „Фауста“:

„Gib nach dem löblichen Verlangen,
Von vorn die Schöpfung anzufangen!
Zu raschem Wirken sei bereit!
Da regst du dich nach ew'gen Normen,
Durch tausend, abertausend Formen,
Und bis zum Menschen hast du Zeit“.

Дальнейшие изыскания на этом пути привели Гете к позвоночной теории черепа (ранее Гете она была выдвинута Океном, обвинявшим Гете в плагиате, и разработана английским анатомом Оуэном). В 1870 г. Гете выступил с „Опытом метаморфозы растений“, где различные элементы растения трактовались как видоизменения одной основной „пра-формы“, а именно „листа“. Свои обобщения Гете сводил к тому, что генезис новых форм (а он настаивал на *генетическом* методе неоднократно) складывается из консервативных сил, удерживающих данную форму, и ее ломки, изменения, трансформации под влиянием внешней среды. Чрезвычайно сжато и выпукло он выразил это основное свое положение в чеканной стихотворной форме:

„Alle Glieder bilden sich aus nach ew'gen Gesetzen,
Und die seltenste Form bewahrt im Geheimen das Urbild
Also bestimmt die Gestalt die Lebensweise des Tieres,
Und die Weise zu leben, sie wirkt auf alle Gestalten
Mächtig zurück. So zeiget sich fest die geordnete Bildung,
Welche zum Wechsel sich neigt durch äusserlich wirkendes Wesen“.
(„Всюду меняются способы жизни согласно устройству,
Всюду устройство меняется, способу жизни согласно;
Вечный порядок божественный правит созданьями всеми,
Вечно они изменяются, внешним покорны влияньям“.)

Неудивительно, что он — оригинальный и своеобразный предшественник Ламарка и Дарвина — с величайшей страстностью реагировал на исторический спор Кювье с Жоффруа Сент-Илером во французской Академии наук, буквально вскипев всем своим организмом и заняв с пламенностью упорного борца науки место рядом с Сент-Илером в защите эволюционной идеи.

Один из парадоксальнейших умов буржуазной философии, Фридрих Ницше, посылая свистящие стрелы своих эпиграмм немецким последователям Дарвина „в защиту" Гете, восклицал:

„Deutsche, dieser Engeländer
Mittelmäscige Venständer
Nehmt ihr als „Philosophie"?
„Darwin neben Goethe setzen
Heisst: die *Majestät verletzen*,
Majestatem genii".

Эти оценки со стороны Ницше, философа-художника, мастера афористического стиля, биологизирующего эстета и в то же время творца бестиально-хищнической идеологии открыто агрессивного и открыто разбойнического капиталистически-юнкерского блока, вскрывают многое. Не в том дело, что здесь идет атака на относительную и традиционную узость английского эмпиризма, черты которой были и у гениальнейшего из биологов. Дело в том, что Ницше видит суть гениальности как раз в иррациональном, в интуиции, в „органической" реакции, противопоставляемой рациональному познанию; в такой трактовке целого, которая уводит за ворота и рассудка и разума; в метафизическо-мистической „первосущности", интерпретируемой по образцу платоновских идей. У Гете и здесь налицо два мотива: революционный и консервативный; непрерывность, но такая, которая начисто отрицает прерывность и голо ей противостоит; эволюция, включающая даже человека в природную цепь, но отрицание скачков, катастроф, переворотов; изменение видов, но абсолютизированный штампованный идеализированный „пратип", „первосущность"; „целое", а не механическая сумма частей, но такое целое, которое доступно лишь интуитивному созерцанию; качественная определенность формы, но такая, которая не имеет связи с изменениями количеств. Это последнее с необыкновенной выпуклостью проявляется в *физических* исследованиях Гете, и в особенности в его знаменитом *„учении о цветах"* („Farbenlehre"), вызвавшем настоящий (хотя и необоснованный) восторг Гегеля. Здесь Гете удалось дать ряд правильных теорем, касающихся большей частью физиологии зрения (контрасты, дополнительные цвета и т. д.). Но его погоня за только качественной физикой, его непонимание диалектики количества и качества привели к возмущенным протестам против разложения белого цвета, что казалось ему почти кощун-

ственным актом, и к наивной теории цветов вообще. Антипатия к „скачкам" в особенности резко проявилась в *геологии* и развивалась рука об руку с отвращением к *социальным переворотам,* как к чему-то противоречащему природе, хотя тот же Гете является автором афоризма о естественности неестественного.

„Nie war Natur und ihr lebendiges Flissen
Auf Tag und Nacht und Stunden angewiesen.
Sie bildet regelnd jegliche Gestalt,
Und selbst im Grossen ist es nicht Gewalt".

Так и в области теоретического естествознания у Гете есть своя „десница" и своя „шуйца", глубокие противоречия заложены в его естественно-научных воззрениях, разодранных внутренней борьбой между консервативным, теологическим, антиреволюционным хламом и ракетами самых прогрессивных взглядов, которые в известной своей части навсегда вошли уже в аппаратуру человеческого знания.

Этот гигант мысли был, однако, по натуре своей, прежде всего, *художник.* Здесь лежала его творческая доминанта. Он весь мир воспринимал, как великое творение, которое есть само творящая сила. Божественное—это прекрасное. Прекрасен Универсум, бесконечное целое, с его мириадами светил, громадами созвездий, стройностью законов; упоительны яркие и нежные цвета, звуки и запахи; вечная завязь новых форм, вечное движение, вечное борение — великолепны; и даже человеческая трагедия, страдания и самая смерть — моменты величественных круговоротов Матери-Природы, единой и нераздельной, которая есть бог, „всеобщность", всеобъемлющее, „все", Allheit. Гундольф остроумно замечает, что Гердер был пантеист истории (Geschichtspantheist), тогда как Гете был пантеист природы (Naturpantheist). Но для Гете характерен эстетический „цвет" его пантеизма, который именно поэтому должен был воплотиться в насыщенных образах, развивающих огромную силу воздействия. В своих художественных творениях Гете спрессовал могучие культурные энергии: бесконечное разнообразие ассоциаций, весь ряд предшествовавших культур, вся наука, вся философия, все искусство получили свое предельно-концентрированное выражение в огромных синтетических образах монументального творчества. Это — полотна на небосводе. Искусство Гете всеобъемлюще. Оно трагически жаждет вместить

в себя весь Космос, чтобы погрузиться в нем в высочайшем эстетическом восторге. Такова *эстетическая основа всего Гете:* и Гете-ученого, и Гете-философа, и Гете-человека и Гете-художника.

Богатству содержания соответствует и необычайное богатство, роскошное изобилие художественных форм: щедрою рукой разбрасывает гений разноцветные драгоценные камни, чудесные таинственные жемчужины, груды сверкающих слитков, узорчатые ковры и заморские диковины своего творчества. Элегическая нежная свирель; базарная перебранка, ярмарка и жаргоны улицы; торжественные хоралы межпланетных пространств; кипящая лава стремительных строф; кухня грязных ведьм и светлая гармония эллинского храма, — все дано в совершенном выражении. „Прометей“ и „Римские элегии“, „Ueber allen Gipfeln ist Ruh“ („Горные вершины спят во тьме ночной“) и „Фауст“, „Гец“ и „Лесной царь“ — для всего адэкватная форма, без которой само содержание разрешается в ничто, разлетается на куски, превращается в пыль и прах. В каждый период своего развития и после каждой „линьки“ Гете давал шедевры новой формы стиля: варваризмы „Геца“ и классицизм „Ифигении“ одинаково совершенны. Поэтому куски сердца великого поэта являются такими мощными аккумуляторами: „Вертер“ вызвал целую эпидемию самоубийств; „Фауст“ создал гигантскую литературу, вся западноевропейская культура была окрещена „фаустической“, а „Евангелие от Фауста“ („в начале бе Дело“) становится нормой мировоззрения нашего времени. Но среди всего неисчерпаемого творчества мудреца и поэта ясно проступает его непобедимое влечение к ступеням в развитии человечества, к историческим массивам, к бурным эпохам, имевшим своих трагических носителей. Цезарь, Христос, Магомет; Гец, Эгмонт; Прометей, Вечный Жид, Фауст — вот герои истории или ее символы, которые пленяют Гете, наполняют его целиком, мучают его, пока он не изживет этой творческой муки в великолепии новой поэмы. „Фауст“ мучил его всю жизнь. Это потому, что „Фауст“ есть сила сил, возведение в степень всего предшествовавшего, синтез синтезов, предел творчества Гете и самое совершенное его выражение.

Характерным для всех этих художественных типов является дух бунта, протеста, исканий; широкий размах исторического действия; драматическая напряженность событий; развитие

трагической коллизии между титаном, носителем нового принципа, и косным миром и его владыками. Совершенно не случайно, что разработка этого мотива овладела лучшими умами века: Шелли и Байрон, Лессинг и Гете, весь немецкий „Sturm und Drang“ отражали, в разнообразных исторических вариантах, „бурю и натиск“ нового общественного мироздания: против тиранов, против деспотии, против мертвой хватки феодальных кандалов, против гнетущего сумрака теологии, против узких, невыносимых колодок, в которых мучается, терзается и беснуется личность нового человека, против мрачного, человеконенавистнического аскетизма монахов, который точит кровь живой плоти, умерщвляемой во имя страшных идолов, черной тенью нависших над миром. Продвижение новой, буржуазной личности, с ее принципом либеральной свободы, „Разума“, освобождения плоти, приняло в мире идеологии универсальную форму. „Гец“ еще носит исторический характер, в смысле ограниченности эпохи, как исторические драмы гениального Шекспира: здесь настоящее апеллирует к прошлому. Гете, который „пировал“ и за столом Нибелунгов, и за столом Гомера, и на пирах великих поэтов Персии, находит свой арсенал в прошлом германского народа, со всеми мечами и доспехами конкретной исторической эпохи, с ее костюмами и ее жаргоном, со всем временным и пространственным „couleur local“. Это был еще период увлечения Гердером, средневековой готикой, родниками национальной истории, ее своеобразной красотой. „Прометей“ дает наиболее абстрактный вариант, где вождь человечества прямо противостоит вождю богов Зевсу.

„Закрой, Зевес, парами облаков
Твое разгневанное небо
И забавляйся, как мальчишка,
Сбивающий головки у волчцов;
Громи дубы и горные вершины,
Моя земля останется за мною,
И хижина, что создал я, не ты,
И мой очаг,
Чей жгучий пламень
В тебе тревожит зависть“.

В „Фаусте“ Гете развернул всю мощь своего исключительного и всеобъемлющего дарования. На вопрос об одной идее „Фауста“ Гете с умной иронией говорил: „...хорошень-

кая бы получилась вещь, если бы я богатую, пеструю и в высшей степени многообразную жизнь, как я ее представил в „Фаусте“, вздумал нанизать на тощую нить какой-нибудь одной проходящей идеи“. Действительно, вряд ли можно найти во всей мировой литературе другое произведение, столь блистательное и столь многогранное, как „Фауст“, впитавший в себя все соки культуры, все многообразие жизни, все цветение идей своего времени. Но это вовсе не значит, что „Фауст“ представляет собой циклопическое нагромождение мыслительных и эстетических глыб, лишь поверхностно озаренных лучами единого замысла. Наоборот, „Фауст“ есть монументальное прекрасное здание, величественно-дивный храм художества, где размерная торжественность частей, включая все противоречия и мучительные диссонансы, выражает высшее трагическое единство. Вульгарной легендой является представление об абсолютной светлой уравновешенности и лучезарной гармонии эллинов, или о безмятежной успокоенности Гете, или — позднее — о целостной радостности Пушкина. Вульгарной является и трактовка второй части „Фауста“, как бегство Гете от жизни в мир гармонически сделанных и искусственно построенных идеальных символов, с умиротворенным исходом в физическое небытие великого чернокнижника, который после сладостных объятий Елены Прекрасной и созерцания эллинских форм в конце концов успокоился в ложе господнем, в прибежище абсолютного „Добра“ и „Красоты“. „Фауст“ Гете есть *трагедийная философская поэма*, весь внутренний пафос которой — это пафос борьбы, состязание разных принципов и начал, их развивающихся конфликтов. Трагедия познания, трагедия любви, трагедия искусства, трагедия личности и общества — эти громадные проблемы культуры составляют настоящие движущие пружины „Фауста“. Принцип полярности проведен в обрисовке противоположных художественных типов, в их мучительном раздвоении и их мучительном взаимном тяготении. „Господь“ и Мефистофель, Фауст и Мефистофель, Фауст и Вагнер, „ученик“ и Мефистофель, Маргарита и Марта, как ранее Гец и Вейслинген, Тассо и Антонио и т. д., — это, в известном сечении, полюсы магнита, живые носители внутренней борьбы. В „Фаусте“ одновременно даны как бы широчайшие ступени исторического человеческого бытия, по которым поднимается человечество, олицетворенное в ищущем,

беспокойном, творящем Фаусте. По существу, Мефистофель есть отколотая и получившая сверхавтономию половина самого Фауста, вместе с которой, рука об руку, в постоянных внутренних конфликтах, он „занимает позицию“ по отношению к мучительным проблемам культурной истории и исторической культуры. Вереницей проходят перед нами эпохи, мировоззрения, исторические символы, реальнейшие типы повседневного быта, представители многоликих мировых идей, герои различных эпох, аллегорические носители целых отраслей творчества, могучие стихийные силы природы, — вся игра главных струн бытия и становления.

В первой части „Фауста“ даются трагические поиски истины и любви, взятые с точки зрения творящего субъекта, в первую очередь. Во второй части эти проблемы воспроизводятся в широких общественно-исторических масштабах, где на экране грандиозного художественного полотна реют образы целых эпох и целых мировоззрений, где культурные проблемы ставятся сразу в их общественных масштабах. Здесь, после громадного цикла испытаний, после пережитых драм, после вдохновенных взлетов и падений, вся трагедия находит свое разрешение в величественном *апофеозе коллективного труда*. Поиски истины, муки познавательной страсти, погружаются и растворяются в *практике труда*, а мятущаяся личность, творящий индивидуум, сливается с *обществом*. Умирающий великий грешник и великий герой, творческий дух истории, Фауст, кончает свою жизнь чудесной апологией грядущего человечества и его борьбы с злой стихией природы:

„Стоит болото, горы затопляя.
И труд оно сгубить готово мой,
Я устраню гнилой воды, застой, —
Вот мысль моя последняя святая!
Пусть миллионы здесь людей живут,
И на земле моей свободный труд
Да процветет! . . . .
. . . .
Конечной вывод мудрости один —
И весь я предан этой мысли чудной:
„Лишь тот свободной жизни властелин,
Кто дни свои в борьбе проводит трудной“.

Так создается синтез теории и практики, личности и общества, творческого индивидуума и человеческого коллектива. Здесь

гений буржуазии уже перелетает на своих мощных крыльях пограничные столбы своего собственного класса, и колосс поднимается во весь свой исторический рост. Жалкая позолоченная министерская ливрея валяется в историческом хламе, пыли и мусоре. Но живыми смотрят зевсовы очи великого поэта.

3. ВЕКА

Из всех существовавших в истории человечества эпох — если мы рассматриваем даже не историю средиземноморского orbis terrarum, а все континенты и все расы — две эпохи войдут в сознание объединенного грядущего человечества, как крутые изломы истории, как геологическое смещение пластов социального бытия под действием грандиозных взрывов вуканических сил. Это—эпоха смерти феодализма и рождения капитализма, эпоха буржуазных революций и освободительных войн; это, с другой стороны, еще более великая, еще более грандиозная, неизмеримо более значительная и еще более катастрофическая эпоха крушения капитала, разгрома его сил и рождения социализма, эпоха, когда в гуле и грохоте кровавых войн и восстаний, в титанической борьбе миллионов против проклятия Железной Пяты, во всесветной революции пролетариев, разрушающих центры империалистского могущества, складываются новые экономические отношения, новые формы быта, культуры и мировоззрения.

Сто лет назад против громады феодального режима, против сумрачных Бастилий тела и духа поднялись новые классы, и вся история шагнула на небывалую еще ступень. Ибо история не повторяет одних и тех же вековечных кругов, неизменно возвращаясь к исходным точкам своего движения: она знает и катастрофические срывы вниз, когда кривая развития бессильно начинает падать, как аэроплан, у которого вдруг остановился мотор; но она знает и буйное развитие по спирали, со все ускоряющимися темпами, когда общественная жизнь как бы задыхается от избытка своей собственной напряженности и полноты и когда старые ее формы насильственно уничтожаются, ибо приходят в принципиальное противоречие с этой напряженностью, с новыми мощностями и энергиями, с ростом производительных сил. Феодализм взлетел на воздух, ибо вся его система отношений — экономического рабства, политической придавленности, церковного удушающего гнета и

затейливого дворянского искусства — не могла ужиться с капиталом, свободой торгового оборота, с рациональным пзнанием, наукой и, наконец, с принципом, не известным раньше нигде и никогда: *с машиной*. В человеческую историю ворвался новый стальной огнедышащий демон, бешеная пляска органов которого сообщила лихорадочно буйный ритм всему развитию. Поспешные и уверенные шаги нового жизненного уклада раздались в феодальных монастырях, во дворцах королей, с их напудренными париками, косицами, бонтонными танцами и потреблением благ, которые были последними каплями крови, этого „совсем особенного сока", дико эксплоатируемых крепостных масс.

Уже раннее предчувствие этого нового строя, материально опирающееся на рост торгового капитала итальянских республик, дало Ренессанс, с его Бокаччио, Челлини, Рафаэлями, Микель-Анджело, Петраркой и таким универсальным и единственным гением, как Леонардо. А много лет спустя рождение новой эры на континенте Европы выдвинуло сияющее созвездие Гете, Бетховена и Гегеля, в творчестве которых ясно слышится мощная пульсация крови нового уклада всемирной истории. Все предыдущее развитие и все предыдущие этапы истории рассматриваются здесь как мучение общественного человека, впервые причащающегося только теперь настоящей свободе и настоящему творчеству. В категориях „liberté", „egalité", „fraternité" вращается вся идеология эпохи, от лозунгов маленького провинциального французского митинга до самума наполеоновских войн. И именно этот „дух эпохи" лежит в основе творений трех ее несравненных гениев.

В „Людвиге Фейербахе" Энгельс писал:

„Гете, как и Гегель, был, каждый в своей области, Зевсом-олимпийцем, но оба они никогда не могли целиком освободиться от немецкого филистерства. Все это отнюдь не помешало гегелевской системе обнять неизмеримо большую область, чем всякая другая предыдущая система, и в этой области развито такое богатство мыслей, которое поражает и сейчас. Феноменология Духа (которую можно было бы назвать параллелью эмбриологии и палеонтологии духа, развитием индивидуального сознания через его различные ступени, понятые как сокращенное воспроизводство ступеней, которые сознание людей проделало исторически), логика, натурфилософия, философия духа, и эта последняя, опять-таки разработанная в своих отдельных исторических производных формах (Unterformen): философия истории, права, религии, история философии, эстетика и т. д. — во всех этих разнообразных исторических областях Гегель работает над тем, чтобы разыскать и вскрыть

проходящую нить развития; и так как он был не только творческим гением, но и человеком энциклопедической учености, то повсюду он выступает с эпохальными открытиями (epochenmachend)"[1].

Эта глубоко проникновенная характеристика в своей внутренней основе приложима и к Гете, в особенности к Гете, как к творцу „Фауста", этой, как ее назвал Гегель в своих лекциях по эстетике, „абсолютной философской поэмы". Разве Фауст не повторяет в своем индивидуальном развитии сокращенно эпохи исторического развития человечества? Разве его индивидуальные муки и индивидуальные творческие акты не суть художественные символы борений общественного человека, восходящего по ступеням своего исторического развития? Разве здесь мы не видим генетически одной и той же социальной базы, на которой была создана и гениальная философская поэма Гете, и гениальная поэтическая философская система Гегеля? Архитектонические принципы — универсальная энциклопедичность, объективизм, непреоборимое движение вперед, через частоколы противоречий, огромный оптимизм, всемирные масштабы, историзм, глубокая активность, исключительная монументальность целостного построения — они и здесь и там. Это сходство есть сходство внутренней структуры, лишь взятой в двух своих ипостасях: чисто логической и художественной. Недаром Гегель в своей „Феноменологии Духа" прямо оперировал „Фаустом".

Третьей — музыкальной — ипостасью является героическое творчество Бетховена. Уже самая тематика бетховенской огненной музыкальной лавы говорит о внутреннем интимном сродстве: „Кто свободный человек?"—ранний „гимн свободе", музыка к „Творению Прометея", „Эгмонт", могучая „Героическая симфония", с ее первоначальным именем „Буонапарте", всепобеждающая „Девятая симфония" и масса композиций на тексты Гете. Творчество исключительной мощи, гигантского силового диапазона, монументальное, как вершины Гималаев. Бурная творческая страсть, напряжение и борьба, выраженная в суровых и мужественных ритмах колоссальной силы, какие-то героические победные марши богатырей, громадных масс, идущих на штурм, преодолевающих препятствия, творящих и, в конце концов, побеждающих. И венец всего — как конец „Фауста"— всечеловеческая радость коллективного творческого труда, все-

---

1 *F. Engels*, Ludwig Feuerbach, Verl. für Literatur und Politik, Berlin, S. 20—21.

мирной победы и всемирного братства, незабываемый и потрясающий финал „Девятой симфонии“, заключительный экстатический восторг освобожденного человечества, океан победных звуков, идущих исполинскими волнами и покрывающих собою все.

По-разному относились субъективно три гиганта к конкретному ходу современных им событий, от упорного и открытого сторонника революции Бетховена до автора „Die Aufgeregten“. Но и тот, и другой, и третий — дети одной эпохи, и ее они выражали в пламенных звуках огнедышащих симфоний, в величавых поэмах и стройных философских системах мысли. Когда Бетховен хаос своих бурлящих чувств оформлял по принципам стройных строф Гете; когда Гете ставил себя на одну доску с Гегелем, посылая ему полушутливые послания с посвящениями вроде: „Dem absoluten — empfiehlt sich schönstens zu freundlicher Aufnahme — das Urphänomen“[1]; или когда Гегель приходил в восторг от „Farbenlehre“ или „Фауста“ — все это было не случайно: здесь внешне проявлялась глубокая внутренняя связь идеологии, взятой и со стороны ее общественного содержания и со стороны ее формальных архитектонических моментов, которые сами неотделимы от этого содержания, сами „содержательны“; здесь, в конечном счете, обнаруживала себя глубокая общественная закономерность: новое молодое общество, прорвавшее скорлупу обветшавших форм, сильными голосами заявляло о своей буйной энергии, о своем праве на жизнь, о своей борьбе, о своих победах.

Сила этих гениальных творцов была так велика, что они некоторыми гранями своего творчества переступали пределы кругозора, свойственному их классу. Конец „Фауста“ — уже смутное предчувствие, пророческая греза о социализме. Да и сам Гете писал о себе, суммируя свой жизненный путь: „Что такое я сам? Что я сделал? Я собрал и использовал все, что я видел, слышал, подмечал. Мои труды вскормлены тысячами различных индивидов, невеждами и мудрецами, умницами и глупцами; детство, зрелый возраст, старость, — все приносило мне свои мысли, свои способности, свои надежды, свой уклад жизни; часто я снимал жатву, посеянную другими, мой труд — труд коллективного существа, и труд этот носит имя Гете (mon oeuvre est celle d'un être collectif et elle porte le nom de Goethe).

[1] *Karl Rosenkranz*, G. W. F. Hegel's Leben, Verl. Duncker und Humblot, Berlin, 1844, S. 339.

Это — точка зрения, отнюдь не свойственная индивидуализму молодой буржуазии: это уже зародыш социалистической идеологии, один из моментов нового мира. Гегель, выражая историю и поступательный ход буржуазного общества, настолько поднялся в своем полете универсального мыслителя, что его система могла стать „алгеброй революции“: Маркс „поставил ее на ноги“, Ленин считал возможным читать его „материалистически“. Бетховен так могуч в своей общности и так общ в своей мощи, что, будучи сыном буржуазной революции, он заражает своей титанической музыкой людей новых эпох, новые классы, нового типа революционеров, массу борцов пролетариата. Ибо борьба повсюду — огонь революционной стихии, творческая борьба, великая радость побед, жгучие надежды на грядущее, уверенность в окончательном торжестве. И поистине символично отношение Гете к Байрону, этому лорду-карбонарию, открыто отрекшемуся от своего класса поднявшему свой голос за рабочих бунтарей и погибшему, как повстанец и инсургент: Гете воспел его в образе Эвфориона, прекрасном образе безумной храбрости и славной преждевременной смерти. Мудрый старец оплакивал здесь своего духовного сына, который уже ступил одной ногой на путь новой, невиданной борьбы, опередив свою среду и проклявши ее, на что нехватало ни смелости, ни характера у самого Гете — Фауста.

Сто лет прошло с тех пор, сто лет бурного развития, исторической костоломки, когда капитализм подмял под себя все страны и народы и в то же время создал производительные силы необычайной мощности. Теперь пришел черед и его исторической гибели. Он обнажил все свои противоречия, доведя их до невыносимых конфликтов. Он превратился в могильную чугунную плиту, которая давит все побеги молодой творческой жизни. Лозунг свободы, равенства и братства сменился лозунгом кавалерии, инфантерии, артиллерии, оружие которых направлено против масс. Всемирный капитал, потрясенный недавней чудовищной по своему размаху войной, с грохотом раскололся: революционный обвал дал жизнь пролетарскому Союзу. Жив и еще силен искалеченный седовласый разбойник. Но у него нет ни уверенности в победе, ни необходимой бодрости. Волной катится по капиталистическому миру кризис, с грохотом и ревом опрокидывая остатки процветания, ворочая тяжелые камни капиталистического благополучия, вытесняя миллионы своих рабов

из производства, превращая заводские гиганты в мертвые груды камня и металла, не оплодотворяемые пламенным дыханием живого труда. За красными границами, в труде безымянных героев, подымаются сотни новых заводов, реет пурпурное, багряное знамя и на весь мир раздаются дерзостные лозунги победоносного пролетариата. Через сто с лишком лет после войн монархических коалиций против революционной Франции организуется злодейская коалиция буржуа против революции пролетариата. Всемирная история делает новый поворот, самый принципиальный из всех, которые были сделаны в прошлом.

В эту великую эпоху историческое мужество, героическое дерзание, творческая смелость принадлежат только одному классу — *пролетариату* и только одному движению — *коммунизму*. Старый строй кровоточит и гноится. Его идеологи заклинают „судьбу", проклинают технику, уходят к средневековью. Его боевики — без внутренней уверенности — принимают рыцарскую позу, а из-за угла выбивают лучших людей пролетариата. Его государственные мужи хватаются за последнее отчаянное оружие, — оружие новой войны. И только коммунизм скликает армии бойцов на последний бой за действительное, а не иллюзорное счастье человечества.

Так мерной поступью, железным шагом идет вперед мировая история. Она идет по промоченным кровью полям, по разрушенным городам, среди буйства ветров, когда выпущены на волю все духи бури и громов. Она, через великие страдания и великую борьбу, подымается еще раз на новую ступень, первую ступень, ведущую к концу нищеты, войн и угнетения. Борьба наших дней есть всемирная борьба за коммунизм, настоящая и величайшая героическая симфония жизни. Ее герой — угнетенные массы человечества, их организованный пролетарский авангард. В буре этой борьбы, которая звучит как суровый и торжественный железный марш миллионов, рождается новое общество. Оно включит в себя все славное и героическое старого мира. Оно поднимет на щит и понесет в века и имя великого Гете, зарыв в могилу его министерские мундиры, его филистерство, его компромиссы, его падения. Оно сделает своими его гениальные прозрения, ибо вместе с ним оно пишет на своем знамени:

„Лишь тот свободной жизни властелин,
Кто дни свои в борьбе проводит трудной".

ГЕЙНЕ И КОММУНИЗМ[1]

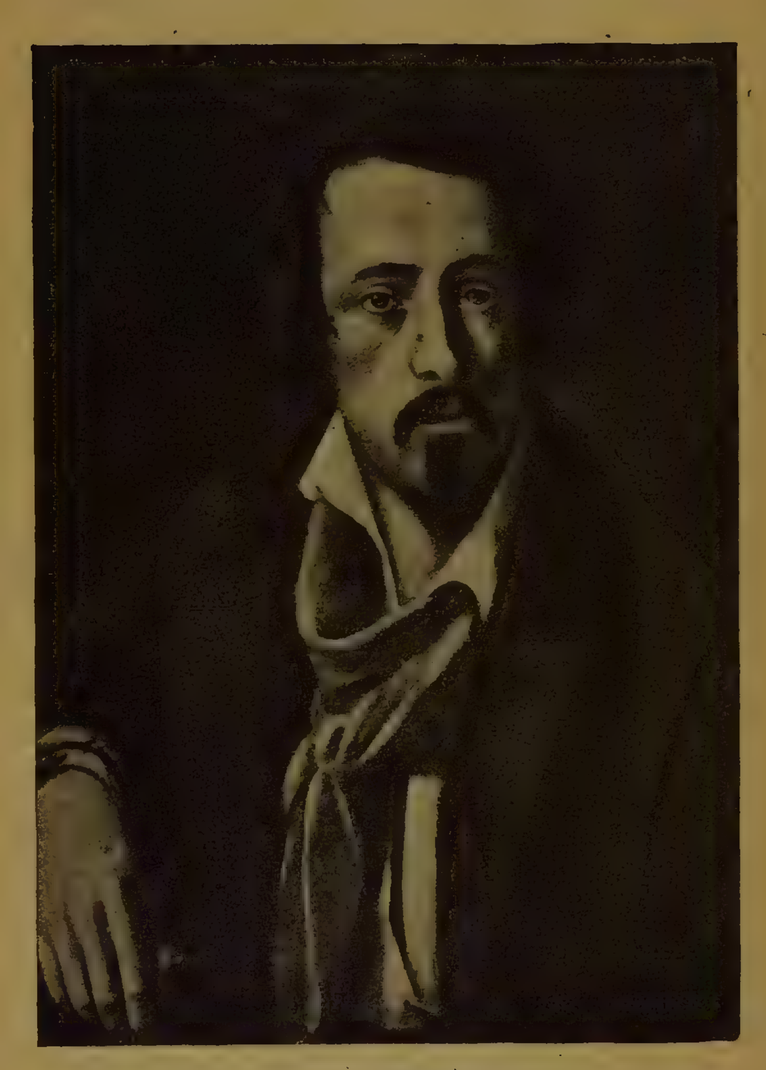
Гейне принадлежит к числу такого рода гениальных людей, вокруг имени которых ведутся ожесточенные бои: историко-литературные, критические, политические. Это — не случайность не каприз истории, не идеологические выверты со стороны спорящих. Гейне настолько блестящ и ярок, так многогранен и прихотлив, что из драгоценного ларца его поэтического творчества можно выбрать кинжал тираномаха и брильянтовый перстень аристократа; весеннюю свирель и меч революции; жемчужины слез и циничную иронию; средневековый амулет и пурпурное знамя пролетарского переворота. Гейне — король видений и снов, сказочный принц романтической грезы. И в то же время великий насмешник, земное воплощение богини Иронии, гениальный „свистун". Вождь „партии цветов и соловьев". А на другой странице — лихой барабанщик революции. Духовный аристократ, утонченный индивидуалист, эстет, любимец самых изящных муз и граций. И в то же время друг Маркса и Энгельса, травимый всеми полицейскими собаками и всеми „христианско-германскими ослами". Великий проповедник реабилитации материи, плоти, чувственности. И наряду с этим пилот, мчащийся в высь мистических туманов. Яростный враг всякого филистерства, торгашей, бирж, капиталистических идолов. А вместе с тем, восторженный поклонник буржуазной цивилизации, гурман, дитя этого мира, привязанное к нему миллионами тончайших звеньев и цепей. Певец грядущего коммунизма и одновременно его хулитель. Разве можно подыскать еще более пеструю и в то же время сверкающую драгоценным великолепием линий и красок поэтическую ткань? Личная жизнь: безмерная жажда наслаждений, поэтические и литературные сражения, любовные рыдания и

---

[1] К 75-летней годовщине смерти поэта. Доклад, читанный на торжественном публичном заседании в Академии наук СССР 29 апреля 1931 г.

утехи и ожесточенная политическая борьба, трагическая агония, растянутая на ряд долгих мучительных лет; могучий светлый интеллект, погибающий в смертельной, неравной борьбе со сверлящим ядовитым штопором спирохеты.

Гейне — это филигранная работа всей эпохи. В *Германии* „крот истории“ уже подкапывал устои дворянско-помещичьего хозяйства, средневекового ремесла и феодальную политическую раздробленность „страны поэтов и философов“. Сдвиги социально-экономических форм, разрушение мелкого производства, начала века машин и коммерциализации всей жизни вызвали и напряженную классовую борьбу, и великое идеологическое брожение, диференциацию, размежевку школ и течений. Первые грозные громы рабочих бунтов потрясли воздух. Заговорили пауперизованные ткачи Силезии. Буржуазная интеллигенция уже нащупывала дороги своего грядущего. Критика религии, величественный синтез Гегеля, распадение гегелевской школы, „Молодая Германия“, „истинный социализм“, Вейтлинг; свержение романтиков, гегельянская левая, Фейербах. Из *Франции* — мощные потоки идеологического света. Утопический социализм Фурье и Сен-Симона, традиции Великой революции, культ Наполеона, учинившего в Европе репетицию разгрома обветшавших феодальных ценностей, Прудон. И в этом удивительном нестройном хоре — все возрастающий густой набатный гул *научного коммунизма*. Металл пролетарской теории, который определил все последующее развитие рабочего революционного движения. 30-й год во Франции. 48-й год в Европе. Венгерское восстание. Союз коммунистов. „Коммунистический манифест“. На фоне этой эпохи, когда от романтических грез, полупатриархальной полицейской опеки, идиллического сонного спокойствия, теологического и метафизического тумана Германия была ввергнута в водоворот интенсивнейшей общественной борьбы, разыгравшейся под разными знаменами, символами, теоретическими лозунгами и выдвинувшей своих героев, появилась ослепительно яркая фигура Генриха Гейне. Она стояла на рубеже двух эпох, когда запоздало шла к власти буржуазия, из-за спины которой уже виднелись еще нестройные, еще не экипированные, еще не вооруженные полки пролетарской революции. Феодальный режим с его крепостными, цеховщиной, теологией, деспотизмом крахнул. Но на смену ему шла биржа, коммерция, пауперизм, кризисы; банкиры и торгаши, филистеры в науке и искусстве,

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

пройдохи в политике. Великие идеи буржуазных революций уже обстреляны разверзшимися безднами капитализма, бездонной глубиной его противоречий. Политические иллюзии конца XVIII в. испарились. Так называемый „социальный вопрос“ стал исхудавшей рукой голодного паупера-пролетария все более настойчиво и грозно стучаться в ворота истории.

Вот эта двойственность переходной эпохи, основание для огромной „силы колебания“ двойственной по своей природе мелкобуржуазной интеллигенции, которая начала рассаживаться по новым классовым местам, и отразилась исключительной яркостью на всем творчестве Гейне. Его личные свойства — огромный темперамент и волевая неустойчивость, крупный ум и бесхарактерность при исключительной впечатлительности богато одаренной „артистической“ натуры — в своей дисгармонии замечательно гармонировали с дисгармонией и раздвоенностью квалифицированных „поставщиков идеологии“ в период смутный, раздираемый противоречиями, переходный, весь наполненный конфликтами интересов, идей, теорий, этических норм, мировоззрений, мироощущений. Замечательно хорошо обрисовал общественный облик поэта ядовитый „разрушитель эстетики“ Д. И. Писарев, бывший восторженным поклонником Гейне. Характеризуя политическое положение Европы, как эпоху, когда всю атмосферу отравлял „разлагающийся труп Жиронды“, Писарев писал:

> „Лучшие люди, самые умные, самые честные и самые страстные, искали вокруг себя и внутри себя твердую точку опоры и не могли ее найти. Их мучило безверие в самом обширном и глубоком значении этого слова... Предшественники верили в политический переворот; преемники верят в экономическое обновление; а посредине лежит темная трущоба, наполненная разочарованием, сомнением и смутно-беспокойными тревогами; и в самом центре этой темной трущобы сидит самый блестящий и самый несчастный ее представитель — Генрих Гейне, который весь составлен из противоречий“.

Писарев относил Гейне не к поэтам „текущей минуты“, а к поэтам „мировым“, которые „носят в себе думы и печали всего современного мира“, которые охватывают „своим умом весь великий смысл человеческой жизни, человеческой борьбы и человеческого горя“... Гейне, конечно, был именно таким поэтом. „Великие теоретические интересы“, центральные проблемы времени, вся мыслительная ориентация огромной эпохи, возвещав-

шей свое наступление паровой машиной, победоносным и беспощадным триумфальным шествием крупного капитала и первыми перекличками его могильщиков, мучили Гейне: он ими болел. Радиус его интересов был огромен. Его образованность исключительна. Круг его знакомств охватывал лучших людей времени: Бальзак, Жорж-Занд, Готье, Фрейлиграт, Гервег, Лист, Берлиоз, Александр фон-Гумбольдт, Анфантен, Лассаль, Энгельс, Маркс — вся плеяда талантов и гениев эпохи, все звезды первой величины входили в орбиту общения с „последним и отрекшимся сказочным королем“ романтизма, как величал Гейне самого себя. Гейне дышал не только атмосферой борьбы в Германии. Великий город, единственный центр тогдашней культуры, город мятежей, котел политических страстей, гигантская лаборатория мысли, Париж, был второй родиной поэта.

Середина XIX столетия, в сущности, уже достаточно ярко поставила проблему, которой суждено было стать центральной проблемой человеческого общества, — *проблему коммунизма.* В эту пору была создана первая и основная программа международной революции пролетариата — „Коммунистический манифест“. В эту пору гениальные кузнецы научного коммунизма стали ковать теоретическое оружие. В эту пору мощный теоретический прожектор марксизма стал освещать магистрали всемирного исторического развития. В эту пору научному коммунизму пришлось выдержать первые авангардные схватки. Вполне естественно, что для характеристики Гейне его отношение к коммунизму представляет выдающийся интерес.

Фридрих Энгельс рассматривал научный коммунизм как преемника и наследника *немецкой классической философии, английской политической экономии и французского социализма.* Характерно, что и Гейне уже в 1833—1834 гг. говорил о немецких ремесленниках и рабочих как о наследниках гениальных философов. А относительно его идеологов — Маркса и Энгельса — он писал с чрезвычайной смелостью и с огромной степенью прозрения:

„Пролетарии в их борьбе против существующего порядка вещей (gegen das Bestehende) имеют в качестве вождей самые прогрессивные духовные силы (Geister), философов великой школы. Они (эти вожди. *Н. Б.*) переходят от доктрины к действию, последней цели всякого мышления, и формулируют программу“.

Эта мысль поистине гениальна. Она выставляет, по сути

дела, практический критерий истины, который Маркс с таким блеском защищал в своей критике Фейербаха. Но у Гейне нет никакой стройной системы. Он не проделал всей той философской эволюции, которая произошла в среде гегельянской левой и привела к замечательному синтезу, *диалектическому материализму* Маркса. Его философские работы, шедевр художественного творчества, полные метких и умных характеристик, отдельных тонких замечаний, разящих сабельных ударов по врагу, означают разгром „христианско-германских ослов", поэму освобождающейся плоти. Но они полны колебаний от грубого сенсуализма до классического немецкого идеализма. Они прекрасно схватывают революционную сторону гегельянства в отличие от Берне, который Гегеля считал холопом без рифм, а Гете — холопом с рифмами. Но Гейне не мог ни проделать той огромной критической и в то же время творческой работы, которую проделал Маркс, ни усвоить себе философские взгляды последнего. И тем не менее одна его оценка немецкой классической философии, одно его замечание *о действии, как последней цели всякого мышления,* показывают, как близко временами он подходил к формулировке идей, которые послужили потом исходным пунктом необычайно богатого развития. И здесь Гейне очутился на полдороге. Его философствующая публицистика, его высмеивание религии, свист бича, которым он бичевал теологов и попов, едкие безбожные сатиры не помешали, однако, его „обращению". Этот ниспровергатель фетишей припал устами к библии, но тут же мучительно скосил полузакрытые глаза, и перед смертью иронически подвел итог своих отношений с богом: „*Dieu me pardonnera. C'est son métier*" („Бог мне простит, это его ремесло"). Вряд ли, однако, господь бог в благости своей сможет простить профессионального грешника. Ибо все же, в конце концов, *основной* остается такая оценка идеологических вершин классической немецкой философии, данная Гейне:

> „Если сравнивать историю французской революции с историей немецкой философии, то можно подумать, что немецкая философия есть не что иное, как греза (Traum) французской революции. У нас (т. е. немцев. *Н. Б.*) разрыв с существующим порядком вещей (mit dem Bestehenden) и преданием происходил в области мысли".

Эта оценка, как мы видим, шла по той же *линии,* что и оценка со стороны научного коммунизма. И если умирающий

Гейне кокетничал с богом, тут же, впрочем, издеваясь над ним, то это не отменяет его пророчества, что семена, посеянные этой философией, дадут всходы, по сравнению с которыми французская революция покажется идиллией. У Гейне был орлиный взор: он один из первых познал настоящую цену „алгебры революции“ и в недрах идеалистической вавилонской башни Гегеля увидел скрытую революционную пружину, которая была так искусно реконструирована гениальными руками Маркса.

Французский социализм, другой источник научного коммунизма, был точно так же крайне близок мятущемуся поэту. *Сенсимонизм* и отчасти *фурьеризм,* великие утопические системы социализма, многими своими составными элементами вошли в плоть и кровь гейневской идеологии. Критика капиталистического общества, второстепенная роль вопроса о государственной форме, перенос центра тяжести на экономику и науку, космополитизм, борьба с религией и „старым христианством“, наконец, евангелие плоти, возвещенное Сен-Симоном и развитое Анфантеном,—все это имеет своим источником французский социализм“.

„Auf diesen Felsen bauen wir
Die Kirche von dem dritten
Dem dritten neuen Testament;
Das Leid ist ausgeglitten
Vernichtet ist das Zweierlei,
Das uns so lang betöret;
Die dumme Leiberquälerei
Hat endlich aufgehöret[1]“.

Но Гейне видел всеобщие связи вещей и явлений более зорко, чем утопические социалисты. Гегельянская школа не прошла бесследно. С другой стороны, Гейне был прекрасно знаком с такими историками, как Мишле и Минье, которые уже стали вводить в науку понятие класса, в то время как у Сен-Симона рабочие и капиталисты составляли еще одну „индустриальную“ группу. Вот почему Гейне мог доходить до

---

[1] „На этом камне строим мы
Церковь третьего завета.
Страдание исчезло.
Уничтожена двойственность,
Которая так долго нас дурачила;
Перестало существовать глупое умерщвление плоти“.

таких теоретических обобщений, которые обнаруживают гегельянскую выучку. „Народы, партии, сами массы являются героями нового времени“, писал Гейне, делая тем самым огромный скачок по сравнению с утопическим социализмом и его наивными представлениями о закономерностях исторического развития. Однако и здесь он оказался на полпути, не сведя концов с концами и постоянно шатаясь между почти материалистической позицией французских историков времен реставрации и рационалистическим идеализмом утопистов, у которых, в конце концов, идеи, наука и нравы являются исходными точками развития.

Английская политическая экономия оставалась для Гейне книгой за семью печатями, и тут у него налицо очевидный крупный провал. Но это не значит, что Гейне не понимал значения экономики. Достаточно, например, привести такого рода обоснование социализма:

„Мы измерили земли, мы взвесили силы природы, мы высчитали средства индустрии и — смотрите! — мы обнаружили, что эта земля достаточно велика для того, чтобы каждому дать пространство (hinlänglichen Raum) для постройки хижины его счастья, что эта земля может всем обеспечить приличное пропитание, если мы все работаем, если никто не захочет жить за счет другого и если не будет нужды в том, чтобы адресовать более значительные и более бедные классы на небо“.

Конечно, Гейне не мог дойти до понимания *теории научного коммунизма,* да и вряд ли интересовался *серьезно* духовным развитием и научной продукцией „красного доктора“ и его друга. Но не подлежит сомнению, что по меньшей мере *два* „источника марксизма“ были ему хорошо известны. В этом отношении он стоял сравнительно высоко, и поэтому как раз он выставлял иногда такого рода положения, которые оказались поистине пророческими. Он, во всяком случае, понимал „всеобщую связь вещей“ *глубже,* чем главная колонна мелкобуржуазного радикализма во главе с Берне; он видел *дальше,* чем она; он, при всех своих шатаниях, неустойчивости, почти беспринципности, обнаруживал бесконечно *больше исторической прозорливости,* он, этот романтик, мот, прожигатель жизни, певец Венеры.

Он приветствовал восстание *силезских ткачей,* когда почти все видели в нем только бессмысленный бунт, лишнее кро-

вавое пятно на исторической арене. Он, подобно Марксу, но чутьем гениального художника, понял все принципиальное значение этого выступления и воспел его в бессмертных строфах, предсказав похороны старой Германии.

„Проклятье богу, кому сквозь голод
Молились мы, — сквозь голод и холод
Напрасно мы ждали за часом час:
Он обманул, одурачил нас.
Мы ткем, мы ткем!
Проклятье королю, злому владыке,
Кого не тронули наши крики,
Кто выжал из нас последний грош
И дал нас, как скот, повести под нож.
Мы ткем, мы ткем!
Проклятье отечеству, родине лживой,
Где лишь позор и низость счастливы,
Где рано растоптан каждый цветок,
Где плесень точит любой росток.
Мы ткем, мы ткем!“

Всем известно, с каким энтузиазмом Гейне приветствовал революцию 1830 г.

„С материка, — писал он, — пришел пакет газет с горячими, знойно-жаркими новостями. То были солнечные лучи, завернутые в бумагу, и они произвели в моей душе самый дикий пожар. Мне казалось, что я мог зажечь весь океан до северного полюса тем огнем вдохновения и безумной радости, который пылал во мне“.

Но гораздо изумительнее оценка поэтом *чартистского движения* английских рабочих. В чартистском движении он видел „важнейшее явление современности“; в нем, по Гейне, если говорить о последствиях, содержится „социальный переворот, по сравнению с которым французская революция покажется весьма ручной и скромной“. Здесь уже речь идет о классовой *революции пролетариата*.

Гейне пел восторженные гимны великой революции XVIII в. во Франции, и каждое крупное революционное событие встречал с неподдельной радостью. Но герои мелкобуржуазной фразы, буржуазные мародеры революции, примостившиеся на запятках ее колесницы и загребавшие затем все в свои руки, его возмущали и приводили в негодование. *Он уже ясно видел внутреннюю фальшь буржуазной демократии и не мог не идти вперед, к коммунизму.*

Но здесь его встречал его собственный двойник, и Гейне метался из стороны в сторону, стремясь к коммунизму и отталкиваясь от него, понимая его историческую неизбежность и злостно его высмеивая.

Если посмотреть на этого замечательного поэта с точки зрения крупных черт эпохи, крупных черт „его" социальной группы и крупных черт его творчества, то нетрудно видеть целые массивы идей, образов, типов, приемов, которые находятся в глубокой коллизии друг с другом.

Мир сказки, рыцари, феи, гномы, принцы и принцессы, колдуньи, палачи, утопленники. Романтизм, мистика, поэтическое волшебство, сладостная греза, сказочный дурман. Это еще в известной мере опоэтизированное средневековье, из дремотного царства которого рождался новый коммерческий мир, это апелляция к прошлому тех, кто слеп на будущее. Против этого средневековья стоит воин с мечом в руках и рубит головы церкви, королям, богам. Он поет звонким голосом „Марсельезу" и „Ça ira", громит христианство и спиритуализм, проповедует плотские наслаждения и пускает в фей, рыцарей и принцев разящие, острые стрелы смеха, иронии, издевательства. И тут же стоит другой и слушает, как мрут голодные, как „слышится лязг ножа, будто его точат", как зреет и растет великая армия мятежа, как история уже обрекает „новый" мир наживы на гибель через кровавую революцию. Эти основные противоречия заложены в Гейне. Он — поэт радикальной мелкобуржуазной демократии, барабанщик французской революции, апостол свободы личности. И в то же время он — яростный ненавистник купцов, биржи, золотого тельца, эксплоатации, филистерства, мещанства. Он уже не может загораться брильянтовым огнем энтузиазма при одном слове „la république", ибо капиталистическое общество кровоточит анархией, конкуренцией, голодом. Он *уже рвется* к коммунизму, но он *боится* этого коммунизма, боится пролетарской мастеровщины, грубого равенства, боится за цивилизацию, науку, искусство, танцы нимф и пение соловьев. Поэтому и его идеологические установки так отчаянно противоречивы. Он хочет вообще уйти от политической борьбы. Он высмеивает политику в поэзии. Но он вынужден итти и сражаться: „Не мы владеем идеей,—пишет он как бы в оправдание, — а идея владеет нами, и порабощает нас и гонит нас на арену, чтобы мы сражались

за нее, как пленные гладиаторы“. Он издевается над „тенденцией“ и создает лучшую социалистическую лирику, которая стоит у колыбели пролетарской поэзии. Он хочет реабилитировать материю и объявляет себя в знаменитой „Доктрине“ „лихим барабанщиком“ революции:

„Дробью людей буди от сна,
С юною силой мечту буди.
Шагай, барабаня, всегда вперед,—
В этом — жизни мудрость вся!
Философия Гегеля — вот она, здесь.
В этом — книг глубочайший смысл,
Я это понял, потому что умен,
Потому что лихой барабанщик сам“.

А его противники „бьют“ его как раз за „политику“. Орган радикалов „Vorwärts“ писал в 1844 г.:

„Herr Heinrich Heine, der Dichter,
Der ist wohl lange tot.
Er starb am politischen Fieberstick
Im politischen Kot“[1].

Он сражается за „новое евангелие“ Сен-Симона, усиленно, даже грубо, подчеркивая чувственно-материальные моменты:

„На земле счастливыми быть мы хотим...
. . . .
Мы хотим, чтобы хлеба хватало на всех,
Чтоб у каждого было немножко
Миртов, веселья и красоты
И сахарного горошка.
Да, каждому, каждому сладкий горох,
Что лопается, полный соком!
А небо, — мы уступаем его
Ангелам и сорокам“.

И в то же время он громит коммунистов, рабочих, пролетарскую революцию за то, что она якобы преследует только интересы „брюха“, т. е. он издевается над тем самым „горошком“, который он только что воспел. Если протянуть идеологические ниточки от этого противопоставления „брюха“ и

---

[1] „Господин Генрих Гейне, поэт,
Он уже давно мертв.
Он умер от политической лихорадки
В политическом дерме“.

„души“, „горошка“ и „соловьев“, то и получится то самое противоречие между „духовным“ и „чувственным“, ликвидировать которое Гейне обещался в своем манифесте о третьем священном завете и ликвидировать которое он не мог, не переходя на точку зрения *диалектического материализма.*

Он громит аристократию, а сам пишет злобные инвективы против „казарм республиканской добродетели“, „спартанского супа“, „ослов“, которые будут все получать наравне с гением.

Он говорит, что *массы* — это герой нового времени. А сам издевается над „дурно пахнущими“, „кривоногими подмастерьями“, позабыв, что он только что произвел их в чин наследников немецкой философии.

Гейне ясно видел надвигающуюся революцию. Он видел неизбежную победу коммунистов. 15 июля 1843 г. (год знакомства с Марксом) он писал:

> „Я снова говорю о коммунистах, единственной партии во Франции, заслуживающей безусловного внимания. Такое же внимание обратил бы я и на обломки сен-симонизма, последователи которого под странными вывесками все еще живы, а равно и на фурьеристов, которые еще продолжают работать свежо и энергично; но этими людьми двигает только слово, социальный вопрос как вопрос, традиционное понятие, и они не побуждаются к действию демонической необходимостью, они не те заранее предопределенные слуги, посредством которых высшая мировая воля приводит в исполнение свои колоссальные решения. Рано или поздно рассеянная по свету семья Сен-Симона и весь генеральный штаб фурьеристов перейдут в армию коммунистов и как бы возьмут на себя роль отцов церкви“.

Это написанное в тоне гегельянской патетики место звучит, как настоящее пророчество. Здесь Гейне возвышается действительно до понимания главных движущих сил переворота, до понимания всей его чудовищной огромности, не говоря уже о том, что он идет далеко впереди и своих „радикальных“ противников типа Берне и социалистов-утопистов Франции. Конечно, за этим слышится влияние титана революционной науки и революционного действия, Маркса. Но это не умаляет всего значения данного высказывания. Разумеется, Гейне понимал всем своим умом *неизбежность* коммунистического переворота. У него были широкие исторические горизонты. Он чувствовал ритмы мировой истории. Он вполне понимал *относительную* устойчивость того, что на марксистском языке называется

„способом производства“. Он прекрасно видел язвы капитализма и его противоречия. И при всем том он не был настолько буржуа, чтобы его психологическая ориентация раздавила или искривила рациональное познание. Но это *познание неизбежного* переворота, познание его во всей огромности, во всем его значении для мировой истории, вовсе не сопровождалось *эмоциональным*, чувственным „приятием“ этого переворота *целиком*. Если Гейне был достаточно антибуржуазен, чтобы *понять* пролетарскую революцию; если он был достаточно антибуржуазен, чтобы метать громы и молнии *против капитала*, наносить раны его агентам и его дельцам; если он был достаточно антибуржуазен, чтобы в действительно замечательных стихах поднять на щит голодных героев Силезии, то он был достаточно *буржуазен*, чтобы испугаться за полную сохранность драгоценных сундучков буржуазной культуры, испугаться массы, испугаться коммунизма. В стихотворении „Странствующие крысы“ от тщетно силится занять „надклассовую“ позицию, высмеивая оба великие классовые лагеря:

„Горе. Мы погибли. Смерть висит над нами.
Вот уж эти крысы перед воротами...
Бургомистр почтенный ужасом объят,
Растерялся мудрый городской сенат.
Город огласился криками и стоном,
Звуками оружья, колокольным звоном...
Страшная опасность... Все пропасть должно,
Что стоит на свете крепко и давно!
Тщетны все усилья, бедненькие дети!
Ах, ни эти пушки, ни мотивы эти,
Ни указы мудрых городских властей
Не спасут нас нынче от таких гостей“.

Это буржуазия.

А вот пролетариат:

„Странны и зловещи эти крысьи морды.
Головы скитальцев, поднятые гордо,
Выстрижены гладко: каждый волосок
Радикально срезан, ультра-короток.
Радикалы-крысы ни во что на свете
Не имеют веры; об авторитете,
Чей бы там он ни был, слышать не хотят,
Все, от самых старых до птенцов-крысят,
Чуждые малейшей выспренней идее,
Только и хлопочут, как бы посытнее
Выпить и нажраться; в мысль им не придет,
Что наш дух бессмертный выше, чем живот...“

Еще ярче эта двойственность сформулирована поэтом в предисловии к французскому изданию „Лютеции". Это известное место нельзя не процитировать:

„Действительно, — пишет он, — только с ужасом и трепетом думаю я о времени, когда эти мрачные иконоборцы достигнут господства; своими грубыми руками они беспощадно разобьют все мраморные статуи красоты, столь дорогие моему сердцу; они разрушат все те фантастические игрушки искусства, которые так любил поэт; они вырубят мои олеандровые рощи и станут сажать в них картофель и — увы! — из моей „Книги песен" бакалейный торговец будет делать пакеты и всыпать в них кофе или нюхательный табак для старых баб будущего. Увы, я предвижу все это, и *несказанная скорбь* охватывает меня, когда я думаю о погибели, которою победоносный пролетариат угрожает моим стихам, что сойдут в могилу вместе со всем старым романтическим миром. И несмотря на это, я сознаюсь откровенно: *этот самый коммунизм, до такой степени враждебный моим склонностям и интересам, производит на мою душу чарующее впечатление, от которого я не могу освободиться*".

Здесь уже не только двойственность разума и чувств, интеллектуальное приятие и чувственное отрицание; здесь налицо раскол даже в самом эмоциональном отношении: с одной стороны — „скорбь", с другой — „очарование". Так бьется гений Гейне в сетях своей собственной противоречивой социальной природы, которая расставила ему свои ловушки, капканы и самострелы. Но это место отчасти вскрывает и некоторое добавочное обстоятельство. „Бакалейный торговец" отнюдь не есть категория коммунистического общества. Но он фигурирует у Гейне не случайно. Дело в том, что, к несчастью для поэта, он был больше знаком с „грубой и бессмысленной формой коммунизма", о которой Маркс писал, что это есть „лишь завершенная форма зависти", „абстрактное отрицание всего мира образования и цивилизации", „возвращение к неестественной простоте нищего", „отрицание личности человека", и т. д. Марксистскому коммунизму отнюдь не мерещится ориентация на постные идеалы христианской добродетели. Коммунизм хочет уничтожить и однобоких городских и однобоких деревенских животных. Коммунизм хочет осуществить лозунг: каждому *по потребностям*. Коммунизм хочет открыть все родники общественного богатства. Маркс с *презрением* писал о буржуазной политической экономии:

„Политическая экономия, эта наука о богатстве, есть в то же время наука о самоотречении и лишениях, о бережливости, и она действительно доходит до того, что сберегает человеку даже потребность в чистом воздухе или физическом движении. Эта наука о чудесной промышленности есть в то же время наука об аскетизме, и ее настоящий идеал, это — аскетический, но ростовщический скряга, и аскетический, но производящий раб. Ее моральным идеалом является рабочий, откладывающий в сберегательной кассе часть своего заработка, и она нашла даже для этого своего излюбленного идеала нужное ей холопское искусство — на сцене ставили сентиментальные пьесы в соответствующем духе. Поэтому политическая экономия, несмотря на весь свой мирской и чувственный вид, действительно моральная наука, наиморальнейшая из наук. Ее главный догмат, это — самоотречение, отказ от жизни и от всех человеческих потребностей. Чем меньше ты ешь, пьешь, покупаешь книг, чем реже ты идешь в театр, на балы, в кафе, чем меньше ты мыслишь, любишь, теоретизируешь, поешь, рисуешь, удишь и т. д., тем больше ты сберегаешь, тем значительнее становится то твое достояние, которое не смогут съесть ни моль, ни ржавчина, — твой капитал“.

В противоположность этому идеалу *скряги* коммунизм ориентируется на богатство жизни, развитие всех способностей, расцвет и многогранность их, гигантский *рост потребностей*. Коммунизм втягивает в орбиту своих интересов природу, общество, весь мир. Коммунизм уничтожает профессиональное калечение людей, сужение их опыта, разделение их на однобоких специалистов, их уродскую односторонность. Он крайне далек от того, чтобы фетишизировать средства производства или частицу домашнего быта. Он развивает *многостороннее* богатство, при *единой* целеустремленности. Разумеется, переходные этапы имеют свою логику, свою злобу дня, свой специфический упор. Смешно было говорить о соловьях и розах во время военного коммунизма. Нелепо не понимать, что строительные гиганты сейчас должны у нас стоять в центре внимания. Но нужно помнить о длительной ориентации на *развитие всех способностей массы*. Вопреки Гейне, у коммунизма будут и свои розы и свои соловьи, гораздо более интересные, чем старинные соловьи XIX в.

Гейне был полудругом-полуврагом коммунизма. Но он вонзал в капиталистический мир блестящие рапиры своей сатиры, своей гениальной иронии. Наш Щедрин — писатель огромной силы. У него точно реторты и колбы с крепчайшими кислотами

й смертоносными ядами, от которых на теле противника остаются кровавые выжженные рубцы. Но Щедрин глубоко национален: его трудно переводить. Гейне — великий *мировой* сатирик. Он пускает легкие стрелы Аполлона, он фехтует изящной шпагой. Но эти удары смертоносны. Оттого до сих пор на родине поэта он окружен еще среди господствующих классов грязным облаком ненависти, а среди пролетариев — атмосферой любви. Его пытаются интерпретировать по-разному. Тютчев и Аполлон Григорьев видели в нем одно, Писарев — другое, Блок — третье; пролетарские поэты трактуют его по-своему. В его творчестве есть разные моменты, и нечего их скрывать. Не подлежит сомнению, что только марксисты могут дать его объективно-историческую оценку. Нам не надо приукрашивать действительности. Но ведь не мелкие выпады Гейне против Берне будут жить в веках. Не те лавры, которые он получал от французского правительства. Только пошляки судят о Некрасове с точки зрения карточной игры или о Глебе Успенском — с точки зрения водки, хотя это — отнюдь не наш идеал. Гейне будет жить в веках, как боец революционного фронта, как ненавистник мещанства, как певец первых восстаний подымающихся рабов. А позднее он будет жить, как проповедник всей огромной радости жизни во всем ее многоцветном богатстве, как враг пуританского ханжества, аскетизма скряг, идеологии кастратов.

Гейне был *гениальным поэтом.* Он дышал всеми ароматами своего времени. Он мучился всеми его проблемами. Он был огромной культурной силой. И сверкающая парча его поэзии переливается всеми красками громадного искусства. Оттого он будет жить не только в *предистории, но и в настоящей истории человечества.* Оттого и победоносный пролетариат склоняет свое знамя перед великой могилой гения.

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ И ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

(Скорбные мысли)

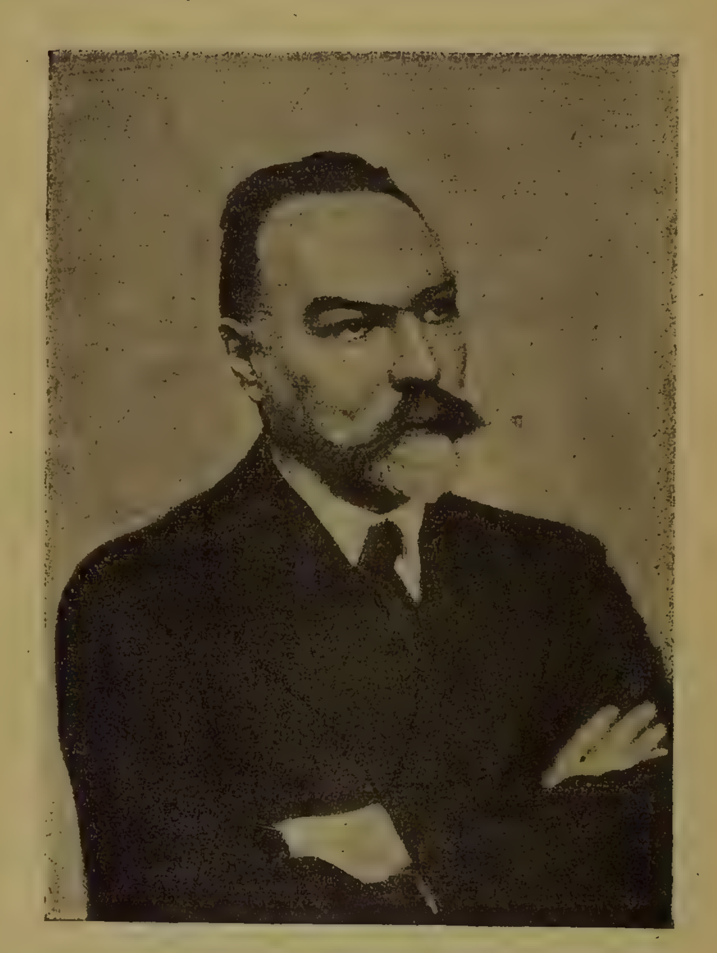
В старинном барском особняке, когда-то принадлежавшем графам Соллогубам, несколько лет тому назад лежало бездыханное тело Валерия Брюсова, короля символистов, перешедшего в лагерь большевиков. Из-под густых кустов черно-седоватых бровей глядели впадины закрытых глаз, таких умных, внимательных, глубоких у живого. В воздухе носился какой-то интеллектуальный эфир, точно ясный ум великого поэта растворил себя в волнах печального аромата последних часов.

Теперь в том же зале лежит прах Владимира Маяковского. Огромный, могучий, с крупными чертами лица, с мощным лбом, он не укладывается в узком и тесном гробу, сплошь усеянном алым нежным бархатом живых, трепетно умирающих роз. Так странно-больно видеть этого большого, сильного, угловатого человека, необузданного бунтаря, воплощенное движение — тихо лежащим, с сомкнутыми устами, на смертном ложе. Да ну же, вставайте, Владимир Владимирович! Неужели вы, в самом деле, отгремели? Бросьте шутить!.. Увы, это не шутка. Это трагедия. Великий поэтический трибун революции отгремел и умолк. Навсегда...

* * *

Валерий Брюсов и Владимир Маяковский были самыми крупными нашими поэтами, звездами первой величины. С разных концов пришли они к революции, по-разному в ней участвовали, да и вся их внутренняя поэтическая структура совершенно различна. Более того, эти два крупнейших имени с большим правом могут быть даже *противопоставлены* друг другу, как два полюса революционного магнита.

Валерий Брюсов цвел всеми цветами буржуазной культуры и цивилизации. Но, как это бывает с исключительно одаренными людьми, и притом людьми крупнейшего интеллекта, он смог выскочить за пределы буржуазного горизонта. Радиус его позна-

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

вательных интересов был огромен. У него был жадный, всеобъемлющий ум. Он глотал куски знания из самых разнообразных сфер. Он сумел прощупать пульс мировой истории. Эта гениальная голова, которая постоянно пылала холодным голубым жаром познания, с высочайшей вышки, глазами мудреца, следила за геологическими социальными катастрофами современности. И в самые трудные, самые тяжелые, самые кровавые годы, когда пурга контрреволюции взвихренными столбами налетала на молодую республику пролетариата, Брюсов демонстративно вступил в члены нашей партии. Ибо он ясно видел новую всемирно-историческую *магистраль*.

„Были лемуры, атланты и прочие...
Были Египты, Эллады и Рим...
Варвары, грузы империй ворочая,
Лишь наводили на мир новый грим.

. . . .

. . . .

Было так, длилось под разными флагами
С Семирамиды до Пуанкаре...
Кто-то, засев властелином над благами,
Тесно сжимал роковое карре.

. . . .

Мир раскололся на две половины:
Они и мы! Мы юны, скудны, — но
В века скользим с могуществом лавины,
И шар земной сплотить нам суждено!“ [1]

Величайшая страсть к познанию, закованная в латы дисциплинированного и трудолюбивого ума, огромная культурность и поразительная эрудиция Брюсова выработали в нем господство идеи *закономерности*, одной из центральных осей, вокруг которых вращалось творчество этого изумительного поэта. Брал ли он проблему исторических времен („Эры“), или бесконечность миров („Мир электрона“), или множества измерений („Мир измерений“), или смены поколений („Прибой поколений“); брал ли он глубины эротических переживаний и бездонных провалов чувства и мысли, всегда, везде, повсюду он — натура страстная и в то же время сдержанная, чувственная и в то же время глубоко интеллектуальная — был наблюдателем, экспериментатором, ученым энциклопедистом. Он тщательно выпытывал ритм событий и с нарочито размеренным, каким-то абстрактно-

---

[1] *В. Брюсов*, Меа, Собрание стихов, 1922—1924 гг., Гиз, „Магистраль“.

математическим восторгом ухватывал внутреннюю их закономерность.

„Дни для меня — незамысловатые фокусы,
В них стройность математического уравнения.
. . . .
Анализируя
Переменные мигов и лет,
Вижу, что миру я
Был кем-то назначен,
Как назначены эллипсы солнц и планет.
И когда, умиленным безумьем охвачен
Иль кротко покорен судьбе,
Я целую чье-то дрожащее веко,
Это — к формуле некой
Добавляю я „*a*“ или „*b*“ [1].

Вот почему он смог на крутом повороте всей мировой истории понять неизбежность новых времен, не похожих ни на что предыдущее. В Брюсове жила с давних пор протестующая струя. Правда, вряд ли можно согласиться с Андреем Белым („На рубеже двух столетий“), который чрезвычайно модернизирует прошлое и бунт символистов против быта зачисляет чуть ли не в актив революции. На самом деле это был по главной линии развития бунт культурной буржуазной и буржуазно-интеллигентской молодежи против „древлего благочестия“ амбаров, лабазов, закромов и сальных фартуков чумазых прародителей „культурной“ буржуазии и ее меценатски-салонного окружения. Но *правдой* является то, что у больших людей были и большие масштабы. У Брюсова — человека дарований исключительных — это проявлялось и в исключительной огромности масштабов и критериев. Отсюда его увлечения Александрами Македонскими, Ассаргадонами, завоевателями и героями прошлого. Он уже считал „миллионами“, но делал это на империалистский салтык. И в то же время широкие исторические горизонты раскрывали ему еще более основные закономерности. В „грядущих гуннах“ уже слышались иные ноты, а когда история сорвалась в 1917 г. со своих ржавых цепей, Брюсов кинулся в океанские волны, ибо это было захватывающе огромно, дико-величественно, и земля дрожала новым ритмом, который ясно ловило вни-

1 *В. Брюсов.* Неизданные стихи. Гиз. 1928 г., стр. 110.

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

мательно настороженное ухо поэта. Ученые, техники, инженеры должны были бы слышать *теперь* эту новую ритмику *строящейся жизни*.

Брюсов пришел к революции *от ума*. И он необычайно *умно* высмеивал жалкую трусость „аристократов духа", которые вдруг как-то сразу осели, расклеились, испугались того, о чем они не без удовольствия почитывали за стаканом хорошего чая („Инвектива. Товарищам интеллигентам"). Он — умный, блестящий, ученый мастер — выстоял до конца на посту, принеся пролетариату и его суровому авангарду в дар все, что в течение десятилетий он собирал с буржуазных полей науки и искусства, все, что он сделал сам за несколько десятков лет своей исключительно-напряженной творческой жизни.

* *
*

Совсем другое Маяковский. Маяковский пришел к пролетариату не из квалифицированных интеллигентски-меценатских салонов: „Аполлон", „Весы", „Золотое руно" были ему чужды, хотя он в молодости и любил „epater les bourgois"[1] литературными скандалами и желтыми кофтами. Он шел от богемски-люмпен-пролетарского бунта к пролетарской революции. Футуризм, одним из глашатаев которого он был, раздвоился на империалистское и революционное крыло. Маринетти, самый значительный вождь итальянского футуризма, через славословие грохочущему империализму пристал к фашистским берегам. Маяковский, запевала футуризма русского, стал активно в ряды бойцов *против* империализма: он стал громоподобным певцом революции. Большой, взъерошенный, весь покрытый иглами колючих слов, точно сама революция, ощетинившаяся штыками, этот необузданный, бунтующий детина славно швырял булыжниками своих увесистых строк в признанные кумиры. Он точно родился для огромных площадей, улиц, мастерских, заводов. Это была какая-то могучая иерихонская труба революции, ее рыкающий поэтический зев, огромный, уверенный в себе, бесстрашный, гремящий, точно гром. От него кругами расходился металлический густой набат, и он чертовски хорошо подходил к революции, с ее размахом, ее стихийной ширью, ее дерзанием, ее „безумной" уличной поступью. Все маленькое, „камерное", сантиментальное,

---

1 Сбивать буржуа с панталыку, ошарашивать.

безделушечное, все изящество, соответствующее мизинцу, под грохот барабанов гражданской войны проваливалось, в тартарары. Народ высыпал на улицу, жизнь бурлила и пенилась на площадях и заводах, толпы, массы заговорили, задвигались революционные полки, взвились боевые знамена, и стрекотанье пулеметов, яркие лозунги, геройская борьба, целая симфоническая громада революции заняла свое место.

В это буйное, незабываемое, великолепное время расцвела „площадная" муза Владимира Маяковского. Она гремела победным „левым маршем":

„Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе...
Тише ораторы!
Ваше
слово,
товарищ маузер!
Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.
Клячу истории загоним.
Левой!
Левой!
Левой!"

Она пела „Оду революции", со всеми ее так называемыми „эксцессами":

„Ты шлешь моряков на тонущий крейсер,
туда,
где забытый
мяукал котенок.
А после
пьяной толпой орала.
Ус залихватский закручен в форсе.
Прикладами гонишь седых адмиралов
вниз головой
с моста в Гельсингфорсе".

Она упивалась разрушительной патетикой революции и ее размахом в „Приказе по армии искусства":

„На улицу тащите рояли,
барабан из окна багром.
Барабан
рояль раскроя-ли,
но чтоб грохот был!
Чтоб гром!
. . . .

Довольно грошевых истин,
из сердца старое вытри.
Улицы — наши кисти.
Площади — наши палитры".

Этот неистовый гиперболизм, который у Маяковского в начале революции сочетался с ярко выраженным индивидуализмом, шел в ногу с неистовством самой эпохи, огромным разливом революционного половодья, когда вздыбились сумасшедшие-могучие революционные страсти, когда набухли кровью все жилы земли и когда миллионы угнетенных впервые увидели ворота в иное будущее. Разумеется, нетрудно вскрыть в стихах Маяковского и полуанархические элементы, и огульное отрицание всей предыдущей истории, и сугубый индивидуализм, и выражение „разделистской" стихийности, и тысячи других аналогичных вещей. Но критика всего этого есть в значительной степени критика нашей революции, которая развернулась на очень тощей материальной и не менее тощей культурной основе. Не в том дело. Дело в том, что Владимир Маяковский оказался поэтическим рупором революционной стихии, дерзким, смелым, огромным ее поэтом и мастером революционного слова, революционного ритма, революционного стиха. У него не было старой культуры. Но у него была величайшая активная дерзость. У него не было старых традиций. Но у него был громадный талант конструктора слов („бесценных слов транжир и мот"). Он недооценивал Рафаэлей и Пушкиных. Но у него было органическое сродство с эпохой: это сама история *рычала* через него на свои консервативные, еще живые, силы. Он тоже приходился не сразу *родным* сыном партии и пролетариата. Но он обнаружил, вместе со всей революцией, величайшую способность роста.

„Мастера,
а не длинноволосые проповедники
нужны сейчас нам.
. . . .
Товарищи,
дайте новое искусство —
такое,
чтоб выволочь Республику из грязи".

Все чаще и чаще звучат у Маяковского *строительные* ноты: от работы над построением новых словесных форм он переходит к патетике и героике строительства, переключая буйство раз-

рушительной стихии на ясную, четкую целеустремленную волю к построению новых форм жизни, от ее экономических основ вплоть до „высших“ сфер идеологии. Какого злого, сильного, „кусачего“ врага нашло себе в Маяковском наше мещанство, чиновничество, перерожденческое подхалимство! Каким кубарем летели под ударами Маяковского канарейки, горшки с геранью, двухспальные кровати и прочие атрибуты мизерабельного счастьица! Какие великолепные громы и молнии обрушивал Маяковский на духовную заскорузлость, идеологический склероз, тину и слякоть ленивой мысли, „мыслительное“ лежанье на печи, оказенивание быта и нравов, бюрократизм больших и малых чинуш и сутяг!

Короткие слова и строки, бьющие, точно разрывная пуля, из тяжелого штуцера; создание новой ритмики и нового стиха; замечательное отображение рокота людских волн; новое мастерство, которое идет прямо на фабрику и завод, несет искусство, как формирующий принцип, в самую гущу жизни—по этой дороге шел большой человек, большой поэт и хороший революционер В. Маяковский. Недаром его так любила молодежь фабрик и вузов. Недаром комсомольцы считали его своим. И недаром густые толпы народа—рабочих, красноармейцев, учащейся молодежи — вереницами стоят у гроба так трагически погибшего вождя пролетарской поэзии. Когда сломался Сергей Есенин, каждый вдумчивый человек чувствовал закономерность этой трагедии: она вытекала из глубокого конфликта между эпохами, укладами, мировоззрениями. А теперь рухнул один из основных железных столбов *пролетарской* литературы, единственный в своем роде. Эта гибель парадоксальна. Она вопиюще-нелепа. Она кричаще-трагична, Владимир Владимирович, зачем зачем вы это сделали?..

Существует у нас какой-то нелепый предрассудок, по которому поэтам полагается быть похожими друг на друга, как две капли воды. Правда, это смахивает на „умную“ директиву, по которой все певцы должны петь одно и то же, и обязательно басом. Но такого рода воззрение сугубо культивируется некоторым количеством литературных критиков с портфелями и циркулярами: они уж точно взвесили, в какой дозе можно заниматься лирикой и сколько листов можно отвести на трагедию. Они каждого нового ставят под измерительный прибор и сразу определяют. на сколько вершков или дециметров отклонился

данный индивидуум от стандартизированного поэта, который является образцом для настоящих и будущих поэтов, претендующих на созвучие с эпохой. Между тем, такое понятие покоится на смешении *толпы* и *коллектива*, грубой, „животной" формы коммунизма и действительного коммунизма, защищавшегося Марксом:

„Этот (грубый. *Н. Б.*) коммунизм, отрицающий повсюду *личность* человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности... Всеобщая, ставшая силой *зависть* есть лишь прикрытая форма того, как утверждает и как удовлетворяет себя *алчность*... Грубый коммунизм есть лишь завершенная форма этой зависти, этой жажды нивелирования, установления некоторого, равного для всех минимума... Что это уничтожение частной собственности не есть вовсе действительное присвоение и обогащение показывает присущее ему абстрактное отрицание всего мира, образования и цивилизации: оно есть лишь возвращение к *неестественной* простоте *нищего* и нуждающегося человека, который не только не переступил за грани частной собственности, но даже не достиг еще уровня ее"[1].

Но то, что говорит Маркс о сфере преимущественно материальной жизни, еще более годится для области поэзии. Абсолютно необходимое единство направления в области поэзии *единства*. Картина не есть полотно, покрытое *одной* краской, хотя она есть единство, и притом *высокое* единство. Вот почему глубоко прав был Маяковский, когда еще в „Послании пролетарским поэтам" писал:

„А мне
в действительности
единственное надо —
чтоб больше поэтов
хороших
и *разных*".

Вот именно: *хороших* и *разных*! Как различны были Брюсов и Маяковский!

Но разве пролетариат проиграл от того, что от буржуазной пуповины оторвался Брюсов, причаливший к пролетарским берегам? И разве пролетариат потерпел урон от того, что в его ряды крупным уверенным шагом пришел Владимир Маяковский со своим стихом, со своим голосом, со своей энергией, со своим

---

1 *К. Маркс*, Сочинения, т. III.

сокрушающим талантом? Грядущий монументальный стиль не может образоваться с сегодня на завтра. Но и этот будущий великий синтез явится не как угрюмое и однотонное, сплошное и не расчлененное целое, а как единство в многообразии и многообразие в единстве. В день похорон Владимира Владимировича мы будем чтить его, ушедшего товарища, как *ценнейшую* и *оригинальнейшую* фигуру пролетарской поэзии. Именно потому, что он был *оригинален*, мало похож на залежалый в кармане чиновника „образец", он и дал так много пролетарской поэзии. Поэтому так тяжела его утрата, так больно ощущается гибель поэта, так кровоточит эта зияющая рана.

„Давайте,
товарищи,
шагать в ногу.
Нам не надо
брюзжащего
лысого парика!
А ругаться захочется —
врагов много
по другую сторону
красных баррикад".

ЗЛЫЕ ЗАМЕТКИ[1]

За сутолокой больших и малых дел, которые до краев наполняют дни, — а иногда и ночи, — не успеваешь следить за другими „фронтами", расположенными несколькими этажами повыше „политики цен", местного бюджета, китайской гражданской войны, английских происков, сырьевой проблемы и тому подобных вещей, которыми „наш брат-мастеровой" (мастеровой революции) занимается, так сказать, „по долгу службы". Но иногда приходится запускать глаз и в эти области. И — нужно признаться — не всегда находишь там, „наверху", жемчужные зерна.

В последней книжке „Красной нови" я наткнулся на стихотворение „Российское" П. Дружинина.

О, Русь чудесная! Жива ты,
Как живы русские блины.
Твои соломенные хаты
Овсяной тайною полны!

Никому, конечно, невозбранно и в прозе и в стихах возвеличивать в патриотическом азарте „русские блины" (тем более, что этим ремеслом занимаются все „русские" трактирщики в европейских городах), а равно воспевать мистические тайны, сработанные „Неведомым богом" из овса (материал как раз подходящий для определенного сорта потребителей „тайн"). Ведь еще Щедрин отмечал: кому нравится конституция, а кому — севрюжина с хреном. От этой, как теперь выражаются, „установки" зависит и восприятие „России": кому оная страна представляется через призму советской конституции, а кому — через призму блинов. Это дело вкуса, темперамента, мозгов, наконец, — чорт возьми! — желудков. Так что блины, так блины. Но вот что я прочитал не без изумления дальше:

„Своя земля, как кладень древний,
Над ней кочует свет и мрак.
И в каждой хате есть царевна,
И в каждой улице дурак".

---

[1] Напечатано впервые в „Правде" в 1927 г. от 12 января.

„На них цветные сарафаны,
И залихватские штаны...
На кой же чорт иные страны,
Кромя советской стороны!
И я люблю тебя такую
С тоской и горечью полей
И не отдам твою тоску я
За всех заморских журавлей“.

Правда, с автором можно согласиться только насчет изобилия дураков, но отнюдь не насчет царевен, которые в свое время были немного перестреляны, отжили за ненадобностью свой век, да и потеряли популярность в народе. Правда, катастрофически быстрый переход от „блинов“ к „штанам“ плохо „мотивирован“. Правда, вышеупомянутые „сарафаны“ и „залихватские штаны“ в сочетании со словами „о любви к отечеству и народной гордости“ весьма напоминают гейневских Крапулинского и Вашляпского („Ты горюешь по отчизне из-за шапки и халата!“). Правда, последняя строфа „формально“ является переложением детского стихотворения:

„Однажды немец, таз куя,
Сказал жене своей тоскуя:
„Задам рабочим таску я
И разгоню свою тоску я“.

Правда, наконец, что *по-русски* нельзя сказать: „в каждой улице дурак“, и что это не мешало бы знать автору „Российского“. Но все это сущие пустяки по сравнению с лозунгом, непосредственно „базирующимся“ на „сарафанах“ и „штанах“ —

„На кой же чорт иные страны,
Кромя советской стороны!“

Это уж не только „национальная ограниченность“. Это просто-напросто шовинистическое *свинство*. В „старое, доброе время“ выдающуюся роль в деле кристаллизации российской националистической идеологии играл, как известно, *квас*. Отсюда—„квасной патриотизм“, выражение, которое считалось бранным в устах всякого мало-мальски прогрессивного человека. Теперь, на десятом году диктатуры пролетариата, как видим, место *кваса* с успехом заняли *блины*. Воистину, „коль славен наш господь в Сионе!“

Могут сказать о некоторой дозе иронии у идеолога блинов, штанов, царевен и дураков. Слушаем-с! Но ирония-то эта —

ирония *юродствующих.* Это юродство входит как составная часть в совокупную идеологию новейшего национализма „á la moujik russe“: „мы-ста по-мужицки, по-дурацки“ и т. д. и т. п. Эта „древляя“ юродствующая идеология для конспирации напяливает на себя „советский“ кафтан. Но одно только словосочетание „кромя советской стороны“ выдает сразу всю свою фальшь, натасканность, неискренность ,внутреннюю противоречивость.

„На кой же чорт иные страны!“

Нельзя ли поосторожнее, господа неумеренные потребители блинов?..

Вышеприведенные лирические „изъяснения“, несмотря на свое, так сказать, интимно-физиологическое содержание, имеют крупное общественное значение: это, повторяем, целая идеология. С легкой руки Сергея Есенина, этой „последней моды“ дня, у нас расползлось по всей литературе, включая и пролетарскую, жирное пятно от этих самых „истинно-русских“ блинов. Между тем *есенинщина* — это самое вредное, заслуживающее настоящего бичевания, явление нашего литературного дня. Есенин талантлив? Конечно, да. Какой же может быть спор? Но талантлив был и Барков, этот прямой путешественник пушкинского стиха. Талантлив в высокой степени „академик“ И. Бунин. Даже Мережковскому нельзя отказать в этом свойстве. Есенинский стих звучит нередко, как серебряный ручей. И все-таки в *целом* есенинщина — это отвратительная напудренная и нагло раскрашенная российская матершина, обильно смоченная пьяными слезами и оттого еще более гнусная. Причудливая смесь из „кобелей“, икон, „сисястых баб“, „жарких свечей“, березок, луны, сук, господа бога, некрофилии, обильных пьяных слез и „трагической“ пьяной икоты; религии и хулиганства, „любви“ к животным и варварского отношения к человеку, в особенности к женщине, бессильных потуг на „широкий размах“ (в очень узких четырех стенах ординарного кабака), распущенности, поднятой до „принципиальной“ высоты, и т. д.; все это под колпаком юродствующего quasi-народного национализма — вот что такое есенинщина.

Говорят нам: крестьянский поэт переходной эпохи, трагически погибший из-за своей неприспособленности. Не совсем так, милые друзья! Крестьяне бывают разные. Есенинская поэ-

зия по существу своему есть мужичок, наполовину превратившийся в „ухаря-купца“; в лаковых сапожках с шелковым шнурочком на вышитой рубахе, „ухарь“ припадает сегодня к ножке „Государыни“, завтра лижет икону, послезавтра мажет нос горчицей половому в трактире, а потом „душевно“ сокрушается, плачет, готов обнять кобеля и внести вклад в Троицко-Сергиевскую лавру на „помин души“. Он даже может повеситься на чердаке от внутренней душевной пустоты. „Милая“, „знакомая“, „истинно-русская“ картина!

Идейно Есенин представляет самые отрицательные черты русской деревни и так называемого „национального характера“: мордобой, внутреннюю величайшую недисциплинированность, обожествление самых отсталых форм общественной жизни вообще. Выбившийся в люди, в „ухари-купцы“, мужичок нередко ломает себе шею, доводя „до логического конца“ „широту“ своей „натуры“ (известное „моему ндраву не препятствуй“),— „широту“, которая есть по сути дела внутренняя расхлябанность и некультурность. На более высоком фоне общественного развития она и обнаруживает себя как таковая. Противоречие между высокой самооценкой и поистине жалкими „рефлексами“ таких „ужасно широких“ личностей может привести к трагическому личному концу. Но нас здесь интересует общественная сторона дела, и *только* она.

Литература вообще и поэзия в частности имеют поистине огромное воспитательное значение. Это „общее место“. Поэзия образует *характеры*. В истории нашей литературы, которая не могла не быть, в лучшем случае, радикально-мещанской, есть целые Монбланы опоэтизированного распущенства „братьев-писателей“, не без кокетства „пьющих горькую“, разумеется, за „благо народа“. Если и в прежние времена это кокетничанье своей собственной интеллигентской слюнявостью, бессилием, безволием, жалкой дряблостью было отвратительно, то оно становится прямо *нестерпимым* в наше время, когда нужны совсем другие характеры, энергичные и волевые, а не труха, которую давно пора свалить в мусорный ящик.

Эту *жалкую* традицию литературных слюнтяев мощно подпирает *есенинщина*, „поднимая“ опоэтизирование безволия до высоты опоэтизированного *хулиганства гуляющих „истинно-русских“ „ухарей“*. Это есть стержень есенинщины, а не „советские“ устремления, которые оказались совсем не по плечу

Есенину, всеми своими эмоциональными корнями сосавшему совсем другие соки из окружающей жизни.

Стыдно было читать дряблую и покойницкую „литературу", посвященную памяти погибшего поэта. Она вся почти шла по той же дорожке. „Братья-писатели", икая, приставали к покойному Есенину:

— Дай, Сережа, ангел мой, я тебя поцелую.

И плакали — тоже не совсем трезвыми — слезами...

Я знаю, что поклонницы Есенина (поклонницы *обоего* пола) будут очень возмущены злостью этих строк. Но по есенинщине нужно дать *хорошенький залп.* Нужно, чтобы люди немножко опомнились и осмотрелись по сторонам. Это бывает иногда очень и очень полезно.

Еще во время войны Ленин писал:

„Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация *тоже* создала революционный класс, *тоже* доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами.

Мы полны чувства национальной гордости, и именно поэтому мы *особенно* ненавидим *свое* рабское прошлое... Никто не повинен в том, если он родился рабом; но раб, который не только чуждается стремлений к своей свободе, но оправдывает и прикрашивает свое рабство... такой раб есть вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения холуй и хам"[1].

Так ставил Ленин вопрос „о национальной гордости великороссов". С тех пор прошло уже много времени, и „великорусская нация" дала в лице своего рабочего класса несравненные образцы героизма, революционной страсти, великой творческой энергии. Всем этим мы, великороссы, можем и должны гордиться. Но вот что интересно: у нас в литературе уже поднялась, как на дрожжах, *другая* „гордость великороссов", которая воспевает именно наше *рабское прошлое.* Ибо где в *настоящем* у нас это „рабское прошлое"?

Оно — в темноте.

Оно — в мордобое.

Оно — в пьянстве, в „море синем, Хвалынском" водки и слез, как прекрасно (*не* по-есенински) говорил старичок-крестьянин на московской конференции.

---

[1] *В. И. Ленин,* О национальной гордости великороссов, Собрание сочинений, т. XIII, изд. 1924 г., стр. 27.

Оно — в матершине.

Оно — в дряблости, неуважении к труду, в хулиганстве.

Оно — в „ладонках“ и „иконках“, „свечечках“ и „лампадках“.

Оно — в остатках шовинизма („на кой же чорт иные страны!“).

Оно — в свинском отношении с женщиной.

Оно — во внутренней разнузданности, в неуменьи работать над собой, в остатках обломовщины, интеллигентского самомнения, рабского темпа работы.

И все это наше рабское историческое прошлое, еще живущее в нас, воспевается, возвеличивается, ставится на пьедестал лихой и в то же время пьяно рыдающей поэзией Есенина и его многочисленных подражателей и подражательниц.

По *этой* линии идет воспевание „русского начала“ в новой поэзии. А на самых высотах идеологии расцветает возврат к Тютчеву и другим. Еще бы!

„Умом Россию не объять,
Аршином общим не измерить“.

Правда, теперь применяют больше вместо аршина *метр*. Точно так же идеологи буржуазной „национальной гордости“ еще не указали другого органа понимания, кроме *мозга* („ума“). Но все же они долбят камень нашей советской общественности изо дня в день, „национализируя“ на *свой* салтык нашу литературу. А некоторые простачки им подсвистывают, им подпевают, не разобрав как следует, что к чему.

„На кой же чорт иные страны!“ — вот один уровень „национальной гордости“ мещанина. „Умом Россию не объять“ — вот вам другой уровень, поквалифицированнее. Некий разговорец насчет „жидов“ и „инородцев“ — вот еще форма воспитания мещанских чувствиц. Так помаленечку просовывает свои идеологические пальцы *новая российская буржуазия*, сознают то или нет проводники ее влияния на пролетариат, в особенности на пролетарскую молодежь.

Нельзя отрицать, что есенщина имеет огромный успех, становясь таким образом вредной общественной силой. Несомненно, что она заражает и широкие круги нашей комсомольской молодежи. В чем же здесь дело?

Конечно, в первую очередь, в том, что у нашей молодежи налицо в значительной мере *мещанское отсутствие культуры труда*, которое некоторыми идеологически вихрастыми „пар-

нями“ считается, по российской глупости, чуть ли не за добродетель да притом еще коммунистическую.

Но не только в этом дело.

А дело еще в том, что мы сами далеко не достаточно понимаем стоящие перед нами идеологические задачи. Позвольте мне, читатель, покусаться и на другом фронте.

Мы подаем удивительно однообразную идеологическую пищу. Не в том смысле я говорю, что она, эта пища, наварена по одному коммунистическому рецепту. Это последнее очень хорошо, и, вообще говоря, чем больше *такое* единство, тем лучше. Но дело в том, что у нас позабывается и здесь об интересах потребителя: потребитель получает частенько штампованные параграфы и циркуляры, написанные с таким скучнейшим однообразием, что от них непривычного человека начинает прямо тошнить.

Говорили раньше, будто, если зайцу хорошо нажимать на хвост, то он спички зажигать будет. Теперь вносят поправку и утверждают, что при соответствующем обращении с этим заячьим хвостом его владелец может научиться подбирать цитаты. Но, пожалуй, даже заяц взбунтуется, если все время, и днем и ночью, его будут кормить одним и тем же идейным материалом. Коммунистическая идеология имеет гораздо больший охват, чем один вопрос о снижении цен, как ни важен этот последний вопрос. А коммунисты и рабочие вообще — это не ходячие абстракции: они живые люди, с плотью и кровью. Ничто человеческое им не чуждо. Они страдают, радуются, сражаются, любят, живут, умирают. Каждый из них есть и личность, а не статистическая средняя на двух ногах, не индекс, не параграф и не абзац революции по текущему моменту.

Жизнь переходной эпохи так богата и так невероятно сложна, она так туго набита противоречиями и конфликтами, общественными, бытовыми, личными, что здесь есть место и для драм, и для трагедий, и для комедий, и для лирики, и для развертывания широчайших интересов общего мировоззрения, науки, философии—всего, что получило ярлычок „духовной культуры“ человечества.

А у нас — нужно сознаться в этом — и здесь есть „ножницы“ между запросами массы и качеством продукции.

Чем захватывает молодежь Есенин? Почему среди *нашей* молодежи есть кружки „есенинских вдов“? Почему у комсо-

мольца частенько под „Спутником коммуниста“ лежит книжечка стихов Есенина? Потому, что мы и наши идеологи не трогали тех струн молодежи, которые тронул — хотя бы в форме вредной по существу — Сергей Есенин.

Здесь напрашивается сам собой большой вывод. Нельзя нашу молодежь кормить в лошадиных дозах одним и тем же. Больше разнообразных вопросов! Больше внимания к живым людям, с особой психологией! Больше внимания к жизни со всей ее многоцветностью, многогранностью, причудливой сложностью! Поменьше не совсем доброкачественного штампованного материала, этого плода *бюрократического* идейного творчества!

И здесь — несколько слов по адресу наших пролетарских поэтов. „Уж сколько раз твердили миру“, что наша „поэтическая смена занимается не тем, чем нужно. Все поэты превратились в критиков, организаторов, политиков *за счет изучения жизни, за счет работы над собой, за счет связи с массой,* живым поэтическим голосом которой они должны быть. А когда под напором жизни они пробуют „петь“, вдруг оказывается, например, что их лиризм (и даже самых „непримиримых“) есть пенье с *чужого* голоса! Слезы — допустимы. Но зачем же обязательно с пьяной икотой? Печаль—тоже. Но зачем же гнилое „Ваши пальцы пахнут ладаном“ à la Вертинский в кабаре?

С этим гнильем надо кончать. И чем скорее, тем лучше. Нам не нужно ходячих икон, хотя бы и распролетарского типа, которые обязательно должны целовать машины или разводить разужасный „урбанизм“, для которого *нет* базы (ибо в Москве у нас поют еще петухи) и для которого *не будет* базы (ибо мы за *соединение* „города“ с „деревней“). Нам нужна литература бодрых людей, в гуще жизни идущих, храбрых строителей, знающих жизнь, с омерзением относящихся к гнили, плесени, гробокопательству, кабацким слезам, разгильдяйству, кичливости и юродству. Величайшими людьми буржуазии были не люди вроде гениального пьяницы (Верлена), а такие гиганты, как Гёте, Гегель, Бетховен, которые умели *работать,* как никто. Величайшие гении пролетариата—Маркс, Энгельс, Ленин были величайшими *тружениками,* с огромной трудовой *культурой.* Блаженненькие „нищие духом“, Христа ради юродивые, кафешантанные „гении“ на полчаса — подальше от них! Поближе к замечательной жизни, которая распускается на земле, поближе к массам, перестраивающим мир!

4

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ И ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ [1]

Социалистическая реконструкция, со всей громадностью ее основных и второстепенных задач, ставит с жесткой остротой вопрос о *науке,* о научно-исследовательской работе вообще и о *естественных науках* в частности. Если их могучее влияние так быстро двигало вперед развитие производительных сил *капиталистического общества,* то это влияние должно быть гораздо большим, более систематическим и постоянным, более всеохватывающим и глубоким у нас для того, чтобы пролетарское государство, строящийся социализм вышли победителями из великого исторического спора с мировыми державами финансово-капиталистической плутократии.

Какое огромное значение придавал Маркс естествознанию, мы видим уже из ранних его работ. Еще в „Святом семействе" Маркс, высмеивая идеалистическую спекулятивную метафизику Бруно Бауэра и К⁰, писал:

„Или критическая критика думает, что она дошла хотя бы даже до *начала* познания исторической действительности, исключив из исторического движения теоретическое и практическое отношение к природе, естествознание и индустрию?" [2].

Таким образом Маркс наряду с „индустрией" как практическим отношением к природе ставит естествознание как теоретическое выражение этого процесса. Это вовсе не означает, что „теория" есть нечто далекое от „практики". Наоборот, она сама имеет исключительное практическое значение. В недавно впервые опубликованных „Подготовительных работах для „Святого семейства" мы находим такие, резко отчеканенные положения:

„*Естествознание* развило колоссальную деятельность и накопило непрерывно растущий материал. Но философия оставалась всегда чуждой естествознанию... Сама историография лишь случайно

---

[1] Напечатано в сборнике НТУ, вышедшем к XVI съезду партии.
[2] *Маркс* и *Энгельс,* Сочинения, т. III, стр. 180.

считается с естествознанием, смотря на него под углом просвещения, полезности отдельных великих открытий. Но тем более *практическим* образом ворвалось естествознание, через посредство промышленности, в человеческую жизнь, преобразив ее и подготовив освобождение человечества, хотя непосредственным образом на первых порах оно привело к обесчеловечиванию его“ [1].

Здесь естествознанию отводится совершенно исключительная роль с точки зрения всей *исторической перспективы.*

В „Капитале“ Маркс не раз останавливается на поразительном значении естественных наук с точки зрения развития производительных сил капиталистического общества:

„Ясно на первый взгляд“... „что крупная индустрия, путем включения (Einverleibung) чудовищных сил природы и естествознания в производственный процесс, должна в чрезвычайной степени поднять производительность труда“ [2].

В другом месте Маркс, предвосхищая последующее влияние *химии* на производственный процесс, дает такую, в высшей степени точную и „современную“, формулировку:

„Всякий прогресс в химии не только разнообразит и увеличивает число полезных веществ и полезное применение уже известных, расширяя поэтому, вместе с ростом капитала, сферы его вложения. Он одновременно учит включать обратно отбросы процесса производства и потребления в круговорот процесса воспроизводства; таким образом он создает, без предварительных затрат капитала, новое вещество капитала. Подобно повышенной эксплоатации естественных богатств, благодаря простому, более высокому напряжению рабочей силы, наука и техника образуют энергию (Potenz) расширения капитала, независимую от данной величины функционирующего капитала“ [3].

Именно исходя из этого, и Маркс и Энгельс бесчисленное количество раз говорили о *широчайшем применении науки после пролетарского переворота.*

Ленин продолжал марксистскую традицию, когда со всей настойчивостью подчеркивал эти истины:

„Масса его (т. е. капитализм. *Н. Б.*) раздавила; но от раздавленного капитализма сыт не будешь; нужно взять всю его культуру, которую капитализм оставил, и построить социализм; нужно взять

---

[1] *Маркс и Энгельс,* Сочинения, т. III, стр. 629. Курсив Маркса.
[2] *Marx,* Das Kapital, I (Volksausgabe), S. 331.
[3] *Marx,* ibidem, S. 541.

всю технику, науку, знание, искусство,— без этого жизнь социалистического общества невозможно построить“ [1].

Теперь, когда перед нами встают задачи все более грандиозные, когда революция приняла в известной мере и форму *технического* переворота, когда „*культурная* революция“ стала необходимым звеном революционного преобразования, когда вопрос о темпах развития приобрел решающую роль, эти истины должны во что бы то ни стало воплотиться в жизнь. „Индустрия“ без роста „естествознания“ не будет расти. Повышенные темпы роста социалистического хозяйства предполагают повышенные темпы роста естественных наук, „теоретического отношения“ к природе. Работа научно-исследовательской мысли должна, наконец, занять соответствующее место в системе общественного труда. Пролетариат и его государство должны взять все, что можно, от науки, широчайшим образом раздвигая возможности ее всестороннего развития.

1

Основой, базисом, решающим фактором всего общественного преобразования, великой социалистической реконструкции, является *героический труд* пролетариата, политически и хозяйственно ведущего миллионные массы трудящихся. В этой системе труда естественным наукам должна по праву принадлежать существенная роль.

Широкое общественное мнение пролетариата и советских масс вообще, общественное мнение работников социалистической промышленности, общественное мнение нашей партии, к сожалению, чрезвычайно мало осведомлено о деятельном участии научной мысли в работе по преобразованию нашей техники и экономики: огромная, но мало заметная работа творческой мысли часто скрыта, и действительное ее значение затемнено. Между тем, в важнейших пунктах технического преобразования страны, неразрывно связанного с величайшей экономической ее переделкой, стоит—за кулисами внешнего эффекта—*систематическая и строгая теоретическая работа.*

Возьмем такую проблему, как проблема *апатитов*. Эта проблема стала „модной“, об апатитах говорят, об апатитах пишут. И это имеет свои основания. В самом деле. Открыты бо-

---

1 *Ленин,* речь на митинге в Петрограде в марте 1919 г.

гатейшие залежи новой формы фосфатного сырья, причем последние данные исчисляют запасы апатитов в ½ миллиарда тонн[1]. Эти залежи станут базой химизации страны, базой могучего воздействия на все сельское хозяйство. Они обеспечивают экспорт и, следовательно, расширяют валютные фонды и импортные возможности. Они дадут жизнь мощным химическим промышленным комбинатам. Словом, перед нами проблема действительно крупнейшего значения с точки зрения всей социалистической реконструкции страны. А многие ли знают, как дошло дело до открытия и исследования мурманских залежей?

На Мурман потянулась десять лет тому назад группа исследователей в составе экспедиции Института Севера и под руководством акад. Ферсмана, разрабатывавшего теорию структуры земли, искавшего решения ряда отвлеченных проблем минералогии и геохимии[2].

Акад. Ферсман уже тогда подходил к вопросу о закономерностях пространственного размещения химических элементов и их различных закономерно связанных комбинаций, т. е. к проблемам топографической геохимии (нетрудно понять, что открытие закономерностей такого порядка даст огромное орудие для геологических и промышленных разведок)[3]. Теоретические поиски, организованные, таким образом, Академией наук и Институтом Севера, привели к *открытию* хибинских месторождений. Исследование химических свойств апатитов и нефелинов, исследование всего района, составление карт, выработка методов промышленной обработки и т. д. и т. п. потребовали сложной кооперации работ целого *ряда научных институтов*, огромного количества опытов, напряженного экспериментального труда. Научный институт по удобрениям (директор—проф. Э. Брицке), Государственный институт прикладной химии, под руководством акад. В. Ипатьева (одного из творцов „химии высоких давлений"), „Механобр" (Институт механической обра-

---

[1] См. акад. *А. Е. Ферсман,* Апатито-нефелиновая проблема Хибинских тундр., „Матерпалы по химизации народного хозяйства", вып. V, Ленинград 1929, стр. 22, табл. VIII.

[2] Ibidem, стр. 88.

[3] Ср. акад. *Ферсман,* Строение и состав земли, как космического тела. Геохимический очерк. „Научное слово", № 6-7, 1928. Ср. также доклад *Ферсмана* на апрельской (1930 г.) сессии Академии наук СССР.

ботки полезных ископаемых) выполнили ряд научно-исследовательских работ, прежде чем „апатиты" превратились из *„вещи в себе"* в *„вещь для нас"*. *Без* этих работ у нас не было бы никакой перспективы. Наличие этой работы (от отвлеченных проблем геофизики вплоть до методов механического обогащения и калькуляции себестоимости добычи) обеспечивает нам возможность крупнейшего промышленного развития и могущественного воздействия на технику (в широком смысле) и экономику сельского хозяйства.

Возьмем другое открытие, имеющее колоссальное значение для будущего нашей страны. Мы говорим об открытии залежей *калийных солей под Соликамском* (Урал). Это—открытие совершенно исключительное. До самого последнего времени *Германия* была монопольным поставщиком этого важнейшего удобрения, этой „руды сельскохозяйственного значения" (акад. Д. Прянишников). Еще в 1926 г. Д. Прянишников писал: „Что касается России, то пока в ее пределах не найдено залежей калийных солей, подобных германским; доставка же из Германии связана с большими накладными расходами; например, один пуд каинита обходится на месте добычи (в Стассфурте) от 9 до 10 коп., в Москве же он обходится уже 40—50 коп."[1].

Разведки, имевшие место под Соликамском, обнаружили, однако, такой запас калийных солей (главное удобрение для технических культур), который *превышает* запасы стассфуртских месторождений. Таким образом *мировая* монополия Германии должна притти к концу, а соликамские залежи должны—при условии вложения в это дело соответствующих средств—стать источником химизации страны, основой, наряду с апатитами, туковой промышленности и вместе с тем источником доходных экспортных статей[2]. Всего колоссального значения этого открытия нельзя переоценить: речь идет действительно об одном из решающих факторов нашей экономической жизни. И здесь мы видим сложную кооперацию научных учреждений:

---

[1] *Д. Прянишников,* Роль химии в современном земледелии. Сборник Успехи и достижения современной науки и техники". Изд. „Работник просвещения", Москва 1926, стр. 203.

[2] См. *Э. В. Брицке,* Химизация сельского хозяйства СССР. „Химия и хозяйство", № 1 1929, стр. 67—68. Ср. также „Материалы к пятилетнему плану Геологического комитета". Изд. Геологического комитета, Ленинград 1929, стр. 147 и следующие.

Геологического комитета с его ученым аппаратом и ряда научно-исследовательских институтов; и само „открытие" и решение вопросов, связанных с обработкой и использованием калийных залежей под Соликамском, лежали на плечах научно-исследовательских учреждений.

Возьмем, далее, пример из совершенно другой области. Мы имеем в виду новые типы *советских самолетов* (в том числе знаменитые „Крылья Советов"). Рекордные перелеты Москва — Пекин, Москва — Токио, Москва — Берлин — Париж — Рим — Лондон — Варшава — Москва; наконец, Москва — Нью-Йорк, — все эти перелеты сделаны на машинах нашей конструкции.

Но все эти машины, которые занимают место в первых рядах международной авиации, сконструированы в Научно-исследовательском аэро-гидродинамическом институте (ЦАГИ). Блестящие конструкторские силы этого института (Туполев и др.) опираются, однако, на сложнейшую теоретическую работу. Институт в целом имеет свою теоретическую (вплоть до работ весьма „отвлеченного" характера) головку. Он, в значительной степени, есть орудие целого направления, ведущего свое начало от замечательных работ покойного русского ученого Н. Е. Жуковского, обогатившего науку рядом оригинальнейших теоретических идей (его продолжателем является акад. С. А. Чаплыгин, нынешний директор ЦАГИ). Следовательно, и здесь „теоретическое отношение к природе" стоит в связи и опосредствует практические достижения.

Значительной известностью пользуются работы акад. А. Ф. Иоффе по *тонкослойной изоляции*. Теоретически эта проблема уже решена. Близится, в самом недалеком будущем, ее практическое разрешение и возможность непосредственной практической реализации. А это означает буквально *целую техническую революцию*; это означает в условиях быстро растущей электрификации страны многомиллионные сбережения и огромнейшее облегчение передачи электроэнергии. Работа эта имеет опять-таки *мировое* значение. О ней говорят в очень широких кругах нашей общественности. А между тем, эта работа связана ближайшим образом с занятиями теорией пробоя, что, в свою очередь, связано с работами над „отвлеченнейшими" вопросами электронной теории материи. Вообще же акад. Иоффе—ученый с крупнейшим мировым именем и с необыкновенно творческим складом ума — связан прежде всего с самыми „высокими" про-

блемами теоретической физики. Но выяснение ряда общих вопросов освещает—иногда „неожиданно"—целый пук „практических" проблем и дает решение по нескольким направлениям зараз.

В деле электрификации страны мы имеем такое гигантское практическое достижение, как возникающий *Днепрострой.* Днепростроем пестрят страницы газет и журналов. Снимки Днепростроя встречаются во всех иллюстрированных изданиях. Имя Днепростроя широко известно за границей—и среди врагов, и среди друзей, и среди империалистов, и среди пролетариев. Между тем, с научно-технического угла зрения Днепрострой есть точка пересечения целого ряда дисциплин (геологии, гидротехники, электротехники, механики, экономики и т. д. и т. п.): бесконечное количество теоретических выкладок, начиная с проекта инициатора Днепростроя проф. И. Г. Александрова, опытно-теоретических проверок, изысканий и обследований было предпринято по самым различным направлениям [1]. Наконец, в гидравлической лаборатории ЦАГИ под руководством проф. Бовина была сооружена модель русла реки Днепра и критически („опытно-теоретически") проверены все условия сооружения. „Этот опыт дал возможность критически сравнить различные варианты, предложенные Днепростроем, внести в них поправки, а также выработать два особых варианта, предложенных лабораторией Днепрострою. Один из этих вариантов и был принят Днепровским строительством как окончательный для постройки" [2].

Мы ограничиваемся здесь только наиболее кричащими *примерами,* иллюстрирующими ту мысль, что за практически важными изменениями нашей экономической и технической структуры стоит работа теоретической мысли и научно-исследовательских учреждений. Можно было бы упомянуть о целом ряде других крупнейших достижений.

Рационализация сжигания низкосортных топлив, новые типы

---

[1] См. „Материалы к проекту проф. И. Г. Александрова", „Днепровская гидроэлектрическая станция и использование ее энергии". Материалы комиссии по разработке генерального плана потребителей днепровской энергии при президиуме ВСНХ СССР", „Днепрострой", Бюллетень Государственного днепровского строительства и др.

[2] *В. Бовин,* Гидравлическая лаборатория Центрального аэро-гидродинамического института, „Днепрострой", № 1-2 1929, стр. 69.

топок, тепловозостроение (Теплотехнический институт), „гидроторф“, фрезерный метод добычи торфа (Институт торфа), анализы сибирских углей (богхедов и сапропелитов) и методы получения жирных кислот (мыловарение) и ангидридов (лаки и изоляция) в лаборатории проф. Г. Л. Стадникова, добыча серы из газов медеплавильных и других заводов, новые методы добычи серной кислоты (Институт прикладной минералогии), окисление фосфора в воде под давлением, метод высоких давлений по отношению к ряду веществ и, соответственно, *оплодотворение ряда производств* (выдающиеся, имеющие мировое значение работы акад. В. Н. Ипатьева), радиотехнические достижения (лаборатория под руководством М. А. Бонч-Бруевича, работы проф. А. А. Чернышева), видение на расстоянии („телевизия“) — работа проф. А. А. Чернышева, его же методы отыскания повреждений в высоковольтных кабелях, искусственное волокно (институт им. Карпова с директором А. Н. Бахом), ветряные двигатели, особо пригодные для сельского хозяйства (ЦАГИ), изобретения по борьбе с коррозией металлов, новые методы добычи легких металлов, новые виды стали, новые виды растительного сырья (волокно, каучуконосы), успехи селекции (вместе с развитием генетики и евгеники) и т. д. и т. п.,—за всеми этими работами стоит сложная *теоретическая мысль*.

2

Социалистическая реконструкция, эта величайшая историческая переделка общества, является его *технической* реконструкцией (механизация, химизация, электрификация, если говорить конкретными формулами) и неразрывно с этим связанной дальнейшей *хозяйственной* реконструкцией, т. е. изменением в организации труда. Эта технико-экономическая революция должна находить свое выражение: 1) в быстром росте производительных сил, 2) в подъеме благосостояния широких трудящихся масс, 3) в быстром росте социалистического сектора хозяйства. Вся огромность этого переворота демонстрируется в количественных масштабах трансформационных процессов,—масштабах, которые по всему фронту вызывают крупнейшие *качественные* перемены.

Здесь мы не будем анализировать контртенденций, переходных этапов, специфических трудностей, перебоя в исторической

ритмике. Здесь мы хотим лишь остановиться на *основных тенденциях* развития. Эту оговорку необходимо иметь в виду при решении конкретных вопросов дня.

Техническая реконструкция, как мы уже отметили, складывается (отнюдь не арифметически, разумеется!) из механизации, химизации и электрификации хозяйства. Однако это содержание нуждается в конкретной расшифровке, которую нужно иметь перед собой при определении вытекающих отсюда задач научно-исследовательской работы. Ниже мы постараемся отметить основные моменты технической реконструкции, отнюдь не претендуя, конечно, на исчерпывающее изложение предмета.

1. *Новые орудия производства* (машины и аппараты). Уже и в пределах капиталистического общества сейчас идет на всех парах процесс вытеснения паровой машины паровыми турбинами и двигателями внутреннего сгорания[1]. Одновременно, вместе с проникновением химии в самые различные сферы производственного процесса, растет система *аппаратов*. В настоящее время речь идет, в подавляющем большинстве случаев, о применении в СССР конструкций машин и аппаратов, уже известных в передовых странах капитализма. Однако совершенно естественно думать и предполагать, что в дальнейшем нам понадобятся „свои" конструкции, соответствующие особым условиям развития. В сельском хозяйстве, например, тип машин, их размер, их техническая мощность определяются *экономически* в значительной мере *размером хозяйства:* в мелком хозяйстве мощная машина „не окупается", она—говоря на капиталистическом языке—„нерентабельна", хотя *технически* она представляет собой безусловный прогресс. Процесс коллективизации хозяйства, сопряженный с его укрупнением, строительство гигантских совхозов, перспектива возрастающего укрупнения сельскохозяйственных площадей и т. д.,—все это, несомненно, потребует нового типа машин (тракторов, комбайнов, электроплугов новых мощностей) и новой кооперации этих машин (а равно и аппаратов). В промышленности—в других пропорциях—мы будем иметь ту же растущую потребность в больших

[1] См. *В. Вейц,* К характеристике союзной промышленной энергетики. Фабрично-заводская промышленность СССР. Вып. III. Рационализация промышленной энергетики СССР. Статистическое издание ЦСУ СССР. Москва 1929, стр. 9.

мощностях и в иной кооперации (системе, сочетании) машин и аппаратов[1].

2. *Новые типы технологических процессов* (технологические методы). Возрастающее применение химии и электричества при обработке сырья и полуфабрикатов. Возрастающее применение комбинированных методов.

3. *Новый размер производственной единицы.* В области сельского хозяйства—через ряд промежуточных ступеней (переделка крестьянского хозяйства) и более непосредственным путем (создание новых и расширение „старых" совхозов)—огромное укрупнение производственных единиц, с тяготением к размерам целых округов. В области промышленности—точно так же резкое увеличение оптимального размера „предприятия". Тенденция к этому *уже* проявилась довольно резко. Днепрострой, Магнитогорский завод (по проектам он должен превышать все имеющиеся в капиталистическом мире предприятия), проект Ангарской гидростанции и т. д. ясно обнаруживают направление грядущего развития. Повышение размеров производственной единицы ближайшим образом связано с повышением технических показателей орудий труда, машин и аппаратов, а равно с изменениями в системе орудий труда.

4. *Новая комбинация производственных единиц.* Здесь, прежде всего, необходимо отметить полную возможность использования принципа комбин—ирования вообще. *Технически* этот принцип абсолютно ясен. Возможность взаимно использовать „отбросы производства", сочетать технически родственные отрасли в еди-

---

[1] Об общей тенденции, вместе с ростом производительных сил, г-н Декстер Кимболл говорит следующее: „Развитие современной механизации базируется на применении так называемых машин-орудий. Такими основными орудиями являются токарный, строгальный, фрезерный, сверлильный и шлифовальный станки, так же, как и их разновидности... Следует... указать на то, как выросли эти основные орудия в своих размерах. Первый токарный станок, изготовленный в 1800 г., мог поднять один человек. Большие современные токарные станки могут обрабатывать цилиндры 10 фут. в диаметре, 40 фут. длиной, а наибольшая американская сверлильная машина может обрабатывать предметы до 60 фут. в диаметре. Важно еще и то обстоятельство, что могут быть сконструированы машины-орудия еще большего размера... если это только будут позволять другие условия" („Новейшие изменения в экономике САСШ", т. I, стр. 141, прим.). Не всегда то же можно сказать о двигателях. Ср., например, паровую машину и дизель-мотор.

ный ступенчатый технологический процесс, соответственно этому выключить ряд целых звеньев и т. д.,—все это достаточно солидные аргументы в пользу комбинирования. Однако в капиталистическом обществе этому мешают частно-собственнические интересы, и хотя централизация капитала неизбежно ведет к организации монополистических „комбинатов", однако этот процесс не может найти себе такого размаха, как у нас, и он не может быть рационально проводимым, как это возможно при диктатуре пролетариата и государственной концентрации средств промышленного производства. Далее, следует отметить особый принцип *аграрно-индустриального* комбината, объединяющего машинно-индустриальное ядро (вместе с электростанциями, машинно-тракторными станциями, заводами по переработке сельскохозяйственного сырья) с сельским хозяйством (растениеводство и животноводство). Только при курсе на уничтожение противоположности между городом и деревней, что свойственно *социалистической* реконструкции, возможно развертывание этого принципа.

5. Принцип электро-тепло-гидроцентралей сверхмощного типа. В передовых технически странах капитализма уже резко обозначился переход к системе мощных электроцентралей с увеличением радиуса передачи электроэнергии при помощи сетей высоковольтного типа. „Близко время,—пишет о САСШ г-н Гиффорд-Пинчот,—когда электрические компании общественного пользования будут связаны между собой сплошь от Чикаго до Мексиканского залива и от Атлантического океана до Великих равнин. Уже и теперь один единственный диспетчер (контролирующий не поезда, а ток) дает распоряжения о распределении энергии между различными связанными друг с другом электрическими системами. Лидеры электрической промышленности уже предсказывают в недалеком будущем взаимную связь сетей по всем САСШ"[1].

Границы частной собственности и конкуренции при капитализме *мешают* развертыванию этого принципа. Об этом весьма красочно сообщает, например, Г-н Г. Бланкэнорн,

---

[1] „Giant Power". Large scale electrical-development as a social factor. Русский перевод: „Экономическая и социальная роль электрификации". Сборник статей, опубликованных Амер. акад. полит. и соц. наук. Перевод Н. Вашкова. Предисловие Г. Кржижановского. Изд. „Плановое хозяйство", Москва 1929, стр. 21.

касаясь развития электрификации в Англии. *„Чисто технический* уклон электрической промышленности,—пишет он,—в сторону больших станций, монополизирующих снабжение промышленности энергией, натолкнулся на Англию электрических уделов и энергетических приходов“[1]. Нельзя ярче выразить *конфликты* между развитием производительных сил („чисто технический уклон“) и частно-капиталистическими отношениями производства, отношениями между отдельными предпринимателями или их группами („уделы“ и „приходы“). У нас *нет* этих пут. Наоборот, диктатура пролетариата заинтересована в самом широком развертывании принципа сверхмощных тепло-электроцентралей *по плану*. Единство теплосилового хозяйства, значение электрификации и с точки зрения топлива, рациональное начало, материализированное в плановом электроснабжении из станций-гигантов, означают небывалый подъем хозяйственной эффективности[2]. Это есть *материальный костяк*, реально связывающий отдельные хозяйственные части *в организованное единство, планово управляемое и регулируемое*.

6. Сонтез механизации, химизации электрификации. Возрастающее влияние *химии*, связанное и с новыми методами обработки и с новыми видами сырья, является одним из самых примечательных признаков современного технического развития. Благодаря химии с ее новыми методами (катализ, метод высоких давлений, глубокое охлаждение и т. д.) совершаются глубокие изменения в сельском хозяйстве (туковая промышленность и химическая обработка удобрительного сырья), становится возможным использование совершенно по-новому „экскрементов промышленности“, расщепление сырья и топлива (крекинг-процесс, жидкий уголь по способу Бергиуса, газификация топлива и т. д.) и диференцированное употребление его развязанных частей; синтетическое получение ряда материалов; совершенно неслыханные ранее способы добычи полезных благ (азот из воздуха, искусственное волокно). Отсюда—новые комбинации между производственными отраслями. Всеобщая тенденция к *механизации*, или, если говорить о более дробной тенденции, к *автоматизации*

---

[1] *Г. Бланкэнорн*, Развитие электрификации в Великобритании, стр. 31 русского перевода. Курсив автора.

[2] См. „Значение электрификации в решении топливных проблем“. Материалы к Всесоюзной топливной конференции, созываемой Госпланом и ВСНХ СССР, „Планхозгиз“, 1930.

производственного процесса, вместе с *химизацией* и *электрификацией*, представляет собой единый поток технических изменений. *Механизация* у нас должна по темпам итти быстрее, ибо в государстве пролетариата нет тормоза техническому прогрессу в виде соображения о наличии „дешевых рабочих рук". *Химизация* (связанная с комбинированием) должна у нас иметь тоже более быстрые темпы, равно как—по вышеуказанным основаниям—и *электрификация* страны.

Их совокупное действие на общей энергетической основе (электроцентрали) есть *исполинский рычаг подЪема производительных сил.* Это находит свое выражение в быстром росте и повышении удельного веса *тяжелой индустрии* (металлургия, машиностроение, электростроительство, химическая промышленность).

7. *Новые производства.* В связи с предыдущим стоит и быстрое повышение удельного веса *новых производств.* Эта тенденция ярко проявляется в „современном капитализме". Под „новыми производствами" разумеются: химическая промышленность в ее новых ветвях; производство искусственного волокна; автостроение, авиастроение, телефон, телеграф, радио (как электропромышленность, производящая соответствующую аппаратуру). Соответственно идут развитие новых производственных методов и добыча *новых видов материалов* (в области металлов, например, легкие металлы—алюминий, магний и их сплавы—идут на смену меди, цинку, олову, свинцу)[1]. „Рост новых производств" так феноменален, что упоминавшийся нами Декстер Кимболл говорит о них: „Эти новые предприятия в действительности представляют собою наиболее замечательную и наиболее важную фазу современной промышленности, и их истинное значение, возможно, является ключом к нашему промышлен-

---

[1] Вернер Зомбарт выводит здесь общий закон о стремлении к замене органических веществ неорганическими, „освобождение от стеснений, наложенных живою природой". См. *В. Зомбарт,* Современный капитализм, т. III, стр. 101 (а также следующие). А. А. Мамуровский выводит более рискованный (с точки зрения нашей эпохи) закон, по которому „каждый элемент, опираясь на современную технику (обогащение, химические процессы, механическая обработка), получает в мировой экономике то место, которое он занимает в земной коре". См. *А. А. Мамуровский,* Отражение химического состава земной коры в минеральной индустрии (опыт научного планирования промышленности), „Минеральное сырье" № 2 1930, стр. 197.

ному и экономическому будущему“[1]. Совершенно очевидно, что соответствующая перегруппировка у нас должна итти более быстрым темпом (характерно в этом отношении развитие химической промышленности, создаваемой у нас *впервые*, авто- и тракторостроения, электропромышленности). Создание и развитие новых производств, смелые поиски „новейших“ есть обязательный закон нашего развития и важнейшая составная часть реконструкции.

8. *Новое географическое размещение производств* (новые производственные штандорты). Здесь следует отметить, что, строя в значительной мере наново и по плану, мы в состоянии неизмеримо рациональнее размещать промышленность. Многие величины, которые в старокапиталистических странах являются чрезвычайно устойчивыми и поэтому связывающими (центры рабочей силы, концентрированные рынки, транспорт и т. д.), у нас являются более подвижными, ибо они сами *формируются*. Поэтому нам легче сразу же ориентироваться на основу основ—источники сырья, топлива, энергии. При этом нужно, однако, учитывать ряд таких факторов, как использование принципа комбинирования и районирования, военно-стратегические моменты и т. д. Огромные естественные богатства нашего Союза, их величайшее разнообразие являются базисом для радикальной перегруппировки производственных факторов и нового размещения промышленности (ср., например, движение промышленности на Восток, проблему Кузнецкого бассейна, Сибири, среднеазиатских областей). При этом необходимо иметь в виду, что одной из *важнейших* особенностей *социалистической* технической реконструкции является *сочетание промышленности и сельского хозяйства* и, следовательно, принцип аграрно-индустриального комбинирования. Это влечет за собой соответствующие выводы касательно размещения *промышленности*. Размещение различных сельскохозяйственных производств должно основываться на учете, в первую очередь, климатических данных, хотя здесь исторически сложившиеся отношения являются более тяжелым грузом.

9. *Технически рациональная организация труда* под углом зрения наибольшей его эффективности должна, в отличие от

---

[1] „Новейшие изменения в экономике САСШ“, т. I, стр. 152.

капиталистического способа производства, учитывать величайшей важности момент: развертывание творческой энергии массы.

10. Стандартизация и „симплификация“ (упрощение) производства, входя составной частью в процесс рационализации производства, являются одним из существеннейших моментов реконструкции. Опыт капиталистической техники показал, что производительность предприятия находится в чрезвычайной зависимости от этой — как ее называют американцы — „теоретической стороны производственного процесса“, основанной на точном счете и измерении. Опыт реконструкции нашей социалистической промышленности, в свою очередь, показал, как количественные показатели съедаются нередко качественной стороной дела (ср. „проблему качества“).

11. Реконструкция транспорта и электрификация транспортной сети. Служба связи — одна из труднейших проблем социалистической реконструкции. Решение ее требует отчаянно больших вложений, подъема металлургии и машиностроения. Но эту проблему нужно решать во что бы то ни стало. С нашими расстояниями и с нашими дорогами нельзя „догнать и перегнать“. Решительное расширение автомобильного движения, переделка наших дорог, железнодорожное строительство и прокладка новых железнодорожных линий, перспектива на включение железнодорожной сети в сеть электропередач, включение всех видов транспорта (железнодорожный, автомобильный, водный, воздушный) в единую систему и сочетание с другими производственными секторами есть одна из действительно основных задач технического переворота. То же нужно сказать и о „службе связи“. Телеграф, телефон, радио должны покрыть своею сетью страну. Только при этом условии будет тот интенсивный жизнеоборот, который составляет человечески-общественное существо *технической революции социализма.*

12. Материально-техническое уравнение „города“ и „деревни“ есть великий конечный результат социалистической технической реконструкции, результат, который совпадает с началом коммунистической фазы в развитии общества и знаменует собою совершенно новую ступень исторического развития. Здесь мы хотели лишь отметить *одну* техническую тенденцию, которая лежит вне уже разобранных, хотя она с ними и технически и экономически связана. Мы имеем в виду *жилищное строительства* Реконструкция типа домов, реконструкция типа по-

селений, иное соотношение между местами работы и местами непосредственной жизни, города-сады, проблемы так называемого „благоустройства", общественной гигиены и санитарии, приближения к природе, очистки от дыма и чада капиталистической цивилизации, — все эти, правда, еще отдаленные, перспективы нужно иметь в виду уже *теперь*, при проектировках нашего дальнейшего бешеного строительства.

3

Такова бегло набросанная картина *технической реконструкции* переходного к социализму периода. Нам нужно только непрестанно помнить, что наша революция протекает не в социально-безвоздушном пространстве, что мы отнюдь не представляем собой „изолированного государства" фон-Тюнена, а что мы живем в непрестанной борьбе с капиталистическим миром. В высшей степени неостроумно упрекать СССР в национальной ограниченности. Не говоря уже о том, что на территории Союза живет больше ста наций, странно говорить о нигилистическом отношении ко всему остальному (капиталистическому) миру со стороны государства, которое поставило на своем знамени лозунг: „догнать и пергнать". Это ведь и значит, что мерилом наших успехов мы берем постоянное сравнение с заграницей и что для нас эти сравнительные индексы отмечают наш действительно исторический путь. Само собой разумеется, что использовать связь с заграницей и расширять ее с целью подведения базы для нашей экономической от нее независимости есть наша систематически решаемая задача.

Присмотримся теперь к тому, что же вытекает из анализа технической реконструкции для *научно-исследовательской работы*. Поставим сперва вопрос в общем виде.

Из предыдущего следует, что задачи, которые великая социалистическая реконструкция страны ставит *научно-исследовательской работе*, могут быть сведены примерно к следующим рубрикам:

1) поиски старых (в смысле уже известной качественной характеристики) *и новых естественных богатств* (сырья, топлива, источников энергии);

2) изыскание наилучших методов их использования;

3) изыскание наилучших средств производства, необходимых для этого использования (машины, аппаратура);

4) изыскание наилучшей организации этого использования (типы взаимосвязи, комплексы);

5) изыскание в области рационализации производства;

6) изучение работающего человека, как субъекта трудового процесса.

К этому присоединяется — если позволено будет выйти за рамки поставленной темы — необходимость таких решающих моментов, как:

7) экономический учет процесса (пространство, размещение, комбинат и комплекс, оптимальный размер предприятия, новые факторы производства и их агрегаты, распределение труда и средств производства между потреблением, накоплением и культурно-административными нуждами и т. д.);

8) его политический учет (соотношение с заграницей, военно-стратегический момент, национальный момент, учет классовых сил в стране; следовательно, общая, „последняя оценка“ процесса в целом).

Нетрудно видеть, что решение этих научно-исследовательских задач предполагает *развитие всех основных дисциплин*, „естественных“ и „общественных“. В самом деле, *поиски естественных богатств* (разведки) предполагают развитие геологии, геохимии, геофизики, биохимии и т. д., а следовательно, химии, физики, биологии; вопрос о *методах использования* должен опираться при своем решении на изучение структурных свойств и „поведения“ данных элементов при самых различных условиях, а это предполагает, в конце концов, разработку ряда сложнейших вопросов, касающихся общих теоретических проблем физики и химии; работа над растительным сырьем и растительными средствами потребления, исследование животных, проблемы селекции ведут через евгенику и генетику к общей биологии. *Конструкторская работа* опирается, прежде всего, на развитие механики. *Все это*, взятое вместе, предполагает развитие математики со всеми ее „абстракциями“. *Комплексные проблемы* предполагают интереснейшую теоретическую работу в пограничных областях, где соприкасаются и переходят одна в другую различные дисциплины и где, по справедливому замечанию акад. А. Ф. Иоффе [1], нередко лежат „корни решения величай-

---

[1] Ср. его доклад на 1-й сессии ЦНИС (*А. Иоффе,* Основные проблемы организации научно-исследовательской работы).

ших проблем“. *Рационализация* опирается на целый ряд технических, экономических, физиологических и тому подобных моментов. Изучение *работающего человека*, в конечном счете, опирается на физиологию. *Экономический* и *политический* учет имеет своим основанием общественные дисциплины. Можно было бы без большого труда показать на ряде конкретных примеров, что *все* задачи реконструкции ведут — или через ряд промежуточных звеньев, или более непосредственно — *к теоретическим дисциплинам*, к теоретической работе, которая есть не что иное, как идеологическое продолжение материального производства, как его теоретическая сторона, как его теоретическая форма, которая неразрывно связана с содержанием, но в то же время не тождественна с ним, форма, которая *вырастает* из потребностей материального труда и в то же время *активно* воздействует на этот процесс, которая является „теорией“ и в то же время имеет величайшее практическое значение. Здесь наука вскрывает свой объективно-общественный „смысл“, т. е. вскрывается ее основная *объективно-общественная функция*, которую нужно сугубо отличать от *субъективных мотивов* того или другого, индивидуального или группового носителя этой функции (анализ вопроса о классовом характере тех или других наук должен составлять особую тему и в нашу задачу в данное время не входит, хотя он сугубо важен и теоретически и практически). Таким образом *научный план* есть результат научной технико-экономическо-политической взвешенности всех многосложных факторов хозяйственной жизни; в этом смысле он есть синтетический продукт ряда научных дисциплин в их действии, в их активной работе.

Огромное значение научно-исследовательских учреждений, экстенсивного и интенсивного роста их работы вытекает отсюда с полной очевидностью. До очевидности ясно также, что при достаточном *финансовом питании* научно-исследовательской работы, при ее *правильной и упорядоченной организации* и при *правильном соотношении между нею и сферой непосредственного материального производства* (т. е. при максимально живом взаимодействии между исследовательским трудом и производством) эффективность всего хозяйственного целого возрастает в очень большой степени. А это означает, в свою очередь, реальную возможность весьма высоких темпов нашего развития. Творческая энергия производящей массы, с ее пролетарским аван-

гардом и с его, этого авангарда, ударными производственными колоннами, в соединении с научной энергией, соподчиненной целям и задачам социалистического строительства, образуют действительно непобедимую силу.

4

В связи с подходом к вопросу о *планировании научно-исследовательской работы,* — вопросу, который совершенно закономерно был поставлен, ибо процесс организации хозяйства вплотную к нему подвел, снова выплыла общая проблема о соотношении теории и практики, сферы науки и сферы материального труда, соотношения дисциплин теоретических и дисциплин прикладных и т. д. и т. п. Мы должны коротко остановиться на этой проблеме, потому что здесь, в кругах ученых, существует еще известное количество застарелых предрассудков. Превосходно выразил эти предрассудки крупнейший наш микробиолог акад. В. Л. Омелянский. Вот что он писал по этому поводу:

„Ведь надо же, наконец, понять, что наука создается не в практических лабораториях, как бы великолепно они ни были обставлены, и не в погоне за мимолетным практическим успехом, открывающим впереди заманчивые перспективы, — она творится в тиши научных кабинетов, в бескорыстных, упорных и часто самоотверженных поисках абсолютной правды — той „красоты истины", которую Декарт предпочитал всякой иной красоте. Здесь создаются непреходящие ценности, здесь зреют великие возможности и зарождаются величайшие проблемы, нередко потрясающие весь мир и оказывающие могущественное влияние на весь уклад человеческой жизни. Не будь гениального Фарадея, в течение 10 лет упорно разрабатывавшего законы индукции, разве мы имели бы теперь мощные динамомашины на фабриках, трамваи, электрическое освещение в городах и сотни других приложений его великих теоретических изысканий? Не открой в 1842 г. русский академик Н. Н. Зинин восстановления нитро- и амидосоединения, разве существовала бы в современном масштабе анилиновая красочная промышленность, обогатившая Германию? Без гениальных работ Пастера, легших в основу всех наших микробиологических представлений, разве мы могли бы достигнуть такого расцвета хотя бы медицинской бактериологии, давшей нам в руки действительные средства борьбы с поражающими нас недугами? Конечно, нет! И нам становятся понятными вдохновенные слова Пастера, обращенные им к обществу: „Требуйте, чтобы умножали и украшали лаборатории: они — храмы будущего богатства и благосостояния народа; в них человечество растет, укрепляется и улучшается в них оно научается читать в творениях природы, в то время как

его собственные создания часто представляют собою творения варварства, фантазии и разрушения“[1].

В этом отрывке, который мы привели целиком, чтобы сохранить всю силу его кажущейся убедительности, подкупают пафос научной страсти, бескорыстие, горячая любовь к науке. Но, к сожалению, это не есть еще достаточный довод за объективную правильность данных суждений. Совершенно верно, что многие, действительно гениальные люди самоотверженно исходили из одного стремления к „красоте истины“. Но самое переживание „красоты истины“ ведь не a priori данная категория. Эта эмоция сама исторически образовалась, при определенных условиях, как *выражение общественно-полезной* (и классово-полезной) *функции науки.* Если бы открытие „истин“ (т. е. объективных закономерностей природы и общества) не было общественно-полезно, в людской среде никогда бы не могло сложиться благородной эмоции „служения истине“. Но в общественных системах, где духовный труд отделен от материального, да еще классово фиксирован, где *объективная* связь труда и познания затушевана, там — *в сознании* агентов науки — эта последняя теряет свой „прагматический“ смысл. На этом смешении *объективного значения* науки (ее функциональной общественной роли) с *субъективным сознанием* ученых анархического товарного общества и покоятся, в сущности, все возражения против марксистского понимания науки. Приводя слова Пастера, акад. Омелянский не замечает, как под „абсолютной“ страстью к науке у Пастера скрывается реальный смысл этой страсти: лаборатории — „храмы будущего *богатства и благосостояния народа*“; в них человечество *„растет“, „укрепляется“, „улучшается“* и т. д. Но если науку (и ее репрезентанта в данном случае, т. е. лаборатории) нужно создавать ради *этих* категорий, тот тем самым вскрывается и *реальная общественная функция* науки: Пастер великолепно аргументирует против Омелянского[2].

---

[1] Акад. *В. Л. Омелянский,* Успехи современной микробиологии. Сборник „Успехи и достижения современной науки и техники“, „Работник просвещения“, Москва 1926, стр. 139—140.

[2] Нужно сказать только, что в классовых обществах отнюдь не всегда речь идет о таких благородных вещах: достаточно упомянуть, например, что та же *бактериология* служит целям варварской империалистской войны, равно как и *химия* (газы) и т. д. Идиллия Пастера кон-

Теория, если ее рассматривать не как систему *застывших* истин, есть *познавательная деятельность.* Материальное производство есть тоже *деятельность людей*, их *действенное* отношение к природе. Материальное производство есть *непосредственное* овладевание силами природы, выражение *непосредственного* „обмена веществ“ (К. Маркс) между природой и обществом. „Духовное производство“ (Маркс), познавательная деятельность, есть *тоже* процесс овладевания силами природы. С этой точки зрения он есть *качественное особое продолжение* материального общественного труда. Продуктом материального производства являются „вещи“, материально потребляемые. Все большая часть этих вещей является средствами производства, т. е. средствами материального овладевания природой. Продуктами познавательной деятельности являются теоретические истины, раскрывающие объективные закономерности природы (мы говорим о *естественных* науках). Но эти истины суть в то же время орудия познавательного овладевания природой. Чем „истиннее“ теория, т. е. чем правильнее она отражает действительность, тем „ценнее“ она, как орудие борьбы с природой, тем большее значение имеет она — прямо или *косвенно! — для материального производства.* Такова объективная связь явлений, и от этой объективной связи явлений уйти нельзя; она есть *закон* общественного развития; его можно *осознать* или его можно упорно *не понимать,* — все равно он остается. Поэтому *реально,* т. е. в общественной связи явлений, никогда и *не существовало* „чистой науки“, как независимой от общества идеальной субстанции: она существовала лишь в головах людей, как иллюзия товарно-капиталистического общественного сознания.

Из этого, однако, вовсе не следует, что наука всегда *одинаково хорошо* служит потребностям общественной жизни и основе этой жизни, т. е. материальному производству. Точно так же, как от экономической структуры общества зависит, насколько материальное производство удовлетворяет *нужды людских масс,* так от этой структуры зависит, насколько *наука* удовлетворяет нужды *материального производства,* т. е. настолько она способ-

---

кретно опирается на свойственную представителям „чистой науки“ умственную слепоту, когда речь идет о классовых битвах и антагонизмах буржуазного общества.

ствует жизнедеятельности всего общества. При раздробленности научного труда, его ремесленно-индивидуалистическом характере, при такой общественной структуре, которая отделяет „университет“ и „академию“ от земной суеты материального производства, которая создает идеализацию изолированности науки от жизни — при такой структуре наука, выполняя свою общественную роль, выполняет ее *плохо*. Современный капитализм *уже* разрушил ремесленный строй науки. Он поставил на место „тихого кабинета“ — трестовскую гигантскую лабораторию, на место изолированного исследователя — огромную кооперацию научных работников. Он выдвинул своих талантливых исследователей на посты руководителей этих „научных фабрик“. Но он не смог, в силу своей капиталистической природы, дойти до организованной связи различных дисциплин друг с другом и всех их с материальным производством в *общественном* масштабе. Только у нас, при возрастающей организованности всего общественного целого, может пробивать себе дорогу идея плановости (не вульгарно понимаемой!) научно-исследовательского труда.

Пролетариат вовсе не заинтересован в том, чтобы зачеркивать и уничтожать *теорию*. Наоборот: всем известно, что теоретическим знаниям придавали огромнейшее значение и Маркс, и Энгельс, и Ленин. Маркс демонстративно назвал свое учение „*научным* коммунизмом“. Энгельс писал о переходе социализма „от утопии к *науке*“. Ленин с бешеной страстностью призывал к тому, чтобы всемерно использовать науку для перестройки старой России на социалистический лад. И это вполне естественно: „практика“ тем успешнее, чем развитее „теория“. Вышеизложенный взгляд на науку отнюдь не превращает все дисциплины в нормативные, в „прикладные“. „Прикладная наука“ есть систематизированная рецептура с научно-теоретической подосновой. Она предполагает *теорию*, т. е. систематизированную формулировку объективных закономерностей природы, где нет *ни грана какой бы то ни было телеологии*. Логический состав теории,— это отражение объективных связей природы,— не больше, не меньше. Но это систематизированное знание объективных законов есть *базис норм*. *Выбор* объектов исследования, в конце концов, определяется общественными потребностями (ориентация на определенные комплексы объектов, понимая эти объекты в самом широком смысле). При данных объектах

исследования знание о них есть знание о связях между ними (законы природы), и в них столько же телеологии, сколько морали или религии. На основе этих знаний строятся *нормы* действий, которые соподчинены какой-нибудь *цели*. Такова действительная связь между теорией и практикой, теорией и нормой, наукой и производством.

Если исходить не из потребностей *только* сегодняшнего дня, то представляется очевидным, что рост теоретической мысли ни в коем случае не должен суживаться. Наоборот: чем смелее, шире, дерзновеннее теоретическая мысль, чем более способна она к крупным обобщениям, постановке и решению крупных проблем, тем, в конечном счете, она плодотворнее и *практически*. Это понимают и выдающиеся люди не нашего лагеря, это понимают и открытые наши враги.

Так, например, король английской химической промышленности и идеолог „промышленного мира" Альфред Монд пишет:

> „Теории, которые казались понятными *только сверхматематику* (only... to super-mathematician), стали орудиями, благодаря которым теперь разрешаются трудности, встречающиеся в *заводской практике*"[1].

Как известно, теории „сверхматематического" калибра всегда считались образцом небесной удаленности от земных дел.

Французский историк *А. Матьез* анализируя роль науки во время французской революции, приходит к такому общему выводу:

> „Теоретическая и практическая наука тесно связаны. Разделять их могут только упрощающие и ограниченные умы. Утилитаризм, который поощряет только приложения науки, в конечном счете *работает во вред самому себе*"[2].

Нет поэтому ничего удивительного в том, что открытие Фарадея, Зинина или Пастера, будучи чисто научными, сыграли такую огромную практическую роль; что современная мощная химическая промышленность получила огромный толчок под влиянием „университетской теории"; что теоретические открытия Габера (синтетическое получение аммиака и т. д.) произвели переворот в промышленности; что без теоретического изучения металлических сплавов на основании отвлеченнейшей тео-

---

[1] *Sir Alfred Mond,* Industry and politics. Macmillan and C°, London 1927, p. 152. Курсив наш. *Н. Б.*

[2] *А. Матьез,* Как побеждала французская революция, „Военный вестник", 1928 г., стр. 178.

рии („закон однородностей“, „закон Коновалова“)[1] мы не имели бы современной металлургии. А если бы, например, не имелось весьма „общей“, весьма „теоретической“ теории Менделеева, то что бы было с современной химией? „Сугубо теоретические открытия Максвелла и их опытная проверка, сделанная Герцем, явились базой современной радиотехники...“[2] и т. д. Таких примеров можно было бы привести великое множество (мы приводили ряд их в начале статьи, поскольку речь шла о СССР). Не станем их множить. Они получают свое полное объяснение на базе *марксистской* теории науки, которая разрешает и социологическую задачу выяснения общественной роли науки, и ее логический состав, и соотношение между этими ее сторонами.

Вся система науки должна быть — на основе коллективной организации научного труда — ближе придвинута *к производству* (а не одни только „крохи с барского стола“). Разумеется, у нас будет *иная* направленность научного труда по сравнению с прежними общественными структурами. В этом ведь должен выразиться „стиль эпохи“, который никогда не был постоянным. Но в нашем плане будут все более и более исчезать старые объекты, продукты метафизического бреда, идеологические фантазмы прежних культур и цивилизаций, нищенские лохмотья идеалистической философии, фетиши затуманенного общественного сознания товарно-капиталистического общества, религиозные квази-теоретические истуканы, отражение рабско-холопской общественной иерархии. Представителям *естественных наук* нечего опасаться за судьбу точного знания: культурный крен будет у нас креном именно в сторону точного знания, и „дух“ естественных наук, оплодотворенный революционно-материалистической диалектикой, будет проникать все более и общественное сознание, подобно тому как современная химия проникает в поры целого ряда материально-производственных отраслей.

Максимум взаимодействия — вот что нужно в соотношении между научной теорией и материальным процессом труда.

---

[1] Независимо от того, *кто* этот закон открыл и сформулировал. См. *В. Я. Курбатов,* Наука и химизация народного хозяйства, „Химия и хозяйство“ № 1, 1929 г.

[2] Акад. *Миткевич,* Задачи научно-исследовательских работ в области радиотехники. Бюллетень НИС № 2, стр. 41.

С точки зрения наиболее быстрого роста эффективности всего хозяйственного комплекса самым выгодным соотношением как раз и является такое соотношение, когда рост потребностей материального производства ставит все новые и новые задачи перед наукой, непрестанно толкая ее вперед, и когда научное творчество, в свою очередь, обратно влияет на производство, революционизируя его методы и двигая его тем самым вперед. Этот максимум взаимодействия обеспечивается *организационными формами связи между хозяйством и наукой, организацией самой научно-исследовательской работы и, наконец, теми ресурсами, которые научно-исследовательская работа получает, в конечном счете, из сферы материального труда.*

Плановое хозяйство строящегося социализма, диктатура пролетариата, советская власть обеспечат яркий размах научного творчества. В области материального труда пролетарский авангард выказывает настоящие чудеса героизма и преданности огромному строительству. В труднейших условиях полуизоляции от заграницы, при бедности экономических ресурсов, при сверхчеловеческом напряжении, при кратчайшем — вряд ли имеющем в истории хотя какую-нибудь аналогию — переходе к совершенно непривычным темпам и при неслыханной ломке старого ритма труда пролетариат из года в год увеличивает размеры своего урока, годовой части гигантской строительной работы, которую он взваливает на свои плечи. Пролетариат делает это дело в твердой уверенности, что его не сорвут никакие силы: ни мрачная подлость вредительского отчаяния, ни наскоки иностранного империализма, ни злопыхательство гибнущих остатков капитализма и средневековой дикости. И действительные ученые, которые имеют настоящую „физическую силу ума“, чтобы видеть всемирно-историческую магистраль нашего смятенного великого времени, в лоне которого рождается новая жизнь человечества, пойдут в ногу за мерно, тяжелой поступью идущими рядами пролетарских строителей-бойцов.

ОСНОВЫ ПЛАНИРОВАНИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ[1]

ВВЕДЕНИЕ

Прежде всего я предложил бы всем здесь присутствующим осмыслить *самый факт* той конференции, которая сегодня собралась. Ведь по сути дела это — *первый в мире когда-либо собиравшийся съезд по планированию научно-исследовательской работы.*

Из того, что это *первый* съезд, кое-что вытекает. Из этого вытекает раньше всего его огромное принципиальное значение. Но из этого также вытекает и другое. Из этого вытекает то, что мы должны с особой продуманностью, с величайшей концентрацией внимания отнестись к решениям и к пожеланиям, которые наша конференция вынесет. Здесь присутствуют и крупнейшие ученые силы нашего Союза и боевые ряды нашей комсомольской молодежи; здесь налицо и представители инженерского руководства и рабочие-ударники ведущих заводов. Впервые встречаются друг с другом работники различных дисциплин и строители производственных гигантов: разные сферы работы, разные квалификации, разные возрасты, но одно дело — *дело великого социалистического строительства.*

Раз мы в таком составе начинаем столь огромное и совершенно новое дело,— дело, которое не имеет за собой прошлого, которое мы впервые подымаем на свои плечи, *пионерами* которого мы являемся, то вполне естественно, что мы должны, прежде всего отдать себе ясный отчет в том, какое место занимает эта работа.

Мы живем в эпоху, в высшей степени критическую. Это — эпоха взрыва всех противоречий капитализма, эпоха крайнего, исключительно огромного напряжения противоборствующих сил, эпоха гнилостного разложения капиталистической системы, его

[1] Доклад на I Всесоюзной конференции по планированию научно-исследовательской работы.

хронической прогрессирующей гангрены. После кровавых смерчей и металлических ураганов империалистской войны, которая вошла в историю под издевательским названием „великой", апологеты „здорового капитализма" объявили эту войну чуть ли не исторической случайностью; вскоре после ее версальского завершения и вслед за расправой с целой вереницей мятежных революционных восстаний рабочего класса в Западной Европе начались медовые годы „процветания" в САСШ; на лоне отощавшей капиталистической Европы, поливаемой золотом из американской лейки, зацвели наглые фальшивые цветы обманных контрреволюционных утопий, парализующих волю масс идиллических иллюзий и иллюзорных идиллий.

Спешно была разогрета и полита идеологическим соусом Лиги наций идиллия *„мирного" „ультраимпериализма"*, противопоставленного воинствующему „красному империализму" большевиков; всеми средствами книгопечатания и газетной техники была обрушена на головы масс утопия *рационализированного и организованного капитализма*, у которого вырвано жало конкуренции и который без кризисов и потрясений идет по пути „прогресса" и „человечности"; все „лучшие силы" капитала, от сэра Альфреда Монда и Форда вплоть до Макдональда и Гильфердинга, забарабанили на барабанах *„социального мира"*, объявив себя настоящей „армией спасения" от социальных катастроф; капиталистические пронырливые пророки, на содержании и без оного, предрекали на всех площадях пришествие тысячелетнего царства всеобщей капиталистической „prosperity"[1] на манер американской, тут же подрабатывая ростовщические проценты и ловко спекулируя на бирже.

Суровая действительность полила купоросом эти фальшивые цветы: они превратились в жалкое крашеное тряпье.

В *действительности* мы видим подготовку новой „великой" империалистской *войны* и новой „великой" *интервенции*. Мы видим *мировой кризис* оглушительной силы, от которого дрожат все стропила „современного капитализма". Мы наблюдаем крайнее и почти повсеместное обострение революционной классовой борьбы и нарастание социалистической революции. Мы присутствуем при взрыве и ликвидации „prosperity" начиная от ее самого могущественного североамери-

---

1 Процветание.

канского центра, где хвастливые капиталистические кудесники и алхимики, государственные деятели и квази-научные шарлатаны воспевали и рекламировали это благополучие с усердием, поистине неприличным, и продавали его последние рецепты, как ходкое средство против европейской экономической импотенции. Действительность бьет по лицу этих торгашей и их пророков. Небоскребы иллюзий взлетают на воздух и лопаются, как детские мыльные пузыри; они рассыпаются вправ, как сгнившие, насквозь истлевшие идеологические мощи.

Огромные сверхпротиворечия современного мирового строя кульминируют в классовой борьбе между капиталистическим миром и Союзом социалистических республик, в борьбе комбинированными силами экономического бойкота, узлы которого стягиваются в руках некоронованных властителей экспортных консорциумов; религиозно-магических заклинаний, испускаемых жрецами всех церквей и синагог мира; военных договоров и заговоров, т. е. пушек, танков, газов, бомб; изготовляемой массовой продукции соответствующих лошадиных доз клеветы и лжи. Вся эта свистопляска имеет бесконечно разнообразных носителей. Шекспировские dramatis personae[1] представлены своими королями, папами и епископами, своими полководцами и государственными деятелями, причем роль „народа" играют лжесвидетели и фальсификаторы, перебежчики и дезертиры, а также—last but not least[2]—российские и всякие иные меньшевики. Вот в этом волчьем окружении *наш Союз социалистических республик* представляет собой нечто действительно совершенно особое и в то же время исключительно гигантское. Уже уплыли в бесконечность те золотые времена, когда нас трактовали и третировали, как некогда блаженной памяти екатерининские „Санкт-Петербургские ведомости" третировали Великую французскую революцию („упившиеся водкой голоштанники морочат голову народу", или, по Чернову, „пьяный охлос" „громит культурные ценности"). Этакие „жемчужины мысли" теперь никого не могут прельстить. В то же самое время массе нельзя говорить *правды*. Отсюда — поразительно жалкий *идиотизм позиции* наших противников. В самом деле. Самой „увесистой" аргументацией против нас является, если откинуть груду

[1] Действующие лица драмы.
[2] Последние по счету, но не по важности.

излишних слов, такого рода силлогизм: у большевиков все рушится, пятилетка крахнула, она трещит по всем швам, советская власть теперь уж наверняка накануне падения; а *поэтому* скоро СССР завалит нас конфетами, машинами, колбасой, удобрениями, нефтью, мясом, лесом и прочим; а *поэтому* готовьтесь к войне! Разрушайте социалистический Карфаген!

По сути дела в этом силлогизме, как в фокусе, концентрируется вся „мизерабельная глупость" той идеологии, которая сейчас своим отравленным жалом направлена против страны пролетарской диктатуры. Но — увы! — и глупость может быть в глупом обществе достаточно крупной общественной силой.

Циклопический характер нашей стройки, наши масштабы и темпы начинают получать известное, сопряженное со страхом признание. Но это признание сразу окружается сетью компрометирующих характеристик, долженствующих белое во что бы то ни стало сделать черным. Идеологи меньшевизма не перестают лаять, что великая стройка индустриальных гигантов в СССР очень похожа на возведение египетских пирамид, а руководство нашей партии — на собрание фараонов. Варварская примитивность этой клеветнической стряпни видна для всякого непредубежденного человека, которому смятение и классовое бешенство буржуазии не вывихнули мозгов: пирамиды фараонов — материализация непроизводительного труда, символы мощи богов и царей, древние бастилии духа, как готические соборы средневековья. Мы взрываем на воздух эквивалент фараоновых пирамид, церковные груды камня, громады петербургско-московского византийства. Наши *колоссы — это великие рычаги производительного труда;* называть доменную печь фараоновой пирамидой так же остроумно, как объяснять, подобно некоторым фрейдистам, оросительную систему ломбардских каналов уретральной эротикой итальянцев. Поистине нужно иметь цыплячьи мозги, чтобы орудовать такими аргументами,— аргументами, которые, кстати сказать, взяты напрокат у одного из весьма известных антисоциалистических буржуазных идеологов, у очень талантливого Макса Вебера. Макс Вебер, сокрушенно взирая на неизбежное пришествие социализма, в *борьбе* с ним развертывал картину грядущего как царство египетско-подобной бюрократии, опирающейся на всю технику, науку и тренаж по управлению, царство рационализации и механизации жизни, уничтожения личности, царство посредственности и т. д. Эта

новая погудка на *очень старинный лад* подхвачена теперь „социалистами“ в качестве „последнего слова“ борьбы с революционным коммунизмом большевиков.

Эта „погудка“ гудит, однако, так же гармонично, как рев осла, попавшего на картинную выставку. Ибо главным и основным фактором наших успехов являются *энергия освобожденного труда, ударничество, социалистическое соревнование, энтузиазм рабочего актива, огромный подъем культуры низов.* Это есть наша действительность. Без этого ничего нельзя понять в том, что творится в стране железной диктатуры пролетариата.

Мы развертываем сейчас в СССР все новые и новые возможности; мы видим, как осуществляется у нас пятилетка, ставшая *настоящим знаменем масс*, как она увлекает за собой миллионы строителей; мы видим, как шагает семимильными шагами рабочий класс нашей страны под руководством нашей партии, которая твердо проводит генеральную линию в борьбе со всеми отклонениями от нее. Мы видим, что социалистическая перестройка бесчисленных крестьянских дворов становится фактом, что при реконструкции сельского хозяйства происходит действительная ликвидация кулака как класса и появляются на нашей земле огромные совхозы и колхозы; что темпы нашего строительства поражают воображение и ставят втупик наших империалистских врагов. Мы видим энергичное и широкое боевое социалистическое наступление, разгром основных колонн классового врага. Мерзкая, негодная ветошь отбрасывается в сторону, прочь с исторического пути. Если не физически, то в общественном мнении гильотинируется вся основная шайка вредителей, которые и морально демонстрируют себя как изношенную и изъеденную молью — sit venia verbo[1] — *дрянь.*

1. НАУКА, ПРАКТИКА, БОРЬБА

Несомненно, что в этой обстановке борьбы наука и техника должны смело и безоговорочно занять совершенно определенные позиции. Эти позиции находят свое выражение в лозунге: *все на службу великому социалистическому строительству и обороне пролетарской страны.* Этот лозунг есть *центральная директива всей плановой научно-исследовательской работы,*

[1] Да будет позволено сказать.

альфа и омега, начало и конец премудрости *определяющая всё общая установка.*

В далеком историческом прошлом мы имеем примеры, когда в самые тревожные моменты складывалась благоприятная комбинация мужественных сил революции и сил науки. Во время Великой французской революции, уже в период террора, в обстановке крайней, почти смертельной опасности, на грани которой стояла революционная республика, французские ученые, несмотря на казнь Лавуазье, работали вместе с террористами Горы и якобинским Конвентом; они непосредственно управляли заводами (математик и физик Перье, инженер и архитектор Дюфуркуа-де-Валье, химик Шапталь); они руководили военной обороной (гениальный математик Карно, создатель начертательной геометрии Монж); они принимали ближайшее участие в борьбе с контрреволюцией (химик Гассенфрац читал 1 июня 1793 г. петицию парижских секций об аресте жирондистов; химик Фуркруа занял место Марата, после убийства этого революционного гения, и „чистил" Лицей и т. д.). Один из крупных *историков* французской революции последних лет, А. Матьез, писал в своей работе „Как побеждала французская революция":

> „Если четырнадцать армий Карно сумели одержать победу, то только потому, что наука, в частности химия, которая была в ту пору чисто французским созданием, дала им средства для этого"[1].

А один из крупных современных французских химиков, ле-Шателье, пишет:

> „В конце XVIII в. французская Академия наук была в центре всех промышленных изысканий. Все появлявшиеся новые машины, все методы производства обсуждались в ней, и доклады о каждом новом изобретении являлись почти главным занятием академиков"[2].

В нашей революции дело обстояло совсем не так (хотя нужно отметить, что Матьез недооценивает процессов классовой диференциации в эпоху французской революции). Наша революция является неизмеримо более глубокой, чем великая буржуазная революция XVIII в. В нашей революции целиком оправдалось гениальное предвидение Энгельса, который с точностью астро-

---

[1] *А. Матьез,* Как побеждала французская революция, „Военный вестник", 1928, стр. 164.

[2] *А. ле-Шателье,* Наука и промышленность, Москва 1928, стр. 71.

номической выкладки предсказал борьбу значительных слоев технической интеллигенции и ученых против революции пролетариата и его диктатуры. Мощный плуг пролетарской революции так глубоко врезался в тяжелые пласты социально-классовых отношений, так основательно стал перепахивать старую экономику, старый быт, старые формы общественных связей, что квалифицированная российская интеллигенция, сохранившая еще обрывки радикальных демократических фраз эпохи Чернышевского — Некрасова, но пустившая уже бесчисленные подземные корешки в почву самого настоящего капитализма, заняла свое место по ту сторону великой Октябрьской баррикады. Только ее низовые слои и ряд наиболее выдающихся умов (Тимирязев, Брюсов) пошли сразу в ногу с пролетариатом. То же нужно сказать и о заграничной интеллигенции. Сам Матьез — живая тому иллюстрация: когда нужно было, уже в последнее время, решительно выбирать между городовым французской республики и ударником-рабочим из Страны советов, он выбрал городового, став на защиту Рамзиных и французского штаба против „террора“ пролетариев.

Но пролетарская диктатура имеет не меньше оснований на решительную оборону и на истребление вредителей, чем якобинская диктатура — на истребление своих контрреволюционеров. Рабочие СССР, жертвующие многими нуждами сегодняшнего дня в пользу будущего, развивающие дьявольскую энергию, показывающие чудеса трудового напряжения и трудового героизма, не могут просить „извинения“ перед холопами капитала, великодержавности, империализма: они *обязаны перед историей* предложить саботажникам, подрывникам своего труда, агентам империалистской разведки физическую или моральную *гильотину*.

Все техники, инженеры, ученые должны понять, что история поставила вновь со всей остротой *коренной вопрос о двух лагерях,* ибо третьего не дано, и нужно окончательно *выбирать* и окончательно *выбрать,* выбрать смело, прямо, решительно, бесповоротно.

Новая, подрастающая *пролетарская* поросль специалистов должна с своей стороны сознать величайшую историческую ответственность, которая ложится на ее плечи. В жестоких боях, в напряженном труде она должна занять свое место в рядах настоящих, квалифицированных, знающих и умеющих работни-

ков науки и техники. Без действительного (а не показного) овладения знаниями, без действительной (а не на словах) реконструкции науки на основах диалектического материализма, без действительного (а не декларативного) объединения теории и практики нельзя будет достигнуть величайшего ускорения нашего строительства, что властно диктуется нам всемирно-историческим процессом.

Наука вырастает из практики, из практики хозяйства и практики классовой борьбы. Эта истина, казалось бы, должна быть принята почти всеми, а тем не менее до сих пор еще против нее мы имеем, даже у нас в СССР, известную оппозицию. Нетрудно, однако, просто пошарив по страницам истории относительно вопросов научного знания, найти, что наука своими корнями упирается в практику и что она из этой практики растет. Всем известно, что *астрономия* возникла из потребностей ориентироваться на суше и на воде (караванная и морская торговля); всем понятно, что часы в жилетном кармане связаны с этой наукой, о чем, между прочим, напоминает в Ленинграде пушка, которая стреляет „в полной увязке“, как теперь принято выражаться, с Пулковской обсерваторией. *Химия* возникла на базе горного дела, металлургии, красильного дела, медицины, торговли (алхимия и поиски золота). *География* — на базе заморской торговли, колониальных походов и войн. *Статистика* — из торговых таблиц для купцов (ср., например, так называемые сборники Эльзевиров, издававшиеся под редакцией директора Ост-индской компании де-Лэта). *Политическая экономия* в самом названии обнаруживает свою генеалогию (ср. сочинения меркантилистов). *Математика* вырастает из потребности счета и измерения (земли, объемов, строек, торговой калькуляции и т. д. и т. п.). Было бы здесь неуместно развивать эту тему во всех подробностях. Не подлежит сомнению, что при мало-мальски внимательном изучении предмета очень нетрудно найти практические корни науки и выяснить ее общественную роль. Совершенно немудрено поэтому, что как раз наиболее крупные ученые, имена которых стоят вехами в развитии той или иной научной дисциплины, почти вплотную подходили к соответствующей постановке вопроса, не вскрывая, однако, *классовых* корней, связи с практикой господствующего *класса*. Еще Михайло Ломоносов (если говорить о русских ученых) видел *практическую* основу теории. В своем известном „Слове о пользе химии“,

„говоренном сентября шестого дня 1751 г.“, Ломоносов утверждает следующее:

„Рассуждая о благополучии жития *человеческого,* слушатели, не нахожу того совершеннее, как ежели кто приятными и беспорочными трудами *пользу приносит*“ [1].

„Учением приобретенные познания разделяются на *науки* и *художества. Науки* подают *ясное о вещах понятие* и открывают потаенные действий и свойств *причины; художества* к приумножению человеческой *пользы* оные употребляют. Науки довольствуют врожденное и вкорененное в нас любопытство, художества *снисканием прибытка увеселяют.* Науки художествам *путь показывают, художества происхождение наук ускоряют. Обои общею пользою согласно служат*“ [1].

Господствующие классы прежних обществ были заинтересованы в сокрытии и материальных корней науки и ее рациональной основы. Они фетишизировали науку. Они нарочито зашифровывали ее, превращая научную символику в настоящую тайнопись, в божественные криптограммы, исполненные страшной тайны, недоступной для непосвященных: стоит вспомнить египетских жрецов, или „китайскую грамоту“ (с трояким видом письма, в зависимости от ранга, чина, ступени в бюрократической иерархии), или теологическую науку средневековья. Монополизация знаний капиталистами и *их* интеллигенцией в другой форме продолжает эту традицию. Господствующий рабочий класс заинтересован как раз в обратном. Мы заинтересованы в том, чтобы сделать науку наиболее эффективно действующим *практическим рычагом нашего великого строительства.* Это, в свою очередь, предполагает ориентацию *на массы,* небывалую в истории *демократизацию знаний,* рост массовой технической и научной культуры, формирование и безусловное укрепление такой ориентации научных работников, когда они рассматривают науку, как орудие общества, рычаг социалистического строительства, находящийся в руках пролетариата.

Это тем более уместно подчеркнуть, что в настоящее время наука в капиталистическом обществе *срослась и функционально и организационно с интересами и организациями финансового капитала.* Ограничимся здесь для краткости тем, что приведем

---

[1] *М. Ломоносов,* Собрание сочинений, ч. III, СПБ 1840, стр. 1.

[2] Там же, стр. 5.

букет авторов-свидетелей: одного англичанина, одного немца, одного американца и одного француза, и этот „интернационал“ поставщиков цитат послужит нам в качестве, по крайней мере, многовесомой *иллюстрации* к вышеприведенному положению.

Король английской химии, крупнейший делец английской промышленности, автор теории „мондизма“ сэр Альфред Монд в своей книге „Индустрия и политика“ („Industry and politics“) пишет:

„Теории, которые казались понятными *только сверхматематику* (only... to super-mathematician), стали орудием, благодаря которому теперь разрешаются трудности, встречающиеся в *заводской практике*“ [1].

В недавно вышедшем немецком исследовании В. Ваффеншмидта „Техника и хозяйство“ („Technik und Wirtschaft“) мы читаем:

„Эффективность (Leistungsfähigkeit) *абстракции* является настолько же основой *для техники* (ist für die Technik ebenso grundlegend)“, как *счет для хозяйства.* Здесь в области техники кончается средневековье и начинается новое время. *Техника становится прикладным естествознанием*“ [2].

Один из крупнейших американских организаторов капиталистической науки, Морис Голенд, в своей работе „Опытное изыскательство, наука и изобретение“ („Research, science and invention“) таким образом характеризует теперешнее положение вещей:

„С точки зрения промышленности мы подходим, кажется мне, к концу эры механической эффективности (efficiency); развилась автоматическая машинерия; распространилось применение электрической энергии (power-application); заняла свое место стандартизация; учреждены хозяйственно-техническое управление (management engineering) и системы эффективности; коротко, — все приспособления науки, прикладной науки и техники, были применены в процессе эволюции современной промышленности. Мы находимся в первой волне расцвета *научной эры в индустрии*, дня, который возвещен авангардом *промышленных исследовательских* лабораторий“ [3].

---

1 *Alfred Mond*, Industry and politics, Macmillan and C°, London 1927, p. 152.

2 *W. G. Waffenschmidt*, Technik und Wirtschaft, Jena, Gustav Fischer, 1928, S. 45.

3 *Maurice Holland*, Research, science and invention, в сборнике под ред. Гувера „A century of industrial progress“, N.-Y. 1928, p. 312.

Наконец, французский химик ле-Шателье начинает свою книгу „Наука и промышленность“ следующими словами:

> „*Война с Германией* отчетливо обнаружила низкое качество изделий нашей промышленности. Это низкое качество надо объяснить нашей недостаточной научной подготовкой“ [1].

Из этих кратких, но весьма выразительных цитат совершенно ясно выпирает функциональное значение науки, ее общественный „смысл“. Если мы припомним, какую роль сыграла, например, германская *химия* во время войны или какую роль сейчас играет та же химия и физика в *подготовке* войн во всех капиталистических странах, то мы прямо вынуждены будем сформулировать положение, что практические корни научных дисциплин теперь обнажены, что в капиталистических государствах функционирование науки *связано самым тесным образом с функционированием их промышленного и сельскохозяйственного эксплоататорского аппарата и их военных разбойничьих империалистских организаций.*

Так дело обстоит не только в области чисто *естественных* наук, но и по *всему* научному фронту. Чрезвычайно ярко и выпукло функциональная роль науки в капиталистическом обществе и ее классовая суть проявляются в тех сравнительно *новых* дисциплинах, которые и родились и развивались в связи с вопросами организации труда и рационализации производства (психотехника, психофизиология труда, „научное управление предприятием“, „Betriebslehre“ „scientific management“ и т. д.).

Капиталистическая наука за последнее время *дважды* особенно демонстративно показала свое социальное лицо: первый раз — во время *войны* и второй раз — во время подъема так называемой „капиталистической рационализации“ со всеми ее прелестями. Утонченные методы эксплоатации (тейлоризм, фордизм) сопровождаются заранее счетом предохранительных (против восстаний) мероприятий. „Рациональное начало“ науки проникает и сюда. В немецком сборнике „Значение рационализации для немецкой хозяйственной жизни“, выпущенном Берлинской торгово-промышленной палатой в 1928 г., мы имееем немало ценных признаний на этот счет.

---

[1] *Ле-Шателье,* Наука и промышленность, Москва.

Профессор Бонн цинично заявляет:

„Современные, организованные массы не голодают молча. Точно так же, как обеспечивают себя путем дорого стоящих предохранительных построек от природных стихий, необходимо путем различных социальных институтов либо предупреждать социальные катастрофы, либо смягчать (eindämmen) их действия... Капиталистически-рационалистический счет должен включать и социальное мышление. И этот процесс уже начался“[1].

Он же таким образом характеризует хваленые „американские методы“ (до кризиса) и соответствующее „социальное мышление“:

„Многие американские работодатели, конечно, мыслят не более социально, чем их европейские коллеги. Но они мыслят более рационально. Так как они не связаны сословными предрассудками, чтобы держать рабочих как класс на определенной ступени дохода, то они действуют по поговорке: „Хвалите дурака, тогда он хорошо работает“ (Lobt den Narren, dann schaffter brav)“[2].

Проф. Брифе, имея в виду социальные катастрофы, определяет *другой* классовый полюс науки:

„Сопротивление человека может подняться, однако, до принципиальной высоты, и достижение его человеческой жизни может оказаться связанным с отменой хозяйственного и имущественного порядка, который превращает работающего человека вообще в простой фактор издержек производства и материю предприятия. В этом — функция марксизма“[3].

Комментарии к этому, пожалуй, излишни. Если мы хотели бы бегло пройтись по крупным разделам *общественных наук*, мы увидели бы там не менее красноречивую картину. *Экономическая теория* капиталистических ученых, совершенно бессильная понять хозяйство капитализма в его крупных взаимозависимостях (не говоря уже об анализе упадка капитализма и больших орбит его движения), либо приходит к отрицанию теории, выражая тем самым классовую боязнь буржуазии перед задачами познания ее же собственного хозяйства, либо занимается отчаянными попытками схватить некоторые грубые эмпириче-

---

[1] *M. J. Bonn*, Technische und wirtschaftliche Rationalisierung, в сборнике „Die Bedeutung der Rationalisierung für das deutsche Wirtschaftsleben“, hg. von der Industrie und Handelskammer zu Berlin, 1928, S. 21,

[2] *Bonn*, l. c., S. 17.

[3] *G. Briefs*, Rationalisierung der Arbeit, l. c., S. 36.

ские закономерности (учение о циклах, конъюнктуре, вычерчивание кривых, „математическая обработка фактов“, конъюнктурные институты), либо занимается „опровержением марксизма“ (в тысячу первый раз) и исключительно наглой апологетической мазней (ср., например, теории Карвера и американской школы). Эволюция таких ученых, как Зомбарт, достаточно характерна. В области *социологии* можно найти и боевые теории фашизма, и „социологию компромисса“ Курта Брейзига, и „ритмическую социалогию“ базельского профессора Мейзеля (Meusel), и ряд других „новых“ и „новейших“ построений. Их практический классовый смысл ясен, будь то протест „социологии компромисса“ против радикализма революции, „ритмической социологии“ против „аритмического“ переворота, будь то цветистая мазня американцев, „научно“ доказывавших вечность американского процветания, отсутствие классов, превращение рабочих в капиталистов и проделывавших все прочие фокус-покусы рокфеллеровско-моргановской „науки“. То же можно констатировать и *в области права* (в особенности в связи с кризисом парламентаризма), *философии* и т. д.

Таким образом не подлежит сомнению факт: наука в капиталистическом обществе есть функция капитала, империализма, его интересов, его классовой борьбы, его „способа представления“. Поляризация классовых отношений и поляризация идеологий настолько сильна, что даже из среды буржуазии выходят работы, посвященные проблеме классовых „стилей мышления“. Такова, например, нашумевшая книга К. Мангейма „Идеология и утопия“[1] и сочинения Макса Шелера, в особенности работа „Форма знания и общество“[2].

Но наука срослась с финансовым капиталом и *организационно*.

Если мы от вопроса о функциональном значении науки в капиталистических государствах перейдем к ее *организации*, то прежде всего полезно вспомнить о так называемой „мобилизации науки“ *во время войны*, когда вся совокупность научных сил, средств, учреждений, людских кадров была брошена на дело обслуживания империалистской бойни народов. Если сейчас мы будем говорить относительно самого *метода организации на-*

---

[1] *K. Mannheim*, Ideologie und Utopie.

[2] *Max Scheler*, Die Wissensformen und die Gesellschaft.

учно-исследовательского труда, то мы видим, как старый ученый „кустарь-одиночка“ в передовых капиталистических странах уже отошел в прошлое, как его сменили крупные *научно-исследовательские организации финансового капитала*, с фабрикоподобной структурой, с „научным разделением научного труда“, со своими цехами (отделами), с продуманными установками в работе, с координацией частей, со своим типом и своим ритмом работы, с ее внутренним планом, с целой армией научно-исследовательных работников, от светил науки до препараторов и рабочих опытных заводов.

В недавно вышедшем огромном немецком двухтомнике „Исследовательские институты, их история, организация и цели“ [1] проф. Адольф Мейер таким образом характеризует современную *организацию* научно-исследовательского труда в капиталистических странах:

> „Самая выдающаяся характерная черта современного исследования — это крупное производство (Grossbetrieb). Задачи настолько выросли, что отдельный (ученый) не в состоянии довести их большей частью до конца; необходимо тщательно продуманное разделение труда между планирующим все профессором и его ассистентами и учениками. *Либерализму XIX в. соответствовал безграничный индивидуализм в исследовании. XX в. с его трестами и крупной организацией во всех хозяйственных и политических областях труда соответствует до известной степени индустриализм в научно-исследовательской работе*“ [2].

Кто, в самом деле, задает сейчас в капиталистических странах тон в области научно-исследовательской работы? В значительной мере, в особенности в области естественных наук, в физике и химии в первую очередь, этот тон задают крупные лаборатории трестов. Если мы возьмем Германию, то такого рода учреждениями являются исследовательские лаборатории Сименс-Гальске, Исследовательский институт AEG, комплекс лабораторий Фридриха Круппа в Эссене и т. д. В Соединенных штатах аналогичную роль играет мощный институт General Electric Company в Скенэктэди (42 химика, 25 физиков, 40 инженеров, 260 научно-исследовательских работников и вспомогательного персо-

---

[1] „Forschungsinstitute, ihre Geschichte, Organisation und Ziele“, 2 Bände, Paul Hartung Verl., Hamburg 1930.

[2] Prof. *Adolf Meyer*, Organisationsformen der Forschung seit der Renaissance und ihre gegenwärtigen Hauptprobleme, указанное сочинение, т. I, стр. 63.

нала), Bell-Telephone Laboratories (огромные лаборатории American Telephone and Telegraph Company и Western Electric Company), лаборатории текстильных трестов и пр. Эти могучие научно-исследовательские учреждения, с большим удельным весом во всей научной сети, по самому своему происхождению, по методам финансирования, по своим организационным связям, по планам своих работ являются подсобными организациями крупных трестов и концернов. Они нередко занимаются и общими проблемами (работы по токам высокого напряжения у Штейнмеца в Скенэктэди, атомная физика в Институте AEG). Но они подхватывают буквально каждую новинку, чтобы сделать ее оружием в конкурентной борьбе. Их работа — теоретическая сторона производственного процесса. Они сами — *часть* треста, его *отдел*, его непосредственное *орудие*. Если мы перейдем к крупным научно-исследовательским объединениям, то мы вынуждены будем констатировать, что эти объединения организационно срослись с промышленными трестами и с органами империалистской государственной власти. Таковы Smithsonian Institution, Rockfeller Institution, Carnegie Institution в Америке; Institut Pasteur во Франции; Kaiser Wilhelm Gesellschaft zur Förderung der Wissenschaften в Германии и т. п. Эти большие, имеющие филиалы, зависимые от них, лаборатории, целые институты, целые комплексы институтов, объединения представляют собой государственные или полугосударственные учреждения, финансово питаемые крупными трестовскими организациями и часто выполняющие их заказы. Еще более высокие (в порядке научной иерархии) учреждения научно-исследовательского типа, начиная с академий, обычно являются непосредственно государственными учреждениями или учреждениями, работающими в ближайшем контакте с государственными органами. Таковыми являются Американская академия наук, Национальный научно-исследовательский совет (Ntional Research Council), связанный со всей сетью трестовских лабораторий, Бюро стандартов и т. д. В Германии, кроме академий, мы имеем целую серию государственных учреждений научно-исследовательского типа, обслуживающих промышленников, аграриев и военных: Physikalisch-technische Reichsanstalt, учрежденное Сименсом; Chemisch-technische Reichsanstalt (связанное прежде с военным министерством); das staatliche Materialprüfungsamt; Riechskuratorium für dieWirtschaftlichkeit и пр. Наконец

не следует забывать университетов, высших технических школ, огромной сети музеев, библиотек, архивов, институтов по гуманитарным наукам, от конъюнктурных институтов до колониальных или исторических и даже „литературных“. Все эти учреждения отнюдь не „нейтральны“. Они целиком на службе капитала.

Любая научно-исследовательская организация в настоящее время в капиталистическом мире либо непосредственно принадлежит тресту, либо она есть орган империалистического государства, либо это учреждение „смешанного типа“. И в том, и в другом, и в третьем случаях она *срослась с организацией финансового капитала.* Финансовый капитал вооружен наукой и техникой и на случай мира, и на случай войны. И когда сейчас у нас иногда раздаются, правда, уже довольно редкие и мало обоснованные логически речи относительно „независимости науки“, которая-де не должна быть связана с *нашими* государственными организациями, то, ведь, это требование означает объективно, в свете великой развертывающейся борьбы, *разоружение пролетариата перед лицом вооруженного до зубов врага.*

Это так ясно и так понятно, что не нуждается ни в каких дальнейших пояснениях. Но из этого еще и еще раз мы должны сделать вывод:

Мы должны со всей решительностью, со всей твердостью, со всей последовательностью, самым крупным образом повернуть сеть наших научно-исследовательских учреждений в сторону социалистической реконструкции и обороны страны. Обслуживание этого всемирно-исторического дела есть высший закон, которому должно быть соподчинено все.

2. ЗАГНИВАНИЕ КАПИТАЛИЗМА И НАУКА. СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИЗМА И НАУКА

Нередко приходится слышать, будто связь теории с практикой „принижает“ науку. По сути говоря, вопрос беспредметен. Никто и нигде еще не открыл науки, не связанной с практикой. Это — одна из многочисленных фикций. Даже в том случае, когда какая-либо идеологическая наукообразная система является удаленной от практики хозяйственного труда (схоластическая логика средневековых монахов, например), она весьма и весьма служит *практике* реакционных классов. Являясь опорой теологического догматизма, эта логика держит массы в железной

узде повиновения, рабской дисциплины, преклонения перед феодальной иерархией и ее классовыми носителями. В этом смысле она насквозь практична.

Но есть практика и „практика".

Молодой капитализм, шедший на смену феодализму, был крупнейшей прогрессивной силой. Его развитие сопровождалось разгромом средневекового теологического догматизма, мертвой схоластики, застывших богословских формул, неподвижности и застойности форм мышления. Оно сопровождалось переходом от веры к знанию, от религиозного догмата к точному эксперименту, к опытной науке, к естествознанию, механике, математике; к неизмеримо более подвижным формам мышления, к понятию бесконечно больших и бесконечно малых величин, к идее всеобщего движения, причинной обусловленности всех явлений, к стихийному материализму. Еще Галилей говорил: „Я могу только с величайшим внутренним сопротивлением выслушивать мнение, будто свойства неподвижного и неизменного являются чем-то достойным и совершенным и что в противоположность этому изменчивость есть нечто несовершенное. Я почитаю землю весьма достойною именно за изменения, которые на ней разыгрываются, и то же самое нужно сказать о Луне, Юпитере и других планетах". Это был целый переворот, утверждающий *рациональное познание* в его борьбе с богословием и мистикой.

Современный загнивающий капитализм из „форм развития" уже превратился в „оковы развития". Он превратился в оковы для развития *производительных сил*. Но он превратился также в оковы для развития *науки*.

Техника капитализма явно перерастает его производственные отношения, вступая с ними в тяжелый хронический конфликт. Капитализм нашего времени не может использовать десятки миллионов „рабочих рук", и невиданная безработица со всеми ее последствиями для масс есть характернейшая черта капиталистической современности. Капитализм не может уже использовать свой мощный производственный аппарат, который на большой процент не загружен и стоит мертвой громадой. Капитализм задерживает сейчас крупнейшие строительства, мешая осуществлению наиболее крупных проектов, вытекающих из дальнейшего развития *электрификации*.

Еще в письме от 27 февраля 1883 г. Фридрих Энгельс писал:

„Паровая машина учит нас превращать теплоту в механическое движение, но *пользование электричеством* открывает нам путь превращения всех форм энергии — теплоты, механического движения, электричества, магнетизма, света — одной в другую и обратно, *в целях их промышленного использования. Круг замкнут.* И новейшее открытие Депре, что электрические токи очень высокого напряжения со сравнительно слабой потерей сил могут передаваться по простой телеграфной проволоке на неслыханные до сих пор расстояния и быть примененными на конечном пункте — дело это находится еще в зародыше, — окончательно освобождает промышленность почти от всех местных границ, делает возможным употребление даже самых отдаленных водных сил. И если даже вначале этим воспользуются только города, в конце концов оно должно стать самым могущественным рычагом для уничтожения антагонизма между городом и деревней. Но *что вместе с этим производительные силы примут такие размеры, при которых они перерастут руководство буржуазии, совершенно очевидно*[1].

Это замечательное предсказание оправдывается теперь на все сто процентов.

Границы *капиталистической собственности* становятся барьером для дальнейшего развития производительных сил.

Вот некоторые относящиеся сюда *факты*. Идея Клингенберга о железнодорожной сверхмагистрали в *Германии* не может быть реализована, несмотря на свою полезность, осуществимость и техническую подготовленность; по Эмерсону[1] *в САСШ* нельзя построить рациональной сети железных дорог: этому мешает бешеная конкуренция частных железнодорожных компаний. Та же судьба, повидимому, ожидает идею сверхмощных *электропередач. В Англии*, даже по признанию буржуазных инженеров, электрификация страны натыкается на „уделы“ и „приходы“ (т. е. на поземельную частную собственность в первую очередь)[2]. В стране наиболее мощной продукции электроэнергии, *в САСШ*, задерживаются самые крупные электростройки: не реализуется проект грандиозных работ на реке св. Лаврентия; то же с плотиной и электростанцией на реке Колорадо; то же на реке Тенесси. Вакханалия подкупов, закулисных сделок, взаимной компрометации и т. д.

---

[1] См. сообщение проф. *И. Г. Александрова*, Районирование СССР, „Экономическая жизнь“, 22 февраля 1931 г.

[2] См. сборник „Giant Power“, изд. Амер. акад. полит. и соц. наук. Есть русский перевод.

делает свое дело и тормозит дальнейшее развитие. Немудрено, что некоторые крупные инженеры и ученые утопически хватаются за идею *капиталистического* госплана (Стюарт Чейз, проф. Бай, Льюис, Лорвин, Кальвин Гувер и др.). Но это — лишь судороги капиталистической мысли, это—утопия от отчаяния. Реальность: .кризис, подготовка войны, *загнивание.* Капитализм стал действительно *тормозом развития производительных сил.*

Примерно то же происходит и в области *науки.* Исследовательская мысль зажата в тиски конкуренции трестов, патентного права, коммерческой тайны, искусственного торможения новых открытий и изобретений (скупка патентов). Лаборатории и другие научно-исследовательские учреждения, ставши отделами или контрагентами конкурирующих между собой трестов, в особенности на фоне кризиса и сокращения продукции, подпали под тяжелую пяту капитала, когда он *уже* стал тормозящим началом.

Именно поэтому приостанавливается дальнейший ход научно-исследовательской работы, хотя предпосылка для него налицо; их душит *система капитализма.* Именно поэтому не ставятся и не решаются некоторые *крупнейшие* проблемы (спрос на это развивается по „потухающей кривой", ибо исчезает базис для расширения производства). Свирепая конкурентная борьба сугубо мешает *обобществлению* научных достижений: наоборот, *скрывание* „новшеств", их засекречивание (ибо это — орудие взаимной борьбы), является законом современного капитализма и оковами для развития науки. Производственные отношения капитализма, делая невозможным плановое хозяйство вообще, запирают все двери и для *планирования научно-исследовательской работы.*

В то же самое время капитализм разлагает и деморализует науку *изнутри,* создавая глубокий внутренний *кризис буржуазного знания.* Это выражается внешним образом в ходовых лозунгах современных буржуазных ученых. Эти лозунги носят обычно попятный характер: *„назад".* Назад к Канту, назад к Гегелю, назад к Гиппократу, Аристотелю, Эвклиду, Галену; назад к средневековью („чистые логики"), назад к Парацельсу,— словом: назад, назад и еще раз назад. Этот попятный характер движения, поднятый на высоту регулятивного принципа, сам по себе подозрителен. Но он выражает несомненную реальность: буржуазная наука зашла в тупик. Ее развитие на-

толкнулось на ряд проблем общего характера. Чтобы их решить, необходимо перескочить за пределы формально-логического мышления и стать на точку зрения *диалектического материализма*. Но этому мешают загнивание современного капитализма, его глубокий упадок. А этот социальный фон и формирует мысль современного буржуа. Поэтому, не будучи в состоянии итти вперед, буржуазная наука шарахается назад. Неся в своем чреве настоящую революцию (современная физика), она отступает, пасует, капитулирует, ибо дальше двигаться в рамках капиталистического „способа представления" не может. Поэтому мы наблюдаем скат к агностицизму, идеализму, мистике. В общественных и естественных науках укрепляется *телеология*; в биологии царствует *витализм*; в физике идет бешеный *обстрел идеи детерминизма* и каузальности (различие между закономерностями макро- и микрокосмоса, так называемый „математический" характер закона, и т. д.); вообще — кампания по *дискредитации рационального познания*, усиленный флирт с „бессознательным", оды и гимны „иррациональному", „интуиции", через эти песнопения — паломничество в царство мистики и т. д. и т. п.

Обычно в кругах, настроенных враждебно к марксизму, считается признаком хорошего тона говорить, будто кризис современной науки — это выдумка все тех же большевиков. Но это опровергается одним фактом литературной продукции на эту тему, появившейся в капиталистических странах. Упоминавшийся нами проф. Майер говорит, что „кризис имеется повсеместно в естествознании и математике"[1]. При этом характерен эмоциональный тон относящихся сюда суждений. Это — тон старческой дряблой якобы-мудрости, тон усталости, скепсиса, глубокого разочарования, тон старца Соломона: „Суета сует и всяческая суета" („vanitas vanittum et omnia vanitas").

Итак, техника подводит к *плановой электрификации*. Но это последнее оказывается *несовместимым с „руководством буржуазии". Загнивающий капитализм становится поперек дороги дальнейшему развитию производительных сил.*

Развитие науки подводит к научной революции, к обобществлению научного труда, к планированию научно-исследова-

---

1 *A. Meyer*, l. c., S. 56: „Aber auch sonst überall in Naturwissenschaft und Mathematik kriselt es".

тельской работы. *Но загнивающий капитализм отбрасывает науку назад, к реакционным формам мышления, тормозит размах науки, делает невозможным обобществление ее достижений.*

Революция пролетариата и строительство социализма дают выход науке и расширяют в огромной степени ее горизонты. Уже самые общие очертания гигантских задач, которые стоят перед нами, задач, связанных с необычайно дерзким и необычайно увлекательным лозунгом—максимум в десятилетие обогнать самые могущественные капиталистические страны,—рисуют нам и неслыханные горизонты научного познания, исследовательской работы, расширение всех перспектив научного развития. И в то же время именно поэтому речь идет о величайшей *смычке между теорией и практикой.* История указывает нам железным пальцем громады социальных, технических и хозяйственных задач, которыми мы должны овладеть, и тем самым чертит план *огромных научно-исследовательских работ.* Мы присутствуем при коренной ломке всех старых масштабов и критериев. Мы ступили на рельсы новых *количеств,* новых *качеств,* новых *темпов.* Мы вступили в эпоху промышленных социалистических гигантов, радикальной социалистической реорганизации всего сельского хозяйства, что в основе меняет всю его структуру и все соотношения с городом; мы вступили в полосу химизации, механизации и *всеобщей электрификации страны.* Все это конкретно расшифровывается как бесконечное количество дробных задач, стоящих перед нами. Их решить без *науки* нельзя. Их решить нельзя и при *современном* положении на научном фронте. *Только бешено развивая научно-исследовательскую работу, повышая ее темпы, применяя новые социалистические методы, решительно расширяя сеть научно-исследовательских учреждений, повышая удельный вес науки во всей общественной жизни Союза; только смело соединяя ее с промышленностью и сельским хозяйством прежде всего,— мы сможем выдержать предстоящий нам великий, всемирно-исторический экзамен.*

Нам здесь необходимо вспомнить, что Ленин со всей силой подчеркивал огромное повышение удельного веса науки в *социалистической стране.* В „Лучше меньше, да лучше“ он писал:

„Нам надо во что бы то ни стало поставить себе задачей для обновления нашего госаппарата: во-первых, учиться, во-вторых

учиться и, в-третьих, учиться и затем проверять то, *чтобы наука у нас не оставалось мертвой буквой или модной фразой (а это, нечего греха таить, у нас особенно часто бывает), чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом.* Одним словом, нам надо предъявлять не те требования, что предъявляет буржуазия Западной Европы, а те, которые достойно и прилично предъявлять стране, ставящей своей задачей развиться в социалистическую страну.

Таким образом Ленин выставлял требование, чтобы наука у нас (в отличие от буржуазных стран) *стала всепроникающим принципом.* Что именно сюда „растут" тенденции всего нашего исторического развития, понятно всякому думающему человеку: социалистическое плановое хозяйство есть победа над общественной стихией товарного мира, есть победа сознательного, рационального, *научного* начала над стихийной анархичностью и анархической стихийностью, над „бессознательным", неурегулированным „самотеком", являющимся принципом товарно-капиталистических отношений производства. Чем больше элементов плановости, разумности, взвешенности в общественном хозяйстве, в быту, во всей общественной жизни, тем больше должна быть роль *науки,* которая и воплощает принцип *разумного.* Бесконечно жалким являются поэтому вопли плакальщиков и плакальщиц от науки, причитающих, что превращение науки в такое всепроникающее начало означает чуть ли не ее смерть.

В ответ на ламентации ученых ихтиозавров по поводу „принижения" науки, ориентирующейся на практику, Вильгельм Оствальд не без остроумия замечает:

„Знание того, что наука не есть *личное* дело, а дело *социальное,* мало еще распространено. Все еще можно читать и слышать положение, которое докладывается с претензией на высочайшее моральное уважение, будто наукой должно заниматься „ради нее самой", а не ради каких-либо целей..."

„Наряду с наукой существует *паразитическое образование,* которое особенно ярко поставило себя на место науки в средние века; оно известно под именем *схоластики.* Однако схоластика никоим образом не умерла, но еще и по сейчас оспаривает у науки свет и воздух. Она характеризуется *своей бесцельностью.* Так как ее судьба — быть вытесненной наукой..., то является лишь актом естественной самозащиты, когда она из нужды делает добродетель свой и самый яркий порок, бесцельность, изображает всем и

каждому как величайшую добродетель, как моральное требование к науке вообще“[1].

Это правильно „вообще“. Но глубочайшая ошибка Оствальда заключается в том, что он не различает практики *разных классов*. Практика буржуазии действительно принижает науку, ставя ее на службу эксплоататорам, делая ее эксплоататорской наукой. Она же заводит науку в тупик. Практика *пролетариата* освобождает и производительные силы и науку, подвергая ее внутренней революционной переделке, необычайно расширяя перспективы развития и энергично толкая это развитие вперед.

В самом деле. Возьмем прежде всего *изучение естественных богатств Союза*, его топливных ресурсов, его руд — черных и цветных, его нерудных ископаемых, его источников электроэнергии, его вод, почвы, его лесов, его полезных растений и животных и т. д. и т. п.

Революция, по сути вещей, открыла впервые целые *новые страны*. Мрачный Мурманский край и гигантские залежи апатитов, Кузбасс и мощные пласты высокосортного угля, цветные металлы Казахстана и его карагандинские угли, „курская аномалия“, богатства Подмосковного бассейна, могучая энергия великих рек (Днепр, Ангара), каучуконосные поля, новые месторождения сланцев, горючих газов; грандиозные соликамские калиевые залежи, Кара-Бугаз и т. д. и т. п., — ведь это только первые ласточки. Ведь наш Союз разведан лишь на мизерный процент. Ведь не подлежит сомнению, что мы приоткрыли только самый маленький краешек завесы, за которой скрываются драгоценные силы природы, ждущие могучего оплодотворяющего человеческого труда. Разве теперь *геология*, от поисковых работ вплоть до теоретических обобщений, будет терпеть урон, станет ущербной? Какая нелепость! Наоборот. Ее работы приобретают невиданный размах; партии пионеров науки должны быть мобилизованы и брошены во все концы края необозримых пространств Союза, чтобы со всей энергией вести работу по обследованию и изучению поверхности и могучих недр пролетарской страны. Разве наши *физика и химия* должны сморщиться и отмереть, когда перед ними в упор поставлены задачи создания гигантских поясов электропередач, токов мощного напряжения, исполинских электроцентралей, бы-

---

[1] *W. Ostwald*, Naturwissenschaftliche Lorschungsanstalten, цитируемый сборник, т. I, стр. 67.

строго освоения наших бесконечно разнообразных руд и топлив, редких элементов и новых видов сырья, задачи обуздания полноводных мощных рек? Эти задачи являются могучим *толчком* развития.

Разве потребности строящихся заводских исполинов, наших совхозов и колхозов, потребности в новых машинах, новых мощностях, новых комбинациях машин и т. д. не толкают вперед нашей механики? Опять-таки нетрудно понять, что при быстрейших темпах развития, при качественно иных оптимальных размерах производственной единицы (ср. Сталинградский завод, Челябинский завод, совхоз „Гигант“ и т. д.), при совершенно невозможных для капитализма масштабах применения принципа комбинирования, при качественно новых технических комплексах мы будем, мы должны иметь переход к действительно *социалистической технике:* к новым типам машин, новым аппаратам, новым типам их сочетания, новым мощностям (на базе глубокой электрификации). Это предполагает энергичную творческую работу по конструкции соответствующих новых машин, аппаратов, их систем. Но разве это, в свою очередь, не требует развития *физики (и механики), химии, математики?* Разве это не ставит нас перед новыми проблемами и рядом новых теоретических задач? Разве это не будет будить мысль, стаскивая ее с академической (в дурном смысле слова) печки? Конечно, да. Разве огромные размеры социалистического растениеводства и животноводства не сдвигают с кустарной „микро-позиции“ все науки, соприкасающиеся с сельским хозяйством? Конечно, да. Разделение труда между огромными районами, районы сельскохозяйственных монокультур, районы смешанного типа, проблема комбинированных технологических процессов обработки, соединение сельского хозяйства с индустрией, тракторизация его, его электрификация,— все это предъявляет к „сельскохозяйственным наукам“ такие требования, которые они смогут удовлетворить лишь при *быстрейшем развитии своей собственной основы.* Массовые поиски новых культур и новых видов сырья, постановка в крупном и крупнейшем масштабе генетико-селекционных работ по всем видам животных и растений, широчайшее развитие *агрохимии* и *агрофизики* и т. д. и т. п. будут прямым следствием социально-экономических сдвигов и, в свою очередь, могущественнейшим рычагом дальнейшего подъема, уже на собственной *социалистической технической базе.*

Новые технологические процессы, связанные с переработкой продуктов добывающей промышленности, опять-таки являются проблемой для научно-исследовательской работы. Возрастающее применение электричества и химии, объединение ряда смежных технологических процессов ставят ряд важнейших проблем и толкают самым решительным образом вперед целые новые отрасли науки (ср., например, учение о катализаторах, вопрос о скоростях химических реакций и т. д.). *Новые виды производств* (новые отрасли химической промышленности, разные виды „искусственных" продуктов — волокна, кожи, каучука; автостроение, авиостроение; телефон, радиостроение и т. д.) зависят от развития новых видов материалов. В частности, проблема высокосортных сталей и легких металлов (алюминий, магний и еще более легкие элементы) требует напряженной, быстрой и энергичной научной работы.

Социалистическая техника — это уже не фраза; она стучится в ворота нашей истории как ближайшая реальность, она уже *„становится"*. Если мы еще вынуждены выписывать иностранные машины, оборудование, аппаратуру, которые делаются социалистическими только потому, что начинают функционировать в системе наших, социалистических в основном, производственных отношений, то, с другой стороны, уже ощущается, как сказано, потребность в новых типах, новых мощностях, новых сочетаниях машин и аппаратов (т. е. в новых их „системах"). Здесь рост *количества* переходит в новое *качество*, а новое *качество*, в свою очередь, дает новые *количественные* соотношения. В капиталистическом обществе огромное разрастание передаточных и исполнительных механизмов пришло в противоречие с формой парового двигателя: он стал вытесняться дизель-мотором и электрическим двигателем; пар сменяется электричеством; но развитие электроэнергетики — от маленьких установок к гигантским кольцам электроцентралей — приходит в противоречие со всей системой производственных отношений капитализма: требуется новая качественная общественная структура, требуется пролетарская *революция*, чтобы эту структуру реализовать. Эта новая (социалистическая) общественная структура позволяет давать огромное нарастание количественных масштабов, но их нарастание вызывает, в свою очередь, новые качественные перемены. Диалектика развития опосредствуется наукой, которая точно так же испытывает и количественное нарастание своих

результатов, убыстрение темпов и т. д., в то же время давая качественную перемену, внутренне реконструируясь на основах революционного метода, метода диалектического материализма. Это есть *действительное движение вперед,* которое не нуждается ни в каких „понятных“ лозунгах.

Социалистическая общественная форма дает возможность безграничного развития техники; электрификация промышленности, сельского хозяйства, транспорта, всасывая в себя химизацию и механизацию производства, есть „генеральная“ линия этого развития. Социализм обеспечивает это развитие, ибо здесь введение новой техники направлено *не против трудящихся, а является кровным делом миллионов этих трудящихся.* Но и сам *рабочий класс,* становясь субъектом хозяйства и на этой основе развертывая неисчерпаемые ресурсы творческого труда, который двигает горами, становится объектом научного исследования. В самом деле, разве теперь, когда мы обращаем внимание на изучение работающего человека не как „материала“, не как одного из составных элементов „издержек производства“, а именно как субъекта трудового процесса, работающего хозяина страны, водителя миллионов, который всю свою энергию пускает сейчас в ход для того, чтобы достигнуть величайших результатов,— разве все это не дает стимула для развития целого ряда новых дисциплин? Разве здесь можно уже ограничиться (хотя бы очищенным) тейлоризмом? Разве уже не требуются постановка и решение новых огромной важности проблем? Разве курс на подъем *благосостояния* трудящихся *масс* не должен рано или поздно вызвать расцвет наук, с этим связанных, начиная от *физиологии?* Разве проблемы культурной революции не должны вызвать широчайшей разработки дисциплин, являющихся теоретической базой для *педагогики?* Разве проблема массового создания *различных кадров* может обойтись без расширения соответствующих научных областей? Разве проблемы *организации труда и организации управления* не получают у нас совершенно исключительного значения, исключительного размаха и притом на совершенно *новой* основе? И так далее. Перед *общественными* науками, таким образом, выдвигается новая проблематика, раскрываются совершенно новые *перспективы* научного развития, развития по другим, качественно особым, специфическим линиям.

Новый, *социалистический, уклад хозяйства,* с убывающими

остатками прежних формаций, имеет свои качественно особые закономерности,— особые с разных углов зрения. Техника и экономика в реальной жизни становятся здесь в своеобразное отношение друг к другу. Огромнейший опыт планирования требует своего теоретического обобщения. По-особому ставится вопрос о противоречии между городом и деревней и о движении этого противоречия. Проблема размещения (промышленных и сельскохозяйственных штандортов) ставится в наших условиях тоже по-своему и задает свои загадки. Величайшее практическое значение приобретает вопрос о комбинате, комплексе, районе. Оптимальный размер производственной единицы, экономические пределы централизации и концентрации, вопросы разделения труда, вопросы соотношений производства и транспорта и т. д. и т. п.,— все это не может быть оставлено без ответа. Одни общие проблемы теории планового хозяйства представляют совершенно исключительный теоретический интерес, а практически они непосредственно должны служить орудием планирования.

Изучение *экономики капитализма,* необходимое нам, как воздух, с точки зрения *практической ориентации* в „капиталистическом окружении", выводит *нашу* науку далеко за пределы ограниченного буржуазного кругозора. Внутренне предчувствуя гибель капитализма, буржуазная экономическая теория продолжает исходить из излюбленной ею предпосылки „вечности" этого строя, расшибая себе даже медные лбы о кричащие факты действительности. Перед марксистской теорией, гениальные предсказания творцов которой сбываются теперь в масштабе земного мира, т. е. в предельно широком масштабе, стоит задача познания специфической полосы, полосы упадка капитализма,— задача, которую буржуазия неспособна даже поставить, не говоря о том, чтобы решить. Мировой кризис, аграрный кризис, современные формы капитализма, условия воспроизводства в настоящее время и т. д. требуют особого внимания нашей науки. Но разве все это свидетельствует о „принижении науки"? Нет. Положительно речи о „принижении" — это „для длинных ушей", как выражался Моцарт.

Или возьмите историю, этнографию, лингвистику и пр. Почти до последнего времени для буржуазной исторической концепции была чрезвычайно характерна ориентация либо „узкоевропейская", либо „американская". За время империализма

буржуазная наука распустила довольно энергично свои познавательные щупальцы на колониальные страны, и целый ряд соответствующих дисциплин, начиная от истории в собственном смысле и кончая лингвистикой, внедрился по этим колониальным каналам. Но при всем том, что буржуазная наука производила — ради целей империалистского разбоя — настоящий обыск в сокровищницах угнетенных народов (и в буквальном и в метафорическом смысле), речь не могла итти и не шла относительно изучения колониальной массы во всем ее жизненном многообразии. Историческая наука буржуазии вообще этим делом мало занимается. Она делит народы на „исторические“ и „неисторические“. С великодержавной наглостью и барской спесью она рассматривает основные массы человечества (ср., например, ряд расовых теорий). Поэтому буржуазная наука никогда не в состоянии дать мало-мальски глубокий анализ жизни колониального человечества: и в пространстве и во времени она крайне ограничивает исследование. Пролетариат, будучи *практически* заинтересован в колониальных победоносных революциях, раздвигает здесь смело и решительно старые рамки, навсегда разрушает „европейскую“ или „американскую“ ограниченность, империалистское презрение к „цветным народам“, напыщенность „белой расы“ и круто поворачивает все исследования лицом к *миллионам.* Если империализм, вылупившись из яйца промышленного либерализма, выдвинул лозунг „мышления в континентах“, то на самом деле „мыслить в континентах“ и „считать в миллионах“ может только пролетариат, вовлекающий в орбиту своих интересов движение всего человеческого массива, всех рас, народов, континентов. Это точно так же означает чрезвычайное *расширение* научных горизонтов. Примером может служить рост у нас *китаеведения,* когда практика китайской революции выдвинула ряд вопросов (феодализм в Китае, природа джентри, аграрный строй, проблема „азиатского способа производства“ и т. д.), вызвавших исключительную историко-экономическую научную литературу.

То же нужно сказать и о *лингвистических* теориях. Во всяком случае, при любых оценках яфетической теории Н. Я. Марра необходимо признать, что она имеет бесспорную огромную заслугу, как мятеж против великодержавных тенденций в языкознании, которые были тяжелыми гирями на ногах этой дисциплины.

А если теперь мы перейдем к *философии,* к высшим обобщениям науки, к ее методологии и т. д., то разве не ясно, что *диалектический материализм и материалистическая диалектика* действительно являются самой смелой, самой бесстрашной, самой радикальной конструкцией, для которой не существует никаких границ, никаких принципиальных „ignorabimus", концепций, которая не пугается никаких противоречий, никаких скачков, никаких катастроф, которая схватывает многообразие в единстве и единство в многообразии, переходы и грани, прерывность и непрерывность, единство и противоположность, игру цветов, переливы становления, сложные связи и сцепления, уничтожая метафизическую односторонность, преодолевая плоскую формальную логику, нанося грозные, разящие смертельные удары идеализму, решительно исправляя вульгарную ограниченность механического материализма, разрешая в высших единствах накопившиеся противоречия современных научных построений. Разве критическая, революционная *переделка* науки на основе *диалектического материализма* не есть *огромный шаг вперед?*

Бесконечное разнообразие объектов, расширение поля наблюдения не приведут ли, однако, к уничтожению единства знания, синтеза, обобщающих теорий? Не приведет ли *практическая ориентация* к превращению ученых в американских дантистов, в узких специалистов? Не разменяем ли мы науку на билонную мелкую монету рецептов на разные случаи жизни? Нет и нет. Ибо только в нашей стране есть великолепная гарантия того, что научная мысль здесь не выродится в какую-то мелкотравчатую, грошовую, ничтожную, „деляческую", узкую идеологическую кашу. Принцип *планового хозяйства* есть база для великой синтетической работы. В будущем мы будем иметь такое положение вещей, когда наши технико-хозяйственные планы будут составляться с привлечением всей совокупности наших знаний; это означает увязку всех дисциплин, означает единство метода, это означает постановку и решение великих узловых проблем науки. Мы имеем прочные гарантии того, что при развитии нашей науки *на службе социалистического строительства* ее горизонты будут расширяться, положительная роль науки во всей живой жизни будет возрастать, темпы научного прогресса сделают гигантский скачок вперед, революционный диалектико-материалистический метод оплодотворит всю систему знания.

Срастание теории с великой строительной практикой и практикой международной классовой борьбы пролетариата даст могучий стимул развитию науки. Это нужно понять всем тем колеблющимся ученым, которые боятся нового, которые не решаются смело, безоговорочно пойти навстречу новому рождающемуся миру.

Но мы здесь должны перевернуть подчеркнутую формулу и еще раз притти к заключению:

Ближе к практике. Ближе к фабрике, заводу, руднику. Ближе к недрам, водам, почве. Ближе к колхозам, совхозам. Ближе к массам, творящим новую жизнь. Ближе к нуждам великой освободительной борьбы пролетариата.

3. ВОЗМОЖНОСТЬ И НЕОБХОДИМОСТЬ ПЛАНИРОВАНИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ

Вышеприведенными рассуждениями дано, что:

1. Необходимо круто повертывать и повернуть всю сеть научно-исследовательских учреждений к практике строительства (определяющая установка).

2. Этот поворот должен конкретно выражаться в первую очередь в обслуживании технико-экономических планов (годовых, пятилетних, перспективных) социалистической реконструкции.

3. Интересы мировой революционной классовой борьбы пролетариата и гигантские практические задачи социалистического строительства являются огромными толчками развития науки и ее революционизирования, причем социализм уничтожает капиталистические основы научного развития и открывает перед ним исключительно широкие перспективы во всех решающих областях.

4. При социализме наука становится всепроникающим принципом.

5. Сама научно-исследовательская работа подлежит планированию.

На последнем пункте следует здесь остановиться несколько подробнее. Если мы хотим приспособить всю научно-исследовательскую работу к нуждам социалистической реконструкции, то это значит: 1) выяснить, какие научно-исследовательские проблемы ставятся технико-экономическими планами по линии целого ряда специальных отраслей промышленности и сельского

хозяйства; какие проблемы предстоит решить по дробным вопросам; какие общие и узловые проблемы вытекают отсюда для крупных дисциплин (физика, химия, биология, геология и т. д.); какие задачи ставят эти конкретные планы перед экономическими науками; какие проблемы вытекают из них *косвенно* (через вопросы о кадрах, например) перед другими науками и т. д.; 2) выяснить, что делается в данных областях за границей и что вообще выдвигается в ходе самой науки, полезное с точки зрения ускорения реализации планов или их улучшения; 3) правильно распределить главные отрасли тем по срокам и по учреждениям, наметив в общих чертах разделение труда между главными секторами научно-исследовательской работы и концентрируя внимание на узловых и наиболее актуальных проблемах; 4) организовать коллективную проработку соответствующих тем на основе широкого обмена опытом, при устранении вредных видов параллелизма. Совершенно очевидно, что при таких условиях планомерно поставленной работы достигаются: 1) *увязка этой работы с планами социалистической реконструкции;* 2) *повышение — резкое и решительное — производительности научно-исследовательского труда;* 3) *повышение — при совокупном влиянии двух предыдущих факторов — производительности материального труда, т. е. ускорение социалистического строительства, подъем жизненного уровня масс и т. д. Сочетание плановости в области хозяйственной с плановостью в области научного исследования—при взаимопроникновении этих двух моментов, при возрастающем внедрении науки в практику материального труда, при систематическом сближении этих величин — будет означать огромный прирост эффективности всего социалистического хозяйственного организма страны.*

Здесь необходимо остановиться на оппозиции против самой *идеи* планирования научно-исследовательской работы. Было бы самообманом думать, как думают некоторые, незнакомые с положением дел люди, будто сейчас уже нет ни у кого никаких сомнений в необходимости планирования науки. Эти сомнения и колебания (мы не говорим о сознательных ненавистниках планирования, которые являются часто прямыми противниками социализма, запоздалыми либералами, твердящими зады начала XIX в.) нужно преодолеть; аргументацию противника разобрать; колеблющихся ученых *убедить.*

Говорят прежде всего, что научно-исследовательский труд есть труд *глубоко личный и поэтому не может стать объектом планирования.* „Творящая личность“ не терпит жестких и колючих уз плана; она будет задыхаться в его душных измерениях. Плановое начало будет стеснять работу, не достигая ровно никаких результатов, кроме отрицательных. Сама постановка задачи так же нелепа, как постановка вопроса о планировании творческих переживаний гения и т. д. Вся *эта* аргументация опрокинута *фактами.* Она исходит из старинных представлений об ученом исследователе, в мрачной изоляции своего кабинета тихо ведущем свою научную работу. Но этот тип ученого уже исчез *даже* в передовых капиталистических странах. Только наша полуазиатская отсталость может служить базой для защиты кустарничества в этой области. Индивидуальный, изолированный оракул-прорицатель уже скончался. Его сменили, как мы видели, громадные *научные коллективы, организации,* гигантские лаборатории, *внутри* которых есть и „целевая установка“, и распределение работ, и известный порядок очередности в разработке тем, т. е. *внутренний план.* Капиталистическое общество неспособно к плану в его *общественном* масштабе. Но внутри завода есть порядок. Внутри лаборатории также. Следовательно, аргументация, опирающаяся на принципиальную невозможность *всякого* плана, в каком угодно масштабе (а именно такова аргументация, говорящая о личном характере этого труда), явно несостоятельна. Эдиссоны и Штейнмецы— ничто без своих лабораторий, без огромной *организации* работ, без их упорядочения.

Аргумент следующий: научно-исследовательская работа *сугубо* творческая, она опирается в значительной мере на гениальную догадку, на чутье, на *интуицию,* на мгновенное озарение, на подсознательную работу особо даровитого интеллекта. Смешно поэтому планировать эту работу, рационализировать иррациональное, распределить по часам интуитивный „нюх“, взвешивать на аптекарских весах бессознательное творчество. *Этот* аргумент, особенно „модный“ (ибо кокетничанье с бессознательным и флирт с иррациональным сейчас обретаются в капиталистических странах в большой чести), в свою очередь легко падает под ударами критики. В самом деле, почему это считается, что *всегда* решение находится в порядке прозрения? Разве нет и не наблюдается совершенно рационального решения рацио-

нально поставленной задачи? Конечно, есть. Следовательно, разбираемая аргументация заключает от группы *частных* случаев ко *всем* случаям, что недопустимо. Во-первых, разберем особо „трудный“ случай „интуитивных“ решений. В чем основная ошибка наших противников здесь? В том, что они антидиалектически *отрывают* процесс рационального познания от интуитивной „догадки“. Если бы данный ученый не ставил массы экспериментов, не проверял бы своих гипотез сотни раз, не делал бы вычислительных операций, не размышлял бы в точных логических понятиях, не читал бы, не ставил бы новых и новых опытов, ему *никакие* „гениальные догадки“ не приходили бы в голову. „Нюх“, „инстинкт“, способность к „интуиции“, при определенных свойствах данного лица, растут, развиваются, а иногда и формируются на *базе* рационального познания. Конкретная „догадка“ есть бессознательное продолжение сознательного процесса. Чем больше опытов, вычислений, проработки вопроса, чем богаче и многограннее эти опыты и т. д. и т. п., тем *вероятнее и „догадка“*. Осеняющая „молния“ есть, при прочих равных условиях, *функция* систематической, организованной работы. Поэтому Эдиссон в лаборатории будет *чаще* находить решение, чем если бы он был кустарем-одиночкой. Поэтому современный ученый не протестует против института, а работает *в нем,* считая, что это помогает найти „последнее решение“, а вовсе не мешает этому. Таким образом нельзя непосредственно планировать „интуицию“. Но можно планировать ее рациональную основу, а это, в конце концов, решает все. Итак, и аргумент „от интуиции“ падает вслед за своими собратьями.

Возражение третье. *Планирование науки отрицает талант,* ибо, ориентируясь на коллективную организацию труда, оно, как скорлупу, раздавливает особо одаренных людей, ведущих науку, ее духовных вождей и т. д. Но это возражение покоится на явном непонимании того, что такое коллективная организация труда. Коллектив не есть стадо. Коллектив есть *расчлененное* целое. Коллектив не убивает личности. Коллектив отнюдь не оперирует статистическим „средним человеком“. Маркс неоднократно давал блестящие и исчерпывающие формулировки этим положениям. Он чрезвычайно едко и саркастически высмеивал „грубую и бессмысленную форму коммунизма“, о которой он писал:

„Этот комунизм, отрицающий повсюду *личность* человека есть лишь последовательное выражение частной собственности, являющейся этим отрицанием... Мысль каждой частной собственности как таковой обращена — по *крайней* мере против *более крупной* частной собственности — стороной зависти и стремления к нивелированию, составляющих даже сущность конкуренции. *Грубый коммунизм есть лишь завершенная форма этой зависти...* Что это уничтожение частной собственности не есть вовсе действительное присвоение и обогащение, показывает присущее ему *абстрактное отрицание всего мира образования и цивилизации*: оно есть лишь возвращение к неестественной простоте нищего и нуждающегося человека, который не только не переступил за грани частной собственности, но даже не достиг уровня ее“ [1].

В другом месте тот же Маркс таким образом определяет соотношение между личностью и коллективом:

„Только в коллективности получает индивид средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков; следовательно, только в коллективности возможна личная свобода“ [2].

Стоит продумать это положение Маркса. Если сейчас ученому дается возможность работать в крупной организации (институте, лаборатории), которая представляет собою мощную комбинацию первоклассных средств научного производства (оборудования, аппаратуры, опытных установок, измерительных приборов, литературы и т. д.) соответственно подобранных и соответственно организованных людей, труд которых в совокупности является сложной научной кооперацией, то не подлежит сомнению, что в такой системе можно работать гораздо легче, гораздо продуктивнее, гораздо скорее. Все это будет абсолютно верно, если этот ученый разделяет общую установку данного научного коллектива, его цели, общее направление работ, его основную ориентацию. Если же он является „чужеродным телом“ в этом коллективе, если он не разделяет его общей установки, тогда, разумеется, он всегда будет чувствовать давление этого коллектива, как некую внешнюю принудительную силу, тяготеющую над ним, стесняющую его свободу, мешающую его „действительной“, „настоящей“ работе, далекой по существу от работ остальных сотрудников и сотоварищей. В последнем случае налицо позиция латентной борьбы. В первом случае,

---

[1] *К. Маркс,* Сочинения, т. III, стр. 620. Подготовительные работы для „Святого семейства“.

[2] „Архив“, т. I, стр. 243.

наоборот, „личность“ *расцветает*: ее ориентация развивается по линии общей ориентации; она чувствует себя в высокой степени свободной. С другой стороны, система разделенного труда, возможность постановки массовых опытов, возможность одновременного исследования разнородных комбинаций позволяют работать неизмеримо более продуктивно. Хороший изобретатель, талантливый ученый, крупный исследователь, получая хорошо оборудованную лабораторию и включаясь в работу на основе коллективной организации труда, дадут всегда неизмеримо больше, чем робинзоноподобный его предок. Именно поэтому Эдиссоны капиталистического мира сменили ученых-одиночек. Но этот процесс обобществления научного труда, которому ставит рогатки капиталистический режим, у нас будет итти неизмеримо дальше, глубже, решительнее, смелее, перерастая в *планомерно*, и притом в масштабе великой страны, организуемую научно-исследовательскую работу.

Наконец, говорят, что план нарушает абсолютную священную свободу научного исследования. Да. Наш план нарушает свободу научного исследования, если брать это положение в абсолютном смысле слова. Всякий план есть известное ограничение как раз потому, что он представляет собой стройное целое. Он преследует свою цель,— цель социалистической реконструкции страны. Этому плану *противоречит*, его *подрывает* идеалистическая философия, антимарксистская историческая доктрина, теологические концепции, „оккультные науки“, мистические системы, злостно империалистские учения, фашистские политические теории, апологетические по отношению к капиталу экономические доктрины. Такие „исследования“ выбрасываются за борт советского корабля и не допускаются в плане. Это есть нарушение свободы (с формальной и узкой точки зрения). Но это есть действительное *освобождение* науки от буржуазного хлама, *мешающего* поступательному движению науки. С точки зрения объективных интересов науки, которые совпадают с интересами *развития социализма*, это формальное нарушение абсолютной свободы по существу есть работа наилучшими инструментами познания при уничтожении фугасов, закладываемых классовым врагом, надевающим на науку смирительную рубашку средневековых и упадочных идеологий. Таким образом и этот аргумент против планирования должен быть решительно отвергнут.

Итак, аргументы против планирования научно-исследовательской работы несостоятельны, они неверны. Характерно, что в некоторых *исключительных* случаях даже буржуазная мысль вынуждена признать возможность и необходимость плана в научно-исследовательской работе. Так, проф. Gotthard Fliegel пишет о геологической работе:

„Геологическое обследование... есть такая культурная задача народов, которая не может быть выполнена научными работами отдельных ученых, а лишь *плановой работой организации*“ [1].

Тот же автор сообщает об основании *прусской* геологической службы:

„Руководящей мыслью при основании было создание целостного плана работы (eines einheitlichen Arbeitsplanes)“ [2].

И, наконец, он дает такого рода оценку *великобританского* Geological Survey.

„Следует удивляться, с какой планомерностью (Planmässigkeit) уже в ранние времена Англия со своим „Geological Survey“ овладела всем тем, что необходимо для научно-геологического освоения страны, для воспроизводства кадров горных работников, а также для связи между геологической наукой и хозяйством“ [3].

Таким образом для *геологии* признается и принцип организации в государственном масштабе и даже принцип общегосударственного планирования. В самом деле, как один — хотя бы и гениальный—человек может обследовать всю страну? Это смешно. Он должен *обязательно* искать помощников, создавать партии исследователей и т. д.; он должен построить план экспедиций, должен их рационально оборудовать; должен руководствоваться той или иной теоретической ориентирующей доктриной. Однако вполне дозволительно сейчас же задать коварный вопрос: почему же только на долю геологов выпало счастье быть в таком привилегированном состоянии? Какая *принципиальная* разница имеется между геологией и другими науками? Да никакой принципиальной разницы *нет*. Ибо всякую научно-исследовательскую работу можно разложить на ряд одновременных и последовательных операций: на подготовительные работы (под-

---

[1] Prof. *Gotthard Fliegel*, Die Forcshungsaufgaben der geologischen Landesanstalten, указанный двухтомник, т. I, стр. 302.
[2] Ibidem, стр. 303.
[3] Ibidem, стр. 305.

готовка оборудования, литературы; справочные работы; техническая подготовка эксперимента и т. д.), экспедиции, эксперименты, повторные эксперименты, варианты экспериментов, разные стадии экспериментов, математические вычисления, мыслительную синтетическую работу, повторную полузаводскую массовую проверку и т. д. и т. п. О „последних решениях“ речь шла выше в связи с проблемой интуиции. Но разве экспедиции планировать нельзя? Можно. Разве любой эксперимент нельзя аналитически разложить в плановом порядке, дать ряд заданий, поставить массовую (в нужном масштабе) проверку, рационально объединить данные опыта, проделать синтетическую работу? Если это можно сделать в рамках *одного* института, то почему же нельзя этого сделать в рамках трех-четырех? Математические вычисления можно также раздать по разным математическим „цехам“, дав общие ориентирующие директивы. Сомнение может быть только насчет „интуитивных“ моментов, но мы уже выяснили, что по теории вероятностей интуитивные решения, при прочих равных условиях, тем более часты, чем богаче предварительная рационально поставленная работа.

Разумеется, количественная сторона дела (масштаб целой страны) дает и *новое качество:* все планирование приобретает *организованно-общественный характер.* Разумеется, решающей проблемой является вопрос о *классовой характеристике* планирования: вероятно, не один восторженный поклонник „Geological Survey in London“ был бы заклятым врагом „московитского“ планирования, ибо это есть *социалистическое* планирование. Поэтому нередко открытые протесты или глухое ворчанье про себя против планирования научно-исследовательской работы имеют глубочайшие классовые корни: это есть протест против *социалистического* плана, против *социалистических* установок, ощущаемых как величайшее „иго“, „насилие“ и т. д. над „свободной“ (но не от капиталистических представлений) „творческой личностью“. Но это последнее обстоятельство никак не может служить аргументом против планирования. Оно является лишь аргументом за то, чтобы энергичнее *бороться* против всех и всяческих проявлений враждебной пролетариату идеологии.

Строительство социализма неотделимо от классовой борьбы пролетариата. Широкое социалистическое наступление имеет различные формы, и одной из его решающих форм

является победоносное продвижение социалистического хозяйственного сектора. Поэтому классовая политика пролетариата связана с планированием вообще и с планированием в области научно-исследовательской работы в частности. Классовую политику пролетариата в области научно-исследовательской работы нельзя проводить без плана. Ибо в чем состоят принципы этой политики? В том, чтобы наука была на службе социалистической реконструкции. Но мы можем повернуть руль всей научно-исследовательской сети в эту сторону только *через план*. Когда мы говорим о сведении науки „с небес на землю", т. е. об уничтожении идеологической схоластики и метафизики, о борьбе со старыми неподвижными академическими традициями, об уничтожении проклятого разрыва между теорией и практикой[1], о сближении между умственным и физическим трудом и т. д., мы ставим в порядок дня борьбу за определенный *план* работы. Даже битва с капиталистическим саботажем, вредительством и прочим ближайшим образом, как показал опыт, связана с вопросами планирования. Рациональное приспособление науки к потребностям социалистической реконструкции, достижение наибольшей производительности научно-исследовательского труда, повышение темпов работы, дальнейший подъем—на основе растущего влияния науки—производительных сил социалистического хозяйства,— всего этого можно достигнуть только *через план*. *План есть самое мощное орудие классовой политики пролетариата на фронте научно-исследовательской работы.*

4. СУЩНОСТЬ ПЛАНИРОВАНИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ

Организационной предпосылкой планирования научно-исследовательской работы является концентрация „средств духовного производства" в руках пролетарского государства. Наша страна не знает „частно-хозяйственных" научно-исследовательских организаций. Все научно-исследовательские и смежные с ними учреждения суть *части совокупного государственного аппарата*. Это дает нам исключительные преимущества. Это является необ-

[1] „Одно из самых больших зол и бедствий, которые остались нам от старого капиталистического общества, — это полный разрыв книги с практикой жизни"... „старый разрыв между теорией и практикой, который составлял самую отвратительную черту старого буржуазного общества" (*Ленин*, Собрание сочинений, т. XVII, стр. 315, 1923 г.).

ходимейшей предпосылкой планирования, *без* которой и *вне* которой о нем не может быть и речи.

Мы имеем уже мощную сеть научно-исследовательских учреждений, причем отдельные звенья этой сети являются — и по своему оборудованию и по своему научному уровню—передовыми даже с точки зрения *мировых* достижений науки и техники (таковы, например, Государственный физико-технический институт во главе с академиком Иоффе, ведущий крупнейшие работы по физике, в особенности работы, связанные с электрификацией страны; Государственный оптический институт; химический институт им. Карпова во главе с академиком Бахом; Институт химии высоких давлений; Центральный аэрогидродинамический институт; Институт прикладной минералогии; ряд первоклассных институтов Академии наук СССР, имеющих широчайшую мировую известность, вроде Института академика И. П. Павлова, и т. д. и т. п.). Сеть научно-исследовательских учреждений *промышленности* насчитывает более 70 крупных институтов. Сеть *сельскохозяйственных* институтов, объединяемых Сельскохозяйственной академией им. Ленина, насчитывает около 50 институтов; *Наркомпрос* имеет более 40, *Наркомздрав* — более 30, *НКПС* — 10 институтов и т. д. Целую сеть институтов имеет *Академия наук,* сосредоточившая лучших ученых страны; значительное количество их имеет *Коммунистическая академия.* В связи с этими учреждениями находится сеть *низовых* научно-исследовательских учреждений (около 800 одних *крупных* фабрично-заводских лабораторий, зональные опытные сельскохозяйственные станции и т. д.). Сюда же нужно присоединить научно-исследовательские лаборатории *вузов и втузов.* Наконец, следует упомянуть о значительном количестве архивов, музеев, библиотек как в центре, так и на местах, в особенности широко развившихся вместе с развитием изучения истории революции и краеведческим движением.

Вся эта огромная сеть научно-исследовательских учреждений, которая имеет и чрезвычайно существенные недостатки, должна быть приспособлена к *основным установкам реконструктивного периода.* Центральным — иногда вопиющим — недостатком является еще академическая неповоротливость исследовательских учреждений, оторванность их от практической жизни, остатки изолированности, отставание в темпах работы.

Однако за последнее время имеется налицо известный поворот. *Планирование* должно этот поворот всемерно форсировать[1].

Здесь необходимо остановиться на том, *из чего же состоит* планирование научно-исследовательской работы.

Во-первых, речь идет об определении *удельного веса* этой работы в общественной жизни страны, в системе разделенного общественного труда и, следовательно, о соответственной доле в совокупном расходном бюджете страны; во-вторых, самая важная, самая трудная и решающая составная часть планирования — планирование *тематики* научно-исследовательской работы; в-третьих, планирование *строительства* научно-исследовательских учреждений; в-четвертых, планирование *размещения* научно-исследовательских учреждений; в-пятых, планирование *средств* и, в-шестых, планирование *кадров*.

По всем этим рубрикам проблем и необходимо занять определенную позицию; из этого и складывается в основном *система установок* в области планирования, которая представляет собой *политику планирования научно-исследовательской работы*.

По поводу удельного веса науки следует выдвинуть ряд таких положений. Наука у нас, как того требовал Ленин, должна стать всепроникающим принципом; мы должны „догнать и перегнать капиталистические страны максимум в 10 лет", что возможно лишь при условии, если мы развертываем всю скрытую энергию трудящихся масс и их пролетарского авангарда в первую очередь и если мы с максимальной быстротой *пускаем в ход рычаг науки и техники*, которой овладевают массы. Здесь диспропорция между нашими задачами и фактическим положением вещей еще огромна. Мы стоим поэтому перед необходимостью громадным броском вперед форсировать развитие науки, в кратчайшие сроки преодолеть все разрывы и обеспечить ведущую роль науки. Отсюда вытекает: основной директивой здесь

---

[1] В связи с этим см.: „Сводные тематические планы научно-исследовательских учреждений промышленности"; „Производственный план Академии наук СССР на 1931 г."; „Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. Ленина и ее задачи".

[1] (Ленинград 1930); *Vaviloff*, Science and technique under conditions of a socialist reconstruction of agriculture; Тезисы президиума Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. Ленина; „О реконструкции научно-исследовательского дела в сельском хозяйстве СССР"; „Социалистическая реконструкция и научно-исследовательская работа", Сборник НИС; ВСНХ к XVI съезду ВКП(б) и др.

при всех расчетах, при всех комбинациях должно быть положение, что *научно-исследовательская сеть должна расти быстрее, чем даже ведущие головные отрасли социалистической тяжелой индустрии. Она должна расти безусловно быстрее, чем соответствующая сеть в Западной Европе и Америке.* Без таких темпов в развитии нашей науки мы не в состоянии будем „догнать и перегнать“, мы не в состоянии будем реализовать свои лозунги. Нам нужно *другое, количественно и качественно другое*, соотношение между наукой и производством, чем в капиталистических странах. Мы имеем полную возможность это другое соотношение установить.

Было бы с нашей стороны большой ошибкой, если бы мы, исходя из ложных соображений об экономии средств, не реализовали этой возможности. Ибо, в конечном счете, эта реализация перекрывает все траты и создает такие показатели эффективности хозяйства, такие показатели прироста темпов, которые решают все.

Переходим к вопросу о *планировании тематики*, о направлении научно-исследовательской работы. Здесь мы должны со всей силой, четырьмя чертами, подчеркнуть, что *планы научно-исследовательской работы мы должны приспособлять к потребностям социалистической реконструкции хозяйства в первую очередь и строить их на основе конкретных технико-экономических планов.*

Максимальная увязка между теорией и практикой, с приматом этой практики, с подчеркиванием этой практики, с подчеркиванием *утилитарной* (не бояться сказать это слово) стороны научно-исследовательской деятельности должны быть нашей задачей.

При этом нужно помнить, что *социалистическая* практика есть *великая практика преобразования мира* в противоположность грошевой, узко-деляческой, коммерческой, торгашеской, эксплоататорской практике буржуазии. Именно поэтому Энгельс писал в „Людвиге Фейербахе“:

> „Но по мере того как спекуляция, покидая кабинеты философов, воздвигала себе новый храм на бирже, интеллигентная Германия забывала *великий теоретический интерес*, составлявший немецкую славу даже во время самого сильного политического упадка... Только в среде *рабочего класса* продолжают теперь жить старые немецкие теоретические интересы. И оттуда их ничем не выживешь. Там не имеют смысла соображения о наживе, о карьере

и о милостивом покровительстве сверху. Напротив, чем сильнее и решительнее выступает наука, тем более приходит она в соответствие с интересами и стремлениями рабочих"[1].

После завоевания власти пролетариатом практика его не становится низменной практикой буржуа. В другом измерении, *в строительстве,* эта практика есть *гигантская* преобразующая практика. Именно поэтому она сопровождается и „великим теоретическим интересом". С другой стороны, необходимо сказать при этом, что нельзя представлять себе науку как какой-нибудь только пассивно воспринимающий инструмент, который лишь отражает технику и экономику на данной стадии развития и больше ничего. Она *активно* „обратно воздействует" на данную техническую и экономическую структуру, преобразуя ее. Поэтому она должна обязательно забегать, как говорил Ленин, за пределы сегодняшнего дня, за пределы *данной* практики; если теория не забегает вперед, она *отстает;* если она не идет в авангарде, не является *ведущим* началом, не является революционным преобразователем практики, сливаясь с этой практикой, то она не выполняет своей основной функции.

Следовательно, необходимо еще раз и еще раз подчеркнуть, *что великая социалистическая наука должна целиком служить великой, преобразующей мир практике социалистического строительства и классовой борьбе пролетариата.*

Одной из главнейших и труднейших проблем планирования научно-исследовательской работы является *проблема сочетания тем сегодняшнего и завтрашнего* дня. Этот вопрос касается по существу дела всех дисциплин. Он есть общий вопрос планирования научно-исследовательской работы. Однако в целях большей наглядности, для иллюстрации доказываемых здесь положений мы будем говорить, прежде всего, о *естественных* науках, ближайшим образом связанных с *техникой*. Если брать естественные науки и технику, то какие требования можно предъявить им с точки зрения нужд социалистической реконструкции? Эти нужды могут быть разбиты на несколько категорий. Во-первых, нам нужна *„скорая научно-техническая помощь"*. Пример: в настоящее время у нас есть ряд прорывов — металл, топливо, транспорт. В связи с этим ряд частичных прорывов. Не следует ли поставить вопрос о быстро действующих научно-технических

---

[1] *Ф. Энгельс,* Людвиг Фейербах, Москва 1928., стр. 75—76.

(весьма серьезных и компетентных) бригадах по обследованию причин прорывов, по выработке соответствующих предложений, по проведению быстрых научно-исследовательских работ, по ликвидации прорывов при помощи энергичных *отрядов науки и техники*? Конечно, наша наука *должна* решать такие задачи. Более того. Если наша научно-исследовательская мысль не будет оказывать этой *„скорой научно-технической помощи“* нашему хозяйству, она никогда не завоюет себе достаточного авторитета в глазах широчайших масс. Далее. Научно-исследовательская мысль должна решать „горячие проблемы“ сегодняшнего дня, например проблемы легких металлов, высококачественной стали и т. д. У нас сейчас очень повышен процент аварийности, что в известной мере зависит от плохого качества производимого металла. Плохое качество металла вошло во всю систему нашей техники, поскольку именно из этого металла производятся машины, инструменты и т. д. Научно-исследовательская мысль должна помочь решить вытекающие отсюда задачи, она должна брать на себя *инициативу* в этих вопросах, не дожидаясь „заказов“. Она должна иметь свои наблюдательные вышки, хорошо поставленную сигнализацию, чтобы вовремя лечить болезни и *предупреждать их появление*. Далее. Наука и техника должны, строя свои планы на основе планов технико-экономической реконструкции, тем самым помогать осуществлению этих *текущих планов*. Годовые планы хозяйства должны *систематически и всесторонне* обслуживаться научно-исследовательской работой. Далее идут *перспективные планы*. Здесь, прежде всего, нужно отметить перенесение центра тяжести в соотношениях между технико-экономическим планированием и наукой. Все более и более сами технико-экономические планы должны будут составляться на основе тщательных научно-исследовательских работ, с привлечением всех дисциплин, необходимых для более или менее строгой научной обоснованности этих планов. Таким образом научно-исследовательская работа будет все более *сливаться* со строительной практикой уже в самом процессе планирования материального труда. Наконец, имеются крупнейшие проблемы отдаленного порядка, так называемые *проблемы завтрашнего дня*. Таковы проблемы передачи электрической энергии на расстояние без проводов, или проблема скоростей химических реакций и возможности „управ-

лять“ этими скоростями, или проблема полной автоматизации механизмов, или проблема разложения атома и т. д. и т. п.

Конечно, мы должны ставить и эти проблемы. Наши империалистские враги эти проблемы ставят, и было бы в высшей степени неостроумно, если бы мы, выставляя горделивые лозунги „догнать и перегнать“, неожиданно оказались бы обойденными с тыла, и притом с огромным риском потерять все. Таким образом и темы *завтрашнего дня,* великие научные узловые проблемы, должны найти свое почетное место в кругу работ наших научно-исследовательских учреждений.

Итак, мы имеем целый ряд проблем: 1) проблемы, вытекающие из прорывов; 2) проблемы особо „горячие“; 3) проблемы, связанные с текущими технико-экономическими планами; 4) проблемы, связанные с перспективными планами; 5) проблемы завтрашнего дня, особо ярко выражающие революционизирующее *обратное влияние* науки на хозяйство и „великие теоретические интересы“. *Все эти* категории проблем должны быть включены в план. Ни одна из этих категорий не подлежит остракизму. Так обстоит дело не только в области естественных наук, практически расшифровываемых *техникой,* но и в области всех наук, в том числе и гуманитарных. Здесь есть свои прорывы, свои текущие планы, свои перспективные планы и свои проблемы „завтрашнего дня“. Возьмем, например, *историю.* Мы уже приводили пример с китайской революцией. „Горячая проблема“ — правильный анализ классовых сил. Но он ставит вопрос о феодализме в Китае, далее — об азиатском способе производства, еще далее—об учении о „способах производства“ вообще и т. д. *Практическая необходимость углубленного изучения* тем самым доказана. Ленин не раз с особой силой указывал на необходимость величайшей разносторонности знаний (всей суммы знания), указывая на пример Маркса. Таким образом то, что выясняется для естественных наук, в равной степени необходимо и для наук общественных (конкретное экономическое обследование урало-кузбасской проблемы не стоит в противоречии с построением теории планового социалистического хозяйства, или вопрос об оптимальном размере уральских металлургических заводов отнюдь не исключает теории воспроизводства в наших условиях).

Следовательно, из предыдущего вытекает *необходимость оптимальных сочетаний между различного рода проблемами, а*

не зачеркивания целиком той или другой категории проблем. При этом, однако, следует заметить, что в план не входят, как мы видели выше, темы, не стоящие *вообще* на пути нашего исторического развития, углубляющие постановки вопроса в других, принципиально нам враждебных, измерениях мысли (теология, метафизика, идеализм и пр. и т. д.).

Совершенно очевидно из предыдущего, что нам необходимо *вести борьбу на два фронта:* и против старого академизма, рутинерской любви к абстракциям, заботам о проблемах исключительно отдаленного порядка, против удаленности от шума и грохота жизни и „злобы дня"; и против мелочного, крохоборческого, узко-делячеокого отношения к науке, когда „великий теоретический интерес", о котором говорил Энгельс, целиком поддерживавшийся Лениным, исчезает, когда из-за деревьев не видят леса, когда лишают развития его громадной перспективы, когда *практику* понимают не по-социалистически, когда не видят ни наших темпов, ни наших масштабов и когда тем самым готовы уступить плацдарм научной борьбы нашему *капиталистическому* врагу, его хозяйственным, политическим, военным силам.

Совершенно очевидно также, что если мы не будем выполнять текущих планов, строительных и всяких иных задач сегодняшнего дня, то мы *срываем решительно все.* Тогда мы не можем сдвинуться с места. Тогда даже *постановка вопроса* о проблемах завтрашнего дня лишается какого бы то ни было смысла, она становится категорически беспредметной. *Поэтому обслуживание нужд текущего момента есть исходный пункт, решающая предпосылка, абсолютно необходимая, без которой всякое планирование превращается в простую бессмыслицу.*

Правильное соотношение между проблемами текущего момента и проблемами отдаленными отнюдь не предполагает, что мы *сперва* целиком решаем все текущие проблемы, чтобы *потом* решать проблемы отдаленного порядка. Внутренняя связь между различными категориями проблем здесь такова, что этот способ был бы в высокой степени нецелесообразен. Можно и должно решать научно-исследовательские проблемы *разной* степени приближения к практике *сегодняшнего* дня *одновременно* подобно тому (здесь мы подчеркиваем всю условность аналогии), как в области материального труда мы имеем *одновременное* производство во всех стадиях и фазах изготовления средств

потребления (добыча топлива и сырья, машиностроение и т. д., производство полуфабрикатов, производство фабрикатов). Здесь, как выражался Маркс, размещение *во времени* заменено *размещением в пространстве.* Крупные теоретические проблемы *решаются.* Но они решаются не в фабрично-заводских лабораториях, не в работах зональных станций, не в вузовских лабораториях, даже не в специализированных научно-исследовательских институтах. Они решаются в „головных" институтах, в институтах Академии наук, в головных институтах Сельскохозяйственной академии, в институтах Комакадемии, в основных институтах Наркомпроса и т. д. Рационально поставленное *разделение труда* внутри научно-исследовательской сети, между различными категориями научно-исследовательских коллективов должно отражать объективное *различие* (и в то же время *объективную* связь) между различными фазами исследовательского процесса, от теоретической работы до технического применения ее выводов на местах производства. Переход науки в технику и через нее в практику материального труда и обратно, переход от материального труда через технику к науке, при единстве этого процесса должен быть отражен в *сложной кооперации* функционально отличных, но в то же время тесно между собой связанных, научно-исследовательских учреждений. Таким образом *низовая* сеть обслуживает непосредственные интересы производственных ячеек (фабрик, шахт, заводов, колхозов, совхозов), а также административных единиц, школ и т. д., забегая при этом несколько вперед. *Отраслевые институты* обслуживают интересы *крупных* отраслей промышленности, сельского хозяйства и т. д., будучи связаны с соответствующими объединениями и, опять-таки „забегая вперед", при полной обеспеченности *планов объединений.* Головные институты решают *общие* вопросы, вытекающие из *всей* совокупности планов технико-экономического порядка, и в то же время ставят *крупнейшие проблемы науки,* о которых шла речь („проблемы завтрашнего дня"), будучи в то же время связаны с комплексами практических органов, имея, следовательно, наблюдательную башню, откуда они следят за всеми основными технологическими процессами.

Вопрос о времени тем самым, однако, *отнюдь не снимается.* Не снимается, следовательно, и вопрос об *очередности*

тем. Эта очередность должна быть во всех группах и категориях проблем. Нетрудно видеть, что темы, связанные с прорывами и „горячими проблемами“, должны стоять на *первом месте* во временном ряду. Расположение тем, обслуживающих технико-экономические планы, в значительной мере определяется *на основе* календарных сроков выполнения тех или иных технико-хозяйственных задач, с поправкой на специфические взаимозависимости самих тем и связанных с их решением научно-исследовательских процессов. Наконец, расположение во времени проблем наиболее общего или особо крупного значения, вопросов *„завтрашнего дня“*, связанных с проблемами технических революционных переворотов, определяется многими факторами: настоятельностью с точки зрения перспективных планов социалистической реконструкции; связанной с этим широтой практических последствий (технико-экономический эквивалент данного открытия); степенью разработанности данной проблемы у капиталистического врага (мы должны обязательно „подналечь“, если у противника данная тема уже близка к решению, если его наука уже беременна соответствующим открытием); наличием особо квалифицированных сил (если у нас имеются особо талантливые ученые, которые по всей своей структуре способны особо быстро решить ту или другую из соответствующих проблем, то этот момент подлежит особому использованию).

Разумеется, нельзя здесь дать общей *точной формулы* оптимального сочетания между темами сегодняшнего и темами завтрашнего дня. И здесь *опыт* подскажет многое, что чрезвычайно трудно предвидеть заранее. Мы должны зорко следить за тем, что делается в стане наших капиталистических противников. Мы не должны открывать давно открытых Америк. Мы должны искоренить остатки самохвальства и национально-провинциальной ограниченности. И в то же время, исходя из широчайших и величественных перспектив нашего развития, мы должны возможно рациональнее строить огромный *тематический план научно-исследовательских работ, делая его замечательным рычагом социалистической реконструкции.*

Планирование тем, как мы видели, включает момент *размещения этих тем между различными научно-исследовательскими учреждениями.* Кроме сечения проблематики по линии очередности меньшей или большей конкретности и т. д. имеется

более простое их сечение по крупным группам *объектов* исследования. Здесь налицо проблема распределения научно-исследовательских задач *между крупными секторами* научно-исследовательской работы. Одним из главных недостатков ее планирования и по сей день является полнейшая неувязка в работе и разобщенность, граничащая с полной изолированностью отдельных крупных организованных *систем* научно-исследовательских учреждений. Даже такие близкие комплексы, как система институтов промышленности, с одной стороны, и система институтов сельского хозяйства—с другой, работали до сих пор вне всякого сотрудничества, если не считать некоторых более или менее случайных фактов. Между тем подобно связи между отраслями материального труда здесь должна быть связь и между отраслями научно-исследовательского труда, тем более, что все нити в конце концов объединяются в один узел в руках ведущих теоретических дисциплин, физики и химии, если говорить о естественных науках. Разбивка тем определяется соответствующими *потребностями* („заявки" на науку со стороны промышленности, сельского хозяйства, армии и флота, школ всех категорий, внешней политики; учреждений, связанных с вопросами кадров; потребности национальной политики и т. д. и т. д.) и соответствующими *ресурсами,* определяемыми общегосударственным планом. Этот последний, в свою очередь, определяется на основе сложного учета внутренней и внешней конъюнктуры, всей международной, хозяйственной и внутренне-политической обстановки.

Одним из крупнейших вопросов является, между прочим, вопрос относительно *множественности вариантов* и так называемого *параллелизма.* Постоянно приходится встречаться с жалобами на то, что однородные работы ведутся параллельно; что работы ведутся таким образом, когда в одном институте совершенно не знают, что делается в другом; что происходит огромная растрата сил и средств; что нет и речи о мало-мальски налаженной системе обмена опытом; что старые навыки секретничества кое-где процветают и днесь; что вместо социалистического соревнования наблюдается нередко система настоящей „институтской тайны", „подножек" и прочих прелестей, поистине отвратительных с точки зрения социализма. В этом почти сто процентов правды. И само собой разумеется, что *острие нашей борьбы должно быть направлено против параллелизма в ра-*

боте. Но научно-исследовательская работа такова, методы и задачи ее отличаются такими свойствами, что все же нужно сделать из общего положения о недопустимости параллелизма два крупнейших исключения, когда параллелизм является не *вредным, а полезным,* и когда не только не нужно бороться против него, а следует его всемерно поощрять. *Первый* случай — это когда имеются налицо *разные методы* решения какой-нибудь задачи научно-исследовательского порядка, т. е. разные мыслительные или технические приемы ее „разгадки“ (разные материалы, разные технологические процессы; разные типы конструкций и, следовательно, разные подходы к их выработке; разные гипотезы для решения какой-либо проблемы и, следовательно, совершенно различные проверочные опыты и т. д.).

В таком случае в итоге мы будем иметь *варианты* решения той или иной задачи, не одинаковые, а *разные,* будет ли то щелочный аккумулятор, конструкция какой-либо машины или аппарата, конкретный характер какого-либо технологического процесса обработки или какой-либо материал (например, разные сплавы). То же самое и в других областях. Здесь было бы прямо *вредным,* если бы *„параллелизм“* в данном случае был запрещен. Наоборот, здесь он полезен, ибо здесь дано многообразие опытов, результаты которых можно и должно сравнить, взвесить, выбрать лучшее, это лучшее обобществить и универсализировать, дав соответствующую стандартную рецептуру, рекомендующую определенную комбинацию методов, средств, материалов, приемов и т. д. Это *первый* случай.

Второй случай — когда необходимо найти *быстрое решение* какой-нибудь задачи, разумеется, не за счет отодвигания других, более важных проблем. Можем ли, например, в самом деле, сказать, что разрешение проблемы алюминия должно быть сосредоточено только в одном, и исключительно в одном, научно-исследовательском учреждении? Разумеется, нет. Нам очень часто нужно найти *быстрое* решение задачи, и совершенно ясно, что вероятность решения тем больше, чем больше соответствующих опытов, чем они чаще производятся, чем более массовый характер имеют соответствующие эксперименты. Здесь, следовательно, необходимо выйти за пределы *одного* учреждения, и сверхцентрализация, и исключительная монополия одного из них означала бы бюрократическое торможение полезного дела. Таким образом в данном случае параллелизм не только не вре-

ден, но даже в высокой степени полезен, а посему подлежит не уничтожению, а культивированию.

Главное зло „параллелизма" состоит в том, что нет взаимной *увязки* работ, даже элементарной взаимной *информации*. При таком положении вещей речь идет не о полезном параллелизме, который в наших условиях может быть формой *социалистического соревнования*, а о вреднейшей бюрократической тайне, удивительно напоминающей старое буржуазное секретничество; речь идет о недопустимой изолированности научно-исследовательского учреждения, о том, что его работа идет „на холостом ходу"; о худшем виде антиобщественного и антисоциалистического бытия, которое стоит барьером на пути плана, обобществления научно-исследовательских достижений, а следовательно, поперек дороги и развитию науки и социалистической реконструкции. Вот с этим параллелизмом необходима жестокая, упорная, систематическая *война на истребление.*

Планирование *строительства* научно-исследовательских учреждений и планирование *средств* не представляют особо трудной задачи. Это планирование имеет своим исходным пунктом планирование тематики, которое определяет *объем* соответствующих научно-исследовательских работ. Объем этих работ, в свою очередь, требует соответствующих средств (капитальное строительство, оборудование, библиотеки, аппаратура, заграничная специальная литература, точные измерительные приборы, известная территория, например для опытных станций, полузаводские установки и мастерские и т. д.). Заявки, идущие от объема работ, сопоставляются с возможными ресурсами, определяемыми в бюджете под углом зрения *общей директивы об удельном весе* научно-исследовательских учреждений. Здесь необходимо особенно резко подчеркнуть всю недопустимость и нецелесообразность „экономии" на заграничной литературе, в особенности на специальных изданиях. Только малой осведомленностью в вопросе со стороны соответствующих органов можно объяснить эту „экономию", которая на деле означает для нас убытки, исчисляемые многими десятками, если не сотнями, миллионов. Совершенно бессмысленно говорить об использовании иностранной науки и техники, искусственно *отрезая* себя от этой науки и техники. Можно экономить на чем угодно. *Но экономить на иностранной литературе недопустимо ни с какой точки зрения.*

Планирование размещения научно-исследовательских учреждений представляет для нас интерес в двояком отношении. Прежде всего мы считаем и полагаем, что необходимо, наконец, взять решительный и смелый курс на *децентрализацию научно-исследовательских учреждений*. Пора нам отказаться от ориентации старых петербургских чиновников и московских меценатствующих купцов. Пора понять, что так называемая провинция должна перестать быть задворками общекультурной жизни. Пора понять, что у нас образуются новые гигантские центры хозяйственной, политической, культурной жизни. Пора понять, что становятся на ноги целые огромнейшие новые страны (Сибирь, Казакстан и т. д.), по своим размерам далеко превосходящие крупные государства Западной Европы. Пора понять, что открывающиеся новые богатейшие залежи топлива, металла, нерудных ископаемых, источников электроэнергии требуют от нас строительства там, на местах новых производств, мощных научно-исследовательских учреждений, создания новых центров науки и техники. Для того чтобы быть хорошо знакомым со всеми химическими свойствами, со всеми особенностями, например, грозненской нефти, нужно иметь в *Грозном* исследовательский институт, и опыт показал всю целесообразность такого решения. Если мы имеем где-либо крупные массивы металлической руды или топлива, там именно и нужно строить соответствующие институты. Если научно-исследовательское учреждение связано с какой-либо отраслью промышленности, то там нужно выбрать в лоне этой промышленности основной кулак, какой-нибудь завод, или комплекс заводов, или комбинат, который является образцовым для всей этой промышленности, который является и по своему удельному весу, и по постановке дела *ведущим* предприятием данной отрасли, и именно при нем необходимо строить крупное научно-исследовательское учреждение. Тогда мы получим *базу* для настоящей, крепкой, прочной увязки между работами научно-исследовательского коллектива и соответствующей производственной отрасли.

Один из наших инженеров, т. Яроцкий, с полным правом предлагал, чтобы мы при планировании работ научно-исследовательских учреждений не только равнялись по потребностям производства, но чтобы эта связь была закреплена в форме взаимной ответственности за *выполнение промфинплана:* соответствующее предприятие, например, отвечает за промфинплан

лаборатории, а лаборатория отвечает за промфинплан завода. Это предложение вполне целесообразно, и такой опыт необходимо провести.

Вторая, заслуживающая внимания идея, это идея *построения комбината из научно-исследовательского учреждения, втуза и завода* (или, если речь идет о других отраслях работы, соответствующей производственной, административной, военной и так далее единицы). Мы должны начать переходить к такого рода комбинату. Тогда мы имели бы сочетание: 1) завод или комплекс заводов; фабрично-заводская лаборатория или институт; соответствующий вуз или втуз, а также, может быть, и особый научно-исследовательский институт, который занимается специально работой в области производства соответствующих кадров. Таким образом мы имеем процесс производства с системой рабочих мест, причем данная производственная единица связана с топливной, сырьевой или энергетической базой; рядом с этим имеется тут же, на месте, научно-исследовательский институт, который делает объектом своей работы и естественную базу производства, и технологические процессы, протекающие на заводе, и экономику производственного процесса; в полной увязке с этим производятся и кадры, которые сразу получают нужный опыт, причем все преподавание ведется в связи с производством на месте этого производства, а студенты с самого начала находятся в курсе всех особенностей и качественных отличий данного вида производства, рассматриваемого и с его технической и с его экономической стороны; наконец (если мы имеем дело с предприятием крупного значения), научно-исследовательский институт по кадрам должен изучать типы нужных работников, их особые квалификации, учитывать всю сумму педагогического и производственного опыта и т. д. Само собою разумеется, что такого рода комбинат должен включать и библиотеки, и показательные музеи, и ряд других вспомогательных учреждений. Мы будем в таком случае иметь твердую базу для совместного решения многих проблем зараз. Чем мы сейчас страдаем? Тем, что у нас нередко существуют огромные диспропорции между производством и наукой, между спросом на инженеров и покрытием этого спроса, между требованиями на научно-исследовательский труд и жалким количеством имеющихся работников. Процесс овладевания техникой и наукой требует подготовки соответствующих компетентных и квалифицированных сил. А у нас часто

работники распределяются вне всякой зависимости от их квалификации, и самая *подготовка* кадров идет вне учета качественно различных потребностей. Предлагаемая система в значительной мере устранила бы этот недостаток. *Элементы плана* росли бы в самом действии, ибо увязка разных сторон проблемы дана была бы организационным сочетанием различных учреждений. Здесь нужно действовать смело и решительно. *Смелее* децентрализовать научно-исследовательские учреждения, радикально распрощавшись с „окраинами“, „инородцами“, „провинцией“, „колониями“, „владениями“ и тому подобными атрибутами проклятой великодержавности. Смелее строить такие культурные гнезда, которые будут мощным рычагом подъема новых стран, частей СССР. Смелее ориентироваться на культурную революцию среди широких масс, которые связаны с данной отраслью производства, живут ее интересами, вросли корнями в свой район, готовы его поднять на щит социалистического соревнования районов. Тогда мы получим такое мощное излучение культурной энергии, такие новые рассадники пионеров социалистической культуры, бойцов науки, техники, производства, социализма, что победа наша приблизится в своих сроках на много лет.

Переходим к вопросу о *планировании кадров*. Здесь необходимо остановиться лишь на некоторых общих идеях. Прежде всего тут следует подчеркнуть снова и снова специфические черты текущего момента, связанные с расстановкой классов и классовой борьбой. Последние вредительские процессы кричаще резко демонстрировали все исключительно огромное значение *классового и политического отбора людей*, которые работают как инженерно-технические и научно-исследовательские силы. Серия процессов вскрыла перед нами отвратительную подкопную работу людей, которые не только плевали на героические усилия рабочих, но взрывали эту работу, бренча золотом империалистов и идеологически опираясь на все силы старого мира. Речь идет здесь не о какой-нибудь одной человеческой молекуле. Речь идет о *целом слое* нашей технической и научно-исследовательской интеллигенции, который оказался в лагере наших самых отъявленных, самых кровавых врагов, лишь для внешности надевающих в „мирное“ время лайковую перчатку дипломатии и усердно орудующих по временам лакированным языком буржуазной христианской цивилизации. С врагом пришлось поступить, как с врагом. На войне, как на войне: враг должен быть ок-

ружен, разбит, уничтожен. Но измена целой большой группы чрезвычайно остро подчеркивает *проблему новых кадров,* таких кадров, у которых была бы достаточная социально-классовая прививка, у которых самая их кровь была бы гарантией беззаветной верности делу пролетариата. Эти кадры должны принести с собой ту революционную страстность, тот энтузиазм, ту целеустремленность, ту несокрушимую энергию, которую обнаруживает в строительной работе и революционной борьбе пролетариат СССР.

Проблема кадров у нас *исключительно* важна. Она важна у нас прежде всего потому, что необыкновенно грандиозны наши задачи, требующие квалифицированных работников. Она стала еще острее благодаря измене большой группы интеллигенции. Эту *проблему кадров* революция решит так же, как она решала другие задачи. Она отберет десятки тысяч надежных, крепких, верных своих сынов. Но это *новое поколение* работников должно быть переработано так, чтобы по своей *научной и технической квалификации* не уступать „старым", а *превзойти* их. Чем шире наши строительные задачи, чем грандиознее они, чем они новее, чем больше трудных и оригинальных проблем несут они с собой, чем скорее мы переходим к действительно социалистической технике, чем решительнее мы ускоряем темпы строительства, — тем *серьезнее* должна быть подготовка, тем *выше* квалификация, тем *глубже* знания, тем *ответственнее* работа, тем недопустимее чванство, легкомыслие, верхоглядство, против которых со всей настойчивостью борется наша партия. Прошло время литературщины, „газетной трескотни". Каждый шаг проверяется теперь *опытом.* У плохого инженера ломаются машины, проваливаются мосты, не ходят тракторы, дорого строится завод и т. д. От *техники на ходу* нельзя „отболтаться". И тысячи рабочих глаз проверяют и контролируют работу. Мы вступили в такой период строительства социализма, когда мы поднимаем исключительно огромные стройки. Без знания и умения, *не показного,* а настоящего, сделать этого нельзя. И наша пролетарская техническая и научно-исследовательская молодежь должна *бешено учиться*: иначе у нас будет аварийное положение по всему фронту, от идеологии вплоть до техники. Стране нужен труд весьма квалифицированной пролетарской молодежи, которая должна политически, технически, научно, культурно расти не по дням, а по часам

и которая должна употребить дьявольские усилия для того, чтобы, развивая неслыханно быстрые темпы, в то же время обогнать и „стариков“, и иностранных ученых, и техников в *качественном* отношении. Только в таком случае она выдержит грядущее великое историческое испытание. Но из этого отнюдь не следует, что оставшиеся у нас *„старые“ ученые* не должны играть своей роли. Самый острый момент борьбы остается позади. Кулацкие отряды окружены и разбиты. Сопротивление в основном сломлено. Это положение вещей необходимо вызывает и усиливает колебания в *сторону* пролетариата. Те слои ученых, которые остались верными диктатуре пролетариата или лойяльно работали с советской властью, *должны быть всячески поддержаны.* Произошел великий отсев, диференциация, генеральная размежевка сил, проверка в ходе борьбы. И вполне понятно, что выдержавшая экзамен группа ученых, исследователей, техников *должна быть ободрена, сплочена вокруг партии и советов, поддержана.* Ей предстоит большая работа по стройке. Перед нею огромные горизонты науки и научного развития. Перед нею благороднейшая и благороднейшая задача—передать свои знания и опыт десяткам тысяч новых бойцов, пионеров новой культуры, науки, техники, знания. Перед нею перспективы, о которых раньше и нельзя было мечтать.

При *планировании кадров* возникает ряд вопросов: 1) прежде всего, о *числе* работников на данные календарные сроки (это число определяется объемом развертывающихся научно-исследовательских работ, причем необходимо резкое форсирование воспроизводства этих кадров); 2) далее идет вопрос о *распределении* работников по различным отраслям научно-исследовательского труда (здесь необходимо отметить исключительное несоответствие фактического распределения работников реальным потребностям как по отраслям научно-исследовательского труда, так и по степеням научной квалификации); 3) обеспечение соответствующей *квалификации* работников (исключительно недостаточное в настоящее время: типы потребных работников не изучены, подготовка их крайне слаба, специализация проведена недостаточно, общетеоретический уровень еще очень низок); 4) обеспечение правильного хода всего воспроизводства работников всех степеней квалификации, вплоть до самых высших. Все эти задачи входят составными частями в вопрос

о планировании кадров и подлежат решению во что бы то ни стало.

При планировании кадров исключительно огромное внимание нужно уделить вопросу о *распределении времени наших научных работников вообще и крупных ученых в частности.* Опыт показывает, что наши крупнейшие ученые, наши научно-исследовательские и инженерно-технические работники исключительно большой процент времени тратят не на свою работу в собственном смысле. Они заседают, консультируют, администрируют, ездят, хлопочут, организуют и еще раз заседают, не занимаясь наукой, не двигая ее вперед, *не имея возможности заниматься своим делом.* Научно-исследовательская работа есть последняя по очередности работа, которой занимаются соответствующие ученые специалисты, которых дергает и теребит всякий, кому не лень. Такого рода положение вещей абсолютно нетерпимо. С ним нужно покончить раз и навсегда: *необходимо обеспечить ученым все потребное количество времени для научной работы. Без этого двигаться вперед нельзя.*

В заключение данного раздела необходимо сказать, что все части планирования научно-исследовательской работы должны быть взаимно связаны и предоставлять единое органическое целое: планирование тематики, средств, кадров и т. д., все это — функциональные части *одного* плана, а весь этот план в свою очередь составляет функциональную часть *общегосударственного плана. Только при таком положении вещей планирование научно-исследовательской работы будет действительным рычагом, поднимающим производительность научно-исследовательского труда, поворачивающим всю науку в сторону хозяйственных планов, резким образом поднимающим эффективность всего социалистического хозяйства СССР. Хозяйственная, политическая, оборонная мощь Союза поднимается тем самым на свою высшую ступень.*

5. МЕТОДЫ ПЛАНИРОВАНИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ

В общей сумме вопросов, стоящих в связи с планированием научно-исследовательской работы, крупнейшую роль играет вопрос о *методах ее планирования.*

Методы планирования научно-исследовательской работы должны быть тщательно продуманы. Здесь обязательно должны

быть приняты во внимание специфические особенности научно-исследовательской работы, ее качественная характеристика, ее оригинальные черты. Мы видели выше, как этими особенностями козыряют противники планирования научно-исследовательской работы вообще. Их аргументы мы разоблачили. Но тем острее мы должны поставить вопрос об этих специфических особенностях в связи с вопросом о *методах планирования.*

Специфические особенности научно-исследовательского труда заключаются прежде всего в том, что это творческий тип работы. Здесь меньше всего *рутины*, здесь больше всего *исканий*; здесь относительно меньше известного, данного, обычного, стандартного; здесь требуются новые комбинации, которых раньше не было; здесь упор не на заранее готовые ответы, а на *выработку* этих ответов. Конечно, и здесь есть ряд вещей известных, тысячи раз повторяющихся операций и процессов, где еще нет проблемы; технически простых актов, которые ничего творческого не представляют, но являются отправными точками или предпосылками для искания новых путей. В этой области можно указать точные сроки и расписать все по календарю. Но если мы имеем дело с исканием нового, с решением новых проблем, то дело обстоит сложнее. И здесь мы можем для ряда проблем ставить сроки, но они не могут отличаться той же степенью точности, как сроки в области планирования материального труда. А для ряда общих и труднейших проблем часто почти невозможно заранее говорить о сроках (смешно сказать: извольте разложить атом к 28 сентября 1940 г.). Разумеется, это не аргумент против планирования, это — аргумент против пошехонско-бюрократическо-головтяпского *метода* планирования.

Далее. В научно-исследовательской работе очень часто „на ходу", т. е. в процессе самой работы, возникают новые проблемы, побочные ростки мыслей, иногда целый их пук, иногда даже такие новые и неожиданные потоки проблем, которые, отпочковавшись, своим значением перекрывают первоначальные линии работы и направляют ее по совершенно иному руслу. Что же, нужно запрещать эту работу только потому, что она заранее не была внесена в план? Нужно ее отложить только потому, что у нее нет планового номерка? Разумеется, нет. Это было бы бюрократическим торможением дела, а не разумным планированием. В области материального производства дело обстоит проще, хотя и тут бывают необходимы серьезные поправки. В области

научно-исследовательской работы, именно в силу специфических особенностей научно-исследовательского труда, дело обстоит гораздо сложнее и „тоньше“. С этим нельзя не считаться. Поэтому методы планирования должны обязательно учитывать эту особенность.

Идем еще далее. Научно-исследовательская работа такова, что она не поддается часто грубому и элементарному, чисто количественному учету. В области материального труда, при массовой продукции и стандартном качестве, достаточны простые количественные индексы. Другое дело — в научно-исследовательской и научно-технической работе. Здесь приходится искать, пробовать, терпеть иногда неудачи, снова пробовать. Можно год работать над какой-либо конструкцией и ничего не добиться. Но этот год усилий и исканий совершенно нелепо записывать как круглый нуль. На базе этих исканий, в конце концов, и получается решение. Это есть своеобразный процесс производства нового. Вообще вся научно-исследовательская работа носит диференцированный качественный характер, который опять-таки должен быть принят во внимание. Наконец, нужно отметить, что в области научного исследования открытие в одной области имеет тенденцию с чрезвычайной быстротой перебрасываться на смежные области.

Все эти специфические черты научно-исследовательской работы делают особенно крупной опасность *бюрократического извращения* планирования. Ленин давным-давно предупреждал против этой опасности, когда мы приступали к планированию хозяйства вообще. Теперь вполне уместно поставить этот ленинский вопрос в связи с тем, что мы *впервые* приступаем к планированию научной работы. Ведь в этой области особенно нужны смелость, инициатива, постановка новых вопросов, новых проблем; здесь нужна творческая фантазия; здесь нужно пробовать; здесь нужно искать, здесь нужно *сметь*. Вот почему *бюрократическое* планирование здесь особенно опасно: оно может придушить инициативу, оно может оказаться петлей на научно-исследовательской работе, оно может привести к артериосклерозу научной мысли. Конечно, весь упор должен быть сейчас на повороте от беспланового к *плановому* хозяйству в научном исследовании. Здесь лежит центр тяжести. Но болезнь нужно ликвидировать в самом зародыше, и это тем более, что многих ученых, которые хотят итти в ногу с советами, при-

меры головотяпского „планирования“ могут отпугивать и отпугивают.

Один из таких примеров, когда люди совершенно не учитывают специфических особенностей данного вида деятельности, был недавно приведен в журнале „На литературном посту“. Там была напечатана статья некоего Восторгина, который, не моргнув глазом и, очевидно, будучи наслышан об организации и плане в науке, выставил в этой статье („Реконструкция литературы“) такие курсивом набранные положения:

„*ликвидировать писателей-кустарей как класс; создать мощные хозяйственно-литературные мастерские, работающие по принципу научного разделения труда и на основе социалистических методов производства*“[1].

Редакция журнала дала отпор восторженной статье восторженного т. Восторгина. Но пример этого автора, записавшего всех писателей во враждебный класс, подлежащий уничтожению, перенесшего лозунг *обезличенной езды* на литературную продукцию и поднявшего его на высоту социалистического принципа, поистине симптоматичен. Механическое перенесение форм и приемов, годных на одном участке работы, на совершенно специфические ее области мстит за себя. Конечно, наука *не поэзия*. Она весьма *рациональна*. Но научно-исследовательская работа имеет свои отличия от процесса материального производства, и механическое перенесение приемов планирования и учета, практикуемых в сфере производства, на научно-исследовательскую работу, без внимания к *своеобразию* этого объекта планирования, недопустимо.

Эти предварительные замечания необходимо было сделать с самого начала, ибо они должны лечь в основу всех последующих суждений.

Наиболее общий принцип методики планирования должен заключаться в том, что *сверху* „развертываются“ лишь самые *общие* проблемы, указываются главные *направления* работы, узловые пункты, крупнейшие и особо актуальные задачи. Совершенно неправильно было бы, если бы сверху, в порядке невероятной централизации, местам указывались сотни тысяч тем и темок, с претензией на святость и незыблемость такого плана. Во-первых, такой план нельзя было бы выработать, с ним

---

[1] „На литературном посту“ № 7.

нельзя было бы „справиться“; во-вторых, он *наверняка* не учитывал бы всего богатого многообразия жизненных запросов, всей исключительной гаммы жизненных импульсов; в-третьих, он был бы мелочным и детализированным каталогом тем, а не продуманной и связной их системой; в-четвертых, он *наверняка* душил бы всякую научно-исследовательскую инициативу; всякий почин, всякую оригинальность. Другими словами, он был бы воплощением *бюрократического* плана чиновников, продуктом административного восторга и чрезвычайно мало был бы похож на настоящий план научно-исследовательских работ.

Поэтому здесь более чем где-либо необходимо, чтобы общие продуманные, компетентные указания расшифровывались сверху вниз самими нижестоящими учреждениями, от головных институтов к отраслевым, от отраслевых к опытным станциям и лабораториям (если оперировать примерами промышленности и сельского хозяйства) вплоть до „научно-исследовательского станка“, т. е. лабораторного стола.

Но методика планирования должна, по существу, *обеспечить наитеснейшую связь с практикой. Это есть главный и основной регулятивный принцип всего планирования.* Следовательно, и *методы* планирования должны, в первую очередь, *обеспечить эту связь.* Поэтому очевидно, что разработка планов должна итти не только *сверху вниз,* но и *снизу вверх,* причем во всех соответствующих звеньях должно происходить согласование планов научных работ с планами производственных единиц. План фабрики, ее работа, со всеми ее техническими и экономическими показателями, есть *база* для плана работы фабрично-заводской лаборатории (а план *цеха,* соответственно, есть база для плана работ цеховой лаборатории); *фабрично-заводская лаборатория* есть научно-техническое орудие *завода,* его орган, имеющий непосредственное практическое значение; его план есть составная часть плана завода в его целом; лаборатория — не изолированный остров: она держит под наблюдением весь завод, и ее план отражает и выражает потребности заводской жизни; *зональная опытная станция* строит план своей работы на основе хозяйственных планов обслуживаемой ею хозяйственной территории (колхоза, совхоза, района); аналогично этому строятся планы низовой сети учреждений, связанных с непроизводственными наркоматами. Институты специализированного типа связаны непосредственно либо с комплексом крупнейших заводов (рудников,

гигантских совхозов), либо с трестами, либо — наиболее частый случай — с объединениями. Конкретно это зависит от степени разделения труда, дробления его по специальностям, организационных форм промышленности, сельского хозяйства, транспорта и др. Планы этих институтов составляются *на основе* планов (годовых, пятилетних и перспективных) соответствующих объединений. Но здесь институты вынуждены и *забегать вперед*. Контрольные функции у них почти отпадают (контрольные анализы — дело лабораторий на местах). Они обслуживают данную отрасль промышленности (или сельского хозяйства, или транспорта, или обороны и т. д. и т. п.) не только с точки зрения *данной* техники: они должны *вести вперед*. Их планы поэтому должны неизбежно подниматься *над* планами практически работающих организаций, *отправляясь* от них. По сути дела они являются, таким образом, тоже составной частью треста, или объединения, или соответствующей другой единицы практического порядка. Научно-исследовательские учреждения *еще более высокого порядка* (головные институты, академии, научно-исследовательские сектора) координируют свою работу с огромными комплексами практически действующих органов (планы промышленности есть база для сводных планов научно-исследовательской работы всей промышленной сети; то же для сельского хозяйства и др.). *Обязательно* должен быть применен и *метод встречных планов*, причем и институты с своей стороны должны выдвигать встречные *планы для промышленности, сельского хозяйства* и др. в особенности в связи с проблемой внедрения научно-технических достижений.

Было бы, однако, излишним схематизмом и педантизмом сводить методы составления планов *только* к этому. Мы уже видели, что наука должна неизбежно забегать вперед; с другой стороны, имеется известная *(относительная)* внутренняя логика развития науки; далее, заграничная научная мысль подлежит обязательному и всенепременному учету; затем, в ходе работы назревают в отдельных дисциплинах некоторые общие узловые проблемы, решение которых открывает шлюзы для целого ряда новых и новых теоретических и практических проблем и соответственных решений; наконец, в области теории, на границах смежных дисциплин, обычно вспыхивают наиболее интересные (иногда делающие эпоху) постановки вопроса, на которых целесообразно сосредоточить усилия ученых, чтобы в результате,

в конце концов, получить огромный прирост практических ценностей. Вот почему наряду с *основным* методом составления планов научно-исследовательских работ,—методом, который *непосредственно* исходит из конкретных планов практически работающих организаций, необходимо иметь *добавочные* источники для составления научно-исследовательской тематики,— источники, которые давали бы гарантию того, что *для и ради* социалистического строительства мы используем *все* достижения науки, в том числе и такие, которые выражают „обратное влияние" на практику, идут из самых глубин научной теории и которые мы тоже должны сделать рычагом *практической переделки* мира. Здесь следует широко практиковать созыв совещаний и конференций и по специальным проблемам, и по отдельным дисциплинам, и по вопросам, возникающим в пограничных областях знания, и по проблемам, выдвигаемым иностранной наукой и техникой. Эти совещания должны быть свободными от всяких элементов бюрократизма, администрирования, чиновничьей опеки. Им следует предоставить возможность самой широкой научной инициативы. Главное в них — выдвижение новых проблем, новых точек зрения, новых предложений; широчайший обмен научным, научно-исследовательским и техническим опытом; интенсивное взаимодействие между различными дисциплинами; постановка „ведущих" проблем той или иной дисциплины; дискуссии между представителями различных школ и направлений внутри этих дисциплин; обсуждение общих вопросов из области соотношения между теорией и практикой на основе *учета опыта* и под углом зрения непрерывного *слияния* теории и практики и т. д. и т. п. Наряду с такого рода совещаниями необходимо всемерно поощрять деятельность научных обществ и ассоциаций, создание вокруг них живой и подвижной научной общественности, связанной с широкими кругами рабочего актива общественности, которая, наряду с общими задачами, ставила бы себе *особые* задачи, или, вернее, общие задачи нашего строительства и нашей борьбы переводила на специфический язык, конкретно расшифровывала их, пропитывала бы их практикой науки и техники. Живая деятельность всех этих обществ и ассоциаций, результаты научных совещаний и конференций должны служить добавочным — и притом очень важным — источником планирования научно-исследовательской работы. Следует здесь подчеркнуть, однако, что речь идет опять-таки *не о механическом объ-*

единении и не об арифметическом суммировании материала, а об органической увязке, о построении *единого* плана, который представлял бы собою известный синтез и при всей своей многосторонности преследовал бы *единую цель, наилучшим и наиболее быстрым образом эту цель реализуя.*

При таком положении вещей вся система научно-исследовательских учреждений вырабатывает свои планы в наитеснейшем контакте с практически работающими организациями, в первую очередь промышленными и сельскохозяйственными, строя эти планы *на основе* планов соответствующих учреждений и соответствующих областей практической работы. В то же время планы научно-исследовательской работы включают и крупные проблемы, решение которых революционизирует практику и обеспечивает могучее продвижение ее вперед. Планы прорабатываются и сверху вниз и снизу вверх, включая влияние специальных и общих научных конференций. *При такой методике составления планов они будут действительными планами, а не каталогом тем; системой, а не механическим нагромождением вопросов; рычагом практического переворота, а не академической бумагой; живым революционным делом, а не мертвой литературой.*

Выше мы видели, насколько серьезно стоит вопрос о *специфических особенностях* научно-исследовательской работы. Из этого положения вытекает и ряд выводов, касающихся *методики планирования.*

Во-первых, сюда относится проблема новых, выдвигаемых в ходе самого исследования, вопросов, в связи с чем стоит проблема *гибкости и эластичности* плана. Эта проблема должна решаться следующим образом: всякое научно-исследовательское учреждение должно иметь известное количество забронированного „пустого“ времени, известный его резерв, который заполняется в ходе работ. Это время включено в план именно как резерв. Данное учреждение, данный институт, данная лаборатория по собственной своей инициативе, по собственному своему разумению наполняет *его* тем конкретным содержанием, которое заранее не может быть учтено и которое выявляется лишь в ходе научно-исследовательской работы. Разумеется, при этом должно быть обеспечено выполнение *намеченного* плана. Разумеется, этот резерв отнюдь не должен играть роль лазейки или трамплина для *разрушения* плана. Разумеется, этот резерв

должен быть относительно малой величиной по сравнению с общим бюджетом времени. Разумеется, наконец, это время *всегда* должно быть заполнено; но оно заполняется *самим* институтом, оно обеспечивает возможность наилучшего *оперативного* планирования по инициативе этого института. Таким образом резерв времени необходим: он дает маневроспособность, он предохраняет институты от „хождения по мукам“ бюрократических инстанций, от переписки, ходатайств, волокиты; он поощряет инициативу не за счет плана, а в пределах плана; он делает самый план достаточно гибким и эластичным, предохраняя его от бюрократического вырождения.

Во-вторых, проблема плана и индивидуальных работ. В общей постановке мы этот вопрос уже разбирали, когда речь шла о *возможности* планирования. Но здесь эта проблема снова выплывает, поскольку ставится и вопрос о том, *как* сочетать индивидуальные работы с коллективной организацией труда, *как* планировать эти индивидуальные работы. Совершенно очевидно, что коллективная организация научно-исследовательских работ отнюдь не зачеркивает личностей. Совершенно очевидно также, что вводить сюда „обезличенную езду“ — это значит наделать беды. Совершенно очевидно, наконец, что методика составления плана должна способствовать инициативе и творческому размаху работников науки, развертыванию и росту эффективности научно-исследовательского труда. Поэтому при составлении плана научно-исследовательских работ необходимо, по правилу, заранее включать индивидуальные работы в план; при распределении и расстановке научно-исследовательских сил вообще, особо крупных ученых в частности, считаться с их особыми свойствами, научными интересами и склонностями, включая их в *соответствующие* (по объему, оборудованию, людским кадрам, направлению и характеру работ) научно-исследовательские учреждения. При таком положении конфликты между планом и индивидуальными работами будут минимальны. С другой стороны, именно на основе *плана и коллективной организации труда* (т. е. возможности разделения труда, массовых опытов, поверочных испытаний, одновременного решения ряда задач и т. д.) возможно будет огромное повышение производительности труда и отдельного ученого и всего коллектива.

В-третьих, проблема научно-исследовательского риска. Мы видели выше, что не всегда *сразу* получается готовое решение,

что в области поисков *нового* неизбежны неудачи, логические и материальные „поломки“. Планирование научно-исследовательской работы должно считаться с этой особенностью научно-исследовательского труда. Поэтому оно должно — при правильной постановке дела — предполагать широкое право на *научно-исследовательский риск*. Здесь положение аналогично положению с *техническим* риском. Без „права на риск“ неизбежна будет боязнь ответственности, боязнь нового, процветание невероятного консерватизма и рутины, убиение творческого начала и инициативы, система „страховок“ и „перестраховок“ (вчетверо более толстые стены, излишняя трата металла при постройках и т. д.), вырастающая в паразита, сосущего соки живой жизни. В области *научно-исследовательской работы*, где принцип новых творческих сочетаний является основным, право на риск должно быть особо подчеркнуто и закреплено. Конечно, при этом должен быть налажен и усилен соответствующий *контроль за исполнением*. Это дело трудное. Но трудными являются очень многие проблемы современности. Их нужно преодолевать, и мы их преодолеваем.

В-четвертых, проблема учета эффективности научно-исследовательских работ. Эта проблема должна опять-таки считаться с своеобразием научно-исследовательского труда. У нас уже накопился целый ряд „житейских анекдотов“ из этой области: определение сравнительной эффективности по простому количественному сравнению числа законченных работ, по количеству листов напечатанных „трудов“ и т. д. Между тем совершенно очевидна вся нелепость такого рода учета. Эйнштейн, как известно, сформулировал целую революцию в основах современной физики на нескольких страничках, тогда как гётевские Вагнеры могут производить тонны печатной бумаги. Но от этого Вагнеры не станут „продуктивнее“ Эйнштейнов. Десятки тысяч решений по самым разнообразным вопросам не могли бы выдержать сравнения с *одной* решенной проблемой такого, например, порядка, как перенос электроэнергии на расстояние без проводов. Все это весьма элементарно. Но сказать это необходимо. В области научно-исследовательского труда особо должна быть подчеркнута категория *качества*. Учет, который не „учитывает“ этого последнего обстоятельства, есть прямое издевательство над учетом,— издевательство, которое ни с какой стороны не может быть положено в основу правильного планирования научно-иссле-

довательской работы. Таким образом здесь нужно переходить на систему сложных показателей с учетом качественных характеристик, или к качественному описанию, сопряженному с количественным учетом в допустимых пределах этого учета, или к косвенным методам *экономической* оценки („польза“ института для производства, например в масштабах *длительного* времени: иначе опять-таки сравнение невозможно) и т. д. Здесь еще необходима систематическая подработка вопроса.

В-пятых, проблема подбора научно-исследовательских кадров. Методика планирования и здесь не может и не должна механически переносить приемы, годные для сферы материального труда, целиком и полностью, без всяких коррективов, на планирование кадров в области научного труда. В порядке крупных заданий, в порядке величайшей спешки, гигантских темпов; при повелительной необходимости действовать быстро, смело и решительно мы привыкли прибегать к методам мобилизаций. Мы мобилизуем громадное количество человеческих рук, голов, мозгов без предварительного выбора и подбора. Мы бросаем на посевную, уборочную, продовольственную и так далее кампании огромное количество живой человеческой энергии. Она иногда делает чудеса. Но в научно-исследовательской работе необходим более сложный, более диференцированный подход. Мы должны иметь здесь определенный *отбор* научно-исследовательских работников: отбор из рабочих-изобретателей, рационализаторов; из талантливых и выдающихся активных рабочих на фабриках и заводах, в особенности из товарищей, имеющих изобретательскую, научно-исследовательскую жилку; при этом выбор *отрасли* научно-исследовательского труда должен точно так же отвечать склонностям и способностям данных товарищей. Фабрично-заводские лаборатории, производственные совещания, всевозможные технические и научные кружки могут здесь сыграть исключительную роль. В *вузах* и *втузах,* в повседневной работе студентов мы должны внимательно присматриваться к людям особой складки, особой сноровки, их выдвигать, из них вербовать научно-исследовательские кадры. Тогда мы получим максимальный эффект.

Особо стоит вопрос о качестве *плановых ячеек* наших научно-исследовательских учреждений. Нужно прямо сказать, что нередко эти плановые ячейки представляют собой бухгалтерскую часть института, работники которой мало понимают в логике

самой научно-исследовательской работы. Поэтому нередко их работа бывает внешней, а следовательно, в значительной мере фиктивной. Поэтому и планы нередко бывают фиктивными. Отсюда необходимо сделать обязательный вывод: плановые ячейки в научно-исследовательских учреждениях должны иметь крепчайшее ядро людей, которые понимают самую логику научно-исследовательского труда, которые *сами являются научно-исследовательскими работниками*, которые могут правильно учитывать опыт работы и правильно намечать тематические планы своего научно-исследовательского коллектива. *Качественная* сторона плана должна служить предметом особого наблюдения и особых забот.

Итог итогов. Мы возвращаемся снова к исходному пункту, на новой основе повторяя нашу генеральную установку: *планировать науку для практической работы в хозяйстве.* Когда-то старый Вильгельм Либкнехт коротко определял задачи партии: studieren, propagandieren, organisieren. Мы можем тоже коротко формулировать наши задачи: *исследовать и открывать; изобретать и технически оформлять; овладевать техникой и применять ее на практике массового производства.*

Теоретическая работа у нас, от установления частных закономерностей вплоть до высочайших обобщений, конденсирующих в кратких формулах огромное богатство конкретного содержания, есть совершенное орудие для переделки нашей страны и, в последней инстанции, для переделки всего мира. В одиннадцатом тезисе Маркса о Фейербахе говорилось: „Философы лишь объясняли мир так или иначе; но дело заключается в том, чтобы его изменять". Этот тезис есть действительная философия нашей эпохи, эпохи великих работ, героических усилий, широких планов, огромных воль, творчества миллионов, напряженной борьбы. *Познание* не летит кверху, как интеллектуальный пар. Оно — фигурально выражаясь — растет из материального труда, из живой жизненной практики. Работники науки, познавая ее природу, как социальную природу, отдавая себе полный отчет в социальной обусловленности и социальной функции науки, воздействуют на эту практику. Не как отвлеченная категория, а как *живая деятельность строителей социализма, теоретическая работа впервые, в общественном масштабе, в плановом порядке, сознательно становится на службу практике миллионов трудящихся, переделывающих лицо земли.*

Главное сейчас — *реализовать в жизни наши установки.* Мы должны считать критерием в оценке работы наших научно-исследовательских учреждений их службу социалистической практике; если мы здесь достигнем высоких показателей, тогда мы безусловно выдержим великий исторический экзамен: и экзамен, который предстоит нашему социалистическому хозяйству, и экзамен, который предстоит держать нашей науке. Ту часть *старого поколения* наших ученых, которая с презрением отмечает зазывания иностранных врагов, мы должны призвать смело и беззаветно отряхнуть ветхий прах рутины и традиции, быстро перестроить свои ряды и целиком ориентироваться на самое активное, самое энергичное участие в социалистической реконструкции страны. Завершение пятилетки в четыре года; сплошная коллективизация сельского хозяйства к концу пятилетки; достройка в ближайший год фундамента социализма, более высокие, чем в самых развитых странах капитала, показатели техники, экономики, культуры на протяжении десятилетия,— все это должно быть не абстрактными фразами, а регулярными принципами работы, творимой миллионами рук.

Мы должны призвать точно так же *нашу научную молодежь*, нашу надежду (ибо именно ей придется решать самые великие исторические задачи, более великие, чем задачи, выпавшие на долю „стариков"), к упорной социалистической работе по овладению наукой, техникой, производством. Мы должны всех научных работников призвать к сознанию своей неизмеримой исторической ответственности. Мы должны всех призвать к героическому труду, пламя которого будет гореть таким же ярким и ослепительным светом, как пламя героического труда рабочих масс, во всех концах нашего Союза громоздящих исполинские здания новых заводов и строящих массивный металлический фундамент нового общества. Мы должны призвать всех к самому тесному *сближению с миллионами*, к напряженной работе *по демократизации знания.* Движение *по овладению техникой* стало уже *массовым* движением, и колонна за колонной, отряд за отрядом идут в наступление на фронте технического переустройства страны. Научно-исследовательские работники должны слить свои ряды с рядами борцов за новую технику, должны быть передовой, авангардной цепью в бесконечных шеренгах строителей и воинов классового фронта. В конечном счете все решают люди, сила массы, ее культурность, ее энергетическая

зарядка. Ничего не стоят арифметические вычисления статистиков, которые упускают из вида „малость“: силу пролетарских масс, чувствующих себя хозяевами, строителями, организаторами страны. Ведь это *массы* дали такие темпы; ведь это *массы* выдвинули различные фронты ударничества и соцсоревнования. Ведь это *массы* на страх врагам превратили Союз в индустриальную социалистическую страну. Но если и теперь массы способны „творить чудеса“, то эти „чудеса“ будут еще величественнее, когда разбуженная революцией ненасытимая жажда знания приведет к новому могучему скачку в культурном росте пролетариата и трудящихся масс вообще.

Мы идем к огромным историческим испытаниям под руководством нашей партии, под руководством ее ЦК, под руководством советской власти. Мы идем к историческим испытаниям действительно всемирных масштабов. Мы находимся в самой гуще напряженной и трудной работы, огромных достижений, небывалых успехов, но и тяжелых жертв. Не будем забывать, однако, что ни одна историческая полоса, которая кажется потомкам сверкающей алмазной эпохой сплошных героических подвигов, не обходилась без тяжелых надрывов, мучительного напряжения, чрезвычайных жертв, непосильных с точки зрения так называемого „нормального“ времени мещанского покоя, тихой пристани, идиллии либерального прекраснодушия. Эпоха реформации; эпоха Великой революции во Франции; так называемое „Смутное время“ в России — все это были годы и десятилетия *тяжкие*. Но они пробивали могучими, тяжелыми таранами железные ворота дальнейшего исторического развития. Даже весьма переоцениваемые буржуазными историками петровские реформы были ломкой, когда рубка леса давала очень много щепы. Это не мешает многим квалифицированным интеллигентам делать как раз из *Петра*, выщипывавшего бороды, имевшего пристрастие к пыткам, не стеснявшегося ничем *Петра*, символом власти которого была знаменитая дубина, национального героя и украшать лавровыми венками его мраморные бюсты. Эти люди нередко считают теперь своим патриотическим долгом злобно шипеть по поводу тяжестей нашего времени, когда вся страна переделывается *в корне*, когда *сегодня* приходится жертвовать многим, чтобы *завтра* повысить жизненный уровень и уровень культуры на *сотни ступеней*. Идет вперед мощная победоносная рать рабочего класса. В ожесточенной классовой борьбе

внутри страны, в тяжелом железном кольце капиталистического окружения строители социализма строят его великое здание. Они уничтожают, как змеенышей, клубки вредителей. Они ликвидируют остатки капитала. Они отметают бескостных. Они обнаруживают настоящие смерчи и ураганы неистовой воли, подчиненной контролю планирующей научной политики. Они превратят Союз в драгоценную вооруженную отчизну, если империалистские разбойники вынут из ножен свои острые мечи. Единство воли определяется единством нашей партии. Это единство воли дает огромную ее концентрацию, страстную целеустремленность, могучую силу, с которой мы продвигаемся с боями вперед. С непреклонной смелостью, с несгибаемой решительностью, с вызывающей дерзостью мы будем делать свое дело. И мы выполним те задачи, которые возлагает на нас развертывающаяся классовая борьба мирового пролетариата. К дружности, сплоченности, развернутой самокритике, яркой и смелой работе, *вместе* с пролетариатом — *не рядом* с ним, а в его рядах; *не для* дела „помощи“ рабочему классу со стороны, а для общего нашего дела, которое есть дело пролетариата, мы и зовем вас всех с этой трибуны. Мы зовем на победу, на сокрушение всех врагов, на осуществление великой стройки, на завершение великой социалистической реконструкции нашей страны!

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ И БОРЬБА ЗА ТЕХНИКУ

О технической пропаганде и ее организации [1]

Революция пролетариата в нашей стране вступила в свою новую фазу: фазу *технического переворота.* Этим, в сущности, подчеркивается вся ее неизмеримая глубина: в октябре 1917 г. был разбит государственный аппарат буржуазии и организована диктаторская власть рабочих, поддерживаемых крестьянством; далее, быстро развивался процесс экономической экспроприации господствовавших прежде классов вместе с организацией военно-коммунистического хозяйства; новая экономическая политика открыла в 1921 г. „восстановительный период“, поднявший наше хозяйство на довоенную высоту по показателям валовой продукции, но уже с возросшим социалистическим сектором внутри общехозяйственного круга; развернувшиеся противоречия нэпа привели, в процессе начавшейся реконструкции, к новой полосе, отмеченной ликвидацией кулачества, огромным ростом совхозов и колхозов и необыкновенно быстрым и интенсивным индустриальным строительством. Эта „эпоха великих работ“ потребовала коренной реконструкции всей *технической* основы общества: проблема так называемого „основного капитала“, или „социалистического накопления“ стала не только как проблема определенных *количественных* величин, но и как проблема качественных социально-экономических сдвигов *и качественного технического оформления.* Классовая борьба пролетариата, строительство социализма потребовали своего перевода и на специфический *технический язык.* Революция *спустилась* до материально-технического костяка общества и тем самым *поднялась* на наивысшую точку своего развития. Под руководством партии и ее Центрального комитета, твердой рукой проводящего генеральную линию в борьбе со всеми укло-

---

[1] Доклад на собрании помощников директоров, ударников, председателей бюро ИТС, работников объединений, научно-исследовательских институтов и втузов 26 августа 1931 г.

нами, рабочий класс решает сейчас гигантскую задачу *технического переоборудования всей страны:* мы переживаем период великой *технической революции.* Этот период ставит перед нами новые задачи, которые рабочий класс СССР решает с тем же мужеством, героизмом, энергией, с каким он шел на врагов в открытом вооруженном бою.

1. ТЕХНИКА В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ И СОВРЕМЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС

„Догнать и перегнать капиталистические страны"—это значит догнать и перегнать их в области *технического развития.* Более того. Их нельзя ни догнать, ни перегнать, если не побить их именно здесь, в материальной сердцевине хозяйственной жизни, в ее технической основе. Поэтому нам, прежде всего, необходимо *знать*, что делается в области техники в странах капитализма, каковы здесь основные линии технического развития, „куда идет" техника капитализма в ее сочетаниях со всеми сторонами этого способа производства, и теми потрясениями, которые он переживает. Современное состояние капиталистической экономики характеризуется глубочайшими противоречиями между развитием производительных сил (и технической основой их) и производственными отношениями капитализма, технико-производственными мощностями и наличным производством, „техникой" и „коммерцией", научно-техническими возможностями и капиталистической „рентабельностью". Если брать *пока* одну техническую сторону дела, то основные тенденции технического развития можно, примерно, свести к следующим пунктам:

1) *огромный рост электрификации* (переход от паровой машины к электромотору, переход от мелких станций к гигантским электроцентралям, в связи с прогрессом техники токов высокого напряжения; кольцевание);

2) *огромный рост применения двигателей внутреннего сгорания* (здесь, прежде всего, следует отметить дизель-мотор и ту революцию, которую он производит в сельском хозяйстве, в транспорте и в деле авиостроения: автомобиль, мотоцикл, аэроплан, трактор, танк);

3) *механизация сельского хозяйства* (трактор, сложные машины, комбайн);

4) *новые металлы и сплавы* (сверхтвердые стали, легкие металлы и сплавы);

20*

5) *химизация индустрии и сельского хозяйства* (синтетическое получение ряда важнейших продуктов, проникновение химии в металлургию, химия угля, искусственное волокно, туковая промышленность, газификация и т. д.);

6) *всесторонняя механизация и автоматизация производства* (специализированные станки, их координация, непрерывный поток, внутризаводский транспорт, центральный двигатель и отдельные моторы при станках без общих трансмиссий);

7) *электрификация транспорта;*

8) *исключительное развитие автомобильного транспорта и автостроения;*

9) *аэростроение;*

10) *исключительно быстрое развитие телефоностроения, радиостроения, кино; телевизия (видение на далекие расстояния).*

Эти крупнейшие технические сдвиги, стоящие на грани технического переворота, сопровождаются изменениями по самым различным техническим направлениям: растет мощность машин и их агрегатов; чрезвычайно ускоряются все процессы движения (например, скорости вращения и т. д.); ускоряются химические реакции (катализ); повышаются коэфициенты полезного действия.

Само собой разумеется, что эти глубочайшие технические изменения предполагают: а) возрастающее применение науки к процессам производства, б) изменения в квалификации рабочих сил и в конкретных формах эксплоатации рабочего класса капиталистами, в) изменения в организации производства труда и руководства предприятием.

Возрастающее *применение науки* имеет своей материальной предпосылкой организацию мощных фабрично-заводских лабораторий, исследовательских институтов, научных и научно-технических ассоциаций; изменение в *квалификации рабочих сил* находит свое выражение в росте таких рабочих сил, которые способны развивать более интенсивный труд (контроль и концентрация внимания), причем старые специальности отмирают вместе с автоматизацией; изменения *в организации* производства, труда и руководства предприятием осуществляются благодаря росту сверхмассового производства, стандартизации, нормализации и типизации производства и его так называемому „научному руководству“ (Тейлор, Гант и др.). Сюда же нужно

присоединить продажу „от руки ко рту“, т. е. организацию производства прямо на покупателя, без „затоваривания“ и без промежуточных торговых инстанций (специфически американский „метод“).

Таким образом получается огромный переворот в ритмике всего производства, а следовательно, и всей жизни вообще: пульс этой жизни начинает биться гораздо чаще и энергичнее, причем основные толчки идут из сферы *технических перемен*, взрывающих все косные и консервативные устои. Старые *материалы* сменяются новыми (легкие металлы, нержавеющая сталь, отходы и суррогаты, как основные продукты, пластические массы, целлюлоза и ее многообразные новые применения и т. д.); старые *машины* уступают место машинам гораздо бо́льших мощностей и машинам-автоматам новейших конструкций, с огромной производительностью: типографская машина в Кливлэнде в один час выпускает 400 000 брошюр по 16 страниц; ткацкий автоматический станок сконструирован так, что *один* рабочий работает на 100—110 таких станках; на машине, производящей колбы для электроламп, рабочий производит 1700 лампочек в час против 50—55 ручным способом; аэроплан военного времени развивал скорость 120—150 *км* в час; сейчас рекордная скорость — 580 *км;* сцепной вес паровоза 20 лет тому назад доходил до 70—80 *т,* а теперь—до 300—450 *т,* причем вес поезда может достигать 10 000 *т*; скорость резания металла 20 лет назад — 15—30 *м* в минуту, теперь — 120—180 *м*; скорость обточки увеличилась в 10 раз и т. д.; старые *технологические процессы* отмирают, и необычные впервые рождаются: таковы многочисленные химические синтезы — химия высоких давлений, проникновение физики в производственные процессы, электро- и автогенная сварка, термическая обработка металлов и сотни других процессов; старые *методы организации* производства исчезают, и им на смену идет *поточный метод* с автоматическим станком, с автоматизмом всего процесса, с его расчленением на ряд ступеней, идущих одна за другой, как на кинематографической ленте, с конвейерной системой и рациональным электрифицированным внутризаводским транспортом; старые методы *организации труда* вытесняются применением психотехники и лабораторно проработанными, взвешенными и научно продуманными методами эксплоатации рабочего класса, при которых возможное сокращение рабочего дня и

повышение зарплаты в чрезвычайной степени перекрываются крайней интенсификацией труда, его необычайным уплотнением и резким повышением нормы эксплоатации.

Эпоха капиталистической рационализации, которая может быть понята в целом лишь при анализе *всех* сторон процесса, опирается, в конечном счете, на изменения *в технической стороне производства*, на его материальные изменения.

Но эта эпоха развернула и *свои кричащие противоречия*. Они нашли свое наиболее яркое выражение *в современном кризисе*, самом остром, самом глубоком и самом опасном для капитализма кризисе, который находит себе место, начиная с 1825 г., когда капиталистические кризисы вообще выступили впервые на историческую сцену. Рост производительных сил столкнулся с узостью производственных отношений капитализма, причем этот конфликт оказался таким внушительным *потому*, что он развертывается на базе военных и послевоенных потрясений мирового хозяйства, на базе его раскола на капиталистический и социалистический мир, *на базе кризиса всей системы* как таковой. Своеобразные черты этого кризиса отражаются и на *технике*. Раньше кризис двигал в известной мере технику вперед: наиболее технически-прогрессивные предприятия вводили добавочные улучшения, понижали себестоимость, выползали из кризиса, били других, получали диференциальную прибыль. Оставшиеся должны были подтягиваться к ним, равняться по ним и т. д. Теперь замечается *другая* тенденция: тормозить технический прогресс. Это объясняется как далеко зашедшим развитием монополистического характера структуры современного капитализма, так и особой глубиной кризиса и отсутствием ясной перспективы следующего подъема. Эта практика и теория *технического регресса* особенно начала процветать вместе с концом так называемого „промышленного процветания". Проповедь возврата к мелкому производству, к примитивным орудиям труда, проповедь антимашинизма, выпады против „техники", якобы поработившей „коммерцию", протесты против „массового производства" (все это нередко под соусом благородной заботы о „человеке", порабощенном машиной) есть характерная черта в идеологии современного капитализма. Этим занимаются и ходовая пресса, и специальные журналы, и такой руководящий орган, как английская „Nature". Модный философ германской буржуазии О. Шпенглер выпустил недавно (в текущем году)

специальную книгу под характерным заглавием: „Человек и ,техника, очерк философии жизни", где, между прочим, следующим образом изображает психологию современного буржуа:

„Фаустическое мышление начинает быть пресыщенным техникой. Распространяется известная усталость, своего рода пацифизм в борьбе с природой. Поворачиваются к более простым, более близким к природе формам жизни, занимаются спортом вместо технических опытов, ненавидят большие города, хотят вырваться из-под ига бездушной деятельности, из-под машинного рабства, из ясной и холодной атмосферы технической организации. Как раз наиболее сильные, творческие и особо одаренные личности отворачиваются от практических и научных проблем и поворачиваются в сторону чистой спекуляции. Оккультизм и спиритизм, индийская философия, метафизическое копанье христианской или языческой окраски, которые встречались презрением во времена дарвинизма, вновь всплывают на поверхность. Это — настроение Рима во времена Августа. Из-за пресыщения жизнью бегут от цивилизации в более примитивные части света, в бродяжничество, прибегают к самоубийству. *Начинается бегство прирожденных вождей прочь от машины*"[1].

Материальной основой такого *антитехницизма*, как это нетрудно понять, является кризис капитализма, представляющийся его идеологам как кризис машинизма вообще, вне зависимости от его исторической формы. Конечно, в критике современного капиталистического машинизма есть и правильные мысли, давным-давно развитые Марксом: односторонний урбанизм, превращение рабочего в придаток к машине, сужение духовной жизни специализированного человека и т. д. Но *капиталистические* „критики" капитализма ищут выхода не *впереди*, *а позади*, на путях технической, экономической и культурно-идеологической *реакции*, отчетливо связывая свои протесты против *техники* с протестами против *материалистической науки*. Так, например, проф. Попп в своей работе „Техника как проблема культуры" пишет:

„Упадок нашей культуры коренится в... научном материализме, которому благоприятствовало одновременное развитие техники и хозяйства"..[2].

---

[1] *O. Spengler,* Der Mensch und die Technik. Beitrag zu einer Philosophie des Lebens, München 1931, S. 81, 82.

[2] *I. Popp,* Die Technik als Kulturproblem, München 1931, S. 9.

Понятно, что и в вопросе *о людских* кадрах мы наблюдаем соответствующую позицию: так называемая „технологическая безработица“ охватывает многие миллионы рабочих и всасывает большие слои технической интеллигенции; поэтому главной „заботой“ является сейчас *сокращение* поступающих в вузы и втузы, сужение производства кадров, *регрессивное* движение в этой области.

Таким образом современный загнивающий капитализм обнаруживает высочайшее напряжение своих противоречий: его технический остов еще движется вперед, но на него уже надета железная узда: дальнейшее движение уже вылезает из пазов капиталистических отношений.

2. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ И ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Очень интересно проследить, как в одну и ту же эпоху принципиально другая *классовая форма* общества меняет математический знак всего развития, заменяя минусы плюсом, а плюсы минусом. Если при капитализме весь стиль культуры начинает под стягом реакции отворачиваться от техники, то у нас он повертывается к ней лицом: если там распространяется антимашинизм, как модное идеологическое течение, то у нас машинизм есть лозунг дня; если там идут вопли о перепроизводстве, то у нас массовое производство (больше машин, больше заводов, больше угля, стали, станков, хлеба, скота, хлопка, электроэнергии) есть повелительная задача; если у них протесты против индустриализации, то у нас это — обобщающий всю экономическую политику пароль; если у них спрос меньше предложения, то у нас — предложение меньше спроса; если у них — сокращение производства, недогрузка аппарата и т. д., то у нас — максимальное расширение производства, перегрузка аппарата, бешеный разгон дальнейшего строительства; если у них безработица, у нас — нехватка рабочих рук; если у них забота о сокращении кадров, у нас — величайшая забота об их всемерном расширении; если у них надеты цепи на дальнейший прогресс науки и техники, то мы заинтересованы в самом быстром росте и науки и техники; если „они“ преисполнены „усталости“, то массы нашей страны преисполнены творческой энергии и строительного подъема. И так далее.

Современное капиталистическое хозяйство *беременно новой технической революцией.* Но эта техническая революция *не может развернуться,* не прорвав капиталистической оболочки. Капитализм оказывается величайшим тормозом для дальнейшего движения техники, хотя это вовсе не означает, что техника вообще уже не развивается. Идеологи капитализма начинают, как мы видели, сваливать все беды на слишком быстрое техническое развитие вообще, абстрагируя его от социально-исторической формы: это и есть один из симптомов капиталистического загнивания. Но характерно, что Отто Бауэр в своей последней книге „Капитализм и социализм после мировой войны"[1] выставляет тезис, по которому выходит, что капиталисты слишком *быстро* и слишком *скачкообразно* вводят новые технические улучшения; в результате, по Бауэру, выигрывают отдельные капиталисты, но проигрывает все „общество", ибо увеличивается безработица, увеличивается совокупность накладных расходов (помощь безработным и т. д.), и *„общество",* таким образом, теряет: „социальные расходы" оказываются больше выигрыша, полученного индивидуальным предпринимателем, рационализация оказывается *ложной* рационализацией (Fehlrationalisierung). При социализме—утверждает наш оригинал—развитие шло бы спокойнее, медленнее и благопристойнее: машины вводились бы только тогда, когда они не вызывали бы безработицы, и т. д.

Вся эта „ложная премудрость" по поводу „ложной рационализации" не выдерживает ни малейшего прикосновения марксистской критики.

Ибо в действительности не в том беда, что он применяет ее, как капитализм, *на эксплоататорской базе.* Достаточно было бы уменьшить рабочий день и увеличить зарплату, чтобы безработица и отсутствие платежеспособного спроса исчезли, а плановое хозяйство уничтожило бы кризис. Но все эти вещи принципиально несовместимы *с капиталистической* формой производства. *В ней* „корень зла", а вовсе не в быстром техническом прогрессе, как таковом. Бауэр становится здесь целиком на точку зрения *реакционных* апологетов капитализма. Капитализм

---

[1] *Otto Bauer,* Kapitalismus und Socialismus nach dem Weltkrieg, Wien 1931.

задерживает сейчас развитие техники, а вовсе не *форсирует* это развитие. Социализм не сокращает, а, наоборот, значительно *усиливает* темпы технического прогресса: он снимает капиталистические оковы и тем самым освобождает *силы технического переворота*, уже созревшие в лоне капиталистических производственных отношений.

Такова самая общая формула *технического* перехода от капитализма к социализму. Но она, конечно, совершенно недостаточна, в особенности, если речь идет конкретно о СССР. Ибо нужно принять во внимание и естественный плацдарм всего развития и весь переплет исторически сложившихся отношений: a) естественные „богатства“ страны, b) ее технический уровень вообще, c) текущую фазу ее технико-экономического развития, d) ее соотношение с капиталистическим окружением и т. д.

Наша революция вступила в *реконструктивный период* (который есть период, когда завершается постройка социалистического фундамента), в фазу *технического переворота*. Это есть факт, который невозможно отрицать. Поэтому, по совершенно правильному замечанию т. Сталина, „техника в период реконструкции решает все“. С *технической* точки зрения мы в сокращенные сроки пробегаем несколько периодов: 1) когда у нас имеется налицо *старая* техническая основа, характерная еще для буржуазно-помещичьего хозяйства царской России (наше историческое наследство); 2) когда у нас налицо современная *капиталистическая* техника (типа импортного оборудования); 3) когда социализм начинает развиваться *на собственной* технической основе (т. е. когда он начинает вырабатывать *новый тип* социалистической техники в узком смысле слова). Разумеется, здесь нужно со всей силой подчеркнуть условность этого деления, и притом с разных точек зрения: прежде всего, нужно заметить, что *всякая* техника (машина, технический метод или прием и т. д.), включенная в систему социалистических производственных отношений, тем самым становится социалистической; далее: *всякая* техника, включенная в систему социалистического планового хозяйства, даже „чисто технически“, уже не та, ибо машины, целые фабричные комплексы и вообще технико-производственные комплексы сочетаются по-другому, комбинируются по-новому и тем самым в целом представляют сложное техни-

ческое целое *другого* порядка; реально одна фаза развития переплетается с другой: у нас *одновременно* „сосуществуют“ *различные* технические элементы: и старое наследство, и импортное (или сделанное по образцу импортного) оборудование, и зародыши совершенно нового типа. Однако все же вышеприведенное деление имеет свой смысл: феодальное общество технически характеризуется водяной мельницей, капитализм — паровой машиной, социализм — электроэнергией, развернутой „до конца“ электрификацией всего хозяйства. Техническая революция социализма (или конкретнее, техническая реконструкция СССР) должна развиваться, давая простор всем скованным капитализмом силам и по-своему их преобразуя. Основные линии этой технической реконструкции, опирающейся на огромные естественные богатства Союза, примерно, таковы:

1. *Индустриализация страны*: гигантское увеличение средств производства *по их количеству* — постройка мощных электроцентралей, металлургических заводов, машиностроительных заводов, химических комбинатов, закладка и пуск новых шахт, превращение всего сельского хозяйства в отрасль машинной индустрии, постройка нового типа жилищ и городов, дорог, мостов и т. д. и т. п.

2. *Электрификация хозяйства*, полная и развернутая. Постройка электроцентралей и гидро-электроцентралей сверхмощного типа. Районирование их. Кольца электропередач мощного напряжения. Электромагистрали. Электрификация транспорта.

3. *Развитие всех видов транспорта*: электрифицированные железные дороги, автотранспорт, водный и воздушный транспорт и т. д.; создание густой сети путей сообщения. Автомобилизация страны.

4. *Развитие массового производства и применения двигателей внутреннего сгорания*, в особенности подвижных двигателей для тракторов, автомобилей, мотоциклов, аэропланов и т. д.

5. *Всесторонняя механизация индустрии, транспорта и сельского хозяйства.* Массовое применение тракторов. Комбайны. Новые типы машин, с более высокими, чем при капитализме, мощностями. Электроплуги. Развитие и применение агрофизики. Техническое объединение сельскохозяйственной индустрии и переработки ее продукции на базе комбинирования.

6. Применение новых материалов, сырья, топлива. Высокосортные стали. Легкие материалы (алюминий, магний и др.). Пластические массы. Новые стройматериалы. Развитие сланцевого хозяйства и т. д.

7. Химизация индустрии и сельского хозяйства. Решительное развертывание химической промышленности. Синтетическая химия. Широкое использование принципа комбината. Металлургия. Уголь. Газификация. Лесохимия. Искусственное волокно. Удобрительная промышленность. Апатиты и нефелины.

8. Реорганизация промышленности на основе широко проведенной автоматизации производственного процесса.

9. Развитие службы связи. Создание первоклассной почтово-телеграфной и телефонной сети, сети радиостанций; передача изображений на расстояние. Превращение всего СССР в единое культурное целое на технической базе развитой службы связи.

10. Развитие кинематографии, цветной, стереоскопической, звуковой.

11. Широчайшее развитие и применение науки. Строительство и первоклассное техническое оборудование институтов, лабораторий, втузов и вузов.

Таковы приблизительно контуры технической реконструкции страны. Нужно, однако, сказать, что разрешение некоторых новых *научно-исследовательских* задач может повлечь за собою и практическую постановку ряда новых *технических* задач (вопросы гелиотехники, передача энергии на расстояние без проводов, тонкослойная изоляция и переход к мощным и емким аккумуляторам, использование разницы температур воды и воздуха на Севере и т. д.). С другой стороны, *геологическая разведка* и изучение естественных богатств СССР — богатств, которые изучены лишь на незначительный процент, может поставить вопрос и о новых производствах, и о новых технологических процессах, и о новом размещении производственных единиц и даже производственных центров. Совершенно очевидно, что чем интенсивнее будет вестись *научно-исследовательская работа*, толкаемая вперед гигантскими потребностями строительства, новыми *количествами* (размеры новых строек, размеры совхозов и районов сплошной коллективизации, массовое производство) и новыми *качествами* (новый тип заводов, принцип комбината, плановости, районирования, электрифицирование процессов производства, новые типы машин и аппаратов и т. д.), тем мощнее

будет и *развитие техники*, тем победоноснее будет двигаться вперед и *экономика* социалистического общества.

3. ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ, ПРОБЛЕМА КАДРОВ ЗАДАЧИ ТЕХНИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ И ТЕХПРОМФИНПЛАН

Важнейшей производительной силой является сам рабочий класс,— писал Маркс. Если поставить этот вопрос в связи с особенностями нашего строя, то нетрудно будет увидеть, что данное положение имеет для нас особо важное, исключительное, решающее значение. Ибо, в конечном счете, все успехи социалистического строительства вытекают из развертывания *творческой энергии масс*. Именно потому, что рабочий класс чувствует себя классом-руководителем, гегемоном, организатором, субъектом истории, а не ее материалом, он из года в год выбрасывает и пускает в ход все новые и новые ресурсы добавочной животворящей энергии. Поэтому речь должна итти не только о „мертвой технике“ (т. е. о машинах, аппаратах, средствах производства вообще) и не только о технических приемах (рецептура технологических процессов), но и о живых *людях* как важнейшем факторе производства, об их *технической квалификации*, т. е. об их знаниях и об их *техническом уменьи*, об их *техническом соответствии* с новыми техническими задачами и — ближайшим образом — с теми новыми средствами производства, на которых и при помощи которых они должны работать. После разгрома французской армии в 1871 г. говорили, что победил „немецкий школьный учитель“, т. е. что элементарная грамотность и сравнительная интеллигентность масс дали победу войскам Бисмарка над войсками Наполеона III. Несомненно, что благодаря высокой технической квалификации индустриального германского рабочего и очень высокому качеству германских техников и инженеров (к тому же исключительно сильных и *количественно*) Германия могла оказывать в мировой войне совершенно исключительное сопротивление врагам, во много раз превышающим ее силы и по числу людей, и по ресурсам, и по финансовой мощи.

Посмотрим с этой точки зрения на наше ближайшее будущее. Мы должны вовлечь *многие миллионы* новых людей в процесс индустриального производства. Речь идет, следовательно, о многих миллионах людей, взятых из условий *деревенской* (и притом в значительной части) жизни,—людей без производ-

ственной традиций, не знающих города, фабрик, машины. По грубым и примерным подсчетам таких людей к концу 1937 г. будет более 18 млн. Эта новая масса будет, однако, противопоставлена *наиболее совершенным* орудиям труда, сложным станкам, тонкой аппаратуре, непрерывному производственному потоку и т. д. Проблема касается, однако, не только города, но и *самой деревни*. Деревня перестает быть деревней, ибо в кратчайшие сроки она индустриализируется сама — и в том смысле, что в нее внедряются чисто индустриальные гнезда, и в том смысле, что само сельскохозяйственное производство все более организуется на промышленный образец: в деревню бросается огромное количество сложных машин и тракторов; в деревню будет бросаться огромное количество минеральных удобрений; в деревне все больше потребуется уменья оперировать сортовыми семенами и т. д.; в деревне животноводство попадет под власть электрического провода. Словом, и тут встает та же проблема *квалифицированного труда*, технически культурной массы, грамотных *квалифицированных рабочих, техников и инженеров*, работников испытательных станций, лабораторий и научно-исследовательских *институтов*. Если взвесить те поистине гигантские потребности, какие предъявляет социалистическое строительство, если принять во внимание быстроту темпов всего развития и если, наконец, посмотреть на качество новых миллионов, идущих в совершенно почти незнакомый им *машинный мир*, то перед нами во весь рост станет *проблема подготовки людских сил* для социалистического строительства. Здесь у нас еще очень большой разрыв, который может стать угрожающим, если мы не приложим всех усилий, чтобы его ликвидировать. Тревожные сигналы по этому поводу давал уже в свое время ряд наших крупных строек: Сталинградский тракторный, Нижегородский автозавод, тракторный парк „Гиганта“, спичечные фабрики и т. д. Большой процент поломок, большой процент брака, плохое качество продукции, малая эффективность предприятия, малая эффективность стройки и т. д. есть выражение того несоответствия, о котором идет речь. Это касается и технического „низа“ (слабость и неквалифицированность, сырость и серость рабочего состава), и технической „верхушки“ (неквалифицированность и слабость технического руководства), и верхушки административно-хозяйственной, которая тоже стала (это нужно понять) перед задачами *нового* типа, когда экономика прямо сли-

вается и срастается *с техникой.* Поэтому наши противники с большой надеждой взирали на то, как „русские медведи" будут ломать импортированные тонкие машины и аппараты. Этим сладким надеждам, конечно, не придется осуществиться: мы научимся технике, мы овладеем ею так же, как овладели искусством воевать, управлять, организовывать массы, как научились поднимать хозяйство. Но мы, разумеется, *крайне* заинтересованы в том, чтобы 1) укоротить сроки обучения, 2) чтобы сократить издержки обучения, 3) чтобы получить настоящую первоклассную техническую квалификацию людей.

Здесь, таким образом, проблема *культурной революции* оборачивается, как проблема *технической культуры.* Конечно, предпосылкой технической культурности должен служить известный уровень культуры вообще. Необходима поэтому ликвидация элементарной общей неграмотности. „Школьный учитель" должен сделать, при помощи широкой общественности, свое дело и у нас. Достаточно сказать, что есть прямая, эмпирически устанавливаемая, зависимость между высотой грамотности и производительностью труда. *Донбасс,* где, несмотря на механизацию, вопросы выполнения промфинплана стоят еще очень остро, отличается сравнительно высоким процентом неграмотных (15%) и малограмотных: сырой, неквалифицированный, текучий состав, не получивший пролетарской закалки, элементарно малограмотный и технически совершенно не обученный,— вот главное, что стоит на пути к быстрому подъему Донбасса. Параллельно с ликвидацией элементарной безграмотности должна итти и ликвидация безграмотности *технической.* Нам нужно вообще понять, что *вся* наша культура должна быть гораздо меньше словесной, „гуманитарной", в старом значении этого слова, и в известном смысле гораздо более „технической". Феодальный режим в области образования (а оно является очень важной стороной культурной жизни) характеризовался у нас классической гимназией, и учитель мертвых древних языков был центральной фигурой в этой области. Шаги в сторону капитализма выдвинули реальные училища и технические школы. У нас *политехническая* школа есть *основа всей системы образования.* Соответственно этому меняется весь строй культуры: она вся становится *гораздо более технической.* Но это отнюдь не значит, что наш „техницизм" должен быть слепком с узкого и деляческого, уродующего „душу и тело" техницизма американцев,—плановое хозяй-

ство требует у нас понимания основных взаимных связей всего общественного целого, широты интересов, глубины мировоззрения при специализации в какой-либо конкретной области. Техника у нас стоит сейчас в центре внимания. Но сама она рассматривается как *средство* для определенных целей: покрытия растущих *потребностей масс*. Развитие масс, подъем их материального и культурного уровня есть главная и все определяющая цель, в противоположность принципу прибыли и барыша и в противоположность голому техницизму, превращающему технику в фетиш, стоящий над человеком.

Для того чтобы ликвидировать техническую неграмотность, нужно пустить в ход *все относящиеся сюда рычаги воздействия;* вся школьная сеть, вся сеть внешкольная, организация заочного обучения, специальные технические учебные заведения, втузы, научно-исследовательские институты, специальные *организации по технической пропаганде,* технические общества, и т. д. и т. п.,— все это должно быть мобилизовано для ликвидации технической неграмотности и для повышения технической квалификации как по горизонтали (по специальностям, по отраслям), так и по вертикали (по линии: рабочий — квалифицированный рабочий-мастер, средний техник — инженер и т. д.). „Низшая" задача — проведение технического минимума. „Высшая" задача — получение высококвалифицированного (политически выдержанного) административно-хозяйственного и инженерного корпуса. Эти задачи нужно решать со всей энергией, быстротой и настойчивостью.

Если формулировать основные установки в деле технической пропаганды (и технического обучения), то эти установки суть: борьба за ликвидацию технических прорывов: борьба за выполнение текущего промфинплана в каждой производственной единице, борьба за выполнение перспективных планов. *Во главу угла должна быть поставлена борьба за выполнение пятилетки* и подготовка *ко второй* пятилетке.

Но здесь необходимо отметить следующее. До сих пор планы наши составлялись *с экономическим* упором, без достаточной разработки *технической* стороны, без проработки *технических* показателей. Между тем текущая фаза нашего развития властно требует от нас тщательного продумывания всей совокупности решающих и основных *технических* показателей (количественных и качественных). Конечно, они должны рассматриваться в

их неразрывной связи с показателями экономического порядка, но *технике* должно быть отведено надлежащее место в самом плане и во всех звеньях этого плана, начиная с завода и кончая контрольными цифрами всего народного хозяйства. Выбор типов машин, технологических процессов, соответствующие коэфициенты полезного действия, техническая сторона реконструкции, выработка генеральной *технической* линии, с выделением особо ударных *технических* задач; планы технической реконструкции *по отраслям* и вниз — *по заводам*, — все это теперь назревшая задача, которая должна быть решена во что бы то ни стало. Должна быть пущена в ход не только система экономической отчетности, но и технической отчетности, опирающейся на систематический контроль при помощи *точных измерительных приборов*. Именно это даст возможность мобилизации массового внимания и организации массового контроля за выполнением технических показателей. Именно это даст возможность придать всей технической пропаганде характер практически-оперативный, крепко-накрепко связывающий теорию и практику: идея *борьбы за выполнение технического плана и технических показателей* должна быть центральной идеей, вокруг которой должна вестись работа по технической пропаганде.

Таким образом промфинплан должен перерасти *в техпромфинплан*, усилив и развернув свою техническую часть. Это означает, *для завода*, что, на основе намечаемых партией, правительством, ВСНХ, объединением конкретных планов выпуска продукции, масштабов и сроков капитального строительства и т. д. — должен быть выработан план соответствующих *технических мероприятий*. Этот план должен включать, примерно, следующие основные части: 1) технические показатели — количественные и качественные — для каждого станка, агрегата, для всего цеха и для завода; 2) технические мероприятия по увязке работы внутри цеха и цехов между собой; 3) сумма мероприятий по обеспечению соответствующей технической квалификацией рабочих, техников, инженеров, хозяйственников (как старых так и вновь приходящих); 4) план рационализаторских мероприятий; 5) реализация научно-исследовательских достижений в данной отрасли промышленности; 6) реализация предложений рабочих и изобретателей. Такие проблемы, например, как *борьба с браком*, использование отходов и т. д., могут быть решены по-настоящему только при наличии технического плана. Выводами из та-

кого плана (и последующими предпосылками для его нового составления) является проведение в жизнь ряда чрезвычайно необходимых мероприятий: техническая паспортизация станков (каждый станок должен иметь свой технический паспорт с указанием его наибольшей производственной эффективности и технических условий ее реализации); стандартизация шихты в металлургии, создание памяток-инструкций к новым машинам и новым технологическим процессам и т. д. Такой техплан, доступный широким массам рабочих не только данного предприятия, но и других заводов, есть база для самого интенсивного *обмена техническим опытом*. Разумеется, основные элементы такого техплана имеются на каждом предприятии. Но необходимо резко *усилить* проработку технических проблем, *увязать* их одну с другой для всего завода в целом и провести эту идею вверх, вплоть до *выработки конкретных планов технической реконструкции*, со специальным предварительным *техническим обсуждением их*.

На этой основе, применительно к ней, нужно вести техническую пропаганду как составную часть *процесса производства кадров*: и ликвидация технической неграмотности широких слоев новых рабочих с воспитанием их в духе социалистического отношения к средствам производства; и повышение производственной квалификации обученных рабочих с упором на новейшие достижения техники в соответствующих областях; и повышение технической квалификации среднего технического персонала и, наконец, повышение этой квалификации у административно-хозяйственного и инженерного корпуса с обогащением этих слоев достижениями заграничной техники,— вся эта работа должна развиваться в борьбе за выработку и выполнение *техпромфинпланов*, текущих и перспективных. Здесь точно так же со всей энергией нужно переходить на метод ударной работы соцсоревнования, метод состязательных конференций и перекличек, технических боев и взаимных вызовов, — метод, блестяще оправдывающийся на опыте всей великой социалистической стройки.

4. СОВРЕМЕННАЯ ТЕХНИЧЕСКАЯ БАЗА ТЕХНИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ И СРЕДСТВА ЭТОЙ ПРОПАГАНДЫ

Для создания кадров — как и для всей стройки — нам даны чрезвычайно спрессованные сроки времени. Вопрос *быстрых*

темпов и здесь есть поэтому решающий вопрос. Но этого убыстрения темпов можно — при условии известной плановости в работе и ее массового характера, рассчитанного на миллионы рабочих и колхозников,— добиться лишь в том случае, если мы будем опираться *на последние завоевания техники в области самой технической пропаганды.*

„Мы ленивы и не любопытны", писал когда-то Пушкин про русский народ. С тех пор утекло много воды, представители дворянства канули в вечность, „народ" переделан в самом своем „естестве": пролетариат обнаруживает все, что угодно, но только не леность. Но у нас еще остались навыки провинциалов, хотя они не выпирают наружу с прежней силой. Мы крайне *отстали* с технической базой технической пропаганды. У нас почти нет производственно-технических кинолент... У нас буквально *ничего* нет в области социально-продуманных наглядных учебных пособий. Наше радиовещание еще не приспособлено к задачам техпропаганды. Звуковая фильма только появилась, хотя „немых" фильм в крупнейших центрах Запада нет и в помине. Цветная кинофильма у нас неизвестна. Стереоскопическая фильма — тоже неизвестна. Передача изображений на расстояние не практикуется. И так далее.

Между тем, все это — задачи, решенные не только лабораторно, но *уже* вошедшие в жизненный обиход капиталистических стран. Они „проверены" опытом. Все эти приспособления растут с молниеносной быстротой. А мы еще продолжаем быть провинциалами.

С этим нужно покончить раз и навсегда: нужно гораздо смелее итти по линии использования новейшей техники передач звуков и изображений. При бедности нашей квалифицированными силами нелепо, чтобы крупный ученый или техник ездил из города в город с лекциями и докладами: он может сразу говорить *десяткам миллионов* по радио; мало целесообразно, чтобы, спеша и задыхаясь, бросая научную работу, в промежутках между заседаниями, наиболее квалифицированные силы изустно читали изо дня в день лекции: гораздо целесообразнее, если бы они написали первоклассные стандартизованные учебники для заочного обучения (по категориям учащихся), которые можно было бы напечатать и распространить в сотнях тысяч *и миллионах экземпляров* вместо подчас макулатурных изданий; ветхозаветным можно было бы считать и метод частых созывов

съездов и конференций в одном географическом пункте, когда многие из таких конференций можно было бы созывать и проводить *по радио*. Понятно, какое исключительно важное значение имеют эти средства связи *для технической пропаганды*, обмена опытом, борьбы за техпромфинплан. Мы должны добиться первоклассной постановки технического радиовещания, цветной и звучащей стереоскопической киноленты с производственно-техническим содержанием, мы должны добиться передачи изображений на расстояние. Мы должны создать во всех уголках СССР, во всех важнейших предприятиях, во всех крупных совхозах, колхозах, машинно-тракторных станциях и т. д. соответствующие базы, откуда бы кругами распространялась работа.

Мы должны приступить к постройке *технических музеев* вроде лондонского музея (в Кэнсингтоне) и мюнхенского „Немецкого музея". Это последнее учреждение есть первоклассный „основной капитал" технической пропаганды. Здесь собраны важнейшие средства производства, здесь демонстрируются важнейшие технические приемы по производственным отраслям в историческом разрезе и притом *в движении*: здесь можно видеть, таким образом, реальные процессы производства, самому их контролировать, тем более, что самые значительные процессы и средства производства даны в натуральную величину, а не в макетах и диаграммах. Великая социалистическая стройка требует от нас такого памятника. Этот памятник не был бы мертвым грузом: он был бы живым орудием мощной технической пропаганды, где пролетарии многомиллионного города и посетители пролетарской столицы могли бы ближайшим образом знакомиться со всеми „чудесами техники", со всеми техническими новинками СССР и заграницы, где ясно была бы показана связь между разными отраслями планового хозяйства и связь между техникой, наукой, экономикой, классовой борьбой пролетариата, строящего социализм.

Мы должны приступить к организации продуманно сконструированных *наглядных учебных пособий* для технической пропаганды и технического обучения. Из того, что вся пропаганда и все обучение должны расти из заводской (и производственной вообще) практики, отнюдь не следует, что под учебными пособиями нужно понимать одни лишь части машин, аппаратов или другие принадлежности заводского оборудования. Необходимы специальные учебные пособия самого различного типа. Здесь

весьма целесообразно использовать богатый опыт специального немецкого учреждения („Организация по учебным пособиям немецкого комитета технической школы“), создавшего, при помощи выдающихся педагогов-инженеров, целую продуманную систему таких пособий для разных категорий, разных возрастов и разных специальностей.

Мы должны двинуть вперед со всей энергией дело *технической литературы*, от технической боевой прокламации до солидных специальных технических энциклопедий. Мы должны создать живые и первоклассные технические журналы, которые шли бы в ногу с европейскими и американскими, которые объединяли бы лучшие научно-технические силы и поддерживали бы и нашу теорию и практику на должной высоте. Мы должны прямо наводнить страну разнообразной технической литературой: справочниками, учебниками, сборниками, карманными энциклопедиями, плакатами и диаграммами и т. д. Однако, здесь со всей силой нужно подчеркнуть *проблему качества*: таблица логарифмов с опечатками в цифрах, это все равно, что фальшивые весы. Здесь нужно издавать, по возможности, только первосортный материал.

Мы должны создать еще целую сеть технических библиотек, выставок, хранилищ чертежей и диаграмм и т. д. и т. п. Но при всем том мы должны помнить: *плановая* работа; *массовая* работа; *работа с наиболее совершенными техническими средствами*. Нужно привыкнуть к новым скоростям, новым методам, новой технике и в деле *самой технической пропаганды*.

5. ТЕХНИЧЕСКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

Техническая пропаганда может быть плодотворной только в том случае, если она поставит на ноги, мобилизует, бросит в бой большие кадры людей, которые, в свою очередь, будут воздействовать на более широкие слои трудящихся. Поэтому исключительно важной задачей является создание *технического актива*, создание *рабочей* технической общественности и создание *научно-технической* общественности в среде инженеров, техников и ученых. Здесь необходимы такие организационные формы, которые были бы достаточной гарантией против бюрократического окостенения организаций, формы, которые не позволяли бы превращаться *этим* организациям (кружкам, обществам, ассоциациям и т. д.) в „отделы“, „сектора“, „депар-

таменты" каких бы то ни было аппаратов. Эти общественные объединения нужно создавать снизу; нужно, чтобы люди группировались по линии того дела, которое они знают, которое они любят, над проблемами которого они работают. Нужно, чтобы это была *техническая* общественность, т. е. чтобы политика партии и советской власти находила здесь свой *технический* эквивалент. Необходимо, чтобы здесь обсуждались — пусть горячо и страстно! — *технические* вопросы, от проблемы заводского или цехового порядка до общих проблем технической реконструкции всей страны. Под руководством партии, которая есть и будет основным и самым могущественным рычагом всякого массового революционного действия в нашей стране, нужно смелее и решительнее итти на создание живых — в порядке полной и неурезанной добровольности возникающих и организующихся — кружков, групп, бригад, из товарищей, действительно интересующихся данным делом и действительно его любящих. Разумеется, большинство кружков будет непосредственно связано с задачами данного завода. Но они могут объединяться и по отдельным интересующим их проблемам, и по целым областям проблем, и по общим вопросам; изобретатели, рационализаторы, бригадиры бригад по овладению техникой, любители физики, интересующиеся проблемами Кузбасса, технические корреспонденты и т. д. могут объединяться в группы, кружки, ассоциации. Им всего целесообразнее группироваться вокруг *технических газет* (технических стенгазет, районных техгазет, центральной техгазеты) *и техжурналов,* объединяясь в ассоциации или общества по специальностям и в то же время имея связь между собой. *Научно-технические общества* должны быть действительно *научно-техническими* обществами, а не курсами легкой пропаганды. Своей главной задачей они должны иметь выработку правильных решений по целому ряду научно-технических проблем, постановку вопросов научно-технического характера, обмен инженерно-техническим опытом, систематическую информацию о заграничных достижениях и т. д. Совершенно неверно мнение, будто они отжили свой век: наоборот, перед ними — большое будущее, если они сумеют стать живыми ячейками научно-технической мысли. Эти общества должны быть в первую очередь мыслительными лабораториями, *производящими* новые технические и научные идеи и продумывающими их непосредственное *практическое приложение.* Эти

общества должны быть своеобразной школой, повышающей квалификацию наших инженеров, техников и научных работников. Конечно, они должны быть в теснейшей связи с рабочим техническим активом, они должны выступать и поставщиками лекторов, инструкторов, авторов брошюр, книг и т. д. и т. п. Но это не должно снимать с порядка дня их *особой*, для них *центральной* задачи: повышая свою квалификацию, ставить новые технические и научные проблемы, обсуждать их, дискутировать по ним, находить решения, помогать продвигать их в жизнь. Эти общества должны — на сравнительно *высоком уровне* — сближать профессора-педагога, ученого-исследователя (научного работника), заводского инженера, способствуя тем самым сближению теории и практики. Огромную роль в деле организации и деятельности такого рода обществ должны сыграть *научно-технические журналы*, которые должны быть подняты на соответствующую высоту. При этом создание связи между *рабочим техническим активом* и *инженерско-научной общественностью* должно быть одной из очередных задач.

Решение всех этих проблем означает включение в действие огромнейшей живой силы, которая будет играть исключительно большую роль в деле подъема нашей технической культуры. Развитие технической общественности будет важнейшим рычагом всего огромного дела технической пропаганды.

6. ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Слабость и недостаточность средств технической пропаганды, которыми мы пока обладаем, ни в коей мере не означают, что эту работу нельзя в ближайшее время развертывать или что нужно „ждать“, пока у нас все будет. Известное время мы еще будем лишены технической фильмы. Ее нужно *создавать*. Не будет еще достаточного фонда технической книги, брошюр, не будет еще достаточного количества учебных пособий. Эти „узкие места“ надо *преодолевать*. Но работу нужно начинать немедленно и развертывать ее систематически и неуклонно.

Опорными пунктами технической пропаганды должны стать научно-исследовательские институты, втузы и передовые „ведущие“ заводы данной отрасли производства. *Комбинация* этих трех сил, где сосредоточено все лучшее, что мы имеем из наших технических, естественно-научных и техническо-педаго-

гических кадров, обеспечивает нам, что в технической пропаганде будут учтены с достаточной полнотой все необходимые моменты: и то, что растет непосредственно из потребностей производства; и то, что является решающим с точки зрения технико-педагогической. Комбинация этих сил, включающая представительство профсоюзов и общее руководство партии, есть основная опорная база технической пропаганды, обеспечивающая также компетентную выработку соответствующей методики. Заграничная практика, и в первую очередь практика американская, показывает, какую огромную роль в технической пропаганде играют исследовательские институты и высшие технические учебные заведения. *Комбинат* (втуз, институт и образцовое предприятие) должен быть *опорной базой* и для создания *технической литературы* по отраслям производства, для создания *технического кино*, учитывающего потребности специализированных отраслей промышленности, для организации технической пропаганды *по радио*. Конкретно это означает, например, что работа по созданию научно-технической литературы должна быть децентрализована. Вместо единого центра, который „делал" (или, вернее, воображал, что делал) все книги и брошюры и выпускал их, должны быть созданы редакционные базы при специализированных объединениях. Эти редакционные базы, создающиеся из представителей научно-исследовательского института, втуза и ведущего предприятия данной отрасли промышленности, должны составлять планы издательства технической литературы, подбирать соответствующих авторов, редактировать целый ряд соответствующих изданий, в первую очередь, специализированные журналы, и непосредственно отвечать за их содержание и за их качество. Они *сами* имеют дело с типографиями, *сами* следят за выходом продукции в срок и т. д. За верхушкой научно-технического издательства ВСНХ должны быть оставлены общие плановые и регулирующие функции (составление сводных планов, утверждение планов низовых групп и т. д.) плюс непосредственное ведение фундаментальной литературой и некоторыми особыми ее видами.

Эта комбинация сил должна быть опорным пунктом и при организации других важнейших рычагов технической пропаганды (кино, радио, наглядные пособия и т. д.), причем, разумеется, должны быть приняты во внимание особенности этих видов технической пропаганды.

Об огромном значении *технической общественности* было сказано выше. Теперь о *непосредственном аппарате* по организации *технической пропаганды*. По решению Центрального комитета партии создан специальный аппарат по организации технической пропаганды при ВСНХ, при объединениях и на заводе. Внизу, на заводе, это — помощник директора по производственным совещаниям и технической пропаганде, который непосредственно подчиняется группе или сектору производственно-технической пропаганды при *объединении* или *тресте*. Сектор или группа эта в свою очередь соподчиняется сектору ВСНХ СССР. Этот аппарат является, однако, аппаратом особого типа. Он должен иметь и планирующие и оперативные функции, но он должен, прежде всего, уметь *сочетать* эту работу с работой помощи и всемерного содействия технической общественности. Создание аппарата по организации технической пропаганды ни в коей мере не означает, что он должен делать все за всех. Здесь нужно правильное распределение ролей. Аппарат промышленности руководит, планирует, организует работу, отнюдь не заменяя ни общественности, ни других организаций, ведущих техническую пропаганду. Орудием связи между ВСНХ, технической общественностью, другими ведомствами и т. д. должен быть совет производственно-технической пропаганды при секторе ВСНХ, совет, где должно быть обеспечено представительство всех важнейших заинтересованных организаций (предложение наркомпроса т. А. Бубнова).

Каковы *основные рычаги* сектора? Решением Центрального комитета партии в ведение ВСНХ передано Государственное научно-техническое издательство. Должен быть создан специальный центр по производству *технической фильмы* и центр по производству *наглядных пособий*. Сектор техпропа ВСНХ разрабатывает также вопрос о наилучших путях использования *радио* для целей технической пропаганды. Кроме этого, при ВСНХ создается *информационно-библиографическое* бюро, которое должно будет развернуть свои ячейки в низовых звеньях. Будет создано также бюро по организации *технической консультации*, главной задачей которого должна быть организация технических консультационных ячеек на предприятиях. Необходимо будет создать ряд подсобных организаций такого типа, как группа технической пропаганды среди детей, различного рода методические советы и т. д. Наконец, важнейшим ры-

чагом должны стать: 1) специальная *техническая газета*, которая будет решающей силой в деле создания *технического рабочего актива*, в деле организации широкой сети технических корреспондентов и т. д. и которая может стать организующим центром технического соревнования масс, 2) руководящий *научно-технический журнал*.

При республиканских и краевых СНХ должны быть созданы соответствующие сектора по производственно-технической пропаганде. Их главные рычаги — это редакционные базы, кинокабинеты во втузах или институтах и т. д.

На низовое звено—*помдиректором по производственным совещаниям и производственно-технической пропаганде* — ложатся сейчас новые задачи. Именно в *этом* звене важно добиться, в первую очередь, умелого сочетания оперативной работы и работы по организации и созданию технической общественности. Всячески содействовать росту *технической общественности*, оберегать ее от бюрократизации, систематически помогать ей— такова первейшая обязанность низового звена аппарата производственно-технической пропаганды.

Не менее важная задача — это подбор *технического актива*. На каждом заводе среди ударников, в первую очередь среди рационализаторов, изобретателей, среди комсомольцев, передовых молодых и старых инженеров и техников есть кадры, которые возьмутся за организацию и *ведение* технической пропаганды. Создание этого актива есть важнейшая предпосылка всей работы на заводе. Однако нужно с самого начала предостеречь от того, чтобы дело свелось к „пропаганде необходимости технической пропаганды“ и *только*. Необходимо возможно быстрее приступить к непосредственному делу, т. е. определить, *что* нужно в первую очередь *на данном* заводе пропагандировать, *кто* будет пропагандировать, *как* и в каких формах эта пропаганда будет проведена, *и начать* самую работу по ее материальному существу.

Направление и содержание этой работы зависит, в первую очередь, от физиономии самого завода и от конкретного положения дел на этом заводе. К наиболее важным пунктам относятся: выработка и уяснение с помощью специалистов основных точек и основных показателей *заводского техплана*, выяснение *больных* точек завода и их причин („прорыв“, недовыполнение, брак, плохое качество и т. д.); приспособление техпро-

паганды к ликвидации этих больных точек (анализ качества продукции, материалов, технологических процессов; демонстрация методов „лечения“; показ образцовой технической работы данного характера и т. д.); пропаганда знакомства с данными средствами производства; пропаганда всех возможных технических улучшений; информация о новинках в этом деле и т. д. и т. п. Наряду с этим технический актив завода, во главе с помдиректора по технической пропаганде, должен научиться выявлять технические запросы и интересы отдельных рабочих и групп рабочих. На основе этого необходимо умело помогать организации всяческих кружков и других организаций, которые соответствуют этим запросам. Такие мероприятия, например, как обслуживание новых рабочих, ознакомление их с производством, с теми машинами и агрегатами, при которых новым рабочим придется работать, создание всякого рода кружков повышения квалификации в связи с теми или иными слабыми техническими сторонами на производстве, и т. д. и т. п., — все это должно быть результатом настоящего знания всех сторон данного производства и его технических проблем. Не все здесь удастся заранее наметить, поэтому здесь нужна, вообще говоря, величайшая мобильность.

Техпропагандистская работа, развертываемая вокруг техпромфинплана, должна *фиксироваться на производственных совещаниях,* где технический актив поднимает эти совещания на гораздо более высокую и технически гораздо более деловую ступень.

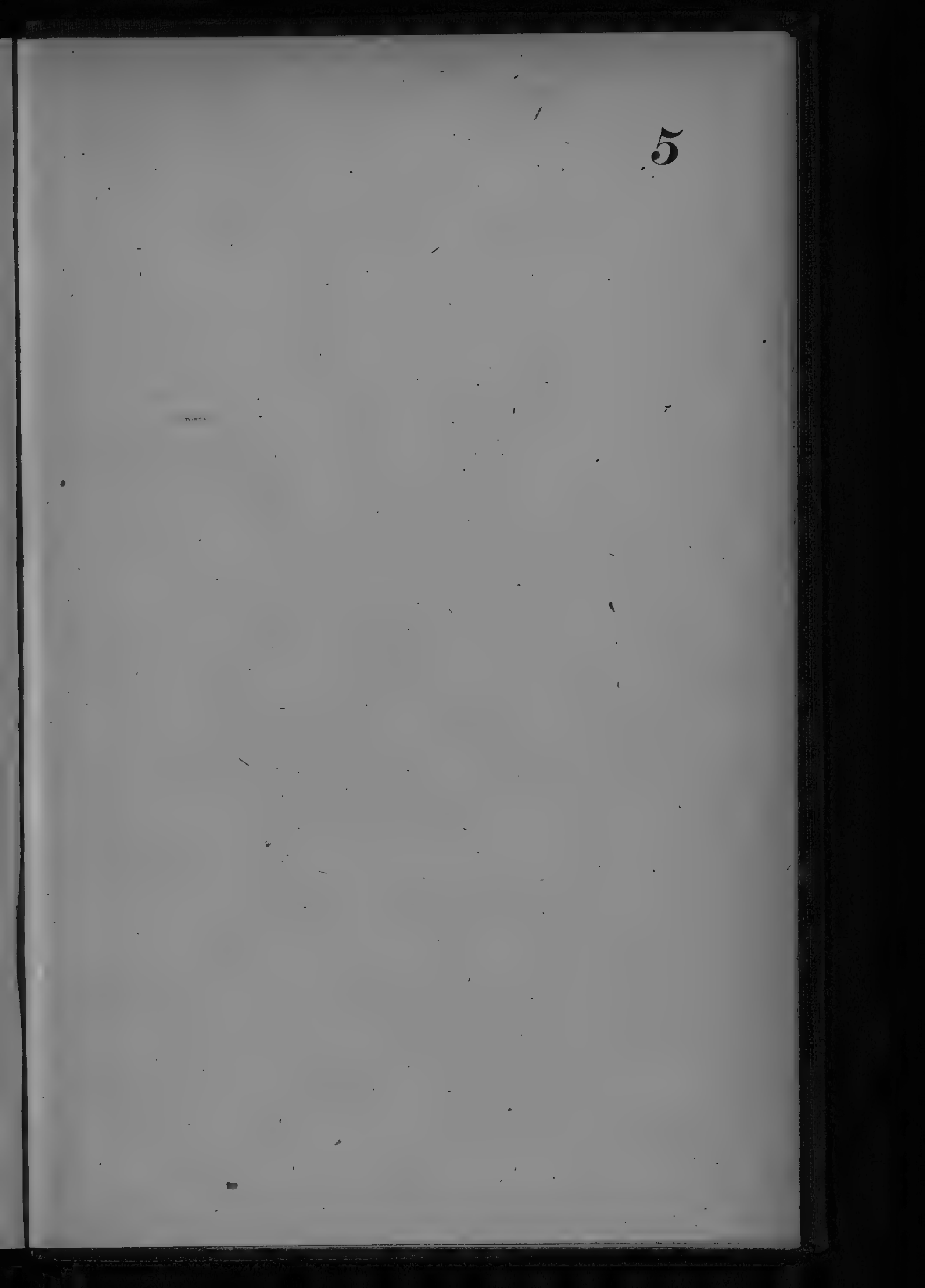
Необходимо также учесть все материальные пункты обслуживания технической пропаганды на заводе. Одним из таких пунктов должны стать *цеховая* и *заводская лаборатории.* К сожалению, в большинстве случаев эти лаборатории влачат еще очень неважное существование. Это одна из самых больных проблем в нашей заводской жизни. Нужно поэтому всемерно укреплять заводские лаборатории и постепенно превращать их в базу *технической пропаганды* на заводе, теснейшим образом связывая их с научно-исследовательскими институтами и втузами. Совершенно новые задачи встают перед техническими заводскими *библиотеками.* Для технической пропаганды необходимо также использовать клубы, создавать специальные учебные мастерские, выставки, кинокабинеты, технические радиоузлы и т. д. Таким образом лозунг партии, сформулированный т. Сталиным, об *овладении техникой* получает базу для своей реализации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы живем в совершенно исключительное время. Капиталистический мир, еще сильный, обречен на смерть и содрогается в тисках кризиса. Его мировоззрение не без яркости сформулировано Шпенглером, который, кстати сказать, выше всего на свете ставит, и притом с исключительным цинизмом, добродетели „хищного животного" и в войне, насилии, обмане видит наиболее „человеческие" свойства. Так вот, в заключение своей книги он пишет такую надгробную надпись капитализму:

> „Мы родились в это время и храбро должны пройти свой путь до конца, путь, который нам предопределен. На потерянной позиции стоять без надежды, без грядущего спасения — это наш долг. Вытерпеть, как тот римский солдат, кости которого нашли перед воротами в Помпеях, который умер, потому что при начале извержения Везувия его позабыли снять с караула. В этом величие. Это значит иметь достоинство расы. Этот честный конец есть единственное, чего нельзя отнять у человека".

Философ буржуазной бестии не ошибается. Революционный Везувий положит конец капиталистическому хищничеству. А пока старый мир корчится в сознании безвыходности своего положения, рабочий класс СССР с величайшим героизмом, по зову своей железной партии, под руководством сплоченного ленинского ЦК, будет итти, после одержанных в классовой борьбе с остатками капитализма побед, к новой грандиозной *победе социалистической технической революции.*

5

ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ В МАНТИИ ПАПЫ[1]
(Памфлет)

Тринадцатый год широкие массы трудящихся Советской страны, с рабочим авангардом в передовой цепи, бьются над защитой красных границ и над строительством новой жизни. На труднейшем перевале, который переживает в мощном напряжении героическая пролетарская армия сейчас, массы города и деревни несут огромные жертвы: последние гроши идут на лихорадочную, бешеную стройку, неимоверные усилия делаются для того, чтобы заложить на века прочнейший железо-бетонный фундамент стройного гигантского здания коммунизма; люди, сбросившие власть помещика и власть капитала, предпочитают терпеть суровую нужду, отдают весь драгоценный сок своей жизни *сегодня,* лишь бы в корне переделать всю экономику, до ее последних глубин, и ветхую, деревянную, корявую, ржавую технику сменить блестящей металлической системой машин, на которых *завтра* можно будет *легче* работать, неизмеримо *больше* производить, *лучше,* чище, светлее и разумнее жить. И как раз теперь, когда с великой натугой, с судорожным напряжением всех мышц *трудящиеся массы* обрабатывают тяжелые громады своего настоящего, из которого они строят свое будущее, когда — несмотря на частичные неудачи и прорывы — они далеко продвинулись во всепоглощающей работе,— как раз теперь снова началась дикая вакханалия зарубежных врагов. Римские кардиналы и грузинские фальшивомонетчики, генералы разных штабов и попы разных богов и церквей, английские лорды и французские ростовщики, американские толстосумы и епископы англиканской церкви, вашингтонские сенаторы и шведские герцоги, профессора и кокотки, полицейские ищейки и сам святейший римский отец, наместник апостола и бога, непогрешимый князь церкви, — все они проповедуют *„настоящий духовный крестовый поход цивилизации против варварства“,* как ханжески выражается, чавкая от звериного удовольствия, газета

[1] Напечатано в „Правде“ в 1930 г. от 7 марта.

фашистских головорезов „Popolo di Roma“. Фашистам как раз под стать быть в такой благородной позе!

Весь этот контрреволюционный канкан, этот каннибальский вой светских и церковных гиен, сопровождаемый бряцанием шпор, лязгом сабель, звоном кадил, есть „моральная“ подготовка *нападения на СССР*. Поднимайтесь на большевистскую страну, князья, короли и лорды! Давайте звонкий металл, просвещенные банкиры и промышленники! Готовьте динамит, мастера военного цеха! Фальшивомонетчики в опасности! Нефть в опасности! Рынки в опасности! Капиталистическая собственность в опасности! Бог в опасности!

Милостивые государыни и государи, сэры и джентльмены! Этим воем вы нас не запугаете. Но не обессудьте, если мы перед народными массами обнаружим ваше настоящее лицо и мрачный оскал ваших хищных зубов. Вы не хотите снимать приятных масок с ваших мало приятных лиц? Так не пеняйте на то, что мы их *сдерем* и что кое-где (где маска прилипла) может пострадать и ваша холеная кожа.

Дрянненькая газетка, носящая название „Rigasche Rundschau“[1], отзываясь на послание святейшего Пия, говорит об этом глупо-болтливом, но в то же время военном документе, как о „долгожданном *великом наступлении католической церкви* против языческого большевизма и большевистской России“[2]. Наступление открылось, как генеральная атака по всему фронту, именно *этим* объявлением войны, хотя дряхлою рукой воинственного первосвященника водили силы, гораздо более могущественные, чем живучая археологическая римская редкость, взятая сама по себе. Христианнейший отец, изволите ли видеть, ужасно огорчен „преследованием религии“ в СССР. Он напоминает, что уже в 1922 г., перед Генуэзской конференцией предлагал всем державам, представленным на ней, выступить с общей декларацией, с ультиматумом к советскому правительству: признание — *только* при „уважении к совести, свободе культа и церковных имуществ“ („il rispetto delle conscienze, la libertá dei cultie dei beni della Chiesa“)[3]. Увы! — скорбит он — державы мне не вняли! Они предпочли земное небесному. И теперь настал час

[1] „Рижское обозрение“, № 33 от 10 февраля 1930 г.

[2] „Lang erwartete grosse Offensive der katholischen Kirche gegen den heidnischen Bolschewismus u. gegen bolsch. Russland“.

[3] „Stampa“, 9 февраля 1930 г.

расплаты. Усердно подбирая со страниц злобствующей бульварной печати изобретенные кровавые ужасы, которыми газетные пройдохи кормят до отвалу стада обывателей, папа подсчитывает балансы потерь, благословляет своих бойцов, проклинает „гонителей религии“ и подымается до прямо головокружительных высот исторического пафоса. Еще бы! „Организаторы атеистической кампании и антирелигиозного фронта хотят, прежде всего, *развратить* молодежь (pervertire la gioventà), используя ее наивность и ее неосведомленность“. Они, эти злодеи, вместо того чтобы воспитывать молодежь в духе науки и цивилизации, в духе честности и справедливости, которые „не могут преуспевать и процветать без религии“, организуют ее в безбожные союзы, сеют „моральный, культурный и даже экономический упадок“, ведут противогуманную пропаганду, заражают всеми пороками, вредносным материализмом, заставляют детей доносить на отцов, устраивают богохульные карнавалы, принуждают людей отрекаться от религии, лишая их в противном случае хлебных карточек, жилищ и т. д. и т. п.

Здесь фантазия папы получает поистине божественный размах: он измышляет такие ужасы, от которых „волосы дыбом становятся“. И логическим следствием всей этой мазни, концовкой грозной бумаги, является громкий призыв, долженствующий звучать, как труба апокалиптического архангела, архистратига, воителя, судии, который уж действительно „разделает под орех“ очаг материалистической заразы, красную чудовищную страну, где нет корон, нет князей и даже кулаки чувствуют себя, как на угольях.

Мы, следуя правилам европейской цивилизации, попросим, прежде всего, у гражданина-папы документы на предмет удостоверения личности. Ваши бумаги, ваши *исторические бумаги*, монсиор?

У истоков папского благолепия, которое прошло через различные фазы развития, лежит ряд грязных и мошеннических подлогов. При папе Стефане II за военную помощь против лангобардов король Пипин Короткий подарил князю церкви „церковную область“. Но тут же была сочинена подложная грамота, которая превратила эту коммерческую, и в то же время кровавую сделку в „дар Константина Великого“. Это—*к вопросу о происхождении папской поземельной собственности.* В середине IX в. на свет божий появилась и была с величайшим усердием

пущена в оборот целая пачка фальшивых документов, в том числе так называемые „лжеисидоровы декреталии“. Эти поддельные сборники постановлений утверждали, что папа есть не более, не менее, как *„глава всего мира“* (caput totius orbis). Наглая подделка была разоблачена, как подделка. Но в истории папства она—„священный документ“. Это — к вопросу об *историческом паспорте* гражданина-папы.

Таким образом уже в исходных точках папского бытия лежат кровь и грязь, война и подлог, которые бросают свои лучи на все последующее развитие этого мрачного института.

Папство, глашатаем которого выступает почтеннейший вояка св. престола, имеет не только конъюнктурные документы, где бьется пульс *злобы дня.* Святейшие отцы создали себе всеобъемлющую схоластическую *теорию*, заржавленные железные обручи которой сдавливают несчастные мозги служителей католической церкви. Эта теория была сформулирована уже в конце XIII в. знаменитым Фомой Аквинским, написавшим „Энциклопедию богословия“ („Summa theologiae“). Еще в энциклике папы Льва XIII от 4 августа 1879 г. изучение Фомы вменялось в *обязанность* служителям культа. Это — наиболее выработанная теоретическая *программа* папства. А что мы находим в этой ученой энциклопедии на предмет терпимости, свободы совести и прочих хороших вещей, которыми щеголяет ныне здравствующий Пий? *„Ересь есть грех, за который виновный не только должен быть отлучен от церкви, но и изъят из мира сего смертию“*. Вот главная заповедь папства. Конечно, у пап теперь „руки коротки“: их былое величие сильно поубавилось, павлиний хвост повыщипан старушенцией-историей весьма основательно. Но когда этот иссохший вампир пытается снова расправить свои когти, когда он опирается на еще могучие силы империалистских душегубов, когда он надевает на себя личину терпимости, *нужно вспомнить* его палаческую заповедь: еретик (т. е. не раб папы) должен быть *„изъят из мира сего смертию“!*

„Дело“, впрочем, предшествовало и здесь „слову“. У папы Пия XI, по всей вероятности, совершенно отшибает память, когда речь заходит о „теории и практике“ самого святейшего престола. Нужно поистине быть прожженным ханжой, лицемерным от маковки до самых пят, чтобы выступать с медоточивыми и клеветническими в то же время посланиями à la последнее

произведение папы, имея за собой груз неслыханных преступлений: ведь, хруст костей, предсмертные хрипы, запах жареного человеческого мяса, смрад и чад костров, стоны пытаемых — они будут вопиять к небу *вовеки веков!* Ведь, не уйти папам, с их инквизицией, с их иезуитами, с их „крестовыми походами“, с диким массовым истреблением „еретиков“, с их алчностью, развратом, продажностью, интригами,—ведь *не уйти им от нелицеприятного исторического суда!*

Ваше сиятельное высокопреосвященство! Не вспомните ли вы постановление вашего *реймского собора* в 1157 г., постановление, по коему „самым гуманным“, „самым терпимым“, „самым христианнейшим“ образом, со всем „уважением к свободе совести“, еретикам повелено клеймить лица *раскаленным железом?* Не вспомните ли такого же постановления вашего святейшего собора в *Оксфорде* в 1166 г.? Не вспомните ли постановлений *латеранского* собора в 1178 г., когда был (в 1181 г.) объявлен „крестовый поход“ против всех врагов церкви и когда за массовое истребление „еретиков“ папская бестия отпускала все грехи на целых два года вперед? Не вспомните ли вы так называемые „Etablissements“ Людовика *Святого* от 1270 г. со статьей, осуждавшей „еретиков“ на *сожжение живыми?* Не вспомните ли законодательства короля Фридриха II (указы 1220—1239 гг.), основанного на постановлениях латеранского собора, законодательства, ставившего еретиков вне закона, всех „соучастников“, „защитников“, „ходатаев“ обрекавшего на вечное изгнание, подвергавшего их имущество конфискации, их дома — варварскому разрушению? Не вспомните ли постановления *нарбоннского* собора в 1229 г. и собора в *Альби,* по которому все мальчики старше 14 лет и девочки старше 12 лет должны *доносить* на всех и каждого? (Вот откуда, святейший отец, ваши клеветнические наветы на Советскую страну и на нашу молодежь!) Не вспомните ли, лицемерный старец, постановлений *нарбоннского* собора от 1244 г., по которому светский судья, медлящий с казнью еретика, сам должен быть подвергнут казни? Не вспомните ли постановлений *констанцского* собора (1418 г.), сжегшего Иоганна Гуса и постановившего „наказывать огнем“, т. е. сжигать на костре всех гуситов („puniantur ad ignem“)?

Католическая церковь прошлась огнем и мечом чуть ли не по всей Европе. Более того, она пустила свои щупальцы

по всему миру, она пронеслась, как прожорливая саранча, как вдохновительница колониальных зверств, как настоящий убийца народов, тем более отвратительный, что кровавые оргии торгового капитала он прикрывал словами „любви и милосердия". Но откуда такая злобствующая воинственность? Это объясняется очень просто. Святейшие отцы боролись огнем и мечом против „ереси" потому, что — как говорит весьма умеренный и весьма благонамеренный исследователь по истории инквизиции, не какой-нибудь большевик, а добродетельный американский книготорговец Г. Ч. Ли — „за весьма малыми исключениями *господствующие классы почти не принимали участия в зарождении ереси*"[1]. Еретиками были общественные низы, крестьяне, ремесленники, подмастерья, беднота. Их лучшие, самые смелые, самые благородные представители, которые иногда додумывались даже почти до коммунистических идей, мужественно шли на костер, и их героическая смерть вечно будет сиять ярким факелом настоящему, действительному человечеству. А папские шакалы, начиная с мелких служителей инквизиции, шпионов, курьеров, доносчиков, „bravi", кончая „великими инквизиторами" и „генералами" иезуитского ордена, епископами и самими папами, в сердцах человечества останутся как гадливое воспоминание о зверствах исторического варварства. Ведь, недаром одну из крупнейших сект „еретиков" звали „катарами" („чистыми"), „добрыми людьми" („boni homines"), а папских ищеек всех рангов—„cazzagazzari", „охотниками за катарами".

„Святейшая инквизиция", чье имя стало ненавистным, ругательным словом, это могучее орудие в руках пап, выработала утонченную систему моральных и физических пыток; „испытание водой", дыба, четвертование, сожжение на костре (ауто-да-фе), опоясывание шеи жертвы мешком с порохом (техническое усовершенствование после изобретения пороха!), т. е. комбинация костра и взрыва; соответствующие железные, стальные и деревянные приспособления,— какой мрачно-кровавой гнусностью веет от всех этих благочестивых деяний смиренных отцов церкви! А теперь папа выступает поборником „свободы совести". Он льет крокодиловы слезы по поводу несуществующих зверств в „России", в то время как каждый камень рим-

[1] *Г. Ч. Ли,* История инквизиции, стр. 39.

ской мостовой, поля и города Франции, Испании, Италии, Германии и ряда других стран промокли от крови, пролитой папами, почернели от чада костров, погрязли в моральном дурмане ядовитых испарений католической церкви! Он, не краснея до корня волос, осмеливается вступаться за „культуру и цивилизацию“, за науку, он, папа, начальник и верховный жрец той организации, которая сожгла на костре Джордано Бруно, замучила Кампанеллу, заперла за решетку великого Галилея и душила все и вся, что только стояло поперек дороги римскому владычеству!

Иезуитский орден, эта отборная когорта „воинствующей церкви“ (ecclesiae militantis), вслед за инквизицией—важнейшее орудие папской политики. Он внедрялся повсюду, от правительства до школы. Он одно время раскинул свою закулисную власть по всем странам мира. Но разве и здесь самое *имя* „иезуит“ не стало позорным словом, бранной кличкой, *презренным* именем? Весьма благосклонно к иезуитизму настроенный его историограф Г. Бемер вскрывает социальную сущность ордена, когда говорит о нем: „Его ряды начинают пополняться почти исключительно из рядов аристократии власти, богатства и образования; естественно, что в этих избранных *(!! Н. Б.)* элементах общества орден и находит главную поддержку... Народ не желает его нигде, хотя повсюду, где орден уже пустил корни, легко позволяет вести себя на помочах“[1]. „Помочи“ эти частенько бывали такими, что на блоках подтягивали сынов народа к потолку, с выворачиванием рук и ног: „избранные элементы общества“, „аристократия власти, богатства и образования“ умеют расправляться с „чернью“! Но если „во-вне“ „общество Иисуса“ шло нога в ногу со „святейшей инквизицией“ в том смысле, что сжиганием на кострах „еретиков“ обнаруживало границы своей веротерпимости, то *внутри* его теоретики, и в первую голову его основатель Игнатий Лойола, чрезвычайно „углубили“ вопрос. Они подняли *самое идеологическую проституцию и беспринципное подхалимство до высот идеологического принципа.* Они построили организацию, члены которой отречение от собственных убеждений считали своей высшей добродетелью и своим высшим, с позволения сказать, нравственным долгом. Правильно сказано, что

---

1 *Г. Бёмер,* Иезуиты, Москва, издание Сабашниковых, 1913 г., стр. 163.

не существует в мире подлости, которая не подыскала бы себе идеологического оправдания. Король иезуитов Лойола развил целую теорию повиновения, „дисциплины трупа"; всякий член ордена должен повиноваться старшему *„как труп, который можно переворачивать во всех направлениях,* как палка, которая повинуется всякому движению, как шар из воска, который можно видоизменять и растягивать во всех направлениях"... Этот труп различается по трем степеням совершенства: подчинение действия, подчинение воли, подчинение ума. Когда достигнута последняя степень и человек свою мысль заменяет голым послушанием, отрекаясь от своих убеждений, тогда перед нами — стопроцентный иезуит. Эта всеобщая „трупизация", как организационный и идеологический принцип ордена, привела к такому положению вещей, что даже сами иезуиты стали поднимать бунт, и в конце XVI в. один из теоретиков этого бунта, Мариана, писал о внутреннем состоянии ордена в своей книге „О недугах общества Иисуса": „Монархия (разумеется монархия в ордене. *Н. Б.)* губит нас не потому, что она монархия, а потому, что она недостаточно ограничена. Она — *бешеный кабан,* который опустошает всѐ, по чему проходит". Тем не менее „бешеный кабан" продолжал свою опустошительную работу, ибо на папском престоле, за немногими исключениями, восседал другой „бешеный кабан", поклыкастее „praepositus generalis" иисусова ордена! Немудрено, что при таких „беспринципных принципах" обман, хитрость, коварство, кинжал, яд, вероломство, утонченная система лжи, называемая казуистикой, садистическая пытка на допросах, лукавство, все средства без всяких исключений процветали пышным цветом в вертограде господнем.

И вот эту духовную проституцию, эту идеологию вероломных кастратов и педерастов, эту *погань,* вы, святейший Пий, называете „культурой и цивилизацией"?

Это большевики, видите ли, развращают молодежь, когда они борются с воззрениями, будто вино превращается в кровь бога, которую нужно похлебывать из золотых чаш, запивая ею божье мясо, таким же манером получаемое из хлеба.

Это большевики борются против науки, когда они вместо таинств превращения хлеба и вина в мясо и кровь настаивают на периодической системе Менделеева или на электронной теории.

И это, вероятно, папы римские и инквизиторы очень заботятся о науке, когда сжигают Бруно.

Это большевики развращают молодежь, когда поднимают ее на бой с средневековым суеверием. И это папы римские и иезуиты „воспитывают“ молодежь путем *всеобщей трупизации* и учения *о непогрешимости* римских далай-лам. Не так ли, блаженный старец? Не так ли, о мумия на троне, труха времени нашего, которая еще заражает мир своим зловонным, ядовитым дыханием?

Большевики наделяют молодежь пороками! И главным „пороком“ является *материализм*, в то время как честность и справедливость не могут процветать без религии. Так гласит папское послание. Мы уже видели, чего стоит „честность“ и „справедливость“ папской курии. Но напрасно Пий упоминает о пороках. Ибо что-что, а уж не было в истории более порочной „истории“, чем „история“ почтеннейших римских пастырей. И здесь не взыщите: вам, господин прокурор, будет *возмещено сторицей!*

Мы начнем в данной области с некоторых обобщающих положений папской *теории*. С этой точки зрения поистине восхитительно учение о „сокровищнице“ „добрых дел“ (thesaurus bonorum operum) Христа и святых его. Христос и святые накопили кучу добрых дел, ключ от которых находится в руках у папы. Папа имеет, таким образом, постоянный текущий счет: он оценивает всю сумму „добрых дел“ в золоте и противопоставляет им грехи пасомых, оцененные тоже в золоте, но со знаком минус. Ежели грешник хочет погасить свои грехи, он уплачивает папе мзду в столько-то золотых, а папа отпускает на эту цену соответствующее количество добрых дел из „сокровищницы“, которые погашают грехи преступника. Эта коммерческая сделка, где добрые дела Христа взвешиваются на весах жадного ростовщика и папа играет роль предприимчивого торговца ими, выразилось в громадном распространении практики так называемых *индульгенций*,—грамот, отпускающих грехи. Приказчики и агенты папы торговали этими грамотами. Центральные и местные конторы, разъездные агенты, гнусная торговля, грабеж, индульгенции второго сорта, фальшивые индульгенции, ажиотаж,—разве это не отвратительная из отвратительных картин? И разве это не дело грязных *папских рук?* Дела Христа продавались. Богачи от грехов откупались.

Епископские места тоже продавались. Более того, продавались „таинства“, самое мистическое, самое „священное“ в христианском культе. Разве вам не известен, о святейший, институт „oblatio“, мзды, без которой верующий не мог одно время получить причастия? Разве вам не известно изречение Петра Кантора, что священники хуже Иуды Искариотского, продавшего тело Христово за тридцать сребреников, ибо они „тридцать раз в день продают его... за один сребреник“? Разве вам не известна симония, разве вы позабыли о непотизме, когда папы назначали епископами своих родственников и блудливых, порочных мальчишек, посмешище улицы, только потому, что эти люди были объектами их нечистых вождедений? Разве вам не известно, что именно *папский Рим* был рассадником проституции и что, например, статистика 1490 г. насчитывала здесь на 100 000 жителей около 7 000 „puellae publicae“ („публичных девиц“)? Разве не в *папском* Авиньоне возникла *куртизанка*, тип придворной изысканной проститутки? Разве не про авиньонский папский двор говорили, что там есть „académies des femmes aimables“ („академии любезных дам“), „дам“, которые известны историкам по именам? Разве вы не знаете наемных кокоток, обслуживавших утонченные потребности Сикста IV, Александра VI, Льва X? Разве не святейший отец Павел II (1464—1471) ввел *вакханалии* в придворный папский обычай? Разве вы ничего не слыхали насчет знаменитого *латеранского карнавала* папы Льва X 11 апреля 1513 г., когда один день обошелся в 100 000 дукатов, когда все сласти, все искусства, все удовольствия, все пороки, вся чувственность, вся роскошь были мобилизованы для *святого* (ха-ха-ха!!!) князя церкви? [1]. Разве опровергнуты огненные строки современника, знаменитого гуманиста, Ульриха фон-Гуттена, его „Вадискус, или римская троица“:

> *„Вадискус* прибавил: Три вещи часто встречаются в Риме: чувственные наслаждения, пышные одеяния и высокомерность.
>
> *Эрнгольд:* Да! Там все это в моде. В Риме, однако, не только предаются чувственным удовольствиям, но и стараются их разнообразить и выдумывают удивительные, даже чудовищные способы наслаждения, так что древние „спинтрии“ сравнительно с ними ничто. По крайней мере простые чувственные наслаждения, согласные с природой, они даже принципиально презирают, называя

---

[1] См. *Sombart*, Luxus und Kapitalismus.

их *мужицки-грубыми*. Поэтому в Риме наслаждения такие, что *мы стыдимся говорить о них*".

„...*Вадискус* говорит: Поэтому и имеются в большом избытке в Риме три вещи: древности, яд и развалины. К этому я (т. е. *Гуттен. Н. Б.*) прибавил: три вещи изгнаны оттуда: простота, умеренность и непорочность. Дальше следуют триады: тремя вещами торгуют в Риме: Христом, священническими местами и женщинами... три вещи ценятся особенно дорого в Риме: женская красота, превосходные лошади и папские грамоты" [1].

И еще:

Гуттен: Тремя вещами занимаются праздные люди в Риме: прогулками, блудом и пирами.

Эрнгольд: Да, там ничего другого не делают, ибо те, которые не являются праздными, обдумывая, пиша, льстя, добиваясь, умоляя — обманывают, лгут, ложно клянутся, изменяют, грабят, воруют, прелюбодействуют, обольщают" [2].

И еще специально о *самих папах:*

„Если они (папы. *Н. Б.*) умерщвляют душу, то почему подобает им называться наместниками Христа? В чем сходство их учреждений? Он некогда сказал, обращаясь к Петру: „паси овец моих", а что делают папы? Не доводят ли они до голода христиан, *истощенных папским грабительством. постоянно сдирают кожу и при стрижке обрезают до мяса свою паству*" [3].

Наконец, *общая характеристика папской церкви:*

„...Без сомнения, эта церковь состоит из воров, святотатцев, обманщиков, нотариусов, епископов, повинных в симонии, и льстецов римского первосвященника, и притом исключительно из них... Затем они (папы. *Н. Б.*) не отказываются, подобно Петру, от светской власти, но ведут из-за царств и власти морские и сухопутные войны, возбуждая подданных против правителей, и проливают кровь и отравляют ядом" [4].

Таково *настоящее*, действительное лицо папского престола. Но эта картина далеко не исчерпывает всей морально-политической физиономии папства.

Папы были, прежде всего, жадными и кровавыми завоевателями, которые не гнушались никакими средствами в удушении своих врагов и полудрузей. *История папства есть исто-*

---

[1] *Ульрих фон-Гуттен*, Вадискус, или римская троица, стр. 106.

[2] Там же, стр. 108.

[3] Там же, стр. 112.

[4] *Ульрих фон-Гуттен*, Вадискус, или римская троица.

рия бесконечных войн, заговора, дипломатических обманов, вероломных предательств, тайных убийств, бесчисленных грабительских экспедиций. Этот феодальный барон, князь, император стремился постоянно округлить свои земли, и „священные лозунги“ борьбы за веру христову, борьбы с ересями, борьбы за слово истины и т. д. и т. п. были только гнусным *прикрытием* очень прозаических целей. Возрастающая притязательность пап, процесс роста их загребущих лап, сопровождался одновременным созданием все новых и новых теорий, „по-христиански“ утверждавших все новые и новые степени могущества римского первосвященника. Борьба с ересью сопровождалась конфискациями... в пользу *папы*. Борьба с „врагами церкви“ вообще округляла владения *папы*. Борьба с князьями, фордыбачившими против особливой жадности святейшего престола, в случае победы расширяла поземельные владения *папы*. Борьба за „святую землю“, борьба за колонии (под лозунгом борьбы за веру христову) расширяла налоговое поле *папы*. И все это фиксировалось в учении об особом, привилегированном положении римского первосвященника. Грабеж, война, разбой мазались жирным миром господней благодати, что можно было сделать особенно легко, потому что ключи от ящичка с этой благодатью находились как раз у самого святейшего отца.

Уже Григорий VII (1073—1085) выставил тезис, по коему папа есть властелин всего мира, причем практически провел этот тезис, заставив Генриха IV, с предварительным отлучением от церкви, съездить на покаяние в Каноссу. Иннокентий III (1198—1216) конкретизировал тезис Григория VII, выразив идею папского властолюбия в формуле, по которой светские государи суть папские ленники, а сам папа, правда, пониже господа нашего Иисуса Христа, но безусловно выше рода человеческого. Бонифаций VIII заявил, что папа должен держать не только духовный, но и *светский* меч в своих руках, т. е. поднял на „принципиальную“ высоту вопрос *о войне* как методе христианского воздействия. Если папа Иннокентий III утверждал, что выбор императора должен зависеть „principialiter et finaliter“ („принципиально и окончательно“) от римской курии, то на тридентском соборе (1563 г.) папа был поставлен *выше вселенских соборов*, а 18 июля 1870 г., накануне Парижской коммуны, в преддверии XX в., во время победного шествия естественных наук, был воздвигнут догмат о *непогрешимости*

папы!! Правда, этот „догмат“ был принят тогда, когда цепкие руки папы уже были на три четверти обрублены, но характерны *жадные вожделения* этих стариков! Нужно помнить: они, эти миропомазанники божии, тотчас превращаются в *зверей*, как только историческая ситуация позволяет им выпустить свои когти... Архиепископ Петр Блуасский (XIII в.) описывал епископских судей, как „ехидн, превосходящих по своей злобе змий и василисков“; Гильдебер Манский (см. Ли, 1. с.) заявлял о папских святителях: „Они понимали, как камень; судили, как бревно; воспламенялись, как огонь; они, хитры, как лисица; горды, как вол; прожорливы, как минотавр“. Жадные, исключительно властолюбивые и тщеславные, папы вели беспрестанные войны не только против „внешних“ врагов и даже не только против „еретиков“, но и против собственных вассалов-епископов. Более того, бывали в истории периоды, когда сразу было налицо несколько пап, которые с крайним ожесточением сражались друг против друга огнем и мечом. Так, например, в конце XIV в. в Риме был избран один святой отец (Урбан VI), в Авиньоне другой (Климент VI); и затем институт единого наместника Петра продолжал существовать в расколотом состоянии. В 1409 г. пизанский собор низложил обоих пап (Григория XII и Бенедикта XIII и выбрал третьего (Александра V), коего преемником стал Иоанн XXIII. Констанцский собор низложил всех *трех пап* и выбрал Мартина V. Безобразная грызня, чудовищные закулисные сделки доводили до того, что одно время папой стала ловкая женщина. Это был славный прообраз более скромного приключения из „Истории одного города“ Щедрина, событие, вполне достойное святейшего престола.

Среди пап были не только просто преступники: были настоящие мастера грязно-кровавых дел, виртуозы убийства из-за угла, виртуозы вероломства и преступления. Сикст IV (1471—1484) обманывал своих союзников, принимал участие в тайных убийствах, втравливал в войны, отлучал от церкви и казнил врагов, преследуя их с какой-то неистовой злобой. При его преемнике Александре IV и позднее на всех наводил ужас сын Александра, Цезарь Борджиа. Он был, пишет историк папства Ранке, „...сладострастен и весь обрызган кровью. Рим трепетал перед одним его именем. Цезарь Борджиа постоянно нуждался в деньгах и имел много врагов. Почти всякую ночь

находили в Риме убитых. Каждый боялся шевельнуться; не было человека, который бы не трепетал, опасаясь, что и до него дойдет очередь. Кого нельзя было взять силой, того отравляли ядом"[1]. „При всяком значительном смертоубийстве подозревали тотчас, что в отравлениях участвует папа"[2]. Цезарь Борджиа убил своего брата и утопил труп его в Тибре, умертвил своего зятя, убил любимца своего отца, спрятавшегося в его мантию, зарезав его на глазах Александра. Не было преступления, где Цезарь Борджиа не поставил бы рекордных цифр.

И вот этакий монстр, чудовище, вполне достойное того, чтобы его посадили в железную клеть и развозили, как свирепого и лютого зверя, по весям и градам, числится в рядах славных предшественников Пия XI!

Развратные и чувственные прожигатели жизни, садистские убийцы вроде Цезаря Борджиа, коварные властолюбцы вроде Сикста IV, утонченные бонвиваны, для которых душительство и грабеж были лишь пьедесталом для неслыханной роскоши в ее самых прихотливых причудах, вроде Льва X,—вот кто определял *моральную (моральиую!)* физиономию папства. А теперь благочестивый Пий *сам* поучает нас морали, выступает защитником нравственности, якобы попираемой большевиками...

Да! „Нравственность" пап мы попираем! Наша молодежь, и в первую очередь ее пролетарские отряды, сделают все возможное, чтобы *никогда* и *нигде* земля не производила таких ядовито-чудовищных извергов, как Сиксты, Львы, Цезари и Александры. „Нравственность" грубых душителей, „нравственность" инквизиторов, „нравственность" садистов, „нравственность" иезуитов, „нравственность" эротоманов, создававших обожествление „Девы Марии", „нравственность" палачей, душителей науки, „нравственность" грязных казуистов, жадных ростовщиков — о, да будет она трижды проклята, эта „нравственность"!

Это есть „нравственность" осатанелых рабовладельцев, „остервенелых лавочников", которые не гнушаются ничем, защищая „свое" (награбленное) добро, защищая весь старый мир, изо всех пор которого „сочатся кровь и грязь", нападая на все

---

[1] См. *Л. Ранке*, Римские папы, т. I, стр. 41.

[2] Ibidem, подстрочное примечание.

новое, грабя угнетенных, преследуя и бесчеловечно расправляясь с живыми силами человечества.

Большую игру вели господа папы, *всесветную игру!* Их агенты, их отцы-иезуиты, их миссионеры, их послы шныряли повсюду: они сопровождали грабительские экспедиции испанских и португальских разбойников в Америку и в Индию; они забирались в Африку, в Китай, подготовляя колониальное порабощение; они использовали все методы: они принимали прямое участие в резне; они жгли и вырезали целые поселения „язычников"; они притворялись сами полу-„язычниками" (например, браминами в Индии), чтобы вползти в доверие инако верующих людей (спор о так называемых „китайских и „малабарских" обычаях), они лгали и притворялись, они подымали „крестовые походы" и торговые разбойничьи экспедиции, привезя с собой ненависть туземцев и сифилис, от которого в первую очередь сгнило несколько поколений самих пап.

В старинных записках агента немецкой мировой фирмы Вельзеров (Аугсбург) Балтазара Шпренгера, принимавшего участие в португальской экспедиции Альмейды (1505 г.), мы имеем красочное описание функциональной роли папского христианства:

„13 августа прибыли мы в гавань Момбасу.... и народ тамошний был нам враждебен... Но с *помощью Христа* нашего, спасителя... мы изгнали их из форта и гнали до самого города... *Божьим* попущением *немало полегло язычников,* а с нашей стороны убито лишь двое... Стали мы наводить свои порядки и *приготовились грабить* (als wir nur unser ordenung in der stat geschickt und uns zu plendern gerust hatten)... расставили сперва стражу и дозорных, а затем уже *стали грабить* и нашли столь великое богатство, что всего невозможно перечесть. *Богу вечная слава, честь и поклонение!..* А всего кораблей при взятии города было 10; а одиннадцатый пришел позже и в плачевном состоянии. Назывался этот корабль „Рафаил". Вообще же немецкие купцы имели три корабля: „*св. Иероним*", „*св. Рафаил*" *и* „*св. Леонгард*" — и все они участвовали во всех экспедициях и боях" (курсив наш. *Н. Б.*).

Или вот выдержка из записи Ганса Майра, написанной на португальском языке, о сражении с маврами:

„Двери были заперты; их взломали, но весь дворец оказался пуст... Весь город также был занят без всякого сопротивления... *Францисканцы воздвигли крест,* а адмирал занял дом подле этого

креста. Весь же экипаж принялся *за разграбление* (se meteo a roubar) товаров и припасов богатого этого города".

Моря крови, которую пролили „кротчайшие" отцы Рима, огромны. Папа хочет теперь вставить еще один злодейский многоцветный камень в свою тиару, раз он трубит в рог, призывая к новой круазаде. Но напрасно он вопиет о морали. Мораль пап чудовищна. Напрасно он вопиет о науке. Ибо папы суть душители науки. Напрасно он вопиет о „народах". Ибо папы суть палачи народов. На пороге XX в. один из *ближайших* предшественников теперешнего папы, Пий IX, в своей нашумевшей энциклике от декабря 1864 г. решительно выступил против „заблуждений века сего": он метал громы и молнии против *возвышения разума над откровением,* он проклинал мнение, по которому *высший закон — воля народа*; он утверждал, что люди, обретающиеся вне стада, пасомого папой, *не могут и надеяться на „спасение"*. Он громил всякую демократию, он проявил себя таким мракобесом, таким обскурантом, таким черносотенцем, таким ретроградом, таким палачом мысли, разума, науки, что даже Тьер в „Речах о римском вопросе" („Discours sur la question Romaine") объявил о своем „сожалении" по поводу этой энциклики. И вот теперь другой Пий осмеливается выступать в защиту науки! Мало вам вереницы трупов, которые у вас, господа папы, на совести? Мало вам ваших „непогрешимых" деклараций, энциклик, булл, где вы выступаете против „гордыни разума", за „откровение", т. е. за древние сказки и мифы старины, исправленные и дополненные фальсификаторами из папской клиентелы? *Мы* будем против *вас* за науку: *за таблицу умножения против учения о троичности, за химию против учения о таинстве причастия, за биологию против мифов о непорочном зачатии, за дарвинизм против пустяков о Еве, созданной из ребра Адама, за признание вашей порочности против учения о вашей непогрешимости, за правду против папского обмана, за рабочий класс всего мира, против капиталистического рабства, против защитника этого рабства — папы.*

Ваши угрозы есть пустое науськивание. Всемирно-историческая линия развития лежит *на нашей стороне.*

Чрезвычайно характерным является тот факт, что Пий XI одно время умерял свои антибольшевистские страсти. Секрет

этого не так давно был выдан „цивилизованным" контрразведчиком германского генерального штаба, крупным журналистом и постоянным сотрудником „Berliner Tageblatt" г-ном Паулем Шефером.

„Форма православной церкви, — пишет он, — была разбита революцией 1917 г. Не пришел ли момент снова связать, после тысячелетнего разъединения, обе великие христианские общины, так как одна из них, повидимому, осталась без руководства?.. Надежда, что путь к советскому государству будет свободным, должна быть рассматриваема, как основной мотив терпимого и терпеливого отношения Пия XI к большевистскому режиму. Теперь эта надежда, очевидно, погребена, доколе существует советское государство" [1].

Отсюда папское наступление.

Но не в этом только дело.

Папская власть в своем развитии пережила много фаз. Она, будучи феодальной организацией, срасталась с торговым капиталом и была в тесной дружбе с крупнейшими торговыми фирмами мира, вроде знаменитого дома Фуггеров. Она принимала прямое и косвенное участие в торгово-пиратских колониальных экспедициях, и католическая ряса, вместе с католическим крестом, сопровождала отъявленных рубак и отчаянных головорезов торгового капитала в их заморских похождениях и кровавых авантюрах. Она выступала против Французской революции и ее откликов, но Наполеон Бонапарт, мало заботившийся о боге, расправился с папой Пием VII, брал его в плен, арестовывал, заставлял подписывать конкордаты, по которым все ставилось на-голову, и правительство, поплевывая на пап, само назначало епископов. Колебания исторического процесса не раз отзывались на судьбах пап. Иногда им приходилось очень туго, и, например, в 1848 г. папа Пий IX позорно удирал из своих божественных владений. Но после полосы революций он возвратился к своим пенатам, и папский престол стал вновь поддержкой всеевропейской реакции. С ростом рабочего движения папа открыто поднял знамя борьбы с социализмом и коммунизмом, борьбы с революционным рабочим движением, заслуживая все более полное признание со стороны буржуазии. Еще в 1846 г. (энциклика Qui pluribus) Пий IX обрушивался на коммунистов наряду с атакой против других „тайных обществ". В энциклике 1864 г.

---

1 „Berliner Tageblatt" № 76.

(„Quanta cura") папа вновь объявляет войну против коммунизма, а в так называемом „силлабусе" проклинает его, как *чуму*. Лев XIII в энциклике от 28 декабря 1878 г., специально посвященной „современным заблуждениям", резко выступает против „социализма, коммунизма и нигилизма", заступаясь всеми средствами за священную собственность капиталистов и помещиков. Папство становится, таким образом, одной из основных сил, которые буржуазия выставляет против пролетариата. За последнее время организация католической церкви срослась с организациями финансового капитала. Уже давно папы имели в своих руках банковые конторы, угодья, промышленные предприятия. Теперь даже в протестантской Германии тяжелая индустрия и банки имеют с Ватиканом интимнейшую связь. В самой Италии папство состоит крупнейшим акционером банков и тайком содержит ряд учреждений, вплоть до кинематографов. Ватикан знает, что делает. Когда-то он всемерно противодействовал национальному объединению Италии и находился в прямой войне с национально-революционными отрядами Гарибальди. Теперь он заключает блок с Муссолини, который во славу национальной контрреволюции готов низвести рабочий класс до роли рабочего скота в не особенно благоустроенном хлеву. Союз фашистской клики, этой реакционной агрессивной, насквозь антирабочей, воинствующей контрреволюции, с ватиканским престолом служит блестящим, сверкающим символом того, что верховный жрец и архистратиг католической церкви стал теперь застрельщиком-поджигателем *мировой контрреволюции*.

Знамя папы есть знамя капиталистической контрреволюции, знамя угнетения рабочих и бедняков всех стран, знамя войны против рабочих и крестьян СССР, знамя новых кровопролитных схваток во имя капитала.

Народы Союза возделывают по-новому шестую часть земли. Они подняли смелой рукой знамя великих работ, великой реконструкции нашей страны. Они твердо решили во главе с пролетариатом и под руководством его партии наново построить технику и экономику, быт и науку, создать новую и светлую жизнь. Они сбросили помещиков и капиталистов. Они сбросили белых и интервентов. Они раздавили мор и голод. Они идут в поход против старых форм хозяйства. Они растят новую, социалистическую, промышленность и в корне переделывают строй деревни. Они сбрасывают с своих плеч вековечные предрассудки

и из душных келий суеверия, колдовства, знахарства, выходят на широкую дорогу построения нового, социалистического, общества, где не будет ни капиталистов, ни эксплоатации, ни пап, ни попов. *Именно поэтому*, готовится попами новая круазада. *Именно поэтому* шевелится весь лагерь поработителей и господствующих жуликов, спекулянтов и торговцев кровью человеческой.

Но именно поэтому против армий капитала и его папских иезуитов станет великая армия рабочих всех стран, интернациональная армия защитников пролетарской диктатуры.

Но именно поэтому реакционному призыву папы и его архиепископов к крестовому походу против СССР будет противопоставлен революционный призыв рабочих всех стран: Долой капитализм! Долой папу и всех его архиепископов!

СОДЕРЖАНИЕ

